

2021. Vol. 14. Is. 2

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

Oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ориенталистика
Калмыцкий научный центр
Российской Академии наук

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2021. Т. 14. № 2

Ориентал
студии

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкоznанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкоznание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия); Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (адрес: д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2021
© Коллектив авторов, 2021

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record ПИ No. ФС77-76487

Published six times a year

Co-Founding Institutions: Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

(8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation),

Federal State Budgetary Institution of Science Ufa Federal Research Centre of the RAS

(71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2021

© Authors, 2021

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Кужанова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барея-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS)
(Германия, г. Берлин);
чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкоznания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
акад. РАН *Г. Г. Матишиов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования
(Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *В. В. Трапаев*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагарунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татников*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);

Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);

Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);

Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);

Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);

Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;

Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);

Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);

Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);

Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);

Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sittikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);

Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);

Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);

Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);

Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);

Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);

Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);

Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);

Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);

Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryaeva*

Translator: *Sanal V. Dzhagrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatnинов*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Дудин П. Н., Хусаинов З. Ф.</i> Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Часть 2	226
Отечественная история	<i>Сальманов А. С.</i> Попытки Кучумовичей и башкир воссоздать Сибирское ханство	238
	<i>Сулейманова Р. Н.</i> Внутрисемейные взаимоотношения у башкир во второй половине XIX – начале XX вв.	248
	<i>Ахмадуллин М. Л., Пурик Э. Э., Шакирова М. Г., Шакиров В. Р.</i> Влияние конструктивизма на дизайн башкирских национальных печатных изданий 20-х – начала 30-х гг. XX в.	259
	<i>Тиникова Е. Е.</i> Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации	275
Археология	<i>Дорджиева Ц. В., Бембеева Л. А.</i> Кости животных из позднесарматских погребений курганной группы «Кермен Толга»	291
	<i>Русланов Е. В., Овсянников В. В.</i> Мончазинское городище — многослойный памятник в Южном Предуралье	301
Этнография и антропология	<i>Шараева Т. И.</i> Особенности иконографии в калмыцкой вышивке: традиционные и современные практики	314
	<i>Лиджисеева А. М.</i> ‘Aye you Koreans?’ — ‘No, we are Kalmyks!’: развитие танцев «K-Pop cover dance» среди молодежи Калмыкии	337
Источниковедение	<i>Музраева Д. Н.</i> О двух ойратских списках «Наказа Манджуши» из коллекции Н. Д. Кичикова (по материалам Кетченеровского краеведческого музея)	347
Языкоизнание	<i>Ооржак Б. Ч.</i> Способы репрезентации семантики запрета в тувинском языке	364
	<i>Сулейманова Р. А.</i> Башкирские фамильные антропонимы от названий социальных титулов, званий и чинов: историко-этимологический анализ	375
Литературоведение	<i>Хандарова О. В.</i> Персонажная система и мотивная структура повести Г. Башкуева «Убить время»	384
	<i>Ханинова Р. М.</i> Зоопоэтика текста в калмыцкой басне XX в.	393
	<i>Хакимьянова А. М.</i> Современное состояние песенного фольклора башкир (по экспедиционным материалам XXI в.)	409

CONTENTS

General History	Dudin P. N., Khusainov Z. F. Precontractual Essentials for the ‘Export of Revolution’ in East Asia and Regional Political Order in the Zone of Soviet Influence: Positive Experience and Socialist Ideology in Mongolia. The Year 1921. Part 2	226
National History	Salmanov A. S. Kuchum’s Descendants and the Bashkirs: Attempts of Reconstructing the Siberian Khanate	238
	Suleimanova R. N. Bashkir Intra-Family Relations: Mid-19 th – Early 20 th Centuries	248
	Akhmadullin M. L., Purik E. E., Shakirova M. G., Shakirov V. R. Designs of Bashkir National Newspapers, Books, Posters and Other Printed Matter, 1920s – Early 1930s: The Impact of Constructivism Revisited	259
	Tinikova E. E. Urbanization in the Sayan-Altai Republics: A Perspective from Modernization Theory	275
Archaeology	Dordzhieva Ts. V., Bembeeva L. A. Animal Bones from Late Sarmatian Burials of the Kermen Tolga Mound Group	291
	Ovsyannikov V. V., Ruslanov E. V. The Hillfort of Monchazy — a Multi-Layered Monument in the Southern Cis-Urals	290
Ethnology & Anthropology	Sharaeva T. I. Iconographic Features of Kalmyk Embroidery: Traditional and Contemporary Practices	301
	Lidzhieva A. M. ‘Are You Koreans?’ — ‘No, We Are Kalmyks!’: The Development of K-Pop Cover Dance among Kalmykia’s Youth Revisited	314
Sources Studies	Muzraeva D. N. <i>Precepts of the Omniscient [Manjushri]</i> : Two Oirat Manuscript Copies from the Collection of N. D. Kichikov Revisited (A Case Study of Materials from Ketchenery Museum of Local History and Lore)	337
Linguistics	Oorzhak B. Ch. Semantics of Prohibition in the Tuvan Language: Representation Means Revisited	364
	Suleimanova R. A. Bashkir Family Names Derived from Social Titles and Ranks: Historical and Etymological Analysis	375
Literary Studies	Khandarova O. V. <i>To Kill Time</i> by G. Bashkuev: Character System and Motif Structure of the Novel Revisited	384
	Khaninova R. M. Kalmyk Literary Fable, 20 th Century: Zoopoetics of Text	393
	Khakimyanova A. M. The Current State of Bashkir Song Folklore: A Case Study of 21 st -Century Expeditional Materials	409

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 2, pp. 226–237, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)
DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-226-237

Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Часть 2*

Павел Николаевич Дудин¹, Зуфар Фаатович Хусаинов²

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (д. 40В, строение 1, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российской Федерации)
кандидат политических наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

² Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, Учебное здание № 01 (Главный корпус университета), ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российской Федерации)
доктор юридических наук, профессор
 0000-0003-0388-588X. E-mail: zufar.hysainov@ksu.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дудин П. Н., Хусаинов З. Ф., 2021

Аннотация. Введение. Статья посвящена важному и содержательному периоду в истории не только двусторонних отношений между нашей страной и молодым Монгольским государством, но и становления нового регионального порядка в Восточной Азии. После крушения монархии в Китае и России во фронтовой зоне их соприкосновения образовался политический вакuum, который требовал пристального внимания и участия, чем и воспользовались Советы. Однако Соглашение об установлении дружественных отношений, заключенное в ноябре 1921 г., не следует рассматривать как некую точку отсчета, поскольку оно скорее претворяло уже имевшиеся договоренности, о которых и ведут речь авторы статьи. Исходя из этого *целью настоящей статьи* является на основе междисциплинарного подхода выявить роль и значение тех документов (обращений, нот, писем и др.), которые до заключения Соглашения между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений от 5 ноября 1921 г. определяли и формализовали

* Первая часть статьи опубликована: Дудин П. Н., Хусаинов З. Ф. Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Часть 1 // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 8–23. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-8-23

внешнюю политику Советской России в регионе и обеспечивали ее присутствие на территории Внешней Монголии. *Материалы и методы*. В своей работе авторы опираются на материалы, хоть и известные широкой научной общественности посредством их публикации в различного рода сборниках советской эпохи, однако не рассматриваемые большинством исследователей в качестве важного инструмента обеспечения советских интересов на Дальнем Востоке. Таким образом, научная новизна выражается в представлении результатов изучения обращений, нот и писем сквозь призму знаний других гуманитарных наук — юриспруденции и политологии. В свою очередь данная позиция предопределила междисциплинарный характер настоящей статьи с опорой на исторические, юридические и политологические методы, а также с использованием дефиниций и категорий, применяемых в области международного права и международных отношений. С целью обеспечения более комфортного восприятия материала специалистами разных направлений он был разделен на две части. В первой части авторы сконцентрировали внимание на инструментарии исследования и его идеологической составляющей, а во второй части, которую и представляет настоящая статья, — на конкретных инструментах обеспечения «экспорта революции». *Выводы*. Поскольку исследовательское внимание уделено письмам и обращениям советской и монгольской стороны, а также другим документам, именуемым преддоговорными и раскрывающим истинный смысл и идеологическую подоплеку обновленных взаимоотношений, авторы заявляют о выделении нескольких ключевых направлений для сотрудничества, наиболее важным из которых в предыдущей части работы было обозначено двухстороннее взаимодействие. В настоящей статье будет дана характеристика других направлений, которые можно обозначить и как набор действенных инструментов по закреплению идеологической основы «экспорта революции». Среди них: «мягкая сила» в виде образовательных проектов; обеспечение безопасности советской территории и советских границ, предполагающее оказание помощи монгольским товарищам в борьбе с белогвардейцами, сохранение частей Красной Армии на монгольской территории до окончательной ликвидации белогвардейской угрозы с привлечением к этому процессу военных соединений Дальневосточной республики; экономическое сотрудничество, выражавшееся в финансовой и экономической помощи при строительстве заводов и комбинатов, разработке месторождений полезных ископаемых и создании социальной инфраструктуры и т. п.; совместные действия на международной арене, апогеем которых стало международное признание Монгольской народной республики как со стороны Китая (1946 г.), так и остального мирового сообщества (1961 г.). В ходе проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что все эти направления были реализованы в течение последующих двух десятков лет и сыграли определяющую роль не только в формировании нового политического порядка в регионе, но и при выстраивании системы безопасности восточных рубежей нашей страны в предвоенный и военный период (1936–1945 гг.), что не позволило Японии развязать войну на Дальнем Востоке с участием СССР вплоть до 1945 г. и обеспечило безопасность Монгольской народной республики.

Ключевые слова: внешняя политика, стратегическое присутствие, Монголия, международный договор, соглашение, признание правительства, обращение, региональный политический порядок, Восточная Азия, социалистическая идеология

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502 «Институты российского / советского стратегического присутствия в Восточной Азии в XX в.».

Для цитирования: Дудин П. Н., Хусаинов З. Ф. Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Часть 2 // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 226–237. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-226-237

Precontractual Essentials for the ‘Export of Revolution’ in East Asia and Regional Political Order in the Zone of Soviet Influence: Positive Experience and Socialist Ideology in Mongolia. The Year 1921. Part 2

Pavel N. Dudin¹, Zufar F. Khusainov²

¹ East Siberia State University of Technology and Management (40B/1, Klyuchevskaya St., 1670013 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (Political Science), Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries
 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

² Kazan Federal University (18, Bldg. 01, Kremlyovskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)
Dr. Sc. (Law), Professor
 0000-0003-0388-588X. E-mail: zufar.hysainov@ksu.ru

© KalmSC RAS, 2021
© Dudin P. N., Khusainov Z. F., 2021

Abstract. *Introduction.* The article deals with an important and eventful period of Russia-Mongolia relations, special attention be paid to the shaping of a new regional order in East Asia. The collapse of China's monarchy resulted in a political vacuum in Russia's border territories which required utmost consideration and involvement, and the Soviets did seize the opportunity. However, the Agreement on Friendly Relations concluded in November of 1921 can hardly be viewed as a starting point, the former having been rather supposed to actualize previous mutual commitments discussed in the paper. *Goals.* So, the work attempts an interdisciplinary insight into the mentioned documents (addresses, diplomatic notes, letters, etc.) to have preceded the Agreement and formalized Soviet Russia's foreign policy in the region and its presence in the territory of Outer Mongolia — to determine the role and impact of those preliminary papers. *Materials and Methods.* The study focuses on widely known materials contained in diverse published collections of documents from the Soviet era that were never viewed by most researchers as important tools to have guaranteed the national interests in the Far East. So, the innovative aspect of research is that the addresses, notes and letters are examined through the prism of other humanitarian disciplines, such as jurisprudence and political science — to result in the employment of an interdisciplinary approach with a range of historical, juridical and politological research methods, definitions and categories inherent to international law and international relations. Part One of the article focuses on research tools and ideological essentials, while Part Two examines the actual techniques to have secured the 'export of revolution'. *Conclusions.* The insight into the precontractual documents has delineated a number of key lines for cooperation, the latter dominated by bilateral collaboration (and described in Part One). This paper shall characterize the rest that can be together identified as a set of efficient means to have consolidated ideological foundations of the 'export of revolution' that include as follows: 'soft power' of educational projects; security arrangements for Soviet territories and borders, including assistance to Mongolian comrades in their fight against the White Guard, allocation of the Red Army units within Mongolian territories until the complete eradication of the White threat, with the participation of military units from the Far Eastern Republic; economic cooperation through mutual financial and economic support of industrial construction projects, resource development and social infrastructure initiatives, etc.; joint actions on the international stage pinnacled with the recognition of the Mongolian People's Republic by China (1946) and the rest of the world community (1961). The study concludes these lines of cooperation were successfully implemented within the two following decades and proved crucial not only in the shaping of a new political order in the region but also facilitated the development of the eastern border security system in the pre-war period and WWII proper (1936–1945), which restrained Japan from initiating military actions against the USSR up until 1945 and guaranteed the security of Mongolia.

Keywords: foreign policy, strategic presence, Mongolia, international treaty, agreement, government recognition, appeal, regional political order, East Asia, Socialist ideology

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-09-00502 'Institutions of Russian / Soviet Strategic Presence in East Asia: 20th Century'.

For citation: Dudin P. N., Khusainov Z. F. Precontractual Essentials for the 'Export of Revolution' in East Asia and Regional Political Order in the Zone of Soviet Influence: Positive Experience and Socialist Ideology in Mongolia. The Year 1921. Part 2. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14(1): 226–237. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-226-237

Введение

2021 г. для специалистов в области международных отношений в Восточной Азии и экспертов в сфере национальной безопасности в этой части Азиатского континента предполагает знаковое юбилейное событие: 100 лет установления дипломатических отношений между нашей страной и Монголией. Однако, несмотря на то, что Соглашения об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией от 5 ноября 1921 г. считается крупнейшей победой советской дипломатии на Востоке на раннем этапе формирования советской государственности, сам 1921 г. наполнен не менее яркими событиями и актами, нотами и обращениями, заслуживающими особого научного внимания, чему и посвящена настоящая статья.

Актуальность заявленного исследования обусловлена рядом факторов на высшем уровне государственной власти нашей страны, о которых мы вели речь в первой части нашей работы [[Дудин 2021](#)]. В связи с этим интересен опыт их выстраивания, когда оба государства, устоявшиеся во взаимных отношениях с момента провозглашения независимости Монголии в 1911 г., перешли на новый этап своего государственного развития: наша страна встала на рельсы социалистических идей, а Монголия, во второй раз избавившись от попыток подчинения со стороны Китая, только выбирала путь своего развития.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования описана в первой части нашей работы и обусловлена ее междисциплинарным характером при доминирующем присутствии исторического научного знания, подразделена на общенаучные, исторические, политологические и юридические методы, подходы и принципы. Среди исторических методов, принципов и подходов мы опирались на проблемно-хронологический подход, описательно-повествовательный метод, нарративный подход, принцип историзма, историко-системный, ретроспективный, а также использовали внешнюю и внутреннюю

критику источников как методологический прием и их текстологический анализ. Среди политологических и правовых методов, подходов и категорий применялись кроссисторические сравнения, поведенческий подход, сбор данных, тематический мониторинг источников и дискурс-анализ, а также категория международных лиц в качестве субъектов международного права и участников международных отношений, понятие государства и отдельные позиции относительно теории международного признания.

Основу источников базы и исследовательского материала составили письма, обращения и ноты, направляемые друг другу советской и монгольской стороной, содержащиеся в соответствующих сборниках советской эпохи, междисциплинарный подход в работе с которыми позволил рассмотреть их в ракурсе категории регионального политического порядка и советского стратегического присутствия.

Региональный политический порядок в пространстве специальных российских / советских интересов в Восточной Азии (в преддверии заключения Соглашения между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений)

Современное монголоведение — в трудах российских и монгольских ученых

В предыдущей части мы указывали на наиболее авторитетных ученых, которые в своих трудах исследуют двусторонние российско-монгольские отношения. К их числу следует, в первую очередь, отнести Б. В. Базарова, Е. А. Белова, В. В. Грайворонского, Ю. В. Кузьмина, С. Г. Лузянина, а также тех отечественных исследователей, которые акцентируют внимание на предметных областях нашего сотрудничества: А. В. Михалева и его работы как относительно историографии Монгольской революции 1921 г. [[Михалев 2005](#)], так и в ракурсе российской и советской дальневосточной политики [[Михалев 2017](#)] и институтов политического присутствия [[Михалев 2019](#)]; Л. В. Кураса [[Курас 2015](#)] и С. Л. Кузьмина [[Кузьмин 2015a](#)] и их трудов в области проблем пан-монголизма и монгольской государственности и др. Среди монгольских

ученых значительный интерес представляют труды ученого и дипломата Ж. Баясаха относительно стратегического партнерства между нашими странами [Баясах 2017], а также других исследователей, к работам которых мы апеллировали и апеллируем в нашем исследовании.

«Дальневосточный вектор» внешней политики Советской России и его монгольское преломление: идеологические контуры

В предыдущей статье мы отмечали, что с крушением Российской империи Советы не спешили признавать себя преемниками предыдущей власти. Более того, они заняли решительную позицию отмежевания как от прежних подходов в реализации внешней политики на Дальнем Востоке, так и от договоров и обязательств, ей порожденных. Однако, несмотря на столь широкий жест, целью которого была публичная демонстрация добрососедских намерений, политические реалии требовали бдительной внешней политики и обеспечения безопасности восточных рубежей государственной границы, тем более что за ней сумел создать себе плацдарм главнейший враг молодого социалистического государства — барон Роман Федорович Унгерн. В результате революционная эйфория не помешала добиться желаемого порядка в регионе, и сделать это стало возможно без официальных церемоний, переговоров и подписания витиеватых документов. Взаимодействие на описываемом же этапе предполагалось по нескольким направлениям. Первое (I) среди них — это двухстороннее взаимодействие, включающее в себя «экспорт идеологии» и соответствующие инструменты его обеспечения, а именно 1) отмежевание от прежнего режима: «прежнее царское правительство», «царский режим» и т. д.; 2) поддержка антиколониальных (в первую очередь антикитайских) настроений; 3) равноправие во внешнеполитических вопросах; и 4) совместная борьба в отношении общих врагов.

Инструментарий стратегического присутствия Советской России в регионе: практическое воплощение

В качестве второго (II) направления следует определить планомерную, поступательную и эффективную политику по привлечению на свою сторону жителей

подконтрольных буферных государств посредством образования и просвещения, или то, что сейчас называется «мягкой силой», где можно обозначить два вектора: а) работа посредством «экспорта знаний» через преподавательские кадры; и б) работа посредством «импорта молодых умов» через обучение в советских учебных заведениях монгольской молодежи. Рассмотрим эти аспекты более детально.

По условиям Советско-китайского соглашения 1924 г. и декларации к нему оговаривалось: «Русская доля боксерского возмещения, от которой Правительство Союза Советских Социалистических Республик... будет, после удовлетворения всех прежних обязательств, направлена исключительно и полностью на создание фонда улучшения просвещения китайского народа» [Сборник действующих договоров 1935: 54], — и далее шло разъяснение о порядке его образования, управления и т. д.

В Монголии 8 марта 1922 г. Народным правительством было принято решение с целью улучшения работы школ поручить министерству внутренних дел пригласить из Советской России двух педагогов-консультантов, хорошо знающих монгольский язык [Советско-монгольские отношения 1975: 73], что и было сделано. Вслед за письмом от 6 декабря 1923 г. Центрального Комитета Монгольского революционного союза молодежи было принято решение направить «10 преданных делу революции, талантливых молодых людей на учебу в Институт Востока в Москве», что предполагало «содействие воспитанию и обучению молодого поколения партии и народа» [Советско-монгольские отношения 1975: 88–89], а спустя год Комитетом по заведованию ученой, учебной и литературно-издательской частью учреждений ЦИК СССР правлению Ленинградского института живых восточных языков имени А. С. Енукидзе было дано распоряжение о приеме на рабочий факультет 15 монгольских студентов [Советско-монгольские отношения 1975: 133]. Этим была заложена прочная традиция приглашения советских научных и образовательных работников в Монголию и обратный процесс, когда монгольские обучающиеся приезжали для этой цели в Советский Союз, перенесенная позднее на другие социалистические государства и режимы.

Ситуация в сфере начального образования была крайне тяжелая, о чем можно судить из переписки монгольского педагога Д. Эрдэни-Батухана [Советско-монгольские отношения 1975: 107–111], направленного для изучения немецкого опыта в СССР и Германию, и А. М. Горького [Советско-монгольские отношения 1975: 113–114]. Распространение образования в Монголии, по мнению Д. Эрдэни-Батухана, усложнялось кочевым образом монгольской жизни и тем, что основными культурными и образовательными центрами долгое время были (и продолжали оставаться на момент написания письма) монастыри, а ламы — ключевыми носителями знаний, констатируя, что 40 % мужского населения получали воспитание в низших, средних и высших буддийских школах. И, несмотря на многие таланты, которыми обладало духовенство, в настоящее время оно находилось в упадке, равно как и система образования, где материальное победило духовное, по меткому замечанию Д. Эрдэни-Батухана: «...духовенство в массе своей превратилось давно в мирян, которым ничто человеческое не чуждо. Они не прочь „защищать“ материальные интересы своей касты в ущерб интересам народа и тянутся к власти над народом, привыкшим им верить и окружать их ореолом носителей заветов высоких буддийских принципов» [Советско-монгольские отношения 1975: 108]. Таким образом, здесь буддийская философия имела определяющее значение.

По мнению Д. Эрдэни-Батухана, для закрепления и углубления реформ, подвигнутых «Народной революцией», недостаточно мероприятий политico-экономического характера, нужно «направить по надлежащему руслу» «народное сознание и воспитание подрастающего поколения, а для этого государство должно было изъять из рук клерикалов могучее орудие — школу и взять ее в свое исключительное ведение. Школа должна быть светская, и в ней подрастающее поколение и даже взрослые будут обучаться точным знаниям, являющимся основой современной материальной и духовной культуры» [Советско-монгольские отношения 1975: 109]. При этом он признавал, что объективные условия по закрытию всех буддийских школ на данный момент отсутствуют. Он подчеркивал, что

светская школа должна отвечать требованиям, «предъявляемым к ней духом времени, жизнью, и современным педагогическим и методическим положениям и этим в глазах населения стояла бы на голову выше старых школ» [Советско-монгольские отношения 1975: 110].

Для молодежи это обстоятельство будет служить бесспорным аргументом в пользу и светского обучения. Для того чтобы выстроенная образовательная система была эффективной, Монголии необходимо было, по мнению педагога, обратиться к опыту советской школы, равно как и к опыту «других народов, достигших высокой степени развития науки и искусств» [Советско-монгольские отношения 1975: 110].

В качестве примера по возрождению древних познаний в языке и культуре Д. Эрдэни-Батухан приводил Бурят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (БМАССР): «Зарубежные монголы с глубоким интересом следят, как их сородичи бурят-монголы, входящие в состав Союза советских республик, до революции в большинстве своем забывшие свою грамоту вследствие русификации и почти предавшие забвению свою литературу, теперь свободно учатся на своем языке. Развивается у них пока что учебная литература в связи с национализацией школ. Молодежь со свойственным ей энтузиазмом ведет политico-просветительную работу и попутно закладывает основу бурят-монгольского театра. Пищутся пьесы, которые с успехом ставятся в народных театрах» [Советско-монгольские отношения 1975: 110].

В ответном письме Д. Эрдэни-Батухану А. М. Горький ратует за активную гражданскую позицию: «...именно активному отношению к жизни Европа обязана всем тем, что в ней прекрасно и достойно уважения всеми расами. „Желание — суть источник страдания“, — учил Будда. Европа ушла вперед других народов мира в области науки искусства и техники именно потому, что она никогда не боялась страдать, всегда желая лучшего, чем то, чем она уже обладает. Она сумела пробудить в массах своего народа стремление к справедливости, к свободе, и за одно это мы должны простить ей множество ее грехов и преступлений. Мне кажется, что, знакомя монгольский народ с

духом Европы и современными нам желаниями ее масс... Вам следует переводить именно те европейские книги, в которых наиболее ярко выражен принцип активности, напряжения мысли, стремящейся к деятельности свободе, а не к свободе бездействия» [Советско-монгольские отношения 1975: 114].

И уже 26 августа 1925 г. Правительство БМАССР приняло решение о предоставлении пяти мест для обучения монгольских граждан в своей партийной школе, где «обучение для бурят и монголов будет вестись на монгольском языке. Срок обучения в советско-партийной школе один год. Окончившие школу могут быть работниками худонов в качестве пропагандистов идей и мероприятий своего правительства и по поднятию культурного уровня монгольского трудового народа. Обучение, содержание проводится за счет нашей республики...» [Советско-монгольские отношения 1975: 116]. Об этом в письме правительству МНР сообщает Председатель ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР М. Ербанов. Развивая тезис В. И. Ленина о «пробуждающейся Азии», автор письма подчеркивает, что культурно-национальное пробуждение малых народностей ведет к безболезненному единению «их с другими через красивое разнообразие форм единого содержания» [Советско-монгольские отношения 1975: 110]. «Вообще пробуждение восточных народов в 20-м веке, когда в странах Запада поговаривают о переоценке ценностей, очень интересно. Теперь только начало этого пробуждения, и как быстро оно пойдет вперед, что для этого нужно, составляет для нас проблему (методическую)» [Советско-монгольские отношения 1975: 111]. Очень верное и своевременное замечание, актуальное и сегодня. Складывающаяся система советско-монгольских отношений была удобна и советской, и монгольской стороне: монголы получали кадры для развития и укрепления одной из важнейших сфер общественной жизни, а СССР — еще один инструмент укрепления своего влияния в контролируемом буферном государстве.

Третье (III) направление взаимодействия предполагало также обеспечение безопасности советской территории и советских границ и — как следствие — территории и границ партнеров. Первым актом

официального военного присутствия Советской России в регионе стало решение об оказании помощи монгольским товарищам в борьбе с белогвардейцами. Оно явилось ответом на обращение монгольской стороны от 16 марта 1921 г. за военной помощью против вооруженных отрядов Унгерна, Шмакова, Комаровского, Сухарева и др. Эксплуатируя образ убийц и грабителей («производя неслыханные насилия, отбирая у мирного населения лошадей, скот и имущество, производят убийства и грабежи как среди монголов, так и среди русских и китайцев»), использовались и более весомые аргументы, как-то угроза национальным интересам России («вмешиваются в дела управления Монголии, пытаясь направить монгольский народ против великой РСФСР и сделать его слепым орудием в руках чужеземных насильников») [Советско-монгольские отношения 1975: 8].

Аргументируя свою просьбу тем, что белогвардейцы одинаково угрожают мирному населению как Монголии, так и России, Временное Народное правительство Монголии обращалось к Правительству РСФСР с просьбой о предоставлении военной помощи [Советско-монгольские отношения 1975: 7–8], что было особенно актуально, поскольку в этот период времени широко распространялась информация о японском участии в освещаемых процессах [Кузьмин и др. 2009].

Японцы, известные своей жестокостью, уже успели оставить о себе худую память у жителей Читы и Верхнеудинска. В связи с чем подобного рода сообщения вызывали бурную реакцию среди населения. Так, 31 марта 1921 г. в иркутской газете «Власть труда» была помещена заметка от интервью барона Унгерна иностранным корреспондентам, в котором он заявил, что «ноябрьские операции против Урги были предприняты с ведома и поддержки японцев. По мнению пекинских газет, планы Семенова в Монголии совпадают со стремлениями японцев образовать буфер из Маньчжурии и Монголии, а также планами Чжан Цзолиня восстановить Маньчжурскую династию. В Урге состоялось совещание японских, белогвардейских, монгольских командиров под председательством хутухты, между прочим, обсуждалось предложение Семенова направить силы в Читу. Монгольские

белогвардейцы готовятся захват Хайларского района посылкой туда войск. Прибывшие из Урги иностранцы сообщают о расстрелах Унгерном коммунистов, евреев и военнопленных немцев» [Советско-монгольские отношения 1975: 8–9].

В целом события и процессы, описанные в заметке, имеют соответствующую подоплеку. Так, известно, что Богдо-хан симпатизировал Унгерну, равно как известно о попытке Г. М. Семенова в 1919 г. организовать «Великое Монгольское государство» [Курас 2011; Курас 2014], для чего в Хайларе и Чите были проведены съезды монгольской знати, военных и прочих неравнодушных к этим идеям. Известны также планы японцев по выстраиванию буферной государственности на монгольско-маньчжурской территории и о дискуссиях с участием японских и китайских военных о восстановлении династии Цин [Дмитриев, Кузьмин 2020], которым суждено было воплотиться, правда, в иной форме и на ином географическом пространстве.

Эти же события отслеживало командование Народно-революционной армии Дальневосточной республики — другого буферного государства. Так, в сводках от 3 апреля 1921 г. [Советско-монгольские отношения 1975: 10] и 1 мая 1921 г. [Советско-монгольские отношения 1975: 11] сообщалось об успехе поднятого монголами восстания и взятии ими ряда ключевых населенных пунктов, образовании революционного правительства, в числе задач которого — тесное сотрудничество с Советской Россией и ДВР, а также со ссылкой на зарубежную прессу сообщалось о волнениях в Западной Монголии и занятии белогвардейцами Кобдо и Уланкома. В этих же сводках сообщалось о тесной связи атамана Анненкова с бароном Унгерном и Богдо-гэгэном, что ставило последнего в один ряд с предателями народных интересов, противопоставляя его позицию позиции других монгольских аристократов: в частности, сообщалось, что князь Ахайгун перешел на сторону «красно-монголов» и объявил мобилизацию своего хошуна. Таким образом, Советы получали оперативную информацию и имели возможность своевременного на нее реагирования не только посредством собственных ресурсов, но и через создаваемые ими буферные структуры. В дальнейшем такой механизм

будет использован при попытке «экспорта революции» в Китай, однако окажется менее успешным, в силу как объективных, так и субъективных характеристик.

12 июля 1921 г. «Народное революционное правительство» Монголии обратилось к Правительству РСФСР с просьбой не выводить части Красной Армии с территории Монголии до момента окончательной ликвидации угрозы «со стороны общего врага, в настоящее время укрепившегося в восточных степях» [Советско-монгольские отношения 1975: 28]. Обращение было вынужденной акцией, «потому, что Монгольское Правительство еще не закончило организации аппарата новой власти. Оставление советских войск диктуется обстоятельствами в целях сохранения безопасности на Территории Монголии и на границах РСФСР» [Документы 1960: 259].

10 августа 1921 г. советское руководство в лице народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г. В. Чicherina ответило согласием на просьбу монгольской стороны [Советско-монгольские отношения 1975: 35–37], однако ответ интересен не этим, а рядом весьма любопытных моментов. Во-первых, он давался от лица не только РСФСР, но и союзного Правительства «братской» Дальневосточной Республики. Во-вторых, Монголия называлась автономной, таким образом, советское руководство не торопилось признавать страну независимой, речь шла лишь о «создании нового свободного строя» [Советско-монгольские отношения 1975: 36], а не государства с точки зрения его государственного суверенитета. В-третьих, направлением взаимодействия предполагалось «вступление советских войск на территорию автономной Монголии», целью которого было «сокрушение общего врага, устранение постоянной опасности, угрожающей советской территории, и обеспечение свободного развития и самоопределения автономной Монголии» [Советско-монгольские отношения 1975: 36]. Однако после окончательного устранения угрозы свободному развитию монгольского народа и безопасности Российской Республики и Дальневосточной Республики войска РККА по просьбе правительства Монголии должны были оставаться на ее территории вплоть до 1926 г.

26 ноября 1924 г. была провозглашена Монгольская народная республика и принята первая Конституция нового государства [Дурденевский, Лудшвейт 1926: 157]. И только после этого, после формирования новых органов государственной власти и окончательного укоренения социалистической идеологии среди нового руководства страны, устранения угрозы со стороны Японии и присоединения к РСФСР одного из буферных государств региона, Дальневосточной Республики, руководство РСФСР посчитало возможным осуществить вывод своих войск с территории другого государства, по-прежнему признавая за ним автономный статус в составе Китайской Республики. 24 января 1925 г. нотой правительства СССР председатель Совета Министров МНР Б. Цэрэндорж был уведомлен о выводе советских войск с монгольской территории. «Правительство СССР считает, что пребывание советских войск в пределах Монгольской Народной Республики уже не вызывается необходимостью» [Советско-монгольские отношения 1975: 103–104]. Нота воспроизводила причины и условия сохранения советского присутствия на территории буферного автономного государства, а его длительность обосновывалась необходимостью защиты монгольских и советских военных частей, установления «действительного порядка» и «обеспечения условий для дальнейшей демократизации страны» [Советско-монгольские отношения 1975: 104]. При этом СССР объявлялся правопреемником РСФСР в вопросе «ведения внешних сношений Российской Республики» [Советско-монгольские отношения 1975: 103–104]. Формировалась новая система национальной безопасности на основе созданного регионального политического порядка. Эта система показала свою эффективность после вторжения японских войск на территорию Маньчжурии, создания Маньчжоу-Го и попыток проверить ее на прочность событиями на р. Хасан и оз. Халхин-Гол в 1938–1939 гг. Несмотря на неоднозначный международно-правовой статус МНР [Кузьмин 2015б], обстановка, тем не менее, требовала от СССР признания суверенитета Китая над Монгoliей, в связи с чем 10 марта 1925 г. советский посол уведомил руководство в Пекине о завершении вывода частей Красной Армии из Внешней

Монголии [Внешняя политика 1945, III: 13]. Нота была составлена без идеологического флера и оставляла китайскому правительству надежду «разрешить путем мирного соглашения с монгольским народом вопрос о взаимоотношениях между двумя братскими народами» [Советско-монгольские отношения 1975: 531].

Четвертым (IV) направлением советско-монгольского взаимодействия предполагалось, безусловно, экономическое сотрудничество: именно наша страна была основным источником финансовой и экономической помощи при строительстве заводов и комбинатов, разработке месторождений полезных ископаемых и создании социальной инфраструктуры, но и Монголия оказывала помощь нашей стране. В 1921 г. заместитель полпреда РСФСР в Монголии А. Я. Охтин (1921–1922) благодариł премьер-министра Монголии Д. Бодоза то, что правительство монгольской стороны «широко пошло навстречу смягчения величайшего бедствия Русского Советского государства и пожертвовало тысячу ... голов скота, а также издало обращение ко всему монгольскому народу, призывающее помочь дружественному народу Советской России, жертвуя в пользу голодающих кто что может» [Советско-монгольские отношения 1975: 55–56]. Для современных российско-монгольских взаимоотношений это имеет ключевое значение.

И, наконец, пятое (V) направление: совместные действия на международной арене, борьба за укрепление мирового коммунистического рабочего движения. События 1920-х гг. в регионе и активное участие в них советской стороны имели важное идеологическое значение: отныне в основе заключаемых союзов советского и монгольского или советского и китайского народов лежала не только общность интересов трудающихся, но и человеческие потери в ходе совместной революционной борьбы.

В октябре 1921 г. в Москву прибыла чрезвычайная монгольская миссия. 5 ноября 1921 г. ее глава, основатель МНР и Монгольского народного государства Д. Сухэ-Батор, был принят В. И. Лениным в Кремле [Советско-монгольские отношения 1975: VI]. На встрече вождь советского народа заявил, что «единственно правильным путем для всякого трудащегося вашей

страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Этую борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских аратов является условием успешности их борьбы» [\[Советско-монгольские отношения 1975: 56–57\]](#).

В ходе беседы [\[Ленин 1970: 232–233\]](#) было отмечено особое географическое положение Монголии и стремление других стран захватить МНР и превратить ее в плацдарм борьбы против Советской России. Исходя из этой вполне реальной на тот момент угрозы, советское руководство включило Монголию в сферу своих политических и идеологических интересов. Данная установка определила политическое развитие Монголии на ближайшие два десятка лет и стала определяющим инструментом в политической борьбе конца 1920 г. – первой половины 1930-х гг. в стране.

В тот же день между Народным Правительством Монголии с одной стороны и Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с другой было заключено Соглашение об установлении дружественных отношений между Монголией и Россией. Обе стороны заявляли о взаимном признании, обязывались не допускать актов, враждебных друг другу, и согласились применять принцип наибольшего благоприятствования в политических и экономических взаимоотношениях. Как советская, так и современная историческая наука и ее представители считают, что документ стал реальным шагом выхода Монголии из политической изоляции, что позволило молодому Монгольскому государству после окончания Второй мировой войны стать полноправным субъектом международного права.

Заключение

В современных условиях созданная модель взаимоотношений, не являющаяся идеальной и справедливой, по мнению ряда исследователей, тем не менее доказала свою эффективность. Точно также доказала свою эффективность и внешняя политика нашей страны, не всегда однозначно оцениваемая и одобряемая современниками. Так, несмотря на поражение в Русско-японской войне, Портсмутский мирный договор позволил

России сохранить свое присутствие в регионе и заключить с Японией в 1907–1916 гг. четыре Соглашения о разделе сфер влияния, благодаря чему наша страна смогла гарантировать безопасность своих интересов, территорий и границ: следующий военный конфликт с Японией состоялся лишь в августе 1945 г. Аналогичным образом выстраивались отношения с монгольской стороной: взвешенные, с учетом интересов контрагента и тех реалий, которые имели место быть на международной арене.

Политический вакуум, образовавшийся после крушения монархии в Китае и России во фронтовой зоне их соприкосновения, требовал пристального внимания и участия, чем и воспользовались Советы. При этом, вопреки расхожему в научной литературе мнению, Соглашение об установлении дружественных отношений между правительствами РСФСР и Внешней Монголии, заключенное в ноябре 1921 г., мы не склонны рассматривать как отправную точку в официальных двусторонних отношениях, поскольку этому уже предшествовала череда переговоров и договоренностей. Многие исследователи называли и называют это Соглашение первым равноправным договором в истории Монголии, равно как и фундаментом дальнейшего развития взаимоотношений Советской России и Монголии. Этой позиции сложно возразить: по нашему мнению, оно оформляло и закрепляло наиболее важные аспекты двустороннего сотрудничества, которое, тем не менее, этими положениями не исчерпывалось. Важное значение имели письма и обращения советской и монгольской стороны, а также другие документы, именуемые нами как преддоговорные, поскольку именно в них и раскрывался истинный смысл и идеологическая подоплека обновленных взаимоотношений и именно они, в первую очередь, создали необходимые условия при выстраивании системы безопасности восточных рубежей нашей страны в предвоенный и военный период (1936–1945 г.), что не позволило Японии развязать войну на Дальнем Востоке с участием СССР вплоть до 1945 г. и обеспечило безопасность МНР. И в современных условиях, когда многие исторические события и факты подвергаются пересмотру и переоценке, и для российской, и для монгольской сторон важно знать не только о

ключевых событиях в истории Восточной Азии, таких как события на оз. Хасан или на р. Халхин-Гол, но и о скрытых от широких

масс процессах, определявших региональный политический порядок в первой половине XX в.

Литература

- Баясах 2017 — *Баясах Ж.* Новое развитие отношений между Монголией и соседними странами // *Eurasia: statum et legem.* 2017. № 8. С. 6–12.
- Внешняя политика 1945, III — Внешняя политика СССР: Сб. док. Т. III: (1925–1934 гг.) / Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук; сост. науч. сотр. Кабинета социально-экономических наук ВПШ при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминец. М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1945. 800 с.
- Дмитриев, Кузьмин 2020 — *Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л.* Движение за восстановление монархии после Синхайской революции (по данным российских архивов). Реставрация цинской монархии Чжан Сюнем // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. Вып. 4. С. 180–195.
- Документы 1960 — Документы внешней политики СССР. Т. 4: 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / Министерство иностранных дел СССР. М.: Госполитиздат, 1960. 836 с.
- Дудин 2021 — *Дудин П. Н.* Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Часть 1 // *Oriental Studies.* 2021. Т. 14. № 1. С. 8–23. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-8-23
- Дурденевский, Лудшувейт 1926 — *Дурденевский В. Н., Лудшувейт Е. Ф.* Конституции Востока. Л.: Госиздат, 1926. 180 с.
- Кузьмин 2015а — *Кузьмин С. Л.* Панмонгольское движение 1919–1920 гг. и монгольская государственность // *Eurasia: statum et legem.* 2015. № 1 (4). С. 97–107.
- Кузьмин 2015б — *Кузьмин С. Л.* Советско-китайские отношения и проблема статуса Монголии в 1920-х годах // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 247–255.
- Кузьмин и др. 2009 — *Кузьмин С. Л., Батсайхан О., Нунали К., Тачибана М.* Барон Унгерн и Япония // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2009. № 5. С. 115–133.
- Курас 2011 — *Курас Л. В.* Геополитические амбиции атамана Семенова: попытка создания федеративного «Велико-монгольского государства» // *Гуманитарный вектор.* 2011. № 4 (28). С. 255–262.
- Курас 2014 — *Курас Л. В.* «Три жизни» атамана Г. М. Семенова: любовь и предательство (к вопросу о фронтире) // *Известия Иркутского государственного университета.* Сер.: История. 2014. Т. 7. С. 94–113.
- Курас 2015 — *Курас Л. В.* «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было // *Eurasia: statum et legem.* 2015. № 1 (4). С. 84–96.
- Ленин 1970 — *Ленин В. И.* Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики, 5 ноября 1921 года. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. 725 с.
- Михалев 2005 — *Михалев А. В.* Монгольская революция 1921 года в советской и российской историографии: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 154 с.
- Михалев 2017 — *Михалев А. В.* Постжелтоссия, или Русские колонисты в социалистической Монголии // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.* 2017. № 4 (28). С. 80–88.
- Михалев 2019 — *Михалев А. В.* «Прогрессоры степей» или советские специалисты в Монголии: историческая память об одном политическом проекте // Восточные ветви российской диаспоры в прошлом и настоящем (коллективная монография). М.: ИВ РАН, 2019. С. 15–34.
- Сборник действующих договоров 1935 — Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I–II: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 года / СССР. Народный Комиссариат по Иностранным Делам; под ред.: А. В. Сабанин, В. О. Броун. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-е НКИД, 1935. 484 с.
- Советско-монгольские отношения 1975 — Советско-монгольские отношения 1921–1974: Док. и мат-лы: в 2 т. Т. 1: 1921–1940 / Глав. арх. упр. при Совете Министров СССР; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т востоковедения АН СССР; Мин-во ин. дел

СССР; Мин-во внеш. торг. СССР; Госкомитет Совета Министров СССР по внешним экон. связям; Ин-т экономики мировой соц. системы АН СССР; Глав. арх. упр. при Мин-ве общ. безопасности МНР; Ин-т истории

партии при ЦК МНРП; Ин-т истории АН МНР; Мин-во ин. дел МНР. М.: Международные отношения; Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. XVIII, 589 с.

References

- Bayasakh Zh. New development of relations between Mongolia and its neighbors. *Eurasia: statum et legem*. 2017. No. 8. Pp. 6–12. (In Russ.)
- Dmitriev S. V., Kuzmin S. L. Movement for the restoration of monarchy after the Xinhai Revolution (data from Russian archives). Restoration of the Qing monarchy by Zhang Xun. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 180–195. (In Russ.)
- Documents of the Soviet Foreign Policy. Vol. 4: March 19, 1921 – December 31, 1921. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Moscow: Gospolitizdat, 1960. 836 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Precontractual essentials for the ‘export of Revolution’ in East Asia and regional political order in the zone of Soviet influence: positive experience and Socialist ideology in Mongolia. The year 1921. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 8–23. (In Russ.)
- Durdenevsky V. N., Ludshuveyt E. F. Constitutions of the East. Leningrad: Gosizdat, 1926. 180 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. ‘Three lives’ of Ataman G. M. Semyonov: love and betrayal (to the question of frontier). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series ‘History’*. 2014. Vol. 7. Pp. 94–113. (In Russ.)
- Kuras L. V. Ataman Semenov’s Great Mongolian State: the state that never existed. *Eurasia: statum et legem*. 2015. No. 1 (4). Pp. 84–96. (In Russ.)
- Kuras L. V. Ataman Semenov’s geopolitical ambitions: an attempt of creating a federative ‘Great Mongolian State’. *Humanitarian Vector*. 2011. No. 4 (28). Pp. 255–262. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Kuzmin S. L. 2015. The Pan-Mongolian movement in the 1919–1920 and the Mongolian statehood. *Eurasia: statum et legem*. 2015. No. 1 (4). Pp. 97–107. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Soviet-China relations, and the issue of Mongolia’s status in the 1920s. In: Russia and Mongolia, Early to Mid-20th Century — Conceptual Aspects of Russian-Mongolian Relations (Diplomacy, Economics, Science). Irkutsk: Baikal State University, 2015. Pp. 247–255. (In Russ.)
- Kuzmin S. L., Batsaykhan O., Nunami K., Tachibana M. Baron Ungern and Japan. *Vostok (Oriens)*. 2009. No. 5. Pp. 115–133. (In Russ.)
- Lenin V. I. Conversation with a Delegation of the Mongolian People’s Republic: November 5, 1921. Ser.: Lenin V. I. Complete Works. Vol. 44. Moscow: Politizdat, 1970. 725 p. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. ‘Progressors of the steppes’: or Soviet specialists in Mongolia. Historical memory of one political project. In: Eastern Branches of the Russian Diaspora in Past and Present. Joint Monograph. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. Pp. 15–34. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Post-Jeltorussia: or Russian colonists in Socialist Mongolia. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 4 (28). Pp. 80–88. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. The Mongolian Revolution of 1921 in Soviet and Russian Historiography. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2005. 154 p. (In Russ.)
- Sabanin A. V., Broun V. O. (eds.) The USSR and Foreign Countries: Collected Existing Agreements, Treaties and Conventions. Vols. I–II: Documents That Came into Force before January 1, 1925. USSR People’s Commissariat for Foreign Affairs. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: People’s Commissariat for Foreign Affairs, 1935. 484 p. (In Russ.)
- Soviet-Mongolian Relations, 1921–1974: Documents and Materials. In 2 vols. Vol. 1: 1921–1940. Chief Archival Department (Council of Ministers of the Soviet Union), etc. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya; Ulaanbaatar: People’s Publ. House, 1975. XVIII, 589 p. (In Russ. and Mong.)
- Tisminets A. S. (comp.) Soviet Foreign Policy. Collected Documents. Vol. III: 1925–1934. Moscow: Supreme Party School (VKP(b) Central Committee), 1945. 800 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 2, pp. 238–247, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 947 (470)
DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-238-247

Попытки Кучумовичей и башкир воссоздать Сибирское ханство

Азат Салаватович Сальманов¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН (д. 71, проспект Октября, 451145 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, научный сотрудник
ID 0000-0003-4410-5392. E-mail: azat-salmanov@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Сальманов А. С., 2021

Аннотация. Введение. В конце XVI в., как принято считать в отечественной историографии, произошло крушение Сибирского ханства. Однако долгое время после этого события бывшие владельцы Сибирского юрта Кучумовичи (дети и внуки сибирского хана Кучума) неоднократно пытались вернуть свою власть. В достижении своей цели они опирались на башкирских и калмыцких лидеров. Идейными сторонниками потомков Кучума являлись сибирские татары и башкиры, в первую очередь башкирские табынцы, которые также желали восстановить Сибирское ханство. Однако в исторической науке остается без внимания вопрос участия башкир в деле Кучумовичей вернуть себе Сибирский юрт. Цель исследования — изучение этнополитической истории зауральских башкир XVII в. в призме движения Кучумовичей, калмыков и джунгар, выступавших с идеей возвращения Сибирского ханства. Материалы и методы. В своей работе автор опирается на известные в научной среде материалы, которые, однако, не рассматривались в призме участия башкир в общем движении кочевых лидеров в борьбе за восстановление Сибирского ханства. В целом, с использованием методов исторического исследования (исторического, сравнительного и системного), это дало возможность установить, что на территории Башкирии действия башкирских повстанцев были связаны с политикой Кучумовичей и калмыцких тайшей, пытавшихся объединить башкир и жителей Западной Сибири для выхода из подчинения московскому правительству. Таким образом, научная новизна заключается в том, что впервые рассматривается антироссийское движение башкир XVII в. в контексте попыток восстановления Сибирского ханства. В результате анализа исторических событий (уход внука Кучума Кучука к каракалпакам и принятие калмыцким владельцем Аюкой российского подданства) становится очевидным, что в среде восставших башкир произошло крушение надежд на воссоздание Сибирского ханства как на возможность обретения независимости от Русского государства. Выводы. Башкирские восстания второй половины XVII в. следует рассматривать в русле политической ситуации, сложившейся на юго-восточной окраине России из-за совместных активных действий Кучумовичей, калмыцких и башкирских предводителей.

Ключевые слова: башкиры, калмыки, Кучумовичи, Сибирское ханство, Башкирия, Южное Зауралье, этнополитическая история

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Сальманов А. С. Попытки Кучумовичей и башкир воссоздать Сибирское ханство // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 238–247. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-238-247

Kuchum's Descendants and the Bashkirs: Attempts of Reconstructing the Siberian Khanate

Azat S. Salmanov¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0003-4410-5392. E-mail: azat-salmanov@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Salmanov A. S., 2021

Abstract. *Introduction.* As is commonly believed in Russian historiography, the late 16th century witnessed a final collapse of the Siberian Khanate. However, that event was long followed by repeated attempts from ex-owners of Siberian Yurt — the Kuchumovichs (children and grandchildren of the Siberian Khan Kuchum) — to regain their power. In achieving their goal, they relied on Bashkir and Kalmyk leaders. The ideological supporters of Kuchum's descendants were the Siberian Tatars and Bashkirs, primarily Bashkir Tabyns who also sought a restoration of the Siberian Khanate. But in historical science the question of Bashkirs' participation in the Kuchumovichs' cause to regain Siberian Yurt remains unaddressed. *Goals.* The study aims at examining the 17th century ethnopolitical history of the Trans-Ural Bashkirs through the prism of the movement attended by the Kuchumovichs, Kalmyks and Dzungars who came up with the idea of reviving the Siberian Khanate. *Materials and Methods.* The work employs materials already introduced into scientific discourse which, however, were not considered through the prism of Bashkirs' participation in the general movement of nomadic leaders to have struggled for the restoration of the Siberian Khanate. Coupled with the use of historical research methods (historical, comparative and systemic ones), this made it possible to reveal that in the territory of Bashkiria the actions of Bashkir rebels were associated with the policy of the Kuchumovichs and Kalmyk *taishas* who tried to unite Bashkirs and inhabitants of Western Siberia to withdraw from subordination to the Moscow Government. Thus, the scientific novelty is that the 17th century anti-Russian movement of Bashkirs is being first considered in the context of attempts to restore the Siberian Khanate. *Results.* Analysis of historical events (departure of Kuchum's grandson Kuchuk to the Karakalpaks and adoption of Russian citizenship by the Kalmyk ruler Ayuka) shows that the rebellious Bashkirs experienced a collapse of hopes for the restoration of the Siberian Khanate, the latter viewed as an opportunity to gain independence from the Tsardom of Russia. *Conclusions.* Bashkir uprisings of the mid-to-late 17th century should be considered in line with the political situation that had developed in the southeastern outskirts of Russia due to the joint activities of the Kuchumovichs, Kalmyk and Bashkir leaders.

Keywords: Bashkirs, Kalmyks, Kuchumovichs, Siberian Khanate, Bashkiria, Southern Trans-Urals, ethnopolitical history

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. АААА-А17-117040350082-3).

For citation: Salmanov A. S. Kuchum's Descendants and the Bashkirs: Attempts of Reconstructing the Siberian Khanate. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 238–247. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-238-247

Введение

В начале XVII в. на сибирских границах Московского государства «все более ощущалось соседство калмыков» [Трепавлов 2018: 78]. В XVI в. в Западной Монголии среди ойратов начались смуты, из-за которых два этнополитических объединения (*торгуты* и *дербеты*) откочевали в северо-западном направлении. По Н. В. Устюгову, в Северном Казахстане указанные племена заключили союз с Кучумовичами и стали совершать вместе с ними грабительские набеги на русские границы [Устюгов 1974: 233].

В конце XVI в. к окрестностям Тары переходят 200 тыс. *торгутов* и *дербетов*, а уже в 1607 г. сын Кучума Али с отрядом калмыков напал на Уфу. Появление калмыков в Западной Сибири и на Южном Урале не было случайностью. Кучум после своего поражения женил своего сына Ишими на дочери предводителя *торгутов* Хо-Урлюка, а затем Ишим взял в жены дочь джунгарского Каракулы и сестру предводителя *хошутов* Байбагиша. Приводя мнение известных историков о завоевательных целях калмыков на запад, где до этого правили потомки Чингисхана, С. У. Таймасов высказывает интересную мысль, что Кучумовичи выступили инициаторами ойратского нашествия. Это мнение косвенно подтверждается тем, что впоследствии на протяжении долгого времени в западной части Великой степи джунгарские правители пытались поставить ханами именно Кучумовичей, в том числе над самими калмыцкими тайшами [Таймасов 2009: 101–103].

В. Т. Текеев отмечает, что появление у южных границ Сибири *ойратов* оживило враждебную деятельность «кучумлян» [Текеев 2015: 47]. В связи с этим необходимо рассмотреть изменение политической обстановки в башкирском Зауралье в контексте деятельности Кучумовичей и калмыцких тайшей.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составила система принципов, подходов и методов исторической науки. Прин-

цип объективности использовался при анализе источников. Системный подход позволил рассмотреть процесс антиколониального движения башкир второй половины XVII в. как целостное явление. Объективность полученных выводов создавалась благодаря изучению и сопоставлению различных источников, мнений и гипотез, при этом максимально избегая односторонней оценки анализируемых событий и явлений. Для решения поставленных задач были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, описание, сравнение и другие), так и специальные исторические методы (описательный, историко-генетический, проблемно-хронологический, синхронный, сравнительно-исторический и другие).

Основу источниковой базы составили сведения Г. Ф. Миллера, В. М. Черемшанского и материалы, составленные А. П. Чулошниковым [Черемшанский 1859; Миллер 2000; Материалы по истории 1936], междисциплинарный подход в работе с которыми позволил рассмотреть проблему башкирских выступлений XVII в. в контексте истории попыток Кучумовичей воссоздать Сибирское ханство.

Появление ойратов в юго-восточной части России и связанные с этим выступления башкир в XVII в.

Приход ойратов в Западную Сибирь и начало движения Кучумовичей за восстановление Сибирского ханства

После пленения Али его заменил Ишим, который стал больше опираться на ойратов, чем на ногайцев, однако окружавшие его войска по Тоболу полностью состояли из *табынцев*. Царевича Ишими, как и других Кучумовичей, поддерживали Шибаниды Астраханской династии Мавераннахра [Валиди Тоган 2010: 46].

По мнению Р. Г. Букановой, приход калмыков осложнил военно-политическую обстановку на юго-восточных рубежах России. Кучумовичи, заключившие союз с ойратами, стали нападать на российские окраины [Буканова 2010: 158].

Народы Западной Сибири также решили воспользоваться появлением новой воен-

но-политической силы. Например, рассчитывая на помощь ойратов, *вогулы*, *остяки* и татары в 1609 г. хотели разрушить Тюмень. Но «злоумышленники» были раскрыты (из-за измены *остяков*), и главные из бунтовщиков казнены [Словцов 2014: 67]. Видимо, из-за неудачной попытки восстания сибирских народов в том же году в городке Таре предводитель *торгутов* тайша Хо-Урлюк принес присягу на подданство России [Джунджузов 2014: 68].

Предводители *ойратов* опасались открыто обострять отношения с Русским государством, предпочитая действовать исподтишка. Так, в конце 20-х гг. XVII в. в Западной и Южной Сибири прошла серия вооруженных выступлений, организованных *ойратами* и Кучумовичами с вовлечением местных феодалов [Потапов 1969: 95].

В 1616 г. ойраты атаковали Тару, Томск, Тобольск, Тюмень и другие русские селения [Таймасов 2009: 103].

В период с 1610–1634 гг. группы из кочевых народов (ойраты, телеуты, «ногаи», «киргизы» и др.) совершили грабительские набеги на Томский, Тюменский и Тарский округа. Фактически русские гарнизоны оказались бессильны обеспечить контроль над южной частью Западной Сибири. По этому поводу П. А. Словцов задавался вопросом: «кого следует больше обвинять за бедствовавшую границу, самих себя или неприятелей?» [Словцов 2014: 81].

Башкирские восстания в русле движения Кучумовичей

В связи с тяжелым положением в Западной Сибири и в Зауралье Московское правительство начало терять Южное Зауралье, вскоре под ударом кочевых групп оказался уже и Южный Урал. В этой обстановке в 1635 г. российские власти решили окончательно «прибрать к рукам» «центральных башкир». Царское правительство поспешило захватить и северо-восточных башкир. Оно, «подчинив» себе роды Сибирской дороги¹ (*коиско, бала-катай, салжиут, катар-табын* и *ай*), намеревалось переселить их из Зауралья в Приуралье. Однако внук Кучума и сын Ишима Аблай отрезал им

¹ В XVII–XVIII вв. Башкирия делилась на 4 административно-территориальные области, которые назывались «дорогами» (от монгольского «даруга»): Казанская дорога, Осинская дорога, Сибирская дорога и Ногайская дорога.

путь переселения на запад. Уничтожив сторонников русских, он способствовал началу всеобщего восстания, в том числе и там, где до этого установилась власть российской администрации [Валиди Тоган 2010: 59].

До этого (в 1628–1631 гг.) Аблай в Тарском уезде возглавил восстание сибирских татар, объявив о намерении восстановить Сибирское ханство. В 1632 г. он переходит к Тоболу и Яику, планируя напасть на Уфу [Таймасов 2009: 103].

В 1635 г. султан Аблай, объединившись с калмыками, совершил стремительный рейд на Уфу, вырезав биев, находившихся в связи с русскими. Так, Кучумовичи мстили роду «салжаута» Шугура Кокузова по причине того, что последний, будучи противником Шибанидов, в конце XV в. переселился из Зауралья «поближе к новой русской крепости», где получил земли от российской власти [Азнабаев 2016: 276–279].

В 1635 г. Аблай разгромил отряд Федора Каловского, в рядах которого были и башкиры. Аблай с братом Тевеккелем попали в плен [Таймасов 2009: 103]. Это событие, по мнению А.-З. Валиди Тогана, оказало «удручающее духовное воздействие на сознание табынских, минских и юрматинских башкир, боровшихся против русских» [Валиди Тоган 2010: 47].

По мнению М. К. Любавского, калмыки оспаривали у России владычество над «ногайскими» и «сибирскими» башкирами [Любавский 1996: 492].

Ойраты притязали на право сбора ясака с племен *катай* и *сынрян* (из числа зауральских башкир). В 1623 г. тайша Уруслан требовал ясак с башкир Катайской волости, аргументируя это тем, что раньше *катайцы* платили ясак ногайцам [Миллер 2000: 341]. Это было связано с тем, что ногайские мурзы, потерпев от ойратов несколько крупных поражений, передали калмыцким тайшам право сбора ясака с башкир [Буляков 2012: 136].

Однако нет данных, свидетельствующих о притязании калмыков на объединение *табын*. Тот же Уруслан признавал *табынцев* подданными сибирских царевичей. По его словам, сын Кучума Ишим «пощел в Уфимские волости старых своих людей *табынцов* сыскывать» [Миллер 2000: 342].

Известно, что от северо-восточных и зауральских башкир, оказавшихся «в зоне политического влияния Сибирского ханства»,

не было никакого волеизъявления о добровольном вхождении в состав Российской империи [Асфандияров 2006: 24]. А это может говорить об отсутствии притязания на них ойратских тайшей для сбора ясака.

По имеющимся данным, башкирское Зауралье для ойратов являлось территорией Кучумовичей. В 1635 г. *джунгары*, как наиболее могущественная сила в Дешт-и-Кипчаке, признавали за внуком Кучума Давлет-Гиреем «свои земли». В. В. Трепавлов считает, что эти земли царевича находились по берегам Ишима и Тургая. Однако исследователь ссылается на период 40–50 гг. XVII в., в то время как в другом месте он пишет, что Давлет-Гирей в 30-е гг. XVII в. жил с кем-нибудь из тайшей в верховьях Ишима или в озерном краю между Тоболом и Миассом [Трепавлов 2018: 102–105], то есть на территории кочевания восточных *табынцев*. По мнению В. В. Трепавлова, «северо-восточной границей Ногайской Башкирии служил восточный рубеж Катайской волости Сибирской даруги» [Трепавлов 1997: 6]. Поэтому ойраты, захватившие Ногайскую Орду, смотрели на *катаицев* как на своих данников, которые «беззаконно» приняли российское подданство, за что стали объектом для нападений [Азнабаев 2016: 280].

Из этого следует, что в первой половине XVII в. зауральские башкиры оставались под властью Кучумовичей. Очевидно, что разделение башкир в XVII в. между тремя политическими силами (русскими, калмыками и Кучумовичами) совпадает с границами бывших наследников Улуса Джучи — Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств.

Таким образом, влияние русской администрации в Южном Зауралье, где кочевали башкиры Сибирской дороги, стало заметно ослабевать в связи с приходом калмыков. При этом притязания калмыцких тайшей, сменивших ногайских мурз, распространялись только на башкир Ногайской дороги. Именно поэтому ойраты утвердились на землях тех башкир, которые некогда входили в состав Ногайской орды — в лучших степных землях Уфимского уезда по долинам рек Яик, Орь, Илеқ, Кизил и Сакмары [Буляков 2012: 135].

Идея восстановления Сибирского ханства исходила главным образом от Кучумо-

вичей, мечтавших организовать всеобщее восстание народов. В этом движении Давлет-Гирей надеялся на помошь калмыков, башкир и сибирских татар, а также к выступлению готовились *остяки* (ханты), *вогулы* (манси) и *самоеды* (ненцы). Так, народы Западной Сибири объединились вокруг цели вернуть строй «как было при Кучум царе» [Таймасов 2009: 106].

В связи с удачным отражением притязаний ойратов на башкирские земли, как пишет Б. А. Азнабаев, военная организация башкир показала, что они могли то, что было не под силу уфимским и сибирским воеводам в течение всего XVII в. По мнению исследователя, на этой волне башкиры в 1662–1664 гг. намеревались восстановить Сибирское ханство [Азнабаев 2005: 107]. Башкиры, особенно зауральские, входили в число приверженцев Кучумовичей. В первую очередь отличились башкирские *табынцы*, активно участвовавшие в борьбе Кучумовичей за возвращение своей власти в Сибирском юрте. Однако *сальюты* и *катаицы* оставались сторонниками российской власти: в 1662 г. они взяли в плен сына Аблая, Кансуяра, с женой и детьми и отправили их в Уфу [Азнабаев 2016: 280].

Известно, что после смерти Давлет-Гирея в начале 1660-х гг. во главе Кучумова клана встал сын Аблая Кучук, который играл, если не организующую, то символическую роль командования военной кампанией в башкирском восстании 1662–1664 гг. Повстанцы про него говорили: «Поднялся на Русь наш царь!». Посланный из Тобольска отряд полковника Д. И. Полуэктова разбил повстанцев. В 1663 г. Кучук и возглавляемые Арсланбеком Баккиным башкиры выиграли сражение с полковником, где он получил три ранения. Но в 1664 г. излечившийся Полуэктов напал на восставших башкир в верховьях Миасса, где погиб Баккин. Кучумовичи, кочевавшие в то время в верховьях Уя в Карагабынской волости, узнав об этом, откочевали к Яику [Трепавлов 2018: 111, 115].

Официальной причиной возмущения башкир, переросшего в первое башкирское восстание, была кампания российских властей по изъятию у башкир и возвращению на родину пленных ойратов. Однако на самом деле за этим восстанием стояли два организующих центра: с одной стороны,

Кучумовичи Кучук и Абугай (сын Ишима), с другой — «торгутские» тайши Дайчин и Аюка. Башкиры Ногайской дороги ориентировались на калмыцких тайшей, а башкиры Сибирской дороги, особенно зауральские, отдавали свое предпочтение Кучумовичам [Трепавлов 2018: 113, 115]. На царевича Кучука, правнука Кучума, в 1663 г. также ориентировались и башкиры Казанской дороги [Материалы по истории 1936: 168], то есть северо-западные башкиры.

Итак, обнаруживается разделение башкир по политическим предпочтениям, а также региональному фактору. Б. А. Азнабаев для того периода выделяет две группы башкир: «лесные» (Осинская и Сибирская дороги) и «степные» (Ногайская и Казанская дорога), между которыми наблюдалось традиционное соперничество. «Лесные» башкиры отличались тем, что среди них было больше людей, ведущих оседлый образ жизни. «Степные» башкиры имели открытую границу с ойратами. Такие различия существенно влияли на политические интересы этих двух групп [Азнабаев 2015: 96].

Сами башкиры считали, что причиной восстания стало то, что власти взяли в заложники 50 «лучших людей», посадив их под арест в Казани, в связи с отказом башкир идти на войну против Польши и Крыма [Тепкеев 2014: 341].

В. В. Трепавлов приводит слова анонимного немецкого автора, который про башкир 1666 г. писал: «Эти люди показали себя враждебными по отношению к русским, так как Сибирь принадлежала [некогда] предкам… царевича; прежде этих людей он всегда употреблял для своей службы… В настоящее время они враждуют с русскими, и это продолжается с давних пор» [Трепавлов 2018: 112].

Б. А. Азнабаев отмечает, что сопротивление «лесных» башкир приняло наиболее ожесточенный и длительный характер: они продолжили борьбу даже после принесения повинной «степными» башкирами [Азнабаев 2015: 97]. Известно, что уфимский воевода А. Волконский написал письмо «северным» башкирам (Сибирская и Осинская дороги), в котором он информировал их о заключении мира с «южными и западными» башкирами. Б. Э. Нольде, ссылаясь на пере-

писку сибирских властей в 1667 г., пишет, что северо-восточные племена башкир долгое время не подчинялись русским. Москва смогла их подчинить лишь с помощью военной силы [Нольде 2013: 328].

Во времена башкирского восстания 1662–1664 гг. башкиры Ногайской и Осинской дорог существенно пополнили ряды отряда Кучука. Своим приверженцам из башкирских предводителей Кучук выдавал ярлыки, что можно относить к позднему пережитку джучидской канцелярской и инвеститурной практики. К 1667 г. Кучук смог из «татаро-башкиро-калмыцкого» окружения сплотить вокруг себя преданных соратников, провозгласивших его ханом. Поэтому в 1668 г. хошутский тайша Цаган заявлял русским: «Кучук-хан не нашего де улусу», то есть фактически признавал его независимость. В тот период он в своей грамоте обозначается как «Кучук Бахадур-хан». Объединенные Кучуком башкиры и ойраты вместе фигурируют в источниках, когда они в конце 1660-х гг. участвовали в набегах на ясачных плательщиков в Сибири. В. В. Трепавлов пишет, что, как и раньше, «ворами» и «изменниками» были в основном башкирские *табыны* [Трепавлов 2018: 117–125].

Однако ключевой опорой Кучумовичей все же являлись ойратские объединения, которые постепенно из Западной Сибири и Казахстана перемещались на Волгу. Откочевал на юго-запад во главе 50 тыс. кибиток и давний союзник Кучумовичей — торгутский Хо-Урлюк с сыновьями, одним из которых был Дайчин [Трепавлов 2018: 126, 121]. В результате в 1670-х гг. Кучук уходит к каракалпакам вместе с башкирами (около 200 «дымов») «Салжеутского, Барын-Табынского, Шуранского и Кипчакского» ро-дов [Таймасов 2009: 108].

По С. И. Хамидуллину, после завершения башкирского восстания 1662–1664 гг. Кучук-хан стал правителем каракалпаков [Хамидуллин 2017: 74].

В 1696 г. тобольский казак В. Кобяков слышал от казахов о наличии у каракалпаков башкир, ушедших вместе с Кучуком [Трепавлов 2018: 129]. Кучук в истории башкир сыграл важную роль «природного» хана. Неслучайно он В. Т. Тепкеевым причислен к башкирам [Тепкеев 2014: 424].

Калмыцкий фактор в башкирских восстаниях

После ухода Кучука башкиры продолжали вести борьбу. Б. Э. Нольде указывает, что в 1675 г. волнения северо-восточных башкир «привели к крупному восстанию» [Нольде 2013: 329].

Восставшие башкиры в 1676 г. вновь объединились с калмыками из владения Аюки, а также с казахами. Башкиры под предводительством Сеита напали на Закамскую линию, разорив города и крепости, вторглись в Казанский уезд. Примечательно, что пленных они отсылали для продажи в Джунгарию [Казанцев 1866: 8]. В. М. Черемшанский пишет, что башкиры, объединившись с калмыцкими тайшами и подвластными им ногайцами, разоряли селения в Уфимском и Казанском уездах [Черемшанский 1859: 3].

В этом восстании с 1677 г. «борьбу *табынцев* возглавил тархан Ишмухамет». По мнению Б. Э. Нольде, восстание башкир происходило в 1676–1682 гг., после которого в Башкирии на долгое время установился мир [Нольде 2013: 329]. В этот период (в 1675–1676 и 1681–1683 гг.) отмечается серия калмыцких набегов на русские территории и населенные пункты. Калмыки действовали как самостоятельно, так и в союзе с башкирами [Васильев 2020: 176].

В 1683 г. к оз. Чебаркуль подошел Кучумович Хасан (сын Аблая) с калмыцкой конницей. В. В. Трепавлов отмечает, что неизвестно, с какой целью пришел Хасан с калмыками, но башкиры «укрылись в лесах и горах» и не пошли за ним. Причиной завершения башкирского восстания в 1684 г., очевидно, явилось то, что в тот год калмыцкий тайша Аюка, готовивший весенний удар «на Уфинской и сибирских городов на уезды» 40-тысячной армией под руководством внука Ишима Дюдюбака, вдруг неожиданно принял российское подданство, в связи с чем этот поход не состоялся [Трепавлов 2018: 128].

В то же время известно, что башкирское восстание 1681–1684 гг. нашло поддержку со стороны калмыков. Как отмечает И. Г. Акманов, в тот период для башкир была важна поддержка со стороны калмыцких отрядов [Акманов 2016: 124]. А. Г. Митиров пишет, что Аюка со своими братьями, объединившись с башкирами, «ходил» на

российские города в Казанский и Уфимский уезды [Митиров 1998: 101].

Аюка как выдающийся полководец и искусный дипломат неоднократно давал клятву верности российскому правительству, но при первой возможности нарушал их. Поэтому неудивительно, что в 1681 и 1683 гг. он с восставшими башкирами участвовал в разгроме русских и черемисских сел в Казанском и Уфимском уездах и на Волге [Джунджузов 2014: 70]. Так, Аюка и другие тайши приняли участие в башкирском восстании 1681–1683 гг., однако уже в 1683 г. он не столько поддерживал башкир, сколько пытался их подчинить [Ремилева 2010: 226].

В этой связи показателен пример казахско-джунгарских взаимоотношений. По мнению С. А. Едилхановой, Джунгария вела политику недопущения вхождения казахских жузов в состав России [Едилханова 2005: 146].

То же самое можно сказать и про политику Джунгарии в отношении башкир, так как указанный выше Дюдюбак был поставлен главой над калмыцкими тайшами именно джунгарским правителем Галданом Башокту-ханом, который направил Кучумовича «на старинные ево кочевья по Ишиму реке, где кочевали дед и отец ево» с поручением начать военные действия против башкир [Трепавлов 2018: 127].

Галдан Башокту-хан хотел держать под контролем калмыцких тайшей, сконцентрировав власть в руках Кучумовича Дюдюбака. Однако Аюка, дабы избежать зависимости от Джунгарии, выбрал подданство русскому царю, видя в этом временное решение своих проблем. Позднее, в 1690 г., это не помешало Аюке получить ханский титул от Далай-ламы [Джунджузов 2014: 68]. Со своей стороны царское правительство помогло Аюке сосредоточить власть в своих руках, чтобы решать свои проблемы на юго-восточных границах с помощью сильного централизованного ханства [Кундакбаева 2015: 183].

Заключение

Нежелание башкир продолжить борьбу за создание «своего» государства, очевидно, главным образом было связано с потерей союзника в лице калмыков. Известно, что после принятия Аюкой российского подданства отношения между калмыка-

ми и башкирами вновь ухудшились, и это привело к взаимным набегам. Например, по источникам, в 1692 г. улус Аюки активно готовился к нападению башкир [Батмаев 1993: 123]. А в 1708 г. Аюка принимал участие в подавлении очередного башкирского восстания [Митиров 1998: 109], что позволило российским властям ограничить масштабы народного движения и воспрепятствовать установлению контактов башкир с булавинцами [Азнабаев 2015: 86]. К этому можно добавить: лишь в середине XVIII в.

была возведена Самарская укрепленная линия для пресечения взаимных набегов башкир и калмыков [Колесник 1997: 12].

Таким образом, попытки воссоздания Сибирского ханства во многом были связаны с политикой калмыцких тайшей, зачастую поддерживавших Кучумовичей и башкир в их выступлениях против Русского государства. Идея возвращения к жизни Сибирского ханства была подавлена уходом Кучука к каракалпакам и принятием Аюкой российского подданства.

Литература

- Азнабаев 2005 — Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: БашГУ, 2005. 230 с.
- Азнабаев 2015 — Азнабаев Б. А. Возобновление российского подданства башкир в 1722 г. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сб. ст. Алматы: Казахский университет, 2015. С. 85–101.
- Азнабаев 2016 — Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: БашГУ, 2016. 368 с.
- Акманов 2016 — Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. — феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 376 с.
- Асфандияров 2006 — Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
- Батмаев 1993 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2-х книгах. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Буканова 2010 — Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.
- Буляков 2012 — Буляков И. И. Золотоординские государственные традиции в управлении башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVII в. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.
- Валиди Тоган 2010 — Валиди Тоган А.-З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
- Васильев 2020 — Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Джунджузов 2014 — Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века): монография. Оренбург: ОГАУ, 2014. 434 с.
- Едилханова 2005 — Едилханова С. А. Казахско-джунгарские взаимоотношения в XVII–XVIII веках (некоторые историографические аспекты проблемы). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 162 с.
- Казанцев 1866 — Казанцев И. М. Описание башкирцев, составленное Н. Казанцевым. СПб.: Общественная польза, 1866. 97 с.
- Колесник 1997 — Колесник В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв.: уч. пособ. Элиста: КалмГУ, 1997. 135 с.
- Кундакбаева 2015 — Кундакбаева Ж. Б. От военно-административного надзора к имперской бюрократической системе управления: методы включения калмыков в административно-политическую систему Российской империи в XVIII веке // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сб. ст. Алматы: Казахский университет, 2015. С. 179–198.
- Любавский 1996 — Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: изд-во МГУ, 1996. 688 с.
- Материалы по истории 1936 — Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1 / отв. ред. А. П. Чулошников. М.; Л.: АН СССР, 1936. 631 с.
- Миллер 2000 — Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 2. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
- Митиров 1998 — Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калмкнигоиздат, 1998. 384 с.

- Нольде 2013 — *Нольде Б. Э.* История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Ремилева 2010 — *Ремилева Е. С.* Ойрат-монголы. Обзор истории европейских калмыков (Elena Remileva. Oirat-Mongolen. Ein Überblick über die Geschichte der europäischen Kalmücken). Weiler: Bertugan, 2010. 690 с.
- Словцов 2014 — *Словцов П. А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2014. 512 с.
- Таймасов 2009 — *Таймасов С. У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.
- Тепкеев 2014 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2014. 448 с.
- Тепкеев 2015 — *Тепкеев В. Т.* Ойраты в начале XVII века. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 198 с.
- Трепавлов 1997 — *Трепавлов В. В.* Ногай в Башкирии, XV–XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнографии Башкортостана. Уфа: Урал. науч. центр РАН, 1997. № 2. С. 5–37.
- Трепавлов 2018 — *Трепавлов В. В.* Кучумовичи в Сибири: борьба за реванш // Сибирские царевичи в истории России / В. В. Трепавлов, А. В. Беляков. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. С. 13–162.
- Устюгов 1974 — *Устюгов Н. В.* Научное наследие. М.: Наука, 1974. 254 с.
- Хамидуллин 2017 — *Хамидуллин С. И.* Очерк истории башкир рода Табын // История башкирских родов. Табын. Т. 28. Ч. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 2017. С. 17–122.
- Черемшанский 1859 — *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. губ. правления, 1859. 472 с.

References

- Aznabaev B. A. Integracija Bashkirii v administrativnuju strukturu Rossijskogo gosudarstva (vtoraja polovina 16 – pervaja tret' 18 vv.) [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the 16th – first third of the 18th centuries)]. Ufa: Bashkir State University, 2005. 230 p. (In Russ.)
- Aznabaev B. A. Renewal of Russian citizenship to the Bashkirs in 1722. Kochevye narody Central'noj Evrazii 18–19 vv.: sravnitel'no-istoricheskij analiz politiki Rossijskoj imperii: sbornik statej. Almaty: Kazakh University, 2015. Pp. 85–101. (In Russ.)
- Aznabaev B. A. Bashkirskoe obshhestvo v 17 – pervoj treti 18 v. [Bashkir society in the 17th – first third of the 18th century]. Ufa: Bashkir State University, 2016. 368 p. (In Russ.)
- Akmanov I. G. Bashkirskie vosstanija 17–18 vv. – fenomen v istorii narodov Evrazii [Bashkir uprisings of the 17th – 18th centuries – a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia]. Ufa: Kitap, 2016. 376 p. (In Russ.)
- Asfandijarov A. Z. Bashkirija posle vhozhdjenija v sostav Rossii (vtoraja polovina 16 – pervaja polovina 19 v.) [Bashkiria after joining Russia (second half of the 16th – first half of the 19th century)]. Ufa: Kitap, 2006. 504 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyki v 17–18 vekah. Sobytiya, ljudi, byt: v 2-h knigah [Kalmyks in the 17th – 18th centuries. Events, people, everyday life: in 2 books]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Bukanova R. G. Goroda-kreposti na territorii Bashkortostana v 16–17 vv. [Fortress cities on the territory of Bashkortostan in the 16th – 17th centuries]. Ufa: Kitap, 2010. 264 p. (In Russ.)
- Buljakov I. I. Zolotoordynskie gosudarstvennye tradicii v upravlenii bashkirskim kraem vo vtoroj polovine 16 – pervoj treti 17 v. [Golden Horde state traditions in the management of the Bashkir region in the second half of the 16th – first third of the 17th century]. Ufa: IHLL USC RAS, 2012. 180 p. (In Russ.)
- Validi Togan A.-Z. Istorija Bashkir [Bashkir history]. Ufa: Kitap, 2010. 352 p. (In Russ.)
- Vasil'ev D. V. Rozhdenie imperii. Jugo-vostok Rossii: 18 – pervaja polovina 19 v. [The birth of an empire. Southeast of Russia: 18th – first half of 19th century]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2020. 608 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Juzhnom Urale: imperskie mehanizmy akkul'turacii i problema sohranenija jetnicheskoy identichnosti (seredina 30-h godov 18 – pervaja chetvert' 20 veka): monografija [Kalmyks in the Middle Volga Region and the Southern Urals: Imperial Mechanisms of Acculturation and the Problem of Preserving Ethnic Identity (mid-1830s – first quarter of the 20th century): monograph]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2014. 434 p. (In Russ.)

- Edilhanova S. A. Kazahsko-dzhungarskie vzaimootnoshenija v XVII–XVIII vekah (nekotorye istoriograficheskie aspekty problemy) [Kazakh-Dzungar relations in the 17th–18th centuries (some historiographic aspects of the problem)]. Almaty: Dajk-Press, 2005. 162 p. (In Russ.)
- Kazancev I. M. Opisanie bashkircev, sostavленnoe N. Kazancevym [Description of the Bashkirians, compiled by N. Kazantsev]. St. Petersburg: Public benefit, 1866. 97 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. Demograficheskaja istorija kalmykov v 17–19 vv. [Demographic history of Kalmyks in the 17th – 19th centuries]. Elista: Kalmyk State University, 1997. 135 p. (In Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B. From military-administrative oversight to an imperial bureaucratic management system: methods of including Kalmyks in the administrative-political system of the Russian Empire in the 18th century. Kochevye narody Central'noj Evrazii 18–19 vv.: srovnitel'no-istoricheskij analiz politiki Rossijskoj imperii: sbornik statej. Almaty: Kazakh University, 2015. Pp. 179–198. (In Russ.)
- Ljubavskij M.K. Obzor istorii russkoj kolonizacii s drevnejshih vremen i do XX veka [Review of the history of Russian colonization from ancient times to the 20th century]. Moscow, 1996. 688 p. (In Russ.)
- Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part 1. Executive editor A.P. Chuloshnikov. Moscow – Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 631 p. (In Russ.)
- Miller G. F. Istorija Sibiri: v 3 t. T. 2. [History of Siberia: in 3 volumes. Vol. 2]. Moscow: Oriental literature, 2000. 796 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Ojratty – kalmyki: veka i pokolenija [Oirats – Kalmyks: centuries and generations]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Nol'de B. Je. Istorija formirovaniya Rossijskoj imperii [The history of the formation of the Russian Empire]. St. Petersburg: Dmitrij Bulavin, 2013. 848 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Jetnicheskij sostav i proishozhdenie altajcev. Istoriko-jetnograficheskij ocherk [Ethnic composition and origin of the Altaians. Historical and ethnographic sketch]. Leningrad: Nauka, 1969. 196 p. (In Russ.)
- Remileva E. S. Ojratty-mongoly. Obzor istorii evropejskih kalmykov [Oirat Mongols. Review of the history of European Kalmyks]. Weiler: Bertugan, 2010. 690 p. (In Russ.)
- Slovcov P. A. Istorija Sibiri [History of Siberia]. Ot Ermaka do Ekateriny II. Moscow: Veche, 2014. 512 p. (In Russ.)
- Tajmasov S. U. Bashkirsko-kazahskie otnoshenija v XVIII veke [Bashkir-Kazakh relations in the 18th century]. Moscow: Nauka, 2009. 344 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroj treti 17 veka: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij [Kalmyks in the Northern Caspian region in the second third of the 17th century: problems of political relations]. Elista: Dzhangar, 2014. 448 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Ojratty v nachale XVII veka [Oirats at the beginning of the 17th century]. Elista: KIHR RAS, 2015. 198 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. Nogai in Bashkiria, XV–XVII centuries. Materialy i issledovanija po istorii i jetnologii Bashkortostana. Ufa, 1997. № 2. Pp. 5–37. (In Russ.)
- Trepavlov V.V. Kuchumovicheskiy fight for revenge. Sibirskie carevichi v istorii Rossii / V. V. Trepavlov, A.V. Beljakov. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018. Pp. 13–162. (In Russ.)
- Ustjugov N. V. Nauchnoe nasledie [Scientific heritage]. Moscow: Nauka, 1974. 254 p. (In Russ.)
- Hamidullin S. I. Essay on the history of the Bashkirs of the Tabyn clan. Istorija bashkirskih rodov. Tabyn. T. 28. Ch. 1. Ufa: IHLL USC RAS; Kitap, 2017. Pp. 17–122. (In Russ.)
- Cheremshanskij V.M. Opisanie Orenburgskoj gubernii v hozjajstvenno-statisticheskem, jetnograficheskem i promyshlennom otnoshenijah [Description of the Orenburg province in economic, statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa: Printing house of the Orenburg provincial government, 1859. 472 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 2, pp. 248–258, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (470.57)
DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-248-258

Внутрисемейные взаимоотношения у башкир во второй половине XIX – начале XX в.

Рима Нуғамановна Сүлейманова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, проспект Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий

 0000-0003-1877-5421. E-mail: rnsulejman@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021
© Сүлейманова Р. Н., 2021

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются внутрисемейные взаимоотношения в башкирском обществе во второй половине XIX – начале XX в. Цель исследования. Статья направлена на установление особенностей и новых явлений во внутрисемейных взаимоотношениях у башкир во второй половине XIX – начале XX в. Материалы и методы. Основными источниками являются документальные материалы, выявленные в архивах, и опубликованные издания. Анализ источников материала, оценки событий и явлений производились с учетом принципов историзма, объективности и научности. Исследование проводилось с применением таких методов, как сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный, логический и пр. Результаты. На основе уникальных источников, таких как архивные документы, опубликованные источники, работы известных российских ученых, общественных деятелей и краеведов, рассматриваются семейный быт у башкир в данный период и под влиянием поворотных событий в общественной жизни России происходившие в нем новые явления. Они внесли перемены в эту сферу и оказали серьезное влияние на внутрисемейные взаимоотношения, положение членов семьи. Особенно это коснулось статуса женщины, на что также обращалось внимание в изданных научных и краеведческих работах. Происходили перемены в самой женщине, ее самосознании и поведении, кардинально отличавшиеся от устоявшихся норм. Это проявилось в участившихся случаях обращения женщин в Оренбургское магометанское духовное собрание за разрешением на новое замужество, с просьбами на развод, с жалобами на мужей, а также в возникновении женских обществ, ставших первым опытом их самоорганизации за пределами дома и вступления в общественную жизнь. Однако в семье, где главенствовал мужчина, продолжало сохраняться приниженнное и зависимое положение других членов. Все это указывает на прочность традиционных внутрисемейных взаимоотношений. Заключение. В рассматриваемый период внутрисемейные взаимоотношения у башкир сохранили свою неизменность. Однако под влиянием происходивших в начале XX в. событий в общественной жизни России положение семьи и ее членов заметно осложнилось и

стало нестабильным. Претерпевало серьезные перемены положение женщины в семье. Оно становилось иным, как и само традиционное башкирское общество.

Ключевые слова: башкиры, семья, взаимоотношения, мужчина, женщина, члены семьи, семейное положение, традиции, новые явления, вторая половина XIX – начало XX в.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: AAAA-A17-117040350082-3).

Для цитирования: Сулейманова Р. Н. Внутрисемейные взаимоотношения у башкир во второй половине XIX – начале XX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 248–258. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-248-258

Bashkir Intra-Family Relations: Mid-19th – Early 20th Centuries

Rima N. Suleimanova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate, Head of Department

 0000-0003-1877-5421. E-mail: rnsulejman@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Suleimanova R. N., 2021

Abstract. *Introduction.* The article examines intra-family relations in Bashkir society in the mid-19th to early 20th centuries. *Goals.* The work aims at outlining the characteristics and new phenomena in Bashkir intra-family relations during the period under consideration. *Materials and Methods.* The main sources are archival documentary materials and published sources. The analysis of the source material, the assessment of events and phenomena were implemented through the principles of historicism, objectivity and scientific nature. The study employs such methods as comparative historical, problem-chronological, retrospective, logical ones, etc. *Results.* On the basis of unique sources, such as archival documents, published sources, works by famous Russian scientists, public figures and local historians, the paper provides insight into the family life of Bashkirs in this period — with due account of turning events in Russia's social life and its actual phenomena. The latter initiated certain changes in this sphere and had a serious impact on intra-family relations, positions of family members. That especially affected the status of women which has also been highlighted in published scientific and local history works. Changes took place in the woman herself, in her self-awareness and behavior, radically different from the established norms. This is evidenced by the increased number of cases when women turned to the Orenburg Mohammedan Spiritual Association with requests for divorce, permission for a new marriage, with complaints against their husbands, as well as by the emergence of women's societies which became first experience of their self-organization outside homes and that of social life. However, family was still dominated by man, and other members remained as humiliated and dependent. All this attests to the strength of traditional intra-family relations. *Conclusions.* During the period under review, Bashkir intra-family relations remained virtually unchanged. Nonetheless, the events that took place in the early 20th century in Russia's social life resulted in that positions of family and its members became noticeably complicated and unstable. The position of woman in family was undergoing serious changes as well: it became different, like the traditional Bashkir society itself.

Keywords: Bashkirs, family, relations, man, woman, family members, family position, traditions, new phenomena, mid-19th to early 20th centuries

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Suleimanova R. N. Bashkir Intra-Family Relations: Mid-19th – Early 20th Centuries. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 248–258. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-248-258

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. башкирское общество переживало переломный период в своей истории. Сокращение земельных угодий, обусловившее кризис полукочевого скотоводства, привело к болезненному переходу к земледелию и оседлости, и постепенно в прошлое уходили традиционные хозяйствственные занятия. Все это вело к значительному обнищанию башкирского населения [Асфандияров 1997: 11; Роднов 2002: 276]. Этот период с происходившими серьезными общественно-политическими и социально-экономическими событиями стал поворотным и в развитии башкирской семьи.

Несмотря на сохранение в семейном быту у башкир традиционных черт, все явственнее становились новые проявления, в частности, доминирование нуклеарной (малой) семьи, относительная малодетность, изменения внутрисемейного устройства, места и роли членов семьи, прежде всего женщины. Зачастую это было связано с такими объективными причинами, как длительное отсутствие мужчины, который уезжал на заработки, мобилизации на фронт, смерть и т. д., что делало ее главой семьи и вело к перераспределению функций между другими членами [Роднов 2002: 199].

Вопросы семейного быта у башкир привлекали внимание исследователей еще с XVIII в., что сохранилось и в последующем. В опубликованных работах освещались вопросы общественной и хозяйственной жизни народа. В то же время они стали важными источниками для понимания и представления особенностей внутрисемейных взаимоотношений, положения членов семьи, особенно башкирки в том виде и статусе, в котором она была и в каком общество хотело ее видеть, и какой она стала в начале XX в.

Потому именно к этому вопросу исследователи чаще всего обращались, хотя мнения высказывали разные. Одни заявляли о ведущей роли башкирок в ведении домашних работ и участии наравне с мужчинами в хозяйственной жизни [Небольсин 1850; Черемшанский 1859].

Многие исследователи соглашались с ними [Казанцев 1866; Флоринский 1874; Назаров 1890; Бергхольц 1893; Никольский 1899]. Имелись суждения относительно башкир, не принимавших никакого участия в домашних делах [Юдин 1890: 4; Рыбаков 1897: 20]. В то же время отмечалась их занятость в скотоводстве, земледелии, рыболовстве, отхожих, кустарных промыслах и строительных работах [Назаров 1890: 190; Никольский 1899: 51].

Таким образом, с одной стороны, исследователями демонстрировалась ведущая роль башкирки в ведении домашних работ, участие наравне мужчиной в хозяйственной жизни, что позволяло делать вывод о ее «довольно сносном положении в семье». С другой стороны, приведенные ими факты указывали на неравноправное положение башкирки в семье, а также в обществе. В последующем эти мнения особых перемен не претерпели. Во многих работах вновь говорилось о ее бесправии в семье и обществе при большой загруженности в хозяйстве [Лоссиевский 1903; Крашенинников 1907].

В последующий период эти суждения были озвучены в ряде работ [Кийков 1927; Стина 1928]. Лишь в монографии С. И. Руденко о башкирах, вторая часть которой была посвящена быту, ученый не разделил официально установившуюся в советской литературе точку зрения о тяжелом положении и полном бесправии башкирки [Руденко 1925: 257].

Однако изменения в семейном быту у башкир, в статусе женщины, других членов семьи, происходившие в начале XX в., не рассматривались в его труде.

Вопросы семьи и брака в башкирском обществе затрагивались в ряде работ [Бикбулатов 1981; Бикбулатов, Фатыхова 1991; Асфандияров 1997]. Но в них также не получили освещения происходившие в семейном быту башкир перемены на рубеже XIX – начале XX в. Это показывает, что проблема развития семьи у башкир в рассматриваемый период, новые явления во внутрисемейных взаимоотношениях еще не были предметом специального изучения.

Материалы и методы

Источниковая база данной проблемы отличается разнообразием, это архивные материалы и опубликованные источники. В Национальном архиве Республики Башкортостан в фонде Оренбургского магометанского духовного собрания были выявлены такие документальные материалы, как прошения, жалобы и решения, касавшиеся семейной жизни башкир (бракосочетаний, разводов, жестокого обращения мужей и др.) [НА РБ. Ф. И-295].

Немало источников для раскрытия данной темы было почерпнуто в опубликованных документальных изданиях [Михайлова 1913; Революция 1930; Женское движение 2008]. Были привлечены такие источники, как уставы самодеятельных обществ, что является подтверждением происходивших перемен в начале XX в. среди женского населения [Устав 1913].

Безусловно, вышедшие в рассматриваемый период работы российских исследователей, краеведов и ученых, в которых получили описание многие стороны семейного быта башкир, в том числе по интересующей нас теме, следует рассматривать и как исторический источник.

Развитие семьи у башкир: традиции и новые явления

Во второй половине XIX – начале XX в. происходившие в России общественно-политические и социально-экономические события оказали серьезное влияние на развитие института семьи у башкир. В то же время в ней сохранялись традиционные внутрисемейные отношения, место и роль каждого из ее членов, распределение между ними функций и обязанностей.

Положение мужчины, женщины, детей и других родственников в семье обуславливалось традиционными установками и шариатом. По мнению исследователей, в частности В. Зефирова, отметившего в газете «Оренбургские губернские ведомости» в 1851 г. (републикация статьи в книге «Башкирия в русской литературе», 1961 г.), что семейный быт у башкир в этот период оставался «неприкосновенным ни малейшему изменению» [Зефиров 1961: 274].

Подтверждая это, спустя полвека, в 1903 г. М. В. Лоссиевский написал, что целиком и полностью семейный быт регулируется и направляется правилами и закона-

ми шариата, потому башкирское общество отличается «поразительною замкнутостью и неподвижностью в своих воззрениях и быте» [Лоссиевский 1903: 11, 12].

По наблюдениям исследователей, состояние семейной жизни, сложившееся у башкир, характеризовалось, как «тихое и мирное» [Никольский 1899: 144]. Многие из них в числе причин называли отсутствие пьянства в их среде, устоявшиеся традиции почтительного отношения к женщине, недостаточное распространение многоженства [Никольский 1899: 141].

Относительно последнего исследователи соглашались, что это «зло» среди них не получило широкого распространения. В. М. Черемшанский указывал, что башкиры имеют «достаточные по две и по три жены, а бедные — по одной». Правда, по его мнению, многие «из благоразумных башкирцев» не увлекаются многоженством, видя в нем основную причину семейных несогласий, и потому «довольствуются» одной женой [Черемшанский 1859: 160]. К такому же выводу приходил Л. фон Бергхольц на примере башкир-кайтайды: «почти все имеют только по одной жене и исключения допускаются только более богатыми» [Бергхольц 1893: 80].

В семейной иерархии у башкир, как отмечалось исследователями, мужчине традиционно отводилось главенствующее положение и та роль, которую он играл в хозяйственной и общественной жизни. Они указывали на незыблость у них принципа безграничной власти мужа над женой. Несмотря на разделение мужчинами труда женщин при выполнении ряда сельскохозяйственных занятий, таких как сенокос, жатва, молотьба, основная нагрузка при выполнении хозяйственных дел ложилась на последних. Тому подтверждением являются наблюдения В. Зефирова о взаимоотношениях мужа с женами, за их поведением в семейном кругу [Зефиров 1961: 277, 278]. Л. фон Бергхольц на примере башкир-кайтайды также заявлял, что муж является главой, властелином [Бергхольц 1893: 80].

Закрепившееся за мужчиной положение «хозяина», «господина» особенно проявлялось при решении судьбы детей. На «произвол родителей, особенно отца», «неограниченную власть родителей, прежде всего, отца» указывали исследователи [Казанцев

1866: 40; Юлуев 1892: 216]. Хотя нужно заметить, что относительно «безраздельной власти» отца в семье некоторые исследователи придерживались иного мнения. Они считали, что особенно при описании брачно-свадебных обычаях у башкир было допущено определенное преувеличение, которого не должно быть, так как само общество, идеология, интересы разных слоев и сословий являлись неоднородными, это же характеризовало и семью [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 13, 18].

В главенствующем положении мужчины заключалась причина противоречивого отношения к женщине, членам семьи, на что влияли традиционные установки, которые он обязан был придерживаться: мужчине не подобало участвовать в домашних занятиях, оказывать жене помощь, сидеть рядом в телеге и т. д., во избежание общественного осуждения и порицания. Выйти из-под влияния этих устоявшихся порядков и запретов или обойти их он не мог. Это созвучно слухаю, который описал С. Г. Рыбаков: за непослушание жены башкир Магафур ее наказал, хотя и ощущал свою неправоту, но признаваться в этом не хотел [Рыбаков 1897: 35, 36].

В других работах башкир-«властелин» характеризовался следующим образом: «или спит, или балакает вздор с соседями», считает для себя унижением принести воды или охапку дров, или не садится с женой рядом в телегу, где она сидит одна и правит [Юлуев 1892: 221; Крашенинников 1907: 11].

Исследователями всегда обращалось внимание на интересный факт при описании свадебных традиций — в них принимали участие только мужчины, так как присутствие женщин не полагалось [Зеленин 1908: 84].

Подобных примеров «особого» статуса мужчины у башкир в семейном быту, в других сферах жизнедеятельности в рассматриваемый период можно привести немало. В то же время семья у башкир, построенная на патриархальной основе, заключавшейся в главенстве мужа, подчинении ему жены, имела утвердившиеся в ней взаимоотношения между членами, и они не были столь жесткими, в отличие от других народов. Исследователи связывали это с неодобрением мужчин дикого и необузданного проявления этой власти [Рыбаков 1897: 20].

С. И. Руденко указывал, что чем богаче башкир, тем больше у него «барства», в отличие от бедного, который его «проявляет у себя дома и служит ему его жена» [Руденко 1925: 258].

Положение других членов семьи — родителей, детей и иных родственников — в рассматриваемый период сохраняло свою традиционную неизменность. К родителям у башкир отношение было особым. По мнению Н. В. Бикбулатова, почитание старших, предпочтительные права старших перед младшими и взрослых — перед детьми в той или иной мере были характерны для всех обществ. Однако у тюркских народов, в том числе у башкир, старшинство было доведено, по существу, до уровня культа. Оно распространялось не только на родителей и прямых предков, а на все восходящие ступени родства [Бикбулатов 1981: 88].

Как отмечалось исследователями, родители принимали участие в обсуждении всех наиболее важных семейных вопросов. Главой семьи являлся отец, даже если он был стар и не работал в хозяйстве. Он распоряжался имуществом и был ее юридическим представителем, потому как в семье был полноправным «господином», что закреплялось религией [Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962: 250, 251].

Относительно положения пожилой женщины у башкир мнения исследователей совпадали. Д. П. Никольский писал, что они пользуются уважением в обществе, им оказывается всякий почет, в семье с ними совещаются, и голос их имеет иногда даже решающее значение. Автор отмечал уважительное отношение к ней детей, какого бы возраста они сами не были [Никольский 1899: 140]. С. И. Руденко также подтверждал, что среди других членов семьи авторитет пожилых женщин был высоким [Руденко 1925: 244].

Дети в семье были на особом положении. О них заботились и оберегали, с рождения они находились под опекой матери. Д. П. Никольский писал, что у башкир к детям отношение «мягкое и любовное», обращение с ними «очень кроткое» [Никольский 1899: 99, 143]. Воспитание и обучение ребенка были на ответственности матери, отец в это дело не вмешивался, как замечали исследователи [Небольсин 1850: 4, 5; Назаров 1890: 191].

Положение мальчиков и девочек в семье различалось. У девочки оно было нелегким, вынуждали рано начинать оказывать помощь матери по уходу за младшими детьми и в хозяйстве, часто выполнять непосильную для возраста и здоровья работу. При этом нужно заметить, что отношение к ней было неоднозначным. По мнению исследователей, с одной стороны, рождение девочки в семье не приветствовалось, с другой стороны, она считалась весьма доходной статьей, так как при выходе замуж за нее отец получал откуп (калым). Подобное отношение не касалось мальчиков, что указывало на их лучшее положение в семье [Сти-на 1928: 12].

По этому поводу Д. П. Никольский писал: «Дети-мальчики всегда почти являются баловнями своих отцов, насколько это можно допустить, но в то же время им строго не позволяют того, что запрещено». Касательно их воспитания исследователь замечал, что оно было «несложным делом: до 3-х или 5 лет дети находятся под опекой матери, и отец в его воспитание не вмешивается. Мальчики с 4-5 лет уже находятся около отца, с 8 лет они уже являются помощниками. Девочки являются помощницами матери» [Никольский 1899: 99, 124, 125].

При этом нужно заметить, что воспитание детей зависело, прежде всего, от социального положения родителей [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 115].

В составе семьи у башкир после развода с мужем находилась обычно дочь. Положение ее было намного легче, чем снохи (килен). К ней с почтением относились родные братья и сестры, а жена ее младшего брата должна была ей подчиняться. При возникновении конфликтов родители и братья, как обычно, принимали сторону разведенной. У зауральских башкир положение зятя было несколько иным при учете наличия или отсутствия у него имущества. По мнению исследователей, самым незавидным в семье было положение снохи (килен) [Асфандияров 1997: 81].

В семейном быту положение башкирки оставалось неизменно зависимым. В то же время доминирование нуклеарной семьи, слабость проникновения ислама в быт, сохранение пережитков полукочевого скотоводства и некоторые другие явления благоприятствовали относительной ее неза-

висимости в семье. Этим можно объяснить существовавшую в этом разноречивость взглядов современников.

Как и прежде, судьбу башкирки при совершении брака решали родители, прежде всего, отец или родственники мужчины. Это были выдача против ее воли или ранние браки. Об этом свидетельствуют обращения девушек или родителей в Оренбургское магометанское духовное собрание и иные ведомства. В 1907 г. башкир Н. Курбангалин Мензелинского уезда подал прошение в духовное собрание о краже дочери 14 лет башкиром Я. Гайнуллиным для насильтственного обвенчания [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1598. Л. 3-30б.].

Такой же случай произошел в 1908 г., когда насильтственном была обвенчана дочь 12 лет башкирки Х. Камалетдиновой Оренбургского уезда имамом М. Шагиахмедовым, о чем она извещает духовное собрание в поданном прошении [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1737. Л. 6-6б.] и пр.

Оставалось приниженным положение башкирки в имущественном и правовом отношениях, и, прежде всего, это касалось вопросов наследования и раздела имущества независимо от ее социального, имущественного, семейного и возрастного положения. Наследственные права после смерти мужа определялись шариатом и российским законодательством. В последнем было зафиксировано, что все жены умершего, сколько бы их ни было, получали совокупно из всего имущества, каждая из них равную долю, если останутся дети — $\frac{1}{8}$ часть, если нет детей, то жены получают $\frac{1}{4}$ часть, а прочее отдается другим наследникам [Михайлова 1913: II].

Даже при наличии несовершеннолетних сыновей умершего домохозяина, вдова назначалась опекуншей собственных детей и всего хозяйства только с согласия общины. Так, после кончины в 1901 г. башкира Д. Ишмухаметова из Стерлитамакского уезда опеку над имуществом и дочерью 6 лет получила не вдова, а башкир А. Хайбуллин [Роднов 2002: 198]. Подобных случаев было немало. В Бирском уезде в 1903 г. после смерти башкира М. Исакова из д. Кармановой опеку над оставшимся имуществом и дочерью 8 лет получил башкир М. Смагилов, а не вдова [НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2106. Л. 2]. В деревне Нижне-Иванеевой

после кончины башкира М. Байбердина опеку над имуществом и дочерью 4 лет получила не вдова, а родственник покойного Б. Байбердин [НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2107. Л. 2].

Ущемлялись имущественные права башкирки после развода, так как при разделе семейного имущества она полностью зависела от бывшего мужа [Шайдуллина 1963: 208].

О подобных несправедливых случаях обделенные жены не раз сообщали в различные инстанции. В прошении в Оренбургское магометанское духовное собрание, поданном в 1896 г. башкиркой Г. Сиразетдиновой из Оренбургского уезда, указывалось, что муж «дал ей талак», но с малолетней дочерью выгнал из дома, при этом не дал ей «разводного письма и принадлежавших ей вещей по калыму» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 20579. Л. 10–11].

Башкирка из Бирского уезда Ш. Нуриахметова в 1902 г. обратилась в духовное собрание с жалобой на мужа, который не только «изгнал из дома после 38 лет совместной жизни, но и не отдает вещи, принадлежащие ей» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 449. Л. 8] и др. Все это указывало на несправедливое обращение башкирки, как и других мусульманок, в гражданской жизни, отсутствие законоположений по защите ее интересов. Непросто было добиться развода с возвратом имущества, минуя волю мужа. Лишь накануне Первой мировой войны это право было предоставлено жене в виде особого разъяснения Оренбургского магометанского духовного собрания, но при условии доказательства «развратной жизни» мужа [Кийков 1927: 61].

Башкирка не имела права на участие в общественной жизни — на сходах, собраниях, а также на посещение религиозных учреждений. Еще в конце прошлого века исследователями сообщалось, что у башкир женщины «никогда и ни при каких духовных церемониях не участвуют» [Юдин 1890: 6].

Обращалось также внимание на то, что башкирка не только не принимала никакого участия в общественной жизни, но и не допускалась в мечеть, на кладбище, и это было закреплено экономическими и правовыми ограничениями, законами о наследовании и земельных наделах, согласно которым женщина не только не пользовалась ими наравне с мужчиной, но чаще все-

го вообще не бралась в расчет в качестве правоспособного члена семьи [Стина 1928: 23]. Все это подтверждало сохранявшееся ее бесправное положение в семье и общественной жизни.

В то же время нужно заметить, что стали наблюдаться перемены в самосознании и поведении башкирки. Она становилась иной, уже не такой безропотной, и рамки домашнего круга для нее становились тесными. Из «молчаливого существа» она превращалась в имеющего собственный голос человека. Поэтому внимание исследователей привлекал выразительный образ самостоятельной башкирки, готовой выступить наперекор общественному мнению. Об одной из таких женщин по имени Фахарница поведал С. Г. Рыбаков, она неоднократно убегала от мужа, кстати, полностью уплатившего ее отцу калым, по причине недовольства, что он «дурак, рохля, никакое дело у него не идет». Несмотря на уговоры, она так и не вернулась к нему [Рыбаков 1897: 33].

О другой башкирке по имени Фатима, ловкой и умелой хозяйке, защитнице своей семьи рассказал П. И. Добротворский. После смерти ее мужа над хозяйством и малолетним сыном было назначено опекунство. Но она воспротивилась этому, заявив, что «такой закон нет. ... Моя дети — моя и имение!» [Добротворский 1989: 45].

Башкирки были среди осмелившихся выйти за домашние пределы и участие по собственной инициативе в организации самодеятельных обществ весьма показательно. В числе учредителей в 1907 г. в Уфе мусульманского дамского общества была башкирка из деревни Кляшево Г. С.-А. Камалетдинова [Устав 1913: 37].

В этот период возросло количество обращений башкирок в различные инстанции с жалобами на «деспотическое» отношение мужей. Башкирка М. Габдулкадырова из Бугульминского уезда в 1901 г. направила прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание с требованием наказания мужа, который притеснял ее, наносил побои и изгнал из дома по причине «болезни рук, ног и слепоты» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 218. Л. 1].

В 1908 г. башкирка Ш. Сарыбаева из Оренбургского уезда подала в духовное собрание прошение о расторжении брака

по причине истязания и оскорблении мужем [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 5161. Л. 5]. В своих требованиях по расторжению брака женщины указывали и такие причины, как «недоставление средств к существованию», «неспособность к брачному сожитию» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 20887. Л. 10; НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 5863. Л. 1-10б.].

Менялось и отношение башкир к женщине, положению в семье, участию в общественных мероприятиях. Потому весьма показательно письмо башкир Оренбургского уезда, направленное в начале XX в. депутату Государственной Думы от Оренбургской губернии Т. И. Седельникову. Они просили ввиду бесправного положения башкирок «настоять на уравнении в правах с их мужьями» и указывали на необходимость «прекратить на законном основании» многоженство, которым особенно «злоупотребляют богатые люди и этим угнетают женщин» [Женское движение 2008: 14–15].

Однако изменения этих традиционных установок на положение башкирки происходили непросто, все еще сохранялось «барское» отношение к ней мужчин, даже с «передовыми взглядами», в частности, среди башкирских депутатов в российском парламенте. При обсуждении многих законопроектов, в их числе о гражданском равенстве, неоднозначной была позиция парламентариев к женскому вопросу. Депутат от Уфимской губернии Ш. Ш. Сыртланов не был столь категоричен при обсуждении вопросов о многоженстве, закрытости мусульманок в домашнем кругу и заявлял не забывать о положениях шариата, «...когда будет идти разговор в комиссии о равноправии» [Женское движение 2008: 16].

Заметим, что впоследствии, на первом съезде российских мусульман в мае 1917 г. было особо сказано о необходимости уничтожения многоженства «ввиду того, что оно противоречит принципу человечности и справедливости» [Революция 1930: 298].

Под влиянием происходивших масштабных и сложных событий в конце XIX – начале XX в. в хозяйственном укладе башкир наблюдались серьезные перемены, что являлось непростым испытанием для их устоявшегося семейно-бытового уклада и привычного образа жизни. Это в основном было связано с ухудшением условий проживания и ведения хозяйства,

вело к обнищанию башкир и вынуждало уходить на заработки в города и крупные населенные пункты для поддержания семей. Но в более сложном положении оказывались семья и хозяйство, когда мужа призывали на военную службу, и более губительными для них являлись последствия в случае его потери на войне. Однако это вносило перемены в положение членов семьи, особенно жены, на которую возлагалась вся ответственность за семью и ведение хозяйства. Правда, отсутствие у нее правомочий при рассмотрении земельных и имущественных вопросов судебными органами и самими общинами зачастую приводили к принятию несправедливых решений. Происходившие в семейно-бытовой и хозяйственной сферах у башкир изменения вносили довольно серьезные корректизы в положение других членов семьи — родителей, пожилых родственников, детей и пр. Теперь выполнение сельскохозяйственных работ возлагалось на взрослых, в случае, если позволяло здоровье, и на подростков. Нужно заметить, что это не привело к изменению устоявшегося порядка взаимоотношений в семье между мужем и женой, родителями и детьми, старшими и младшими, как отмечалось исследователями [Бикбулатов 1981: 88].

Выводы

Во второй половине XIX – начале XX в., как свидетельствуют различные источники и дореволюционная литература, семейный быт у башкир, функции и обязанности членов семьи оставались неизменными, что было определено традиционными порядками и религиозными установками. Однако в начале XX в. под влиянием происходивших поворотных событий в общественной жизни России, войн, изменений в экономической жизни, в других сферах и пр., которые коснулись и башкир, устояев семейно-бытового уклада и привычного образа жизни, положение семьи, ее членов становилось сложным и нестабильным. В семейном быту начинают проявляться новые явления. Серьезные перемены претерпевало внутрисемейное устройство, прежде всего, это касалось положения башкирки в семье. Оно становилось иным, как и само традиционное башкирское общество, и уже предпринимались попытки к освобождению семейного

устройства от устоявшихся предрассудков и воззрений, на что обращалось внимание исследователями и о чем свидетельствуют источники. Но пока это не вносило карди-

нальных изменений в семейный быт, во внутрисемейные отношения — они продолжали строиться на прежней традиционной основе.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

Литература

- Асфандияров 1997 — *Асфандияров А. З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.)*. Уфа: Китап, 1997. 104 с.
- Бергхольц 1893 — *Бергхольц Л. Горные башкиры-катаицы // Этнографическое обозрение. 1983. № 3–4. С. 74–84.*
- Бикбулатов 1981 — *Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства*. М.: Наука, 1981. 125 с.
- Бикбулатов, Фатыхова 1991 — *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир. XIX–XX вв.* М.: Наука, 1991. 189 с.
- Добротворский 1989 — *Добротворский П. И. В глухи Башкирии. Рассказы. Воспоминания*. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1989. 256 с.
- Женское движение 2008 — Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: сборник документов и материалов / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2008. 272 с.
- Зеленин 1908 — *Зеленин Д. О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Этнографическое обозрение. 1908. № 3. С. 78–87.*
- Зефиров 1961 — *Зефиров В. Взгляд на семейный быт башкирца // Башкирия в русской литературе. Т. 1*. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1961. С. 273–280.
- Казанцев 1866 — *Казанцев Н. Описание башкирцев*. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1866. 97 с.
- Кийков 1927 — *Кийков А. К истории семьи и брака у башкир, татар, мордвы и чуваш // Башкирский краеведческий сборник*. Уфа: Издание О-ва по изучению Башкирии, 1927. № 2. С. 54–61.
- Крашенинников 1907 — *Крашенинников Н. А. Угасающая Башкирия*. М.: Новое слово, 1907. 134 с.
- Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962 — *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. С. 171–267.*
- Лоссиевский 1903 — *Лоссиевский М. В. Кое-что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем*. Уфа: Издание губ. стат. комитета, 1903. 16 с.
- Михайлова 1913 — *Михайлова В. Русские законы о женщине*. М.: Тип. акц. О-ва «Московское издательство», 1913. 118 с.
- Назаров 1890 — *Назаров П. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 164–192.*
- Небольсин 1850 — *Небольсин П. Заметки о башкортах // Отечественные записки. 1850. Т. 73. № 11–12. С. 1–9.*
- Никольский 1899 — *Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование*. Диссертация на степень доктора медицины Д. П. Никольского. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 377 с.
- Революция 1930 — *Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / под ред. С. М. Димаштейна*. Т. 3. Февраль – октябрь 1917 г. М.: Изд-во Ком. Академии, 1930. 467 с.
- Роднов 2002 — *Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения*. Уфа: ООО «Дизайн-полиграфсервис», 2002. 314 с.
- Руденко 1925 — *Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир*. Л.: Гос. тип. им. И. Федорова, 1925. 330 с.
- Рыбаков 1897 — *Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. 330 с.
- Стина 1928 — *Стина И. А. Башкирка*. М.: Издание Охматллада (охраны материнства и младенчества), 1928. 40 с.
- Устав 1913 — *Устав Уфимского мусульманского дамского общества*. Уфа: Электр. Тип. «Восточная печать», 1913. 37 с.

Sources

National Archives of the Republic of Bashkortostan.

- рии. Т. И. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1962. С. 171–267.
- Лоссиевский 1903 — *Лоссиевский М. В. Кое-что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем*. Уфа: Издание губ. стат. комитета, 1903. 16 с.
- Михайлова 1913 — *Михайлова В. Русские законы о женщинах*. М.: Тип. акц. О-ва «Московское издательство», 1913. 118 с.
- Назаров 1890 — *Назаров П. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 164–192.*
- Небольсин 1850 — *Небольсин П. Заметки о башкортах // Отечественные записки. 1850. Т. 73. № 11–12. С. 1–9.*
- Никольский 1899 — *Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование*. Диссертация на степень доктора медицины Д. П. Никольского. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 377 с.
- Революция 1930 — *Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / под ред. С. М. Димаштейна*. Т. 3. Февраль – октябрь 1917 г. М.: Изд-во Ком. Академии, 1930. 467 с.
- Роднов 2002 — *Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения*. Уфа: ООО «Дизайн-полиграфсервис», 2002. 314 с.
- Руденко 1925 — *Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир*. Л.: Гос. тип. им. И. Федорова, 1925. 330 с.
- Рыбаков 1897 — *Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. 330 с.
- Стина 1928 — *Стина И. А. Башкирка*. М.: Издание Охматллада (охраны материнства и младенчества), 1928. 40 с.
- Устав 1913 — *Устав Уфимского мусульманского дамского общества*. Уфа: Электр. Тип. «Восточная печать», 1913. 37 с.

- Флоринский 1874 — *Флоринский В.* Башкирия и башкиры: путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Т. 6. С. 723–765.
- Черемшанский 1859 — *Черемшанский Б. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренб. губ. правления, 1859. 472 с.
- Шайдуллина 1963 — *Шайдуллина Л. И.* Брак и

- развод по мусульманскому праву // Арабские страны. История. М.: Вост. лит., 1963. С. 203–211.
- Юдин 1890 — *Юдин П. Л.* Башкиры (бытовой очерк) // Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 36. С. 5–6.
- Юлуев 1892 — *Юлуев Б. М.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1892. № 2–3. С. 216–223.

References

- Asfandiyarov A. Z. Bashkir Family in the Past: 18th – Mid-19th Centuries. Ufa: Kitap, 1997. 104 p. (In Russ.)
- Bergholtz L. The Qatay: Bashkir highlanders. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1983. No. 3–4. Pp. 74–84. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V. Bashkir Kinship System. Moscow: Nauka, 1981. 125 p. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. Family Life of the Bashkirs, 19th – 20th Centuries. Moscow: Nauka, 1991. 189 p. (In Russ.)
- Cheremshansky B. M. Orenburg Governorate: A Description of Economic, Statistic and Industrial Aspects. Ufa: Executive Office of Orenburg Governorate, 1859. 472 p. (In Russ.)
- Dimashteyn S. M. (ed.) Revolution and the National Question: Historical Documents and Materials on the National Question in 20th-Century Russia and Soviets. Vol. 3. February – October of 1917. Moscow: Communist Academy, 1930. 467 p. (In Russ.)
- Dobrotvorsky P. I. In the Wilderness of Bashkiria: Stories, Memoirs. Ufa: Bashkir Book Publ., 1989. 256 p. (In Russ.)
- Florinsky V. Bashkiria and the Bashkirs: travel notes. *Vestnik Evropy*. 1874. Vol. 6. Pp. 723–765. (In Russ.)
- Kazantsev N. A Description of the Bashkirs. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za, 1866. 97 p. (In Russ.)
- Kiikov A. Bashkir, Tatar, Mordvin and Chuvash peoples: history of family and marriage revisited. In: Collected Materials on Bashkiria's Local Lore and History. Vol. 2. Ufa: Society for the Research of Bashkiria, 1927. Pp. 54–61. (In Russ.)
- Krasheninnikov N. A. The Fading Bashkiria. Moscow: Novoe Slovo, 1907. 134 p. (In Russ.)
- Kuzeev R. G., Bikbulatov N. V., Shitova S. N. Bashkirs of the Trans-Urals: An ethnographic sketch of household life and culture, late 19th – early 20th centuries. In: Archaeology and Ethnography of Bashkiria. Vol. I. Ufa: Bashkir Book Publ., 1962. Pp. 171–267. (In Russ.)
- Lossievsky M. V. A Few Things about Bashkiria and Bashkirs: Past and Present. Ufa: Statistical Committee of Ufa Governorate, 1903. 16 p. (In Russ.)
- Mikhaylova V. Russian Laws about Woman. Moscow: Moskovskoe Izdatelstvo, 1913. 118 p. (In Russ.)
- Muslim Women's Society of Ufa: Charter. Ufa: Vostochnaya Pechat, 1913. 37 p. (In Russ.)
- Nazarov P. Bashkir ethnography revisited. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1890. No. 1. Pp. 164–192. (In Russ.)
- Nebolsin P. The Bashkurt: collected notes. *Otechestvennye zapiski*. 1850. Vol. 73. No. 11–12. Pp. 1–9. (In Russ.)
- Nikolsky D. P. The Bashkirs: An Ethnographic, Sanitary and Anthropological Study. Doctor of Medicine Thesis. St. Petersburg: P. Soykin, 1899. 377 p. (In Russ.)
- Rodnov M. I. The Peasantry of Ufa Governorate in the Early 20th Century (1900–1917): Social Structure, Social Relations. Ufa: Dizaynpoligrafservis, 2002. 314 p. (In Russ.)
- Rudenko S. I. The Bashkirs: An Ethnological Monograph. Part II: Household Life. Leningrad: Fedorov State Publ. House, 1925. 330 p. (In Russ.)
- Rybakov S. G. Muslims of the Urals: Music, Songs, and a Sketch of Their Household Life. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1897. 330 p. (In Russ.)
- Shaydullina L. I. Muslim law: marriage and divorce. In: The Arab States. History. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. Pp. 203–211. (In Russ.)
- Stina I. A. The Bashkir Woman. Moscow: Maternity and Child Welfare Institute, 1928. 40 p. (In Russ.)
- Suleymanova R. N. (ed.) The Women's Movement in Bashkortostan: 1900–1941. Collected

- Documents and Materials. Ufa: Gilem, 2008. 272 p. (In Russ.)
- Yudin P. L. The Bashkirs: a sketch of household life. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. 1890. No. 36. Pp. 5–6. (In Russ.)
- Yuluev B. M. Bashkir ethnography revisited. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1892. No. 2–3. Pp. 216–223. (In Russ.)
- Zefirov V. The Bashkirs: glimpses of family life. In: *Bashkiria in Russian Literature*. Vol. 1. Ufa: Bashkir Book Publ., 1961. Pp. 273–280. (In Russ.)
- Zelenin D. Bashkirs of Yekaterinburg Uyezd: levirate marriage and some others customs revisited. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1908. No. 3. Pp. 78–87. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 259–274, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 655.3.026.11 (470.57)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-259-274

Влияние конструктивизма на дизайн башкирских национальных печатных изданий 20-х – начала 30-х гг. XX в.

Марс Лиронович Ахмадуллин¹, Эльза Эдуардовна Пурик², Марина Геннадьевна Шакирова³,
 Вилур Рашидович Шакиров⁴

¹ Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова (д. 14, ул. Ленина, 450008 Уфа, Российская Федерация); Уфимский государственный нефтяной технический университет (д. 1, ул. Космонавтов, 450064 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат искусствоведения, профессор
ID 0000-0002-6712-9058. E-mail: ugntuprint@yandex.ru

² Башкирский государственный университет имени М. Акмуллы (д. 3-а, ул. Октябрьской революции, 450008 Уфа, Российская Федерация)
 доктор педагогических наук, профессор, заведующая
ID 0000-0001-8256-6937. E-mail: elza.purik@mail.ru

³ Бирский филиал Башкирского государственного университета (д. 10, ул. Интернациональная, 452453 Бирск, Российская Федерация)
 кандидат педагогических наук, доцент, заведующая
ID 0000-0003-4905-8118. E-mail: marinn.shakirova@yandex.ru

⁴ Бирский исторический музей (д. 56, ул. Коммунистическая, 452453 Бирск, Российская Федерация)
 научный сотрудник
ID 0000-0001-6171-7628. E-mail: vilur@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2021
 © Ахмадуллин М. Л., Пурик Э. Э., Шакирова М. Г., Шакиров В. Р., 2021

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются особенности печатных изданий Башкирии в 20–30-е гг. XX в. с точки зрения типографики и художественного оформления. Цель исследования — анализ оформления обложек книг, журналов и плакатов, изданных в республике в 20–30-х гг. XX в., особенностей шрифтовых композиций, выявление влияния конструктивизма на формирование их стилистических особенностей на конкретных примерах. Авторы показывают, как синтез европейских тенденций и традиций национальной графической культуры, арабской письменности определил своеобразие графического дизайна этого периода в

Башкортостане. *Материалами* для исследования послужили печатные издания конца XIX – начала XX в., хранящиеся в отделах редких книг национальных библиотек Республики Татарстан, Республики Башкортостан, в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета, библиотеках Санкт-Петербурга, Москвы. В процессе исследования использовались такие *методы*, как описательный и сравнительно типологический, применялись историко-хронологический метод, искусствоведческий анализ. *Результаты*. В статье показано, как орнаментальный характер арабской вязи трансформировался в соответствии с художественно-эстетическими требованиями времени под влиянием динамических композиционных приемов, характерных для обложек и титульных листов конструктивистской книги. *Выводы*. Сегодня, когда ведется поиск путей дальнейшей эволюции национальной книги, опыт и традиции книгопечатного искусства арабоалфавитных и кириллических изданий начала XX в. вновь востребованы, благодаря многозначности и неисчерпаемости национального культурного наследия. Потребность в осмыслении пластических решений, свойственных искусству национальной книги, сквозь призму национального самосознания, обращении к художественно-эстетическим представлениям прошлого приводит к возрождению интереса у искусствоведов, художников книги, дизайнеров-практиков к творческимисканиям российской глубинки, к истории отечественного графического дизайна, ее неисследованным страницам.

Ключевые слова: арабоалфавитная книга, конструктивизм, орнаментальная композиция, пластическое мышление, стиль, графический дизайн, типографика, унван, художественное оформление книги, шрифтовая композиция

Для цитирования: Ахмадуллин М. Л., Пурик Э. Э., Шакирова М. Г., Шакиров В. Р. Влияние конструктивизма на дизайн башкирских национальных печатных изданий 20-х – начала 30-х гг. XX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 259–274. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-259-274

Designs of Bashkir National Newspapers, Books, Posters and Other Printed Matter, 1920s – Early 1930s: The Impact of Constructivism Revisited

Mars L. Akhmadullin¹, Elza E. Purik², Marina G. Shakirova³, Vilur R. Shakirov⁴

¹ Ufa State Institute of Arts named after Zagir Ismagilov (14, Lenin St., Ufa 450008, Republic of Bashkortostan, Russian Federation)

Cand. Sc. (Art Criticism), Professor

 0000-0002-6712-9058. E-mail: ugntuprint@yandex.ru

² Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (3-A, Oktyabrskoi Revolyutsii St., Ufa 450008, Republic of Bashkortostan, Russian Federation)

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Head of Department

 0000-0001-8256-6937. E-mail: elza.purik@mail.ru

³ Birsk Branch of Bashkir State University (10, Internatsionalnaya St., Birsk 452453, Republic of Bashkortostan, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Head of Department

 0000-0003-4905-8118. E-mail: marinn.shakirova@yandex.ru

⁴ Birsk Historical Museum (56, Kommunisticheskaya St., Birsk 452453, Republic of Bashkortostan, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-6171-7628. E-mail: vilur@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Akhmadullin M. L., Purik E. E., Shakirova M. G., Shakirov V. R., 2021

Abstract. *Introduction.* The article discusses the features of Bashkiria's printed matter as of the 1920s–1930s through the lens of typographics and artistic design. *Goals.* The work analyzes design patterns, features of font compositions, and identifies the influence of Constructivism on the shaping of their stylistic essentials through specific examples of book covers, magazines, and posters published in the 1920s–1930s in the Republic of Bashkortostan. The authors show how the synthesis of European trends and national traditions of Arabic writing determined the originality of the then Bashkortostan's graphic designs. *Results.* The article shows how the ornamental character of Arabic script was transformed into dynamic compositions of covers and title pages characteristic of Constructivism. *Conclusions.* Nowadays, the public are again trying to outline ways to develop the national book art. Therefore, the experience and traditions from the printing art of early 20th-century Arabic and Cyrillic editions are again in demand. Nobody doubts the significance and greatness of the national cultural heritage, the need to develop it, the need to understand what happened through the prism of national consciousness. The appeals to artistic and aesthetic ideas, creative experiments of the Russian hinterland, traditions that existed in other republics and peoples at the beginning of the 20th century do enrich the history of domestic graphic design. All these together serve sources of inspiration for contemporary art experts, book artists and design practitioners.

Keywords: Arabic-script book, Constructivism, ornamental composition, plasticity of thinking, style, graphic design, typography, unwan, book decoration, font composition

For citation: Akhmadullin M. L., Purik E. E., Shakirova M. G., Shakirov V. R. Designs of Bashkir National Newspapers, Books, Posters and Other Printed Matter, 1920s – Early 1930s: The Impact of Constructivism Revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 259–274. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-259-274

Введение

Книжная графика в России всегда отражала религиозные, идеологические, морально-этические и эстетические представления времени и играла особую роль в деле пропаганды и воспитания народа. В советский период книжная графика становится одним из важнейших средств идеально-политического и эстетического воспитания, а образцы книжного дизайна этого времени ярко отражают своеобразие художественной и общественно-политической жизни страны [Кузин 2007: 14; Тугендхольд 1930: 54–55].

Полиграфия, графический дизайн — самые передовые области дизайна 1920-х гг., их актуальность была связана с потребностями культурной революции и ликвидацией безграмотности [Лаврентьев 2007: 91, 106–109].

Книжная графика 1920–1930-х гг. отразила те художественные искания, которыми отмечены все виды изобразительного искусства этой поры — живопись, уникальная и печатная графика, декоративно-прикладное искусство.

20–30-е гг. XX в. характеризуются расцветом графики — станкового рисунка, ксилографии, плаката, появлением элементов фотоколлажа. Все это проявилось в полной мере в оформлении книжной продукции, интерес к которой со стороны художников объясним особой общественной значимостью печатного слова.

Этот период развития искусства книги, отмеченный революционными изменениями и смешением порой противоположных стилей и направлений, достаточно изучен в отечественной науке: [Герчук 1986; Аронов 1987; Даниэль 1990; Сарабьянов 2001; и др.].

В. Р. Аронов и С. М. Даниэль рассматривают проблемы взаимодействия материальной и художественной культуры, процессы визуального восприятия искусства XX в., взаимоотношение пластических видов искусства и дизайна [Аронов 1987: 186; Даниэль 1990: 174, 205–206].

Д. В. Сарабьянов анализирует процесс становления русского авангарда, смену стилей и творческий почерк художественных объединений, отличительные особенности

авангарда от традиционного искусства, рассматривает противостояние индивидуализма и примитива, основанного на коллективном творчестве в искусстве, синтетические тенденции в искусстве книги [Сарабьянов 2001: 102–106]. Он связывает истоки малотиражной литографированной книги с деятельностью кубофутуристов, рассматривает связи абстрактного искусства и кубофутуризма в книжной иллюстрации и театральном плакате [Сарабьянов 2001: 218–219].

Книжная графика активно развивалась не только в столичных городах — Москве и Петрограде, позже Ленинграде, но и в глубинке, где она испытывала влияние местных художественных школ и традиций, в том числе национальных. Искусство так называемых мусульманских республик — Татарии и Башкирии — не является здесь исключением, оно оставило нам имена лучших представителей творческой интелигенции, художников, сумевших выразить пластически всю сложность эпохи сквозь призму национальной культуры [Ахмадуллин 2019].

В книжной графике эти тенденции проявились более отчетливо и представляют интерес для современной художественной практики с ее склонностью к поиску национальной и культурной самоидентичности не только с исторической, но и с практической точки зрения. Это придает актуальность исследованиям, связанным с изучением традиций национальной книги и первых десятилетий ее становления.

Особенности дизайна книг, издававшихся в Республике Башкортостан и печатавшихся как арабским, так и кириллическим шрифтом, а позже латиницей, изучены недостаточно. Долгое время этот вопрос рассматривался без учета истории дореволюционной типографики и традиций печатного дела в регионе. В последнее время интерес к этой теме среди книжных дизайнеров заметно вырос, но зачастую он носит фрагментарный, сугубо pragматический характер.

Материалы и методы

Авторы статьи опирались на опубликованные источники и на архивный материал, собранный в течение 2017–2019 гг., журналы, книги и рукописи, хранящиеся в отделе редких книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского госу-

дарственного университета (ОРК НБ КГУ); фонде графики Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан (ГМИИ РТ); собраниях Государственного объединенного музея Республики Татарстан (ГОМ РТ); фондов Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди, Книжной палаты Республики Башкортостан, Национального музея Республики Башкортостан; источники, хранящиеся в фондах библиотеки Российской исламского университета ЦДУМ, Государственной публичной исторической библиотеки России (Москва) и др. В исследовании использован историко-хронологический метод, а также искусствоведческий анализ, позволяющий рассматривать эволюцию дизайна башкирских национальных печатных изданий 20-х – начала 30-х гг. XX в. Кроме того, применялись описательный и сравнительно типологический методы исследования, позволяющие дать более полное представление об объекте исследования с точки зрения стилистических и формально-пластических качеств исследуемого материала.

История изучения национальных традиций в искусстве книги

Потребность всестороннего исследования национальных традиций в искусстве и дизайне в последние десятилетия усиливается с появлением интереса к возрождению национальных традиций, разработке новых подходов в искусстве и дизайне, переосмыслению роли этнической составляющей в искусстве. Современная практика печатного дела вполне очевидно демонстрирует недостаточное знание издателями, художниками и дизайнерами национальных традиций и всего того, что было создано в этой области теми, кто стоял у истоков зарождения национального искусства книги [Ахмадуллин 2011: 4–5].

Значительный вклад в изучение истории и принципов художественного оформления национальных печатных изданий в Татарии еще в начале XX в. внес искусствовед П. М. Дульский. Он рассматривает эволюцию иллюстрации в национальной детской книге на рубеже XIX–XX вв. [Дульский, Мексин 1925: 25–27, 78–81].

Е. П. Ключевская обобщает сведения о творчестве художников-графиков, стоявших у истоков казанской художественной

школы с 1895 по 1917 гг., исследует их влияние на национальное искусство. Именно Д. Д. Бурлюк, П. М. Дульский, А. Ф. Мантель оказали влияние на формирование национального книжного дела в Казани [Ключевская 2009: 145–146, 173–177].

Традиционные подходы к оформлению книги в республиках Поволжья и Приуралье в 60–70-е гг. прошлого века рассматривали Н. А. Розенберг [Розенберг 1986: 33–41], А. Б. Файнберг [Файнберг 1983: 25]. Их труды посвящены особенностям развития графического искусства и авторской иллюстрации, становлению национальных кадров художников-графиков, необходимых для бурно развивающегося в этот период татарского книгоиздательства.

До сих пор белым пятном остается история башкирской книги и пути ее развития в первой половине XX в. В последние десятилетия появились публикации, в которых предприняты попытки анализа арабоалфавитной книги и особенностей ее печати [Ахмадуллин 2011: 88, 135–137; Ахмадуллин 2019: 368, 387], но, к сожалению, это лишь единичные исследования.

Зарождение книжного дела в Башкортостане

В первые послереволюционные годы советская книжная графика развивается достаточно активно и непредсказуемо, одновременно сосуществуют противоречивые подходы к оформлению книги, предпринимаются попытки объединить традиции, классику и искусство авангарда. В провинции, особенно в мусульманских республиках, заметное влияние на культуру печатного дела оказывают национальные и религиозные представления.

Книжное дело в Башкортостане имеет давние исторические корни. Появление первых арабографических печатных изданий на старотюркском языке — общем литературном языке народов Поволжья и Урала — было связано с развитием книгопечатания и типографского дела в России. В конце XVIII в. при типографии Санкт-Петербургской академии наук был основан так называемый «азиатский филиал», в котором в 1787 г. был издан первый печатный Коран для мусульман Российской империи с использованием оригинального арабского шрифта, отлитого по рисункам муллы Ус-

мана Исмаила. В дальнейшем это позволило издать близкий по внешнему виду Коран в Казани [Коран 1877–1879].

В XIX в. появляются первые мусульманские типографии. В 1800 г. в Казани по инициативе Г. Бурашева была основана казенная Азиатская типография (впоследствии была передана Казанскому университету). Эта типография в дальнейшем внесла неоценимый вклад в развитие культуры и просвещения мусульманского населения России [Ахунзянов 1979: 186–192].

К зарождению башкирского книжного издательства непосредственное отношение имела частная мусульманская типография Ильяса Бораганского, основанная в Санкт-Петербурге в 80-е гг. XIX в. Ключевой фигурой в развитии книжного дела в Башкирии был Ахмет-Заки Валиди (Валидов)¹, который изучал особенности рукописной арабоалфавитной книги в Бухаре, внес вклад в развитие печатного и издательского дела.

Провозглашение в декабре 1917 г. Автономной Советской Башкирской Республики (АСБР) поставило перед ее руководством множество задач, одной из которых было обеспечение населения печатной продукцией. Позже, в условиях гражданской войны, молодая республика решала вопросы, связанные с культурно-просветительской деятельностью, в том числе и с организацией издательского дела.

Книжная культура Башкортостана с ее особым, национальным колоритом испытывала на себе влияние стилистических тенденций европейской книжной графики. Синтез европейских художественных канонов и традиций национальной графической культуры, арабской письменности наложил неизгладимый отпечаток на развитие типографского искусства в Башкирии и послужил формированию узнаваемого облика книгопечатной продукции. Проблема развития книгопечатания, создания плакатов, афиш, разнообразной полиграфической продукции приобретает в советской России политический характер.

¹ Ахмет-Заки Валиди Тоган (1890–1970) — военно-политический деятель, лидер башкирского национально-освободительного движения (1917–1920); историк, востоковед-турколог, доктор философии, почетный доктор Манчестерского университета.

Графический дизайн печатных изданий в Башкирии в 1920–1930-х гг.

В первые годы советской власти в Башкирии осознается необходимость возрождения национальной культуры, обращения к образам и символике, привычным и понятным для коренного населения, исповедующего ислам [Улемнова 2005: 72–78].

Графический дизайн в Башкирии в 1920–1930-х гг. развивался по двум основным направлениям, каждое из которых дало свои результаты. При этом следует отметить, что все книги и журналы, которые создавались в этот период, были наборными.

Первое направление ближе к традиционному. В его основе лежит реалистическое изображение — жанрово-иллюстративное. Типографика этих изданий, т. е. само искусство донесения смысла до читателя через визуальное оформление наборного текста, носило классические черты. Основа классического стиля в типографике — лаконичность, четкость и строгость. Классика предполагает симметричное решение, строгие рамки, богатство декоративных элементов, обязательное наличие текстового поля.

Жанрово-иллюстративный, классический характер носят в это время обложки многих печатных изданий, таких, например, как журнал «Сэсэн» (автор В. Сафин). Но следует отметить, что при всем тяготении к традиционному, жанрово-иллюстративному решению в подобных изданиях проявляется уже стремление к большей, по сравнению с классическими, условности. Обложка, представленная на рис. 1а, отличается плакатностью, силуэтным решением, жестким ритмом, цельностью и стремлением к обобщению формы. Эти черты во многом стилистически приближают ее к графике конструктивистов (рис. 1б).

Второе направление — конструктивистское — определялось стилистикой зарождавшегося производственного искусства. Оно поставило задачу построения книги на новых принципах полиграфического оформления, навеянных индустриальным искусством (рис. 1б).

Типографика книг и журналов, плакатов и афиш в рамках этого направления отличалась большей лаконичностью и условностью изображения, тяготением к рубленому брусковому шрифту и асимметричным решениям. В плакатной графике и искусстве

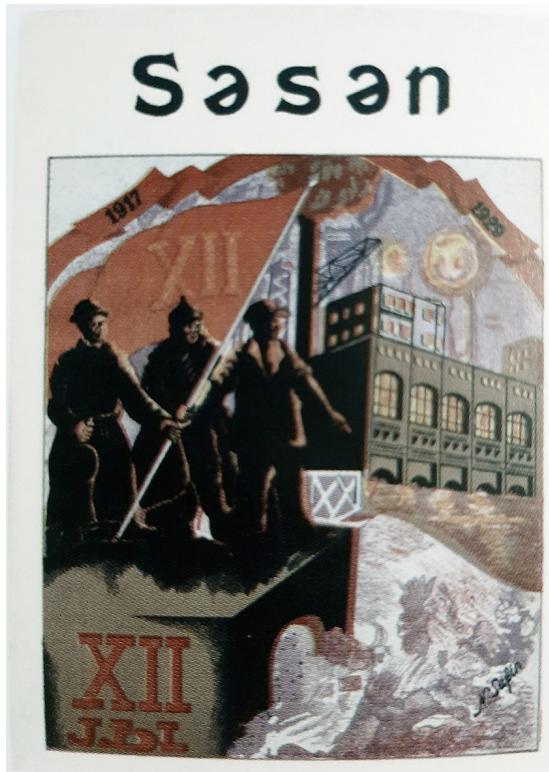

Рис. 1. Направления в дизайне книги Башкирии второй половины 20-х гг. XX в.

[Fig. 1. Trends of Bashkiria's book design, mid-to-late 1920s]

а) традиционное (Журнал «Сэсэн». Художник В. Сафин. 1929 г.).

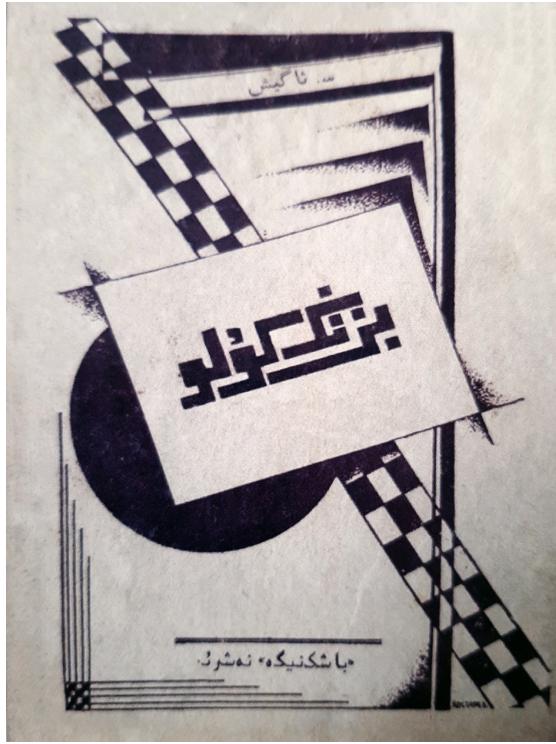
Место хранения — Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан;

[a) traditional one (Sessen magazine. Artist V. Safin. 1929). Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National Library of Bashkortostan]

книги конструктивисты часто использовали фотоколлаж, рисованную иллюстрацию, геометрические композиции с жесткими прямоугольными ритмами. Цветовая гамма работ в большей степени была монохромной или с использованием ритма черного, теплого и холодного серого, красного, белого цвета. Это было обусловлено не только эстетическими представлениями художников, но и технологическими возможностями печати того времени.

Роль конструктивизма в советской книжной культуре заключалась в реформировании принципов классической типографики, традиционного оформления книги.

В Башкирии книг, созданных по канонам эстетики конструктивизма, сохранилось от-

б) конструктивистское
(Наш смех. Художник В. Костарев. Уфа:
Башкнига, 1928.).

Место хранения — Национальная библиотека
им. Ахмет-Заки Валиди Республики
Башкортостан [b) Constructivist one (*Our
Laughter*. Artist V. Kostarev. Ufa: Bashkniga,
1928). Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National
Library of Bashkortostan]

носительно немного. Влияние конструктивизма на книжную продукцию проявилось, прежде всего, в заголовках, заставках, су-прематистских композициях и широком использовании фотомонтажа. Зачастую в поисках нового художники книги этого времени ограничиваются оформлением обложки.

Н. А. Розенберг, изучавший особенности развития книжной графики в республиках Поволжья и Приуралья, отмечал: «Воздействие различных художественных направлений 20-х – начала 30-х годов в книге региона менее ощутимо, чем в русской книжной графике. Национальная книга не знает такого разнообразия решений» [Розенберг 1986: 33].

Сама специфика арабского письма ограничивала проявления конструктивизма, как ограничивали их профессиональные возможности неискушенных провинциальных художников.

Обращение к принципам конструктивизма в оформлении национальных печатных изданий было связано с культурными и художественными потребностями послереволюционной эпохи, которые требовали обновления культуры народностей «Красного Востока». Поиск решений, позволяющих объединить принципы мусульманского искусства и конструктивистские новации, представлял значительные трудности стилистического толка. Порой художники книги ограничивались отдельными композиционными приемами, такими, к примеру, как наклонная композиция.

В начале XX в. наклонные композиции встречаются довольно редко, но к 1920-м гг., то есть уже через 10–20 лет, визуальный образ книги значительно модернизируется, обращаясь к смелым решениям, основанным на сочетании вертикальных, ступенчатых и косых строк, создающих динамическую экспрессию, напряжение в композиции печатных изданий (рис. 2).

Рис. 2. Контрольные цифры сельского
хозяйства.

Издание отдела просвещения Башпрофсовета.
Фонд Марджани. 1930 [Им/п-8]

[Fig. 2. Control Figures for Agriculture. Published by the Department of Education (Belpromsoviet). The Märkani Collection. 1930].

Диагональный набор, асимметричная композиция в корне противоречат канонам классической типографики, характеризующейся тяготением к устойчивому, статическому композиционному решению. Кроме того, косая строка, все варианты наклонной композиции представляют значительные технические трудности при наборе, основанном на ритме прямоугольных литер.

Конструктивисты по сути совершили революцию в области набора, предложив новые, революционные варианты композиционного решения, а также разработки в области создания шрифта нового типа.

Эстетика конструктивизма была созвучна идеологии того времени, поэтому подобные экспрессивные плакатные приемы быстро распространились в оформлении книжной и другой печатной продукции молодой республики. Это объясняется также экономическими и коммерческими причинами.

Печатная продукция отражала популярные в 1920–1930-е гг. идеи производственного искусства, новые пластические принципы как нельзя более ярко характеризовали образ новой эпохи. Кроме того, конструктивистская графика с ее плакатным

Рис. 3а. Арабоалфавитная рукописная книга (разворот рукописи «Примечания к Толкованию «Восполнения принципам вероубеждений «Шарх-и акаид-и азди» ад Давани). Место хранения — Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан)

[Fig. 3a. Arabic-script handwritten book (spread of the manuscript 'Notes to the Interpretation of 'Sharh-I akaid-I azdi' by ad Davani). Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National Library of Bashkortostan]

стилем, броскими решениями, динамичной композицией была чрезвычайно легка в восприятии, доходчива и, что немаловажно, легко читалась.

Диагональные тексты в Башкирии появляются в печатной продукции, напечатанной латиницей, кириллицей, а также и в арабоалфавитных изданиях.

Применение диагональных решений было изначально распространено в рукописных арабоалфавитных книгах еще в XIX в. Специалисты в этой области отмечают наличие текстов, написанных по диагонали, которые могли служить комментарием к основ-

ному тексту, дополнением или заголовком. Аналогичный прием стал использоваться и в изданиях, набранных типографским способом [Ахмадуллин 2014: 357]. Наборщиков, умеющих работать с арабским шрифтом, было немного, и именно им мы обязаны появлением книг и журналов на башкирском и татарских языках (рис. 3а, 3б).

Художники книги, разделявшие идеи конструктивизма, утверждали своим творчеством пластическую свободу, потребность в которой была велика в начале XX в. Свободная композиция набора — вот назначение нового орнамента; группировка

Рис. 3б. Набор текста по диагонали в конструктивизме
(Афиша Башкирского государственного национального театра. 1928 г.). Место хранения —
Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан

[Fig. 3b. Diagonal text typing in Constructivism (Playbill of the Bashkir State National Theater. 1928).
Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National Library of Bashkortostan]

отдельных фигур в крупные детали, яркие по своей сочности и компактности, связанные между собой линиями или без линий, и лишь одним своим взаимным положением на плоскости, подводящие зрителя к мысли об их связи друг с другом, — вот форма новой акциденции [Karimov 1935: 35–38].

Художники-конструктивисты, отказавшись от классических канонов, нередко обращались к аскетичным, подчеркнуто геометрическим композиционным решениям. Здесь преобладали такие конструктивистские приемы, как использование прямоугольных форм, диагоналей, контрастное сочетание жирных и тонких по начертанию линеек в пределах текстового поля.

В наборной обложке наиболее полно и последовательно проявился конструктивистский подход к типографике. Отказ от классической симметрии в композиции особенно ярко заметен в дизайне книжных и журнальных обложек этого времени. Во второй половине 1920-х гг. в Башкирии, также, как повсюду на территории СССР, были распространены обложки книг, выполненные

составлением абстрактных и фигуративных композиций из материалов наборной кассы. В этот период выходят из употребления «...статистические формы орнамента (анкера, лилии, сильваны, бордюры и т. д.), выражавшие самые идеалистические, пошлые, „сладенькие“, обывательские вкусы» [Герчук 1986: 117].

В творчестве башкирских художников книги, следовавших требованиям искусства авангарда, явно прочитывается идея соединения национального своеобразия и языка современного искусства. Национальные традиции, исламская ментальность сохраняются в их работах иногда вопреки стремлению соответствовать духу времени, используя приемы нового универсального изобразительного языка.

Среди печатной продукции, изданной в Башкирии в 1920–1930-х гг., характерными чертами конструктивизма отмечены обложки, переплеты и унваны — орнаментальные заставки, идущие от арабских и персидских рукописей, — выполненные часто литографским способом (рис. 4а, 4б).

Рис. 4а. М. Гафури. Ступени жизни. Художник В. Костарев. Уфа: Башгиз, 1930.

Место хранения — Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан

[Fig. 4a. M. Gafuri. Stages of Life. Artist V. Kostarev. Ufa: Bashgiz, 1930. Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National Library of Bashkortostan]

По работам уфимского художника В. Н. Костарева можно проследить, как меняются принципы построения пространства в печатных изданиях. Визуальная массивность композиции создается за счет ритмической организации плоскости, динамичной композиции, насыщенного цветового решения. Диагональная структура становится доминантой, приобретает значение основного организующего начала, а асимметрия нарушает статическое равновесие масс, характерное для традиционного оформления печатной продукции.

При этом следует отметить, что влияние конструктивизма на национальную башкирскую книгу не было единственным фактором, определившим ее стилевое решение. Свободная композиция набора, пластического решения, стремление к орнаментальности шли не только от конструктивизма, но и от традиций рукописной арабоалфавитной книги, создававшейся вне представлений классической типографики.

В области проектирования восточных шрифтов конструктивисты также проделали

большую работу, шрифты были доведены до совершенства. В 20-е гг. прошлого века в Татарии и Башкирии были разработаны и внедрены в производство печатной продукции модификации арабского и латинского шрифтов. В оформлении различных элементов национальной книги — переплетов, титульных листов — появляется рубленый арабский шрифт, иногда не вполне органичный с точки зрения его привычного графического написания. Пластичные по своей стилистике арабские шрифты в новом контексте приобретают качественно новый характер, подчиняясь другой стилистической, образной задаче.

Влияние конструктивизма особенно заметно проявляется в творчестве уфимского художника В. Н. Костарева, который оформил обложки и переплеты книг и журналов («Сэсэн», «Трактор») в технике литографии, которые были изданы типографией «Октябрьский натиск» (рис. 5).

Композицию обложки журнала «Сэсэн» отличает цельность и строгое силуэтное решение. Она построена по принципу фотो-

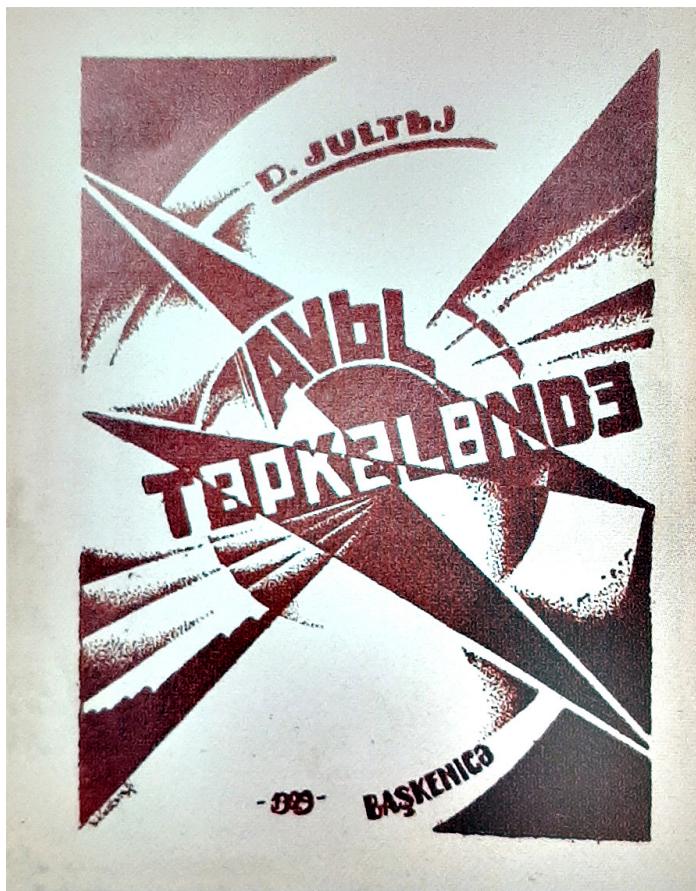

Рис. 4б. Д. Юлтый. В сельской глубинке. Художник В. Костарев.

Уфа: Башкнига, 1929.
Место хранения Национальная
библиотека им. Ахмет-
Заки Валиди Республики
Башкортостан

[Fig. 4b. D. Ulty. In the Rural Hinterland. Artist V. Kostarev. Ufa: Bashkniga, 1929.
Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National Library of Bashkortostan]

Рис. 5. В. Костарев. Обложка журнала «Сэсэн», 1928 г.

Место хранения — Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан

[Fig. 5. V. Kostarev. Cover page of *Sessen* magazine. 1928.

Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National Library of Bashkortostan]

монтажа, все ее элементы ритмически организованы, соподчинены между собой.

Художником Садыковым² также литографским способом выполнены обложка и иллюстрации к книге Б. Валидова «Асукатыш елмаю» («Ироническая улыбка»), которая была отпечатана в Уфимской типографии «Октябрьский натиск» в 1928 г. Переплет книги картонный, иллюстрации на-печатаны коричнево-фиолетовой краской. В нижней части обложки разворачивается

композиция индустриального плана — единым блоком изображены здания, решенные в плоскостной, условной манере в традициях супрематизма. Композиция строится на диагоналях — ритм прямоугольных силуэтов и наклонные элементы на первом плане воплощают образ стремительно развивающейся молодой советской республики.

В названии книги использован шрифт «новый куфи», носящий рублено-плакатный характер и соответствующий по стилю самой композиции, организованной по принципу супрематической картины (рис. 6а).

² К сожалению, на данный момент не установлены достоверные данные об имени и отчестве художника.

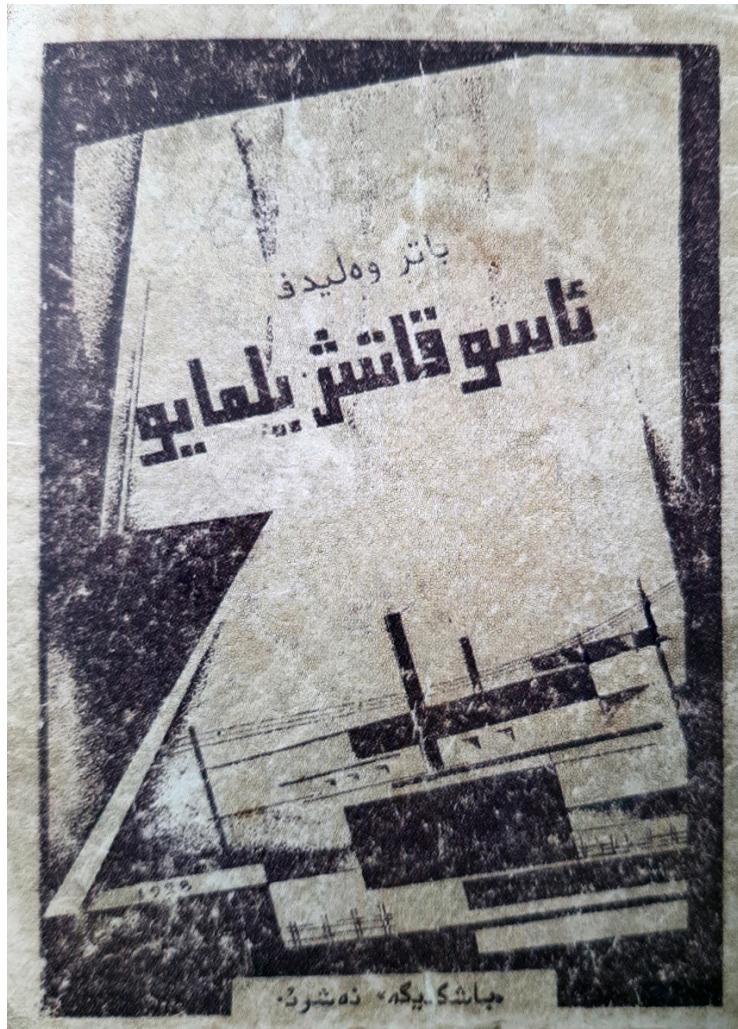

Рис. 6а. Работы художника Садыкова

[Fig. 6. Works by artist Sadykov]

Рис. 6а. Б. Валидов. «Асу катыш елмаю» («Ироническая улыбка»).

Уфа: Октябрьский натиск, 1928. Место хранения —

Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан

[Fig. 6 a. B. Validov. The Ironic Smile. Ufa: Oktyabrskiy Natisk, 1928.

Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National Library of Bashkortostan]

В 20–30-х гг. XX в. башкирские художники много сделали для разработки новой формы арабских букв, предприняв попытки их стилизации, переработки в виде геометрического прямолинейного брускового шрифта. Созданные в это время образцы тюркского и латинского шрифтов отличались простотой и выразительностью. В этой области графики одним из первооткрывателей был также В. Н. Костарев (рис. 6б).

В послереволюционное время на качестве печатной продукции не могло не скрываться отсутствие не только хороших

шрифтов, но и элементарных материалов — типографской краски, качественной бумаги, которая была недостаточно плотной, рыхлой, и ограничивала возможности художника [Адарюков 1925: 208].

Выводы

Становление графики и национального книгопечатания в Башкирии в 20-х – начале 30-х гг. XX в. обусловлено определяющим влиянием традиций советского искусства, участием мастеров графики в культурной жизни провинции (Фаик Тагиров, А. Н. Колобкова, Д. Красильников, А. М. Родченко),

Рис. 6б. Журнал «Октябрь». Уфа: Башгиз, 1931.

Место хранения — Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан

[Fig. 6b. *Oktyabr* magazine. Ufa: Bashgiz, 1931.

Stored at the Ahmet-Zaki Velidi National Library of Bashkortostan]

это заметно при изучении работ местных художников книги, созданных ими иллюстраций, фотомонтажей, заставок.

Имена многих художников книги, работавших в начале XX в. в республике, стали известны только сейчас. Это уже ранее упоминавшийся В. Н. Костарев, А. С. Фредерикс, М. Усманов, Д. Войнецки, Р. Давлеткильдеев и еще ряд других, обозначенных в архивных документах только инициалами. Сегодня, по прошествии почти сотни лет становится очевидным, что опыт искусства конструктивизма оказал продуктивное влияние на типографскую культуру Башкирии, изменив относительно спокой-

ную стилистику национальной книги и внеся новые черты, такие, прежде всего, как динамика и подчеркнутая экспрессия, простота композиционного решения, ранее не характерные для местной книжной продукции. При этом очевидно, что национальное своеобразие башкирских печатных изданий помогло «оживить» конструктивистские композиционные схемы, знаменитый рубленый брусковый шрифт стилистическими приемами восточного, где-то даже наивного искусства, что в итоге дало свой результат, придав художественному стилю книги этого времени неповторимость и уникальность.

Литература

- Аронов 1987 — Аронов В. Р. Художник и предметное творчество: проблемы взаимодействия материальной и художественной культуры XX века. М.: Советский художник, 1987. 230 с.
- Адарюков 1925 — Адарюков В. Я. Внешность художественных изданий // Книга в 1924 г. в СССР / под ред. Н. Ф. Яницкого. Л.: Сеятель, 1925. 241 с.
- Ахмадуллин 2011 — Ахмадуллин М. Л. Дизайн арабоалфавитной печатной продукции Поволжья и Урала (конец XIX – начало XX в.). дисс. ... канд. искусствоведения. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна, 2011. 167 с.
- Ахмадуллин 2014 — Ахмадуллин М. Л. Типографика унвана // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 355–364.
- Ахмадуллин 2019 — Ахмадуллин М. Л. Искусство национальной книги. Уфа: Китап, 2019. 502 с.
- Ахунзянов 1979 — Ахунзянов Т. И. Очерки по истории печати Советской Башкирии. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1979. 310 с.
- Герчук 1986 — Герчук Ю. Я. Советская книжная графика. М.: Знание, 1986. 124 с.
- Даниэль 1990 — Даниэль С. М. Искусство видеть: о творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л.: Искусство, 1990. 221 с.
- Дульский, Мексин 1925 — Дульский П. М., Мексин Я. П. Иллюстрация в детской книге. Казань: [б. и.], 1925. 149 с.
- Ключевская 2009 — Ключевская Е. П. Казанская художественная школа. 1895–1917. СПб: Славия, 2009. 240 с.
- Karimov 1935 — Karimov X. Nabor Teknikah (Техника набора). Уфа: Башгиз. 1935 (лат. шрифт). 102 с.
- Коран 1877–1879 — Коран, законодательная книга Мухаммеданского вероучения. Перевод и приложения Гордия Саблукова. Т. 1–2. Казань: Казанский имп.ун-т, 1877–1879. Т. 1: /4/, VIII, 5–533, 2 с.; Т. 2 – Приложения. 274, VI с. II 10/4; 48Л/2910.
- Кузин 2007 — Кузин В. В. Искусство книжной графики в контексте отечественной культуры 20-х годов XX века: дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007. 183 с.
- Лаврентьев 2007 — Лаврентьев А. Н. История дизайна. М.: Гардарики, 2007. 303 с.
- Розенберг 1986 — Розенберг Н. А. Становление и развитие книжной графики в автономных республиках Поволжья и Приуралья. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1986. 184 с. : ил.
- Сарабьянов 2001 — Сарабьянов Д. В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. М.: АСТ-Пресс; Галарт, 2001. 301 с.
- Тугенхольд 1930 — Тугенхольд Я. А. Искусство октябряской эпохи: с 45 ил. и портр. автора. Л.: Academia, 1930. 199 с.
- Улемнова 2005 — Улемнова О. Л. Искусство графики Татарстана 1920–1930-х годов: дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 242 с.
- Файнберг 1983 — Файнберг А. Б. Художники Татарии. Л.: Художник РСФСР, 1983. 232 с.

References

- Adaryukov V. Ya. Fiction book covers. In: Yanitsky N. F. (ed.) The Soviet Book in 1924. Leningrad: Seyatel', 1925. 241 p. (In Russ.)
- Akhmadullin M. L. Art of National Book. Ufa: Kitap, 2019. 502 p. (In Russ.)
- Akhmadullin M. L. Design Patterns of Arabic-Script Printed Goods from the Volga and Urals: Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. Sc. (art criticism) thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Technology and Design, 2011. 167 p. (In Russ.)
- Akhmadullin M. L. Honwan typography. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2014. No. 4 (46). Pp. 355–364. (In Russ.)
- Akhunzhanov T. I. Printing and Publishing in Soviet Bashkirie: Historical Essays. Ufa: Bashkir Book Publ., 1979. 310 p. (In Russ.)
- Aronov V. R. Artist and Representational Creativity: Issues of Interaction between Material and Artistic Cultures, 20th Century. Moscow: Sovetskiy Khudozhnik, 1987. 230 p. (In Russ.)
- Daniel S. M. The Art of Seeing: Revisiting Creative Skills of Perception, Language of Lines, and the Shaping of the Spectator. Leningrad: Iskusstvo, 1990. 221 p. (In Russ.)
- Dulsky P. M., Meksin Ya. P. Children's Book Illustrated. Kazan, 1925. 149 p. (In Russ.)
- Faynberg A. B. Artists of Tatarstan. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1983. 232 p. (In Russ.)
- Gerchuk Yu. Ya. Soviet Book Graphics. Moscow: Znanie, 1986. 124 p. (In Russ.)
- Karimov X. Typesetting Techniques. Ufa: Bashgiz, 1935. 102 p. (In Bash.)
- Klyuchevskaya E. P. Kazan Art School: 1895–1917. St. Petersburg: Slaviya, 2009. 240 p. (In Russ.)

- Kuzin V. V. Book Graphic Art in the Context of Russia's Culture: 1920s. Cand. Sc. (art criticism) thesis. St. Petersburg, 2007. 183 p. (In Russ.)
- Lavrentyev A. N. History of Design. Moscow: Gardariki, 2007. 303 p. (In Russ.)
- Quran: The Legislative Book of Mohammedan Faith. G. Sablukov (transl., append.). Vols. 1–2. Kazan: Imperial Kazan University, 1877–1879. Vol. 1: /4/, VIII, 5-533, 2 p.; vol. 2 (Appendices): 274, VI p. I10/4; 48JI/2910. (In Russ. and Arab.)
- Rozenberg N. A. Autonomous Republics of the Volga and Urals: The Shaping and Development of Book Graphics. Cand. Sc. (art criticism) thesis. Moscow, 1986. 184 p. (In Russ.)
- Sarabyanov D. V. History of Russian Art: Late 19th – Early 20th Centuries. Moscow: AST-Press; Galart, 2001. 301 p. (In Russ.)
- Tugendkholt Ya. A. Arts of the October Era. Suppl. with 45 illustrations and the author's portrait. Leningrad: Academia, 1930. 199 p. (In Russ.)
- Ulemonova O. L. Graphic Arts of Tatarstan: 1920–1930s. Cand. Sc. (art criticism) thesis. Moscow, 2005. 242 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 2, pp. 275–290, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290

Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации

Елена Евгеньевна Тиникова¹

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (д. 23,
ул. Щетинкина, Абакан 655017, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5501-8940. E-mail: lena.tinikova@mail.ru

© КалМНЦ РАН, 2021

© Тиникова Е. Е., 2021

Аннотация. Введение. В национальных республиках Саяно-Алтайского региона (Алтая, Туве и Хакасии) урбанизация носит запаздывающий, догоняющий характер. Первые городские поселения здесь появились лишь в XX в., при этом многие из них являлись городскими лишь *de jure*. Несмотря на рост публикаций в области изучения разных аспектов урбанизации Сибири, практически отсутствуют исследования по развитию данного историко-культурного и сложного социального процесса на базе материалов указанного региона. Проблема оценки особенностей и закономерностей урбанизации Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации рассматривается впервые. Основными источниками статьи стали материалы официальной статистики, которые позволяют проследить динамику показателей урбанизированности населения и территории, а также отражают процесс изменения материальной составляющей жизни города. Эмпирическую базу нашего исследования также составили материалы опроса, проведенного в 2018 г. в Республике Хакасия и в 2019 г. — в республиках Тыва и Алтай. Общая выборочная совокупность составила 2 000 человек. В исследовании применялись детерминированные методы построения выборки. Целью данной публикации является анализ урбанизации как важнейшего аспекта модернизации на материалах Алтая, Тувы и Хакасии в XX – начале XXI в. В результате исследования автор приходит к выводу о нелинейном характере развития урбанизации в регионе. Это было связано с самим непростым и непрямым процессом модернизации страны в целом и отдельных ее частей в частности. В истории национальных субъектов Саяно-Алтая региональные особенности урбанизации выражены более отчетливо, чем в других регионах страны, что в немалой степени связано с влиянием этнического фактора, со спецификой культуры и мировоззрения коренных народов. Урбанизация как процесс исследована на региональном материале в двух основных ракурсах. С одной стороны, дан анализ количественных показателей урбанизации, таких как динамика численности городского населения и рост городских поселений. С другой — важная роль при изучении урбанизации

отведена качественным ее показателям. Здесь речь идет об изменении структуры городского населения и эволюции уровня его жизни.

Ключевые слова: Саяно-Алтайский регион, Алтай, Тыва, Хакасия, урбанизация, модернизация

Для цитирования: Тиникова Е. Е. Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 275–290. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290

Urbanization in the Sayan-Altai Republics: A Perspective from Modernization Theory

Elena E. Tinikova¹

¹ Khakass Research Institute of Language, Literature and History (23, Shetinkin St., Abakan 655017, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5501-8940. E-mail: lena.tinikova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tinikova E. E., 2021

Abstract. *Introduction.* In the national republics of the Sayan-Altai Region — Altai, Tuva and Khakassia — urbanization has been essentially delayed and is, hence, accelerated. The first urban settlements appeared here only in the 20th century, and many of them were referred to as urban *de jure* only. Despite the growth of publications studying various aspects of the urbanization in Siberia, there are almost no research works dealing with the development of this historical, cultural, complicated social process and compiled from materials of this region proper. The paper provides a first attempt to assess the features and patterns of urbanization in the Sayan-Altai Region through the prism of modernization theory. *Goals.* The article aims to analyze urbanization as the most important aspect of modernization through materials collected across Altai, Tuva and Khakassia in the 20th – early 21st centuries. *Materials and Methods.* The article primarily investigates official statistical data that make it possible to trace the actual urbanization dynamics (for both populations and territories), as well as the process of transformation experienced by material components of city life. Empirically, the study rests on materials of surveys conducted in the Republic of Khakassia (2018) and in the Republics of Tuva and Altai (2019). The total number of interviewees is 2000. The study employs deterministic sampling methods. *Results.* The work concludes the urbanization development pattern examined in the region is non-linear, which was determined by the difficult and indirect modernization processes nationwide and those in its certain parts in particular. In the history of the ethnic federal subjects of the Sayan-Altai Region, local features of urbanization are more evident than those in other regions of the country, which is largely due to the influence of the ethnic factor, specifics of indigenous cultures and worldviews. Urbanization as a process is studied on the regional materials in two main perspectives: on the one hand, the paper provides analysis of quantitative indicators of urbanization, such as the dynamics of urban population and growth of urban settlements; on the other hand, an important role in the study of urbanization is assigned to its qualitative indicators, the latter including the transformed structure of urban population and evolution of its living standards.

Keywords: Sayan-Altai Region, Altai, Tyva, Khakassia, urbanization, modernization

For citation: Tinikova E. E. Urbanization in the Sayan-Altai Republics: A Perspective from Modernization Theory. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 275–290. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290

Введение

В современной научной литературе понятие «урбанизация» употребляется в трех основных значениях. В первом случае урбанизация исследуется как процесс переселения сельских жителей в города, который приводит к концентрации экономической активности в этих поселениях [Опыт 2000: 15]. Во втором случае — как процесс роста численности городских поселений, который сопровождается концентрацией в них населения [Алаев 1977: 205].

Комплексный подход к изучению урбанизации предполагает рассмотрение ее как исторического процесса, связанного с ростом роли городов в жизни общества, что выражается в трансформации системы расселения населения, структуры городского населения и распространении городского образа жизни [Лаппо 1997].

В таком контексте урбанизация является частью процесса модернизации — перехода общества традиционного к современному (на первой стадии индустриальному, на второй — информационному). Так как рост промышленного производства неизбежно влечет за собой рост количества городов как мест сосредоточения промышленности, следовательно, и городского населения, что неизбежно приводит к формированию особого городского образа жизни и городской культуры. В этом случае существующие подходы исторической периодизации урбанизации вполне встраиваются в выстроенную модель. Так, стадиальный подход урбанизации Дж. Джиббса по сути раскрывает нам пять этапов развития сельско-городской миграции, в ходе которых меняются не только объемы миграционных потоков, но и их структура и векторы, а также мотивы переезда сельчан в городские поселения [Gibbs 1963].

Советская модернизация охватывает 2–4 выделенные Дж. Джиббсом стадии урбанизации. Вступила ли современная Россия в пятую стадию урбанизации, своюственную постиндустриальным странам, — вопрос открытый.

Современные российские ученые, строящие свои исследования на базе макротео-

рии модернизации, признают, что урбанизация является одной из главных составляющих данного процесса. Б. Н. Миронов пишет о том, что урбанизация как один из аспектов советской модернизации наряду с формированием рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализацией, демократизацией семьи и эмансипацией женщин и детей напоминала классическую западную модель [Миронов 2018: 54].

Вместе с тем безусловно она имела свои особенности: большинство горожан лишь по месту жительства являлись таковыми, так как по происхождению были крестьянами, многие города «лишь с натяжкой» стали центрами городской культуры, невысокий уровень жизни был характерен для большинства городских поселений, существовал дефицит городов, которые были бы локомотивами отраслевого и регионального развития [Миронов 2012: 275].

Еще большую роль урбанизации отводит в своих исследованиях А. С. Сенявский, считающий урбанизацию «человеческой стороной» модернизации и главным, что произошло в России в XX в. [Сенявский 2003: 3]. Советская модернизация, согласно его периодизации, сопровождалась периодом высшей стадии урбанизации — урбанизационным переходом, когда все общество, в том числе и деревня, преобразовывалось на городских началах.

Л. Н. Мазур, занимаясь исследованием роли урбанизации сельской местности страны, подчеркивает, что урбанизация является пространственным отражением модернизации общества и даже определяет ее темпы и особенности [Мазур 2009: 217]. Ученый полагает, что урбанизация большинства сельских районов России является по своему характеру незавершенной.

О незавершенности российской модернизации, ее догоняющем характере пишет и А. Г. Вишневский. Он отмечает, что двумя основными векторами развития общества, совершающего переход от сельского строя к городскому, являются модернизация и контрмодернизация. В годы советской власти страна шла по пути модернизации (хотя

отдельные стороны жизни выпадали из этого процесса), причем одним из основных ее результатов, ее «триумфом» стало формирование городского сообщества, получившего доступ к образованию, здравоохранению, достижениям культуры и удобствам городской жизни [Вишневский 2004: 20]. Для постсоветской России, по мнению авторитетного ученого, дальнейшее движение по пути модернизации стало сложно осуществимым, в том числе из-за контрмодернистских настроений общества.

В этих обстоятельствах, когда процесс модернизации в современной России либо затормозился, либо страна движется по иной, не модернистской траектории развития, процесс урбанизации также утратил свой естественный линейный характер развития. Специалисты характеризуют общую картину урбанизационного развития страны на рубеже тысячелетий как «урбанизационный застой с элементами дезурбанизации» [Сенявский 2019: 143].

В настоящий момент исследователи за редким исключением обходят стороной проблемы, связанные с историей постсоветской российской урбанизации. Понятно, что это продиктовано хронологической близостью с объектом изучения, а также тем, что при подобном анализе сложно выйти на обобщение и конструирование неких моделей. Однако необходимость в такого рода исследованиях уже назрела.

В национальных республиках Саяно-Алтая урбанизация региона в целом или ее конкретные аспекты до сих пор практически не исследованы. Хотя отдельные сюжеты развития городов трех субъектов хорошо изучены [Анкудинова 2007; Доржу 2015; Кискидосова 2012; Тиникова 2018; Ширап 2019].

Целью данной публикации является анализ урбанизации как важнейшего аспекта модернизации на материалах Алтая, Тувы и Хакасии в XX – начале XXI в. Основными источниками для исследования стали материалы официальной статистики, которые позволяют проследить динамику показателей урбанизированности населения и территории, а также отражают процесс изменения материальной составляющей жизни города. Эмпирическую базу нашего исследования также составили материалы опроса, проведенного в 2018 г. в Республике Хакасия

и в 2019 г. — в республиках Тыва и Алтай. Общая выборочная совокупность составила 2 000 человек.

История наименований национальных республик Саяно-Алтайского региона

Урбанизация национальных районов Саяно-Алтайского региона началась сравнительно поздно: лишь в начале XX в. здесь появились первые городские поселения. Протекала она в рамках мировых модернизационных процессов, но вместе с тем имела свою специфику, связанную с геополитическим положением и историческим развитием региона.

Хакасия и Алтай стали частью Российской империи в XVIII в., но лишь после установления советской власти хакасы и алтайцы — коренные тюркоязычные народы данного региона — обрели собственные национально-территориальные образования. В 1922 г. была учреждена Ойротская автономная область, которая в 1925 г. стала частью Сибирского, в 1930 г. — Западно-Сибирского, в 1937 г. — Алтайского краев. В 1948 г. она вошла в состав Алтайского края под именем Горно-Алтайской автономной области, с 1991 г. получила статус республики [Историческая... 2009: 46–54].

Хакасия был предоставлен статус уезда в 1923 г., затем — статус округа в 1925 г., в 1930 г. — статус Хакасской автономной области как части Западно-Сибирского края, с 1934 г. — область стала частью Красноярского края. В 1991 г. автономная область была преобразована в республику и получила наименование Хакасская ССР, с 1992 г. стала называться Республикой Хакасия [Историческая... 2009: 46–54].

В 1944 г. Тувинская Народная Республика была принята в состав России как Тувинская автономная область, которая в 1961 г. была преобразована в Тувинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В 1991 г. Верховный Совет республики переименовал ее в Республику Тыва. Чуть позже, в 1993 г. республика получила новое название — Республика Тыва [Историческая... 2009: 46–54].

Природно-географический фактор, а также индустриализация сыграли важнейшую роль в урбанизации Саяно-Алтая, что проявилось в первую очередь в эволюции системы городского расселения.

Количественные параметры урбанизации региона

В течение XX – начала XXI в. траектория градообразования в Саяно-Алтайском регионе имела скачкообразный характер. Так, со второй половины 1940-х по 1960-е гг. линейный процесс градообразования сменился флюктуациями, связанными с появлением 3 новых городов и 11 поселков городского типа. Обусловлено это было

центральной политикой государства, взявшего курс на комплексное хозяйственное освоение Сибири. При этом значительное внимание в Москве уделялось проблемам развития нового субъекта в составе страны — Тувинской автономной области. Там прекрасно осознавали значительную роль градообразования как средства закрепления территории и ее хозяйственного освоения [Лаппо 2001: 66].

Таблица 1. Группировка городских поселений национальных республик Саяно-Алтайского региона по численности постоянного населения в 1945–2017 гг.

[*Table 1. Urban settlements of the Sayan-Altai national republics by numbers of resident population, 1945–2017*]¹

	Число городских поселений							
	1945	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Все городские поселения	15	28	29	32	33	25	20	18
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	9	13	13	11	12	9	5	6
5–10 тыс.	2	6	7	10	8	6	5	2
10–20 тыс.	—	5	5	6	8	5	5	5
20–50 тыс.	4	2	1	2	1	—	1	1
50–100 тыс.	—	2	3	2	3	3	2	2
100–250 тыс.	—	—	—	1	1	2	2	2
Городов всего	7	10	10	11	11	11	11	11
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	3	3	2	—	—	—	—	1
5–10 тыс.	—	1	2	3	1	2	2	1
10–20 тыс.	—	2	2	3	5	4	4	4
20–50 тыс.	4	2	1	2	1	—	1	1
50–100 тыс.	—	2	3	2	3	3	2	2
100–250 тыс.	—	—	—	1	1	2	2	2
Поселков городского типа всего	8	18	19	21	22	14	9	7
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	6	10	11	11	12	9	5	5
5–10 тыс.	2	5	5	7	7	4	3	1
10–20 тыс.	—	3	3	3	3	1	1	1
20–50 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—
50–100 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—
100–250 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—

Одной из приоритетных задач семилетнего плана развития народного хозяйства страны (1959–1965 гг.) были вопросы развития восточной части РСФСР. Освоение природных богатств Сибири — такова была одна из стратегических целей государства в тот период. Бурное промышленное стро-

ительство затронуло и национальные регионы Южной Сибири [История 2016: 220; Социально-экономическое 2014: 85; Очерки 1973: 462], что сразу отразилось и на системе городского расселения. Для Хакасии в большей степени судьбоносным для развития индустрии стало решение КПСС о формировании на территории юга Красноярского края Саянского территориально-промышленного комплекса,

¹ Рассчитано и составлено по: [База данных 2020].

объекты которого возводились в 1970–1980-е гг. В результате промышленный бум в Саяно-Алтайском регионе еще больше подстегнул процесс градообразования. Причем он проявился не только в количественном росте городских поселений, но и в изменении людности городов (в регионе появились средние и большие города), их функциональной направленности (все больше городских поселений становились монофункциональными и узкоспециализированными). Как итог в 1989 г. городская система региона была представлена 33 городскими поселениями, 11 из которых были городами, остальные — поселками городского типа.

Распад Советского Союза, свертывание промышленного производства, переориентация экономики страны и региона на новые модели развития повлияло и на сеть городских поселений. Для Саяно-Алтая, как в прочем и в целом для России, в 1990–2000-е гг. были характерны тренды смены статусов городских поселений на сельский и разновекторная динамика численности городского населения. В трех изучаемых субъектах в межпереписной период 1989–2002 гг. численность горожан уменьшилась на 9,6 тыс. чел., затем в 2002–2010 гг. — еще на 19,2 тыс. чел., а в 2010–2020 гг., наоборот, увеличилось на 35,5 тыс. чел. (таблица 2).

Таблица 2. Динамика численности городского населения национальных республик Саяно-Алтайского региона в 1945–2020 гг. (в тыс. чел.)

[Table 2. Urban population dynamics in the Sayan-Altai national republics, 1945–2020 (thousands of residents)]²

Годы	Хакасия	Тыва	Алтай	В целом по региону
1945	116,0	6,4	29,8	152,2
1959	220,1	50,2	29,8	300,1
1970	264,4	87,0	39,7	391,1
1979	339,7	113,3	47,9	500,9
1989	410,1	145,6	51,6	607,3
2002	386,9	157,3	53,5	597,7
2010	358,2	163,4	56,9	578,5
2020	373,1	177,8	63,1	614,0

О степени урбанизированности региона можно судить также по структуре расселения городских жителей (таблица 3). Количество людей, проживающих в «настоящих городах» (свыше 100 тыс. чел.) региона, постоянно растет. Если в 1989 г. к этой категории относился только город Абакан, в котором

проживало 25,4 % всех горожан региона, то сейчас — два города, Кызыл и Абакан, в которых проживает 50,5 % городского населения национальных республик Саяно-Алтайского региона, то есть сегодня «настоящим горожанином» может назвать себя каждый второй городской житель региона.

Таблица 3. Удельный вес городского населения в городских поселениях разного уровня в 1945–2017 гг.

[Table 3. Shares of urban population in urban settlements of different levels, 1945–2017]³

	Доля городского населения, %							
	1945	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Все городские поселения	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе								
до 5 тыс.	28,4	15,1	12,3	7,1	6,5	3,9	3,0	3,6
5–10 тыс.	12,4	12,1	11,5	12,1	7,8	8,5	5,7	2,9

² Рассчитано и составлено по: [База данных 2020].

³ Рассчитано и составлено по: [База данных 2020].

10–20 тыс.	—	18,8	16,2	15,3	17,6	12,0	12,8	11,4
20–50 тыс.	59,2	19,8	8,8	12,4	7,6	—	8,6	8,1
50–100 тыс.	—	34,2	51,2	27,5	35,1	30,0	22,3	23,5
100–250 тыс.	—	—	—	25,6	25,4	45,6	47,6	50,5
Города	100							
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	85,9	5,3	3,1	—	—	—	—	0,9
5–10 тыс.	—	2,6	6,0	5,0	1,2	3,0	2,7	1,6
10–20 тыс.	—	10,9	9,0	10,6	14,1	10,7	10,3	9,5
20–50 тыс.	14,1	29,7	12,0	16,0	9,5	—	9,6	8,7
50–100 тыс.	—	51,5	69,9	35,4	43,7	34,2	24,7	25,1
100–250 тыс.	—	—	—	33,0	31,5	52,1	52,7	54,2
Поселки городского типа	100							
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	60,5	34,6	36,5	31,9	32,6	41,2	41,4	40,9
5–10 тыс.	39,5	31,0	26,5	36,7	35,1	38,9	32,9	20,3
10–20 тыс.	—	34,4	37,0	31,4	32,3	19,9	25,7	38,8
20–50 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—
50–100 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—
100–250 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—

До конца 1960-х гг. советская модель урбанизации развивалась по мобилизационному варианту, государство в условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры и нестабильной внутренней ситуации, тем не менее, осваивала восточные территории страны планомерно и последовательно. Однако ускоренные темпы урбанизации, формирование городского населения в первую очередь за счет сельчан, приоритет экономики города над социокультурным его развитием — все это приводило к экстенсивному характеру развития городских поселений Саяно-Алтая.

Центральные государственные органы власти, понимая необходимость закрепления трудовых ресурсов в новых городских поселениях, проводили соответствующую социальную политику, направленную на закрепление и адаптацию новоселов здесь. Был выработан комплекс мер по адаптации населения к городским условиям, в основе которого лежала идея о необходимости создания социокультурной среды урбанистического характера [Букин и др. 2008: 199]. С этой целью в городах региона стали возводить новые благоустроенные дома, объекты культурного, спортивного, образовательного и бытового назначения.

В 1970–1980-е гг. советская модель урбанизации стала консервативной по характеру, тормозила развитие страны, что неизбежно привело к росту социальной напряженности. Ускоренные темпы урбанизации, разрыв между городом и деревней в социокультурном и бытовом плане, увеличение численности городских социокультурно «промежуточных» слоев способствовали социальному расколу в обществе, в котором в позднесоветское время элита превратилась в «квазисословие» с «подверженностью влияниям западных ценностей» [Сенявский 2018: 46]. Вместе с тем, несмотря на последовавший за этим распад Советского Союза, советская модернизация в целом была успешной, хотя и не решила многие задачи, стоявшие в тот период перед страной [Миронов 2017: 21].

Структура городского населения

Модернизация страны и урбанизация оказали влияние и на состав и структуру городского населения Саяно-Алтайского региона. В изучаемые годы четко проявились следующие основные тренды в данной сфере. Во-первых, коренные народы региона (хакасы, тувинцы, алтайцы) на протяжении всего изучаемого периода оставались отно-

сительно слабоурбанизированными (доля горожан у этих этносов даже сегодня не достигла 50-процентного рубежа). Во-вторых, лидером среди указанных народов по темпам урбанизации являются тувинцы (если в 1959 г. только около 8 % тувинцев являлись горожанами, то сегодня почти каждый второй из них проживает в городе). В-третьих, цифры свидетельствуют о том, что не всегда рост уровня урбанизации отдельного народа влияет на увеличение его доли в составе городского населения. Так, например, произошло с хакасами. «Несмотря на то, что сегодня каждый третий хакас проживает в городе, их доля среди горожан республики весьма скромная. Связано это с небольшой численностью хакасов» [Тиникова 2019: 413].

К середине XX в. социальный состав городского населения в стране и регионе стал значительно более гомогенным, чем в предыдущий период. Связано это было с политикой советского государства, строившего однородное социалистическое общество, базовыми элементами которого были рабочие, колхозники и прослойка интеллигенции (служащие — те, кто занят профессиональным выполнением квалифицированного умственного труда) как представители экономически активного населения. В связи с этим и вся официальная статистическая отчетность, в том числе и всесоюзные переписи населения, строились на основе данной классификации общественных групп. Следует отметить, что в них неработающее население было сгруппировано на следующие категории: пенсионеры, домохозяйки, учащиеся, иждивенцы.

При работе с указанной группой источников у исследователей могут возникнуть затруднения, связанные с анализом структуры населения городских поселений. Дело в том, что внутри класса рабочих не предполагалось введение никаких дополнительных градаций. К рабочим официальная статистика относила как людей, которые были непосредственно связаны с промышленным производством в городах и рабочих поселках, так и людей, которые работали в совхозах, то есть тех, чей труд был связан с аграрной отраслью экономики. В результате происходили парадоксальные ситуации. Например, в 1971 г. все колхозы Хакасии были преобразованы в совхозы, это привело к трансформации социальной структуры

субъекта: в 1970 г. рабочие-специалисты и служащие составляли 98,2 % всего населения, а уже через год, в 1971 г., — 100 % [Социальный паспорт 1980: 31].

Политика промышленного освоения региона путем реконструкции старых и строительства новых предприятий способствовала притоку квалифицированных кадров со всей страны. Помимо значительных преобразований в индустриальной сфере росту количества специалистов и служащих способствовали увеличение числа и концентрации государственных предприятий, перманентное увеличение значимости непроизводственной сферы экономики, в частности образования и науки, здравоохранения, сферы услуг. На протяжении 1950–1970-х гг. высокий темп их роста оставался неизменным. Так, доля служащих среди занятого населения Хакасии за этот период увеличилась с 18,9 % до 26,1 %, Алтая — с 19,1 % до 26,5 %, Тувы — с 18,0 % до 27,2 % [Итоги 1973: 36–39; Итоги 1990: 48].

Большая часть работающего населения национальных районов Саяно-Алтайского региона была трудоустроена в отраслях материального производства. К 1989 г. в Хакасии сложилась следующая структура занятости городского населения. В отраслях материального производства было сосредоточено 76 % занятого населения, причем из них почти половина (49 %) было занято в промышленности, 18 % — в строительстве, 16 % — в транспорте и связи, 11 % — в торговле и общественном питании, а также в материально-техническом снабжении и сбыте, 4 % — в сельском и лесном хозяйстве, 2 % занималось информационно-вычислительным обслуживанием [Сборник 1991: 29]. В непроизводственных сферах экономики традиционно преобладали женщины (70 % от всего занятого в непроизводственных отраслях населения городов), в отраслях материального производства — мужчины.

В Туве в целом сложилась похожая ситуация. Из 135,9 тыс. человек занятого населения в 1990 г. 62 % работали в отраслях материального производства: 12 % — в промышленности, 21 % — в сельском и лесном хозяйстве, 7 % — в транспорте и связи, 14 % — в строительстве, 8 % — в торговле и общественном питании, материально-техническом снабжении, сбыте и заготовках [Юбилейный 2014: 57].

В целом за годы советской власти вся социальная структура городского населения претерпела глубокую трансформацию. С одной стороны, это было обусловлено целенаправленной политикой партии, обращенной на создание социально однородного общества. С другой — явилось результатом модернизации, по итогам которой возросла доля населения, занятого квалифицированным физическим и умственным трудом.

Классификация социальной структуры городского общества, построенная на основе выделения различных групп горожан на основе их профессиональной занятости, не является единственной. Популярна в Сибири в связи с большой ролью миграции в формировании городского населения классификация, предложенная новосибирскими учеными [Благосостояние 1990: 237–238]). Ее авторы предлагают выделять следующие группы городских жителей:

1) категорию «чистых» горожан, то есть тех, кто всю или по крайне мере $\frac{3}{4}$ своей жизни прожил в городе. По усредненным данным количество таких жителей составляло в конце 1980-х гг. около 40 % горожан, если зачислить в эту категорию также людей, проживающих в поселках, которые относительно недавно получили статус городских поселений;

2) «преимущественно» горожане — лица, которые провели в городе от половины до $\frac{3}{4}$ жизни;

3) преимущественно селяне или полусельские жители. Эта часть городского населения провела в городе более $\frac{1}{4}$ и менее половины прожитой жизни. В 1970-е гг. большая часть горожан региона состояла из данной категории населения;

4) городские селяне, то есть лица, прошедшие в селе всю или более $\frac{3}{4}$ своей жизни. Доля данной категории горожан в 1980-е гг. начала снижаться.

В постсоветский период модернизация страны продолжала развиваться, но обрела ярко выраженный прозападный характер. Ориентиром для современного российского общества стала западная общественная модель развития, основанная на ценностях городской потребительской культуры.

Сегодня в результате радикальной трансформации всех сфер жизни общества, согласно последней Всероссийской переписи 2010 г., к категории «чистых горожан»

можно отнести 78,2 % городского населения Хакасии, так как 268,4 тыс. человек указали в качестве места своего постоянно-го жительства городское поселение, в котором они родились или прожили большую часть своей жизни. К категории городских селян при этом можно отнести около 15,3 % городского населения, указавшего факт своего переезда в недавнем прошлом. При этом последняя цифра является приблизительной, так как, к сожалению, в опубликованных итогах переписи нет возможности проследить место, откуда прибыл мигрант, то есть вполне возможно, что это было не сельское, а другое городское поселение.

На развитие социальной структуры горожан Тувы в начале XXI в. большое влияние оказывала сохраняющая свои высокие темпы сельско-городская миграция. Поэтому здесь к категории городских сельчан можно причислить (с названными выше допущениями) каждого четвертого горожанина, так как 26,3 % городского населения республики изменило место своего жительства в 2003–2010 гг. 64,9 % городского населения могут быть классифицированы как «чистые горожане». Похожая ситуация сложилась на Алтае. Здесь к категории «чистых горожан» относятся 66,9 % городского населения, к категории городских сельчан — 24,5 % [Итоги 2013: 316, 325, 330].

Уровень жизни городского населения

Резкое снижение уровня жизни населения, стремительное расслоение общества по уровню доходов — основные результаты экономического кризиса в России 1990-х гг. В эти годы уровень благосостояния населения страны и, в частности, национальных республик Саяно-Алтая не отличался стабильностью (таблица 4).

В 1994 г. среди трех республик среднедушевые денежные доходы населения были выше на Алтае — 204,0 тыс. руб., что составляло около 99 % от общероссийского показателя. Однако в 1998 г. среднедушевые доходы населения Алтая стали ниже, чем в Хакасии, и Республика Алтай стала занимать по данному показателю 63-е место в рейтинге регионов России, в то время как Республика Хакасия — 48-е. Связано это, прежде всего, с эффективностью политики региональных властей по сдерживанию последствий экономического кризиса

в регионе. Тува по данному показателю находилась в аутсайдерах, здесь среднедушевые денежные доходы населения в 1998 г.

были в два раза меньше, чем в среднем по стране, или в 1,3 раза меньше, чем в соседней Хакасии.

Таблица 4. Среднедушевые денежные доходы населения России и национальных республик Саяно-Алтайского региона в 1994–1998 гг. (в месяц; тысяч рублей; 1998 г. — руб.)

[*Table 4. Average per capita monetary incomes: Russia and the Sayan-Altai national republics, 1994–1998 (per month; thousand rubles; 1998 — RUB)*] ⁴

Регион	1994	1995	1996	1997	1998	Место, занимаемое в РФ
Россия	206,3	515,4	760,0	930,0	969,9	
г. Москва	691,1	1803,9	2845,9	3516,3	4017,1	1
Алтай	204,0	316,2	474,3	608,2	565,0	63
Тыва	129,3	314,3	449,8	590,4	491,0	77
Хакасия	183,1	465,0	736,8	757,6	655,3	48

Вместе с тем реальные денежные доходы населения при росте номинальной заработной платы падали. За 1994–1998 гг. реальные денежные доходы населения России сократились на 28,6 %, на Алтае — на 27,7 %, в Туве — на 39,2 %, в Хакасии — на 29,8 % [Российский... 1999: 143–144]. В результате происходило ухудшение соотношения заработной платы и прожиточного минимума.

В период после 2000 г. уровень жизни в России повысился, что в первую очередь отразилось на росте заработной платы населения страны, причем как номинальной, так и реальной [Охлопкова 2008: 76]. Однако между отдельными регионами продолжает наблюдаться существенный разрыв по степени материальной обеспеченности населения. По подсчетам рейтингового агентства «РИА Рейтинг» республики Алтай и Тыва замыкали рейтинг сибирских регионов по качеству жизни населения, занимая в общероссийском рейтинге 82 и 85-ю позиции соответственно.

В 2017 г. среди регионов Сибири наибольший рост позиций в указанном рейтинге произошел в Республике Хакасия. Это было связано с изменением целого комплекса показателей развития республики: «снижение уровня безработицы, рост объема вкладов физических лиц в банках, сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного

минимума, снижение смертности населения от внешних причин и младенческой смертности, повышение обеспеченности детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях, рост доли государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, соответствующих современным требованиям, рост обеспеченности населения жильем, рост доли прибыльных предприятий» [Дугаржапова 2018: 28].

Увеличение среднедушевых денежных доходов сопровождалось незначительным снижением коэффициента дифференциации (таблица 5), что свидетельствует о несущественном изменении степени социального расслоения жителей национальных республик Саяно-Алтайского региона. В 2015 г. на долю наименее обеспеченной его части приходилось всего 6,1 % денежных доходов населения, а на долю самой обеспеченной части жителей — более 40 %. В целом в регионе коэффициент дифференциации доходов не превышает среднероссийский уровень.

Уровень отклонения фактического распределения денежных доходов населения в национальных республиках Саяно-Алтая относительно ниже, чем в среднем по России. Вместе с тем их величины находятся в районе отметки 0,3, что свидетельствует о неравномерном распределении доходов в обществе. Подобный дисбаланс вызывает социально-экономическую напряженность.

⁴ Рассчитано и составлено по: [Российский... 1999: 143–144].

Горожане Саяно-Алтайского региона по-разному оценивают экономическую ситуацию как в России, так и в регионе, а также в их городских поселениях, об этом свидетельствуют данные социологического исследования среди городских жителей региона, кото-

рый проводился в Хакасии летом 2018 г., в Туве и Алтае — осенью 2019 г. Основной метод опроса — формализованное интервью. Общая выборочная совокупность составила 2 000 чел. В работе применялись детерминированные методы построения выборки.

Таблица 5. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2015 г. [Дугаржапова 2018: 33]
[Table 5. Distribution of total cash income across 20% of the population, 2015]

Регион	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини
	Первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая с наибольшими доходами)		
Россия	5,3	10	15	22,6	47,1	15,7	0,413
Алтай	6,7	11,6	16,3	23	42,4	10,4	0,355
Тыва	6,2	11,0	15,9	22,9	44,0	11,9	0,375
Хакасия	6,5	11,4	16,2	23,0	42,9	10,8	0,361

Жители городов Хакасии чаще, чем соседи, характеризуют экономическую ситуацию в стране как неустойчивую (43,1 % опрошенных) или крайне нестабильную (18,6 %). Также в целом они оценивают положение дел в экономической сфере своей республики. Население Горно-Алтайска также характеризует экономическую ситуацию в Республике Алтай и ее столице как неустойчивую (37,2 %) или как крайне нестабильную (19,3 %). Жители Турана чаще остальных городских жителей Тувы говорят о нестабильности экономической ситуации в их городе (32,6 %). Интересно, что равное количество горожан Чадана называют экономическую ситуацию в их городе перспективной (24,2 %) и неустойчивой (24,2 %). Ответы жителей Кызыла включают в себя всю палитру оценок экономической ситуации в городе. Их ответы распределились следующим образом: «стабильная» — 15,4 %, «перспективная» — 21,5 %, «неустойчивая» — 26,2 %, «крайне нестабильная» — 23,1 %, затруднились с ответом — 13,8 % [ПМА 2018; ПМА 2019].

Наибольшую удовлетворенность вызывает у городских жителей региона работа дошкольных учреждений и средних

общеобразовательных школ. Жители Горно-Алтайска также высоко оценили работу правоохранительных органов города (8,6 % от прошенных). Низкие оценки получили услуги в области здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, а также благоустройство дворов и состояние дорог в городах. Жители городов Тувы также поставили оценку «плохо» работе транспортной сферы (26,6 %) и в целом благоустройству городской среды (30,3 %) [ПМА 2019].

Среди проблем, предложенных респондентам в анкете (таблица 6), городские жители региона назвали наиболее острыми высокий уровень безработицы, рост цен, низкий уровень качества жизни. Городское население Тувы также крайне обеспокоено распространением пьянства, алкоголизма и наркомании в республике (37,5 % опрошенных), а также высокими ценами на жилье (24,1 %) и коррупцией (20 %) [ПМА 2019].

Горожане Хакасии еще помнят времена, когда регион отличался высокими показателями промышленного производства, поэтому здесь чаще, чем у соседей, среди острых проблем называют проблему упадка промышленности (19,1 %). Несмотря на то, что реальный разрыв между богатыми и

бедными в Хакасии ниже, чем в Туве, здесь горожане более обеспокоены этой проблемой (13,1 % в Хакасии против 4,7 % в Туве) [ПМА 2018; ПМА 2019].

Таблица 6. Оценка жителями городских поселений национальных республик Саяно-Алтайского региона наиболее острых проблем их населенного пункта (%)⁵
[Table 6. Assessments of the most acute problems given by residents of respective urban settlements in the Sayan-Altai national republics (%)]⁵

Проблемы	Алтай	Тува	Хакасия
высокий уровень безработицы	58,4	65,3	42,5
низкий уровень качества жизни	48,3	21,9	32,8
межнациональная напряженность	2,4	1,3	5,3
упадок промышленности	8,6	8,8	19,1
кризис сельского хозяйства	9,5	8,1	10,0
рост цен	46,8	40,3	42,5
пьянство, алкоголизм, наркомания	21,7	37,5	25,3
высокие цены на жилье	14,1	24,1	18,4
коррупция	14,7	20,0	13,1
большой разрыв между богатыми и бедными	7,6	4,7	13,1
падение нравов	3,7	5,3	4,4
проблема трудоустройства молодежи	17,1	17,5	20,0
увеличение мигрантов из стран ближнего зарубежья	1,5	3,1	2,5
рост преступности	0,9	7,8	4,1
экологические проблемы	0,9	4,7	5,6

Население Горно-Алтайска в целом удовлетворено жилищными условиями (59,6 % респондентов), работой (65,1 %), возможностями проведения досуга (66,6 %), но не удовлетворено своим материальным положением (51,3 %). Иная картина складывается из ответов респондентов Тувы и Хакасии, которые оказались удовлетворены всеми перечисленными сферами жизни [ПМА 2018; ПМА 2019].

Удельный вес жителей городов Саяно-Алтайского региона, довольных жизнью (78,1 %), выше, чем недовольных (17,6 %). Жители городской местности Тувы больше удовлетворены жизнью (82,8 %), чем городское население соседних регионов. При этом самый высокий показатель удовлетворенностью жизни зафиксирован в Чадане — 0,89 %, самый низкий — в Туране: 0,75 % [ПМА 2019].

Около $\frac{3}{4}$ городских жителей региона уверены в своем будущем, 6,6 % совершенно не уверены. Полную уверенность в завтрашнем

⁵ Сумма по столбцу превышает 100 %, так как один респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

дне в большей степени испытывают горожане Тувы (51,6 %), напротив — почти каждый четвертый горожанин Хакасии не уверен в своем будущем [ПМА 2018; ПМА 2019].

В результате свое отношение к жизни четверть опрошенных горожан Саяно-Алтая сформулировали как «жизнь интересная, меня полностью устраивает». Градация остальных вариантов ответа выглядит следующим образом: «жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился и не хочу ничего менять» — 13,9 %, «жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше» — 25,8 %, «жизнь очень тяжелая, и я вряд ли смогу в ней что-нибудь изменить к лучшему» — 4,4 %, «жизнь полосатая, я принимаю и хорошее, и плохое» — 22 %, «все устроится само собой» — 3,9 %, «будь, что будет» — 4,3 % [ПМА 2018; ПМА 2019].

Итак, официальные данные статистики, фиксирующие неуклонное снижение реальных доходов городского населения Саяно-Алтайского региона, ухудшение их материального положения, идут вразрез с данными социологических опросов, которые

показывают, что население городов весьма позитивно оценивает свое текущее материальное положение. Это можно трактовать как адаптацию жителей региона к новой рациональной или бережливой стратегии потребления [Белехова 2019: 36]. Иными словами, экономное потребление, которое изначально в сознании людей рассматривалось как нечто временное и необходимое в условиях тяжелой социально-экономической ситуации, со временем стало нормой, стандартом, обыденностью.

Такая ситуация в нашем понимании не есть норма. О причинах становления в России крайне нерациональной хозяйственной системы дискутируют уже давно. В данном исследовании принципиальным является тезис о том, что перманентное снижение реальных доходов населения страны в целом и регионов Саяно-Алтая в частности, свидетельствует о перекосах постсоветской модели модернизации.

Урбанизация стимулирует развитие институтов гражданского общества, что влечет за собой запрос с его стороны на проведение демократической модернизации снизу как противопоставление осуществляющейся сегодня авторитарной модернизации сверху [Ясин 2011: 5]. Городское сообщество ощущает потребность в модернизации, отвеча-

ющей условиям России или «модернизации для всех» («гуманистической модернизации») [Лапин 2018: 127].

Заключение

Обозначенные нами в статье основные векторы развития процесса урбанизации в национальных регионах Саяно-Алтая демонстрируют в целом устоявшийся тренд на созревание основных элементов модернизации.

При этом не следует забывать о том, что основным критерием (и вместе с тем целью) успешной модернизации является повышение качества жизни человека. Поэтому и успешная урбанизация региона предполагает дальнейший рост качества городской среды и рост уровня жизни населения.

Иными словами, о завершенности процесса урбанизации в национальных республиках Саяно-Алтая следует судить не только на основании данных официальной статистики и анализе количественных показателей урбанизации, но и учитывая уровень развития благоустройства городского пространства. Бытие определяет сознание, поэтому и человек, проживающий в городе, который является таковым лишь на бумаге, не в полной мере является горожанином.

Полевые материалы автора

ПМА 2018 — Опрос жителей Хакасии в августе 2018 г. Опрос проводился в 5 городах (г. Абакан, г. Черногорск, г. Саяногорск, г. Сорск, г. Абаза) и 3 поселках городского типа (пгт. Аскиз, пгт. Бискемжа, пгт. Вершина Теи). Было опрошено 1 000 человек.

ПМА 2019 — Опрос жителей Тувы и Алтая в сентябре-октябре 2019 года. Опрос проводился в 5 городах Тувы (г. Кызыл, г. Ак-До-

вурек, г. Шагонар, г. Чадан, г. Туран) и столице Алтая — г. Горно-Алтайске. Было опрошено 1 000 человек.

Author's Field Data

Interviews with residents of Khakassia (5 cities and 3 towns), August 2018. A total of 1 000 residents interviewed (In Russ.)

Interviews with residents of Tuva and Altay (6 cities), September–October 2019. A total of 1 000 residents interviewed (In Russ.)

Литература

- Алаев 1977 — Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1977. 199 с.
- Анкудинова 2007 — Анкудинова Т. В. История становления и развития города Горно-Алтайска в первой половине XX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 177 с.
- База данных 2020 — База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 15.04.2020).

Благосостояние 1990 — Благосостояние городского населения Сибири: проблемы дифференциации (опыт социологического изучения) / под ред. Ф. М. Бородкина. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 347 с.

Букин и др. 2008 — Букин С. С., Долголюк А. А., Исаев В. И., Тимошенко А. И. Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях

- урбанизации (1930–1980-е гг.) // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. С. 164–214.
- Вишневский 2004 — *Вишневский А. Г.* Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет? // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 17–25.
- ВПН 1970 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 5. М.: Статистика, 1973. 303 с.
- ВПН 1979 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 7. М.: Статистика, 1990. 161 с.
- ВПН 2010 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [электронный ресурс] // Т. 1. М.: Статистика России, 2013. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.07.2020).
- Белехова 2019 — *Белехова Г. В.* Уровень жизни населения России: итоги 2008–2017 гг. // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 25 марта – 2 апреля 2019 г.). Вологда: ФГБУН ВоЛНЦ РАН, 2019. С. 32–38.
- Доржу 2015 — *Доржу З. Ю.* Из истории столицы Республики Тыва — Кызыла // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 1(17). С. 32–41.
- Дугаржапова 2018 — *Дугаржапова Д. Б.* Социально-экономические аспекты уровня и качества жизни населения республик СФО РФ // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 25–37.
- Историческая энциклопедия 2009 — Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 1. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. 715 с.
- История 2016 — История Тувы: в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2016. Т. 3. 455 с.
- Кискидосова 2012 — *Кискидосова Т. А.* Абакан. Начальная история города в 1930-е гг. // Мир Центральной Азии – 3. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 104–108.
- Лапин 2018 — *Лапин Н. И.* Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4. С. 105–136.
- Лаппо 1997 — *Лаппо Г. М.* География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
- Лаппо 2001 — *Лаппо Г. М.* Города Европейской России в конце XIX века // Город и деревня в европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 65–78.
- Мазур 2009 — *Мазур Л. Н.* Урбанизация российской деревни во второй половине XIX–XX вв. // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюция и кризисы. Оренбург: РЦРО, 2009. С. 216–222.
- Миронов 2012 — *Миронов Б. Н.* Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3(48). С. 259–277.
- Миронов 2017 — *Миронов Б. Н.* Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // Уральский исторический вестник. 2017. № 4(57). С. 16–24.
- Миронов 2018 — *Миронов Б. Н.* Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета им. М. К. Аммосова. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.
- Опыт 2000 — Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. / под ред. В. В. Алексеева. М.: Наука, 2000. 244 с.
- Охлопкова 2008 — *Охлопкова Н. В.* Динамика ВВП и уровень жизни населения России и Республики Саха (Якутия) в 1990–2000-е годы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2008. Т. 5. № 1. С. 73–82.
- Очерки 1973 — Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / отв. ред. Л. П. Потапов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск: отд-ние Алтайского кн. изд-ва, 1973. 601 с.
- Российский... 1999 — Российский статистический ежегодник. 1999. М.: Госкомстат России, 1999. 621 с.
- Сборник 1991 — Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям. Абакан: [б. и.], 1991. 54 с.
- Сенявский 2003 — *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке. М.: Наука, 2003. 286 с.
- Сенявский 2018 — *Сенявский А. С.* Большие вызовы в имперской и советской истории России: сравнительный анализ // Уральский исторический вестник. 2018. № 2(59). С. 39–48.
- Сенявский 2019 — *Сенявский А. С.* Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 147–161.

- Социально-экономическое 2014 — Социально-экономическое развитие Хакасии (XX – начало XXI века) / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: Хакасск. кн. изд-во, 2014. 250 с.
- Социальный паспорт 1980 — Социальный паспорт Хакасской автономной области / под ред. Г. Ф. Кузнецова и В. В. Павловского. Абакан: [б. и.], 1980. 221 с.
- Тиникова 2018 — Тиникова Е. Е. Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX – начале XXI века // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 235–257.
- Тиникова 2019 — Тиникова Е. Е. Динамика национального состава городского населения Южной Сибири в 1945–2017 годах // Актуальные проблемы современной науки:
- взгляд молодых ученых. Махачкала: АЛЕФ, 2019. С. 409–414.
- Ширап 2019 — Ширап Р. О. Социально-демографическое развитие г. Кызыла в 1940–1960-е гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4(52). С. 76–83.
- Юбилейный 2014 — Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы: Кызыл: Тувастат, 2014. 208 с.
- Ясин 2011 — Ясин Е. Г. Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: Фонд «Либеральная миссия», 45 с.
- Gibbs 1963 — Gibbs J. The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. Vol. 2. Pp. 119–129.

References

- Alaev E. B. Economic Geography: Terminology. Moscow: Mysl', 1977. 199 p. (In Russ.)
- Alekseev V. V. (ed.) Experiences of Russian Modernizations: 18th – 20th Centuries. Moscow: Nauka, 2000. 244 p. (In Russ.)
- Ankudinova T. V. City of Gorno-Altaysk: History of Its Shaping and Development, Early-to-Mid 20th Century. Tomsk: Tomsk State University, 2007. 177 p. (In Russ.)
- Belekhova G. V. Living standards in Russia: 2008–2017. In: Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Assessments. Conference Proceedings (Vologda; March 25 – April 2, 2019). Vologda: Vologda Research Center (RAS), 2019. Pp. 32–38. (In Russ.)
- Borodkin F. M. (ed.) Welfare of Siberia's Urban Population: Differentiation Issues (A Sociological Study). Novosibirsk: Nauka, 1990. 347 p. (In Russ.)
- Bukin S. S., Dolgolyuk A. A., Isaev V. I., Timoshenko A. I. Sociocultural adaptation of Siberia's population in the context of urbanization: 1930s–1980s. In: Solving the Housing Problem in Siberian Cities, 20th – Early 21st Centuries: Experiences Revisited. Novosibirsk: Institute of History (Sib. Branch of RAS), 2008. Pp. 164–214. (In Russ.)
- Celebrating the 100th Anniversary of Russian Tuva: A Jubilee Statistical Digest. Kyzyl: Tuvastat, 2014. 208 p. (In Russ.)
- Database of Municipal Indices. On: Federal State Statistics Service (website). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (accessed: April 15, 2020). (In Russ.)
- Dorzhu Z. Yu. From the history of the capital of the Republic of Tuva – Kyzyl. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2015. No. 1(17). Pp. 32–41. (In Russ.)
- Dugarzhapova D. B. Socio-economic aspects of living standards and quality of life of the population of the republics of the Siberian Federal District of the Russian Federation. In: Republics in Russia's East: Pathways of Economic, Demographic and Territorial Development. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2018. Pp. 25–37. (In Russ.)
- Gibbs J. The evolution of population concentration. *Economic Geography*. 1963. Vol. 2. Pp. 119–129. (In Eng.)
- Kiskidosova T. A. Abakan: early history of the city, 1930s. In: The World of Central Asia – 3. Irkutsk: Ottisk, 2012. Pp. 104–108. (In Russ.)
- Kuznetsov G. F., Pavlovsky V. V. (ed.) Khakass Autonomous Oblast: A Social Passport. Abakan, 1980. 221 p. (In Russ.)
- Lamin V. A. (ed.) Historical Encyclopedia of Siberia. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri, 2009. 715 p. (In Russ.)
- Lamin V. A. (ed.) History of Tuva. In 3 vols. Novosibirsk: Nauka, 2016. Vol. 3. 455 p. (In Russ.)
- Lapin N. I. Hybrid transition and a demand for “modernization for all”. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018. Vol. 9. No. 4. Pp. 105–136. (In Russ.)
- Lappo G. M. Cities of European Russia in the late 19th century. In: City and Village of European Russia — The Century of Changes. Moscow: OGI, 2001. Pp. 65–78. (In Russ.)
- Lappo G. M. Geography of Cities. Moscow: VLA-DOS, 1997. 480 p. (In Russ.)

- Mazur L. N. Russian village urbanized: mid-19th – 20th centuries. In: *Agrarian Economy in the Context of Russian Modernizations, 19th – 20th Centuries. Evolution and Crises*. Orenburg: Regional Education Development Center, 2009. Pp. 216–222. (In Russ.)
- Mironov B. N. Argumentative issues of imperial, Soviet and post-Soviet modernizations. *Ural Historical Journal*. 2017. No. 4(57). Pp. 16–24. (In Russ.)
- Mironov B. N. City: a perspective from village. The four hundred years of Russia's urbanization. *Otechestvennye zapiski*. 2012. No. 3(48). Pp. 259–277. (In Russ.)
- Mironov B. N. Imperial and Soviet modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2018. Vol. 63. No. 1. Pp. 54–82. (In Russ.)
- Okhlopkova N. V. GDP dynamics and living standards of the population of Russia and the Sakha Republic (Yakutia) in the period of 1990–2000. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2008. Vol. 5. No. 1. Pp. 73–82. (In Russ.)
- Potapov L. P. (ed.) *Gorno-Altaysk Autonomous Oblast: Historical Essays*. Gorno-Altaysk: Altay Book Publ., 1973. 601 p. (In Russ.)
- Senyavsky A. S. Big challenges in the imperial and Soviet history of Russia: comparative analysis. *Ural Historical Journal*. 2018. No. 2(59). Pp. 39–48. (In Russ.)
- Senyavsky A. S. Urbanization in Russia: 20th Century. Moscow: Nauka, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Senyavsky A. S. Urbanization process in USSR in economic measurements: structural and institutional aspects. *Theoretical Economics*. 2019. No. 2. Pp. 147–161. (In Russ.)
- Shirap R. O. Socio-demographic development of Kyzyl in 1940s–1960s. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social Sciences and Humanities*. 2019. No. 4(52). Pp. 76–83. (In Russ.)
- The Russian Census of 2010: Outcomes. Vol. 1. Moscow: Statistika Rossii, 2013. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: July 15, 2020). (In Russ.)
- The Russian Yearbook of Statistics: 1999. Moscow: Federal State Statistics Committee of Russia, 1999. 621 p. (In Russ.)
- The Soviet Census of 1970: Outcomes. Vol. 5. Moscow: Statistika, 1973. 303 p. (In Russ.)
- The Soviet Census of 1979: Outcomes. Vol. 7. Moscow: Statistika, 1990. 161 p. (In Russ.)
- The Soviet Census of 1989: Population Groups by Social Parameters, Means of Subsistence, Sectors of Economy, and Types of Economic Activity. Abakan, 1991. 54 p. (In Russ.)
- Tinikova E. E. Transformation of urban settlement in the national republics of southern Siberia in the mid-20th to early 21st century. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 4. Pp. 235–257. (In Russ.)
- Tinikova E. E. Urban population of Southern Siberia, 1945–2017: dynamics of ethnic composition. In: *Topical Issues of Contemporary Science in the Eyes of Young Researchers*. Makhachkala: ALEF, 2019. Pp. 409–414. (In Russ.)
- Tuguzhekova V. N. (ed.) *Socioeconomic Development of Khakassia: 20th – Early 21st Centuries*. Abakan: Khakass Book Publ., 2014. 250 p. (In Russ.)
- Vishnevsky A. G. Modernization and counter-modernization: who won? *Social Sciences and Contemporary World*. 2004. No. 1. Pp. 17–25. (In Russ.)
- Yasin E. G. *Russia Developing: Long-Term Scenarios*. Moscow: Liberal'naya Missiya, 2011. 45 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 291–300, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-291-300

Кости животных из позднесарматских погребений курганной группы «Кермен Толга»

Цагана Владимировна Дорджиева¹, Любовь Алексеевна Бембеева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0000-0002-2232-4458. E-mail: tsaganashm@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дорджиева Ц. В., Бембеева Л. А., 2021

Аннотация. Введение. В статье представлены результаты исследования костей животных из позднесарматских погребений курганной группы *Кермен Толга*, раскопанных археологической экспедицией Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики под руководством Е. В. Цуцкина в Сарпинской низменности в 1979 г. Цель. В ходе работы было осуществлено детальное описание костных останков животных, определение их видового состава, количественный учет, а также их сравнение. Результаты исследования показывают, что в позднесарматских погребениях группы *Кермен Толга* костные останки принадлежали одному виду домашних животных: овце (*Ovis aries*). Выводы. Проведенный анализ костного материала по данным из полевого отчета и костям, хранящимся в фондохранилище Калмыцкого научного центра РАН, показал, что из 10 женских погребений в 7 случаях были положены кости правой задней конечности овцы, а из 6 мужских погребений в 4 случаях — кости левой задней конечности овцы. Данные выводы носят предварительный характер. Однако прослеживается взаимосвязь пола погребенного и частью стороны костей животного. Эта особенность указывает на ранее незамеченную исследователями черту погребального обряда позднесарматской культуры.

Ключевые слова: кости животных, археозоологический материал, заупокойная пища, курганская группа *Кермен Толга*, курган, погребение, позднесарматское время, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект

«Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития

народов Юга России» (номер госрегистрации: ААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Дорджиева Ц. В., Бембеева Л. А. Кости животных из позднесарматских погребений курганной группы «Кермен Толга» // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 291–300.

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-291-300

Animal Bones from Late Sarmatian Burials of the Kermen Tolga Mound Group

Tsagana V. Dordzhieva¹, Lyubov A. Bembeeva²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-2232-4458. E-mail: tsaganashm@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Dordzhieva Ts. V., Bembeeva L. A., 2021

Abstract. *Introduction.* The article introduces results of studies of animal bones excavated by the archaeological expedition of Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics (with E. V. Tsutskin as leading scientist) from Late Sarmatian burials within the Kermen Tolga Mound Group in the Sarpa Lowlands in 1979. *Goals.* The paper provides detailed descriptions of the animal bone remains, identifies their species composition, enumerates and compares the samples. *Results.* The study shows all the investigated Late Sarmatian burials of the Kermen Tolga Mound Group contained bone remains of only one domesticated animal — sheep (*Ovis aries*). *Conclusions.* The analysis of bone materials described in the field summary report and stored at Kalmyk Scientific Center of the RAS reveals that seven of the ten female burials excavated were containing bones of the back right leg, while in four of the six male burials there were found bones of the back left leg. The conclusions are preliminary but there is a definite relationship between the gender of each single buried individual and the side of animal's body used therein. This may indicate the earlier unnoticed element of Late Sarmatian funeral rites.

Keywords: animal bones, archaeozoological materials, food for the dead, Kermen Tolga Mound Group, kurgan, burial, Late Sarmatian era, Republic of Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Dordzhieva Ts. V., Bembeeva L. A. Animal Bones from Late Sarmatian Burials of the Kermen Tolga Mound Group. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 291–300. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-291-300

Введение

В рамках плановой темы Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН) ведется работа по изучению археологического материала из погребальных памятников Республики Калмыкия. Кости животных являются важной составляющей погребальных комплексов различных культур, отражающей особенности похоронных и постпогребальных ритуалов древнего населения и, как следствие, выступающей в

качестве одного из маркеров археологических культур. Кости животных в погребениях отражают культовые представления древнего общества, а также — наличие данных животных в хозяйстве древнего населения [Бугров, Асылгараева 2020: 146].

При рассмотрении археологических памятников Республики Калмыкия по культурно-хронологической принадлежности эпоха раннего железного века представлена 786 погребениями, что составляет 20,2 %

от общего числа всех раскопанных погребений, это в 3,19 раза меньше, чем памятников эпохи бронзы. Меньшее количество погребальных памятников кочевников показывает, что для успешного ведения хозяйства они нуждались в гораздо больших просторах, чем население бронзового века. Как следствие, погребения кочевников встречаются реже, и они малочисленнее, так как они распределены на большей территории [Очир-Горяева 2008: 146].

В курганной группе *Кермен Толга* были исследованы 26 курганов, содержавших 36 погребений эпохи бронзы, раннего же-

лезного века и средневековых кочевников [Цуцкин 1979].

Большая часть этих погребений (21 погребение) относится к позднесарматской культуре раннего железного века. Поэтому возник интерес провести исследование археозоологического материала именно позднесарматских погребений курганной группы *Кермен Толга*, расположенной в Сарпинской низменности (рис. 1). Кроме того, Е. Г. Буратаевым опубликована статья, в которой приведены общие сведения и описание погребального инвентаря сарматских погребений из данной курганной группы [Буратаев 2020].

Рис. 1. Географическое положение курганной группы *Кермен Толга*

[Fig. 1. Geographical location of the Kermen Tolga Mound Group]

Погребения позднесарматского времени данного погребального памятника были совершены в длинных прямоугольных ямах и занимали центральное положение в кургане. Из 21 позднесарматского погребения 16 были основными — соответственно, впускных погребений было 5. Положение погребенных было вытянуто на спине, руки располагались вдоль туловища, ноги параллельно друг другу. Погребения сопровождались различной керамической и глиняной посудой, бытовыми вещами, ритуальными

деталями и заупокойной пищей [Буратаев 2020: 36–40].

По тексту полевого отчета в курганной группе *Кермен Толга* кости животных были обнаружены в 20 погребениях позднесарматского времени. В полевом отчете были даны описания костей животных и подробные фотографии в альбоме иллюстраций [Цуцкин 1979].

До последнего времени археозоологические материалы, хранящиеся в фондохранилище КалмНЦ РАН, не были предме-

том специального научного исследования. В рамках плановой работы были начаты изучения костей животных из погребений курганных групп *Дюкер* и *Ергенинский* [Манджиева, Шарманджиева 2019; Шарманджиева, Манджиева 2019].

Цель данного исследования заключается в изучении костей животных, положенных в качестве заупокойной пищи,

из позднесарматских погребений курганный группы *Кермен Толга*. В фондохранилище были выявлены кости овец из 9 погребений курганный группы *Кермен Толга*. Костный материал был представлен целыми или фрагментированными костями, сохранность костей хорошая. Данные по изученным костям представлены в таблице 1.

Таблица 1. Кости животных в виде заупокойной пищи в позднесарматских погребениях группы Кермен Толга
[Table 1. Animal bones as food for the dead in Late Sarmatian burials of the Kermen Tolga Mound Group]¹

№ п/п	Курган/ погребение	Вид живот ного	Описание костей в полевом отчете	Описание костей из фондохранилища КалМНЦ РАН
1.	2/2 (впускное, парное)	Овца	Бедренная кость барана западнее черепа по север-юг, основанием касаясь ключицы [Цуцкин 1979: фото 17–24]	—
2.	5/1 (основное)	Овца	Часть тазовой кости и кость задней ноги барана [Цуцкин 1979: фото 38] ¹	Правая тазовая кость (1), правая бедренная кость (1), правая большеберцовая кость (1)
3.	9/1 (основное, разрушено)	Овца	Кость барана в засыпи, трубчатая кость барана и часть таза барана в южном углу ямы, кость барана в средней части дна подбоя [Цуцкин 1979: фото 43]	Левая тазовая кость (1), левая большеберцовая кость (1)
4.	10/1 (основное)	Овца	Трубчатая кость ноги и часть таза барана [Цуцкин 1979: фото 49]	—
5.	13/1 (основное, разрушено)	Овца	Кость ноги барана в 20 см от черепа, горизонтально [Цуцкин 1979: фото 55]	—
6.	15/1 (основное)	Овца	Кости ноги и таза барана частично заходят по череп [Цуцкин 1979: фото 62–63]	Левая тазовая кость (1), левая бедренная кость (1), левая большеберцовая кость (1)
7.	16/1 (основное)	Овца	Бедренная кость и часть таза барана у изголовья горизонтально, трубчатая кость барана за затылком горизонтально [Цуцкин 1979: фото 65]	Правая тазовая кость (1), правая бедренная кость (1)
8.	17/1 (основное)	Овца	Трубчатая кость в засыпи ямы, трубчатая кость и часть таза барана за черепом горизонтально [Цуцкин 1979: фото 71]	Правая тазовая кость (1), правая большеберцовая кость (1)
9.	18/1 (основное, разрушено)	Овца	Кости барана в миске [Цуцкин 1979: фото 73]	—

¹ Ошибка в тексте отчета: часть лопатки и трубчатая кость барана у бедренной кости, а на фото 38 и в фондохранилище: часть тазовой кости и кость задней ноги барана.

10.	19/1 (основное)	Овца	Кость задней ноги барана с частью таза в миске в ногах погребенной [Цуцкин 1979: фото 78]	—
11.	20/1 (основное)	Овца	Кости задней ноги барана с половиной тазовой кости в миске перед лицом погребенной [Цуцкин 1979: фото 82]	—
12.	21/1 (основное, парное)	Овца	Кости задней ноги и половина таза барана в изголовье, кости барана (ребра и позвонки в анатомическом порядке) перед входом в подбой [Цуцкин 1979: фото 83–84]	—
13.	22/3 (впускное, разрушено)	Овца	Кость барана в засыпи погр. 4, кости барана (передняя нога с лопаткой, кости задней ноги и часть позвоночного столба в естественном сочленении) в западном углу ямы в неподтревоженном положении [Цуцкин 1979: фото 92, 103]	Правая лопатка (1), правая плечевая кость (1), правая бедренная кость (1), позвонок (1)
14.	23/1 (основное)	Овца	Кости барана (задняя нога с частью таза) за черепом [Цуцкин 1979: фото 107–108]	—
15.	24/1 (впускное)	Овца	Кости задней ноги барана с частью таза перед лицом погребенного [Цуцкин 1979: фото 109]	Левая тазовая кость (1), левая бедренная кость (1), левая большеберцовая кость (1)
16.	24/2 (основное, разрушено)	Овца	Кости барана в засыпи ямы (в отчете нет фото)	Правая тазовая кость (1), правая бедренная кость (1), правая большеберцовая кость (1)
17.	27/1 (впускное)	Овца	Кости барана (задняя нога с частью таза) не в анатомическом порядке к востоку от черепа горизонтально [Цуцкин 1979: фото 124]	Фрагмент правой тазовой кости (1), правая бедренная кость (1), фрагмент правой большеберцовой кости (1)
18.	32/1 (основное)	Овца	Кости задней ноги барана в миске у изголовья [Цуцкин 1979: фото 145]	—
19.	33/1 (основное, разрушено)	Овца	Трубчатые кости барана и половина кости таза — в северо-западном углу ямы [Цуцкин 1979: фото 153]	—
20.	34/1 (основное)	Овца	Трубчатые кости барана за черепом [Цуцкин 1979: фото 159]	—
ВСЕГО			20 погребений	9 погребений

Определения и описания костей животных были проведены по общепринятым в археозоологии методикам [Антипина 2003]. При описании костных останков использовалась специальная литература, анатомические атласы и определители [Зеленевский, Васильев, Логинова 2005: 34; Хрусталева, Михайлов, Шнейберг 2004: 16; Вракин, Сидорова, Панов 2001: 51].

Таким образом, был проведен анализ видовой и анатомической структуры археозоологического материала с выявлением закономерности погребальных обрядов по использованию животных в позднесарматских погребениях.

Таким образом, в фондохранилище встречаются следующие кости овцы: тазовые, бедренные и большеберцовые кости,

лопатка, плечевая кость. Костные останки задней конечности овцы отличаются единообразием анатомического состава: от тазовой до бедренной, расположенные в естественном сочленении. Кости передней конечности овцы были положены вместе с лопаткой и позвонками.

Данные по остальным погребениям, из которых кости животных не сохранились и поэтому они не могли быть изучены, были привлечены для данной статьи из текста полевого отчета и изучены по фотографиям и чертежам из альбома иллюстраций. По данным полевого отчета, кости задних конечностей овцы были обнаружены в 17 погребениях данной курганной группы [Цуцкин 1979]. Кости передней конечности овцы были найдены только в одном погребении (курган 22, погребение 3), положенные вместе с бедренной костью.

В трех погребениях кости овцы в тексте полевого отчета были отмечены как длинные кости ног, определить сторону данных костей по фотографиям не удалось.

Костные останки располагались по большей части в районе верхней части туловища погребенного (12 случаев). В одном случае кости овцы, которые лежали в миске, были обнаружены у ног погребенной женщины (курган 19, погребение 1). В остальных случаях положение костей животных установить не удалось, так как погребения были разрушены еще в древности.

В погребении 4 кургана 22, которое определено в отчете как позднесарматское, костей животных не было.

Таким образом, комплексы костей в позднесарматских погребениях курганной группы *Кермен Толга* принадлежат одному виду домашних животных: овце (*Ovis aries*).

В фондохранилище КалмНЦ РАН сохранился костный материал лишь из 9 по-

гребений позднесарматского времени данной курганной группы.

При сравнении археозоологического материала коллекции фондохранилища и полевого отчета выяснилось, что сохранилась только половина материала.

Детальный анализ археозоологического материала показал, что все кости животных представлены в погребениях в виде заупокойной пищи. Она представляет собой именно мясные части животных и является ритуальной традицией снабжения умершего едой. Она несет важную информацию при изучении духовной и материальной культуры древнего населения.

По приведенным наблюдениям, в позднесарматских погребениях превалируют кости овцы в виде заупокойной пищи. В большинстве случаев в погребении оказывается задняя конечность овцы в сочленении.

Позднесарматский археозоологический комплекс, который представлен костями животных в виде погребальной заупокойной пищи, отражает определенную сторону жизни кочевников в раннем железном веке. Для того чтобы разобраться в этом, была проведена статистическая обработка костных останков животных в мужских и женских погребениях данного погребального памятника. Важно отметить, что определение пола и возраста погребенных были сделаны археологами по внешним признакам скелета и погребальному инвентарю.

Кости животных из женских погребений позднесарматского времени

По сведениям из полевого отчета, в курганной группе *Кермен Толга* 10 погребений определены как женские [Цуцкин 1979]. В таблице они расположены по возрастному признаку: пожилые, взрослые (зрелые) и молодые девушки (подростки).

Таблица 2. Кости животных из женских погребений позднесарматского времени

[Table 2. Animal bones from female burials of the Late Sarmatian era]

№ п/п	Курган/погребение	Возраст погребенной	Поза погребенной	Описание костей животных	Положение костей животных
1.	16/1 (основное)	Пожилой	На левом боку, головой на Ю.	Правая тазовая кость (1), правая бедренная кость (1)	У головы погребенной
2.	32/1 (основное)	Пожилой	На спине, головой на ССВ	Задняя нога (установлено по фото) — сторона не определяется	У головы погребенной

3.	2/2 (впускное, парное)	Взрослый и детский	Вытянуто на спине, головой на С	Бедренная кость (установлено по фото) — сторона не определяется	У головы погребенной
4.	5/1 (основное)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на ССВ	Правая тазовая кость (1), правая бедренная кость (1), правая большеберцовая кость (1)	У бедренной и лучевой костей справа
5.	22/3 (впускное, разрушено)	Взрослый	Не установлено	Правая лопатка (1), правая плечевая кость (1), правая бедренная кость (1), позвонок (1)	Не установлено
6.	24/2 (основное, разрушено)	Взрослый	Не установлено	Правая тазовая кость (1), правая бедренная кость (1), правая большеберцовая кость (1)	Не установлено
7.	27/1 (впускное)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на Ю	Фрагмент правой тазовой кости (1), правая бедренная кость (1), фрагмент правой большеберцовой кости (1)	У головы погребенной
8.	34/1 (основное)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на СВ	Трубчатые кости ног (установлено по фото) — сторона не определяется	У головы погребенной
9.	19/1 (основное)	Подросток	Вытянуто на спине, головой на ЮВ	Правые бедренная кость и часть таза (установлено по фото)	В ногах погребенной
10.	21/1 (основное, парное)	Скелет 1: молодая женщина Скелет 2: подросток (девушка?)	Скелет 1: вытянуто на спине, головой на ЮВ Скелет 2: на левом боку, головой на ЮВ	Правые бедренная и тазовая кости (установлено по фото)	У головы погребенных

Таким образом, по тексту полевого отчета и исследованию костей животных из женских погребений в фондохранилище следует, что заупокойная пища найдена у 10 погребенных, при этом исключительно в виде костей овцы. Часть туши — преимущественно правая задняя нога овцы с тазовой костью в сочленении (6 случаев), в одном случае (курган 22, погребение 3) были положены кости правой передней ноги овцы с лопаткой и правая бедренная кость. В трех случаях в погребениях обнаружены длин-

ные кости ног овцы, определить сторону этих костей по фотографиям из отчета не удалось.

Кости животных из мужских погребений позднесарматского времени

По данным полевого отчета в исследованном погребальном памятнике встречено 7 мужских погребений, в которых были отмечены костные останки животных. Мужские погребения рассмотрены следующим образом: в двух погребениях захоронены пожилые мужчины, в четырех — взрослые.

Таблица 3. Кости животных из мужских погребений позднесарматского времени

[Table 3. Animal bones from male burials of the Late Sarmatian era]

№ п/п	Курган/ погребение	Возраст погребен- ного	Поза погребенного	Описание костей животных	Положение костей животных
1.	20/1 (основное)	Пожилой	Вытянуто на спине, головой на Ю	Левая задняя нога и половина тазовой кости (установлено по фото)	у головы погребенного, в миске
2.	24/1 (впускное)	Пожилой	Вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ	Левая тазовая кость (1), левая бедренная кость (1), левая большеберцовая кость (1)	У головы погребенного

3.	9/1 (основное, разрушено)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на ЮЗ	Левая тазовая кость (1), левая большеберцовая кость (1)	Не установлено
4.	10/1 (основное)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на Ю	Часть таза, трубчатая кость ноги (установлено по фото) — сторона не определяется	Не установлено
5.	15/1 (основное)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на С	Левая тазовая кость (1), левая бедренная кость (1), левая большеберцовая кость (1)	У головы погребенного
6.	18/1 (основное, разрушено)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на С	Длинные кости ног (установлено по фото) — сторона не определяется	Не установлено
7.	23/1 (основное)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на С	Задняя нога с частью таза (установлено по фото) — сторона не определяется	У головы погребенного

При анализе костного материала животных из 7 мужских погребений было определено, что в качестве заупокойной пищи в погребения клали заднюю часть ноги овцы. Из них в четырех случаях были обнаружены кости левой задней ноги овцы. В трех остальных — определить сторону длинных костей не удалось.

Также необходимо отметить, что среди позднесарматских погребений курганной группы *Кермен Толга* имеются 3 погребения взрослых людей без определения пола, в которых также находились кости овцы.

Проведя сравнительный анализ по данным полевого отчета и сохранившим-

Таблица 4. Кости животных из неопределенных погребений позднесарматского времени

[Table 4. Animal bones from unidentified burials of the Late Sarmatian era]

№ п/п	Курган/погребение	Возраст погребенного	Поза погребенного	Описание костей животных	Положение костей животных
1.	13/1 (основное, разрушено)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на Ю	Кость ноги барана (установлено по фото) — сторона не определяется	У головы погребенного
2.	17/1 (основное)	Взрослый	Вытянуто на спине, головой на С	Правая тазовая кость (1), правая бедренная кость (1), правая большеберцовая кость (1)	У головы погребенного
3.	33/1 (основное, разрушено)	Не установлено	Вытянуто на спине, головой на С	Длинные кости и половина кости таза (установлено по фото) — сторона не определяется	Не установлено

ся костям животных из этих погребений, удалось выяснить, что в одном погребении была положена правая задняя нога овцы, в двух — кости ноги овцы (установить сторону по фотографиям не получилось).

Выводы

Важным признаком позднесарматской погребальной обрядности является наличие в погребениях костей животных. Проведенный анализ костного материала по полевому отчету и костям, хранящимся

в фондохранилище КалмНЦ РАН, показал, что в позднесарматских погребениях курганной группы *Кермен Толга* костные останки принадлежали одному виду домашних животных, таким как овца (*Ovis aries*).

Данные выводы носят предварительный характер. Однако прослеживается взаимосвязь пола погребенного и частью стороны костей животного. Она выражается в том, что в женских погребениях были положены конечности овцы, определенные как правая сторона, а в мужских погребениях — как левая. Необходимо отметить, что это исследование требует подтверждения при даль-

нейшей проверке позднесарматских погребений других курганных групп.

Не было выявлено никакой закономерности по локализации костей животных по отношению к положению человека. Они встречены со всех сторон относительно погребенного, но чаще кости животных находятся у головы (в 12 случаях из 21 погребения).

Таким образом, возможно в позднесарматских погребениях в качестве заупокойной пищи клали только мясные части овцы (в основном заднюю ногу с тазовой костью). Необходимо проверить эту гипотезу при анализе позднесарматских погребений из других курганных групп.

Источники

Цуцкин 1979 — Цуцкин Е. В. Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ и КГУ в 1979 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17.

Sources

Tsutskin E. V. 1979 Archaeological Expedition of Kalmyk State University and Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics: A Summary Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 14. Cat. 2. File no. 17. (In Russ.)

Литература

Антипина 2003 — Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–33.

Бугров, Асылгараева 2020 — Бугров Д. Г., Асылгараева Г. Ш. Животные в погребальном обряде населения Нижнего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (по материалам Голюковского могильника) // Поволжская археология. 2020. № 1. С. 146–166.

Буратаев 2020 — Буратаев Е. Г. Погребения сарматского времени курганной группы *Кермен Толга* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 36–40.

Вракин, Сидорова, Панов 2001 — Вракин В. Ф., Сидорова М. В., Панов В. П. Практикум по анатомии с основами гистологии и эмбриологии сельскохозяйственных животных. М.: Коллес, 2001. 272 с.

Зеленевский, Васильев, Логинова 2005 — Зеле-

невский Н. В., Васильев А. П., Логинова Л. К. Анатомия и физиология животных. М.: Академия, 2005. 464 с.

Манджиева, Шарманджиева 2019 — Манджиева В. В., Шарманджиева Ц. В. Археозоологический материал из погребений хазарского времени курганной группы *Дюкер* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 4. С. 115–134.

Очир-Горяева 2008 — Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.

Шарманджиева, Манджиева 2019 — Шарманджиева Ц. В., Манджиева В. В. Археозоологический материал из курганной группы *Дюкер* позднесарматского времени // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 4. С. 135–150.

Хрусталева, Михайлов, Шнейберг 2004 — Хрусталева И. В., Михайлов Н. В., Шнейберг Я. И. Анатомия домашних животных. М.: Коллес, 2004. 704 с.

V. I. Tsalkin. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2003. Pp. 7–33. (In Russ.)

Bugrov D. G., Asylgaraeva G. Sh. Animals in a burial rite of the population of the Lower Kama region in the first half of the 1st millennium AD

References

Antipina E. E. Archaeozoological studies: objectives, potential opportunities, and actual results. In: Contemporary Archaeozoological Studies in Russia. Celebrating the 100th Birthday of

- (based on materials from Gulyukovo burial ground). *The Volga River Region Archaeology (Povolzhskaya Arkheologiya)*. 2020. No. 1. Pp. 146–166. (In Russ.)
- Burataev E. G. The late Sarmatian burials of the Kermen Tolga mound group. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 1. Pp. 36–40. (In Russ.)
- Khrustaleva I. V., Mikhaylov N. V., Shneyberg Ya. I. Anatomy of Domesticated Animals. Moscow: Koloss, 2004. 704 p. (In Russ.)
- Mandzhieva V. V., Sharmandzhieva Ts. V. Archaeozoological material from the burials of the Khazar period of the Duker mound group. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. No. 4. Pp. 115–134. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Corpus of Monuments Investigated in the Territory of Kalmykia, 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Sharmandzhieva Ts. V., Mandzhieva V. V. Archaeozoological material from the tombs of the late Sarmat period of Duker mound group. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. No. 4. Pp. 135–150. (In Russ.)
- Vrakin V. F., Sidorova M. V., Panov V. P. Anatomy of Livestock Species, with Fundamentals of Histology and Embryology: A Practical Course. Moscow: Koloss, 2001. 272 p. (In Russ.)
- Zelenevsky N. V., Vasilyev A. P., Loginova L. K. Anatomy and Physiology of Animals. Moscow: Academia, 2005. 464 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 301–313, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902.03/902.21
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-301-313

Мончазинское городище — многослойный памятник в Южном Предуралье

Владимир Владиславович Овсянников¹, Евгений Владимирович Русланов²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, заведующий отделом
 0000-0003-3235-2513. E-mail: atliural@yandex.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, научный сотрудник
 0000-0003-0387-3360. E-mail: butleger@mail.ru

© КалМНЦ РАН, 2021
 © Овсянников В. В., Русланов Е. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Высокий коренной берег реки Белой от места впадения в нее реки Сим и практически до Уфимского полуострова, начиная с эпохи раннего железа, являлся естественным барьером, разделявшим местные племена от спорадически проникавшего на левобережные заливные пастбища кочевого населения. Именно по этой барьерной черте выделена группа городищ оседлого населения кара-абызской культуры: *Охлебинино I, II, Акбердино I–III, Шиповское, Мончазинское*. Видимо, эта система предварительного или заблаговременного оповещения за действиями кочевников действовала и в более поздний хронологический период, связанный с пред- и золотоордынским временем и древностями чияликской археологической культуры. Целью данной работы является ввод в научный оборот археологического материала эпохи железа и позднего средневековья, полученного в результате многократного осмотра и разведочной шурфовки площадки городища *Мончазы*, расположенного в 40 км юго-восточнее г. Уфы в нижнем течении реки Сим. *Результаты.* В статье приводятся данные о мощности культурного слоя, оборонительных сооружений (вал, ров) городища, приводятся аналогии выявленным металлическим изделиям, определяется их культурно-исторический аспект. Полученные результаты свидетельствуют об использовании площадки памятника как кара-абызским населением Южного Предуралья в эпоху раннего железа, так и позднесредневековым «чияликским». В статье также отмечается, что данная территория (среднее течение р. Белой между устьями рек Бирь и Сим) для носителей кара-абызской керамики с примесью песка являлась транзитной, в то же время носители чияликской культуры довольно часто использовали укрепленные мысовые площадки более ранних эпох (городища *Кара-Абыз, Бажино, Уфимское I, Уфа II* и др.).

Ключевые слова: кара-абызская культура, чиаликская культура, эпоха раннего железа, Золотая орда, городище, Предуралье

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: AAAA-A17-117040350082-3).

Для цитирования: Овсяников В. В., Русланов Е. В. Мончазинское городище — многослойный памятник в Южном Предуралье // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 301–313. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-301-313

The Hillfort of Monchazy — a Multi-Layered Monument in the Southern Cis-Urals

Vladimir V. Ovsyannikov¹, Evgeny V. Ruslanov²

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of Department

 0000-0003-3235-2513. E-mail: atliural@yandex.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0003-0387-3360. E-mail: butleger@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ovsyannikov V. V., Ruslanov E. V., 2021

Abstract. *Introduction.* Starting from the early Iron Age, the high root bank of the Belaya — downstream from its confluence with the Sim River and virtually to the Ufa Peninsula — was serving a natural barrier that separated the local tribes from nomadic populations who would sporadically penetrate into the left-bank flood pastures. It is along this barrier line that a group of sedentary settlements (hillforts of Okhlebinino I, II, Akberdino I-III, Shipovo, Monchazy) was discovered and identified as those of the Kara-Abyz culture. Supposedly, this advance warning system was still functioning in later periods too, i.e. the pre- and Golden Horde eras, and was somewhat related to antiquities of the Chiyalik archaeological culture. *Goals.* The work aims to introduce into scientific circulation archaeological materials from the Iron Age and the Late Middle Ages obtained as a result of repeated examinations and explorations at the site of Monchazy located 40 km southeast of Ufa in the lower reaches of the Sim River. The article provides data on the cultural layer of the monument, its defensive structures, introduces analogies to the found metal products, and reveals their cultural and historical aspects. *Results.* The results obtained indicate the site of the monument was used by both the Kara-Abyz population of the Southern Cis-Urals in the early Iron Age and the late medieval ‘Chiyalik’ residents. The paper also notes that this territory (the middle reaches of the Belaya between the mouths of the Bir and Sim rivers) was a transit area for carriers of Kara-Abyz ceramics with sand admixtures, while carriers of the Chiyalik culture quite often used fortified promontories of earlier eras (fortified settlements of Kara-Abyz, Bazhino, Ufa I, Ufa II). The publication also provides a broad historical cross-section of the eras (early Iron Age and Late Middle Ages) in relation to the territory on the right bank of the Belaya River. The work also provides data on the archaeological environment near the hillfort of Monchazy. The rather extensive archaeological materials make it possible to conclude as to the difference between ceramic traditions among the population of the Kara-Abyz archaeological culture. It is also noted that nomadic groups of Kipchaks that arrived in the territory of the settlement could have been included in the cultural environment by sedentary carriers of Chiyalik ceramics who professed Islam.

Keywords: Kara-Abyz culture, Chiyalik culture, early Iron Age, Golden Horde, settlement, Cis-Urals

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Ovsyannikov V. V., Ruslanov E. V. The Hillfort of Monchazy — a Multi-Layered Monument in the Southern Cis-Urals. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 301–313. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-301-313

Введение

Мончазинское городище расположено в 40 км юго-восточнее г. Уфы в нижнем течении реки Сим, правого притока р. Белой — основной водной артерии Южного Предуралья.

Памятник находится в пределах лесостепной природно-климатической зоны, в районе смешанных широколиственных лесов.

Памятник занимает узкую стрелку мыса правой коренной террасы р. Сим. Поперек основания мыса сооружен вал длиной около 60 м (рис. 1). В основании западной части вала — обваловка двух карстовых воронок, одна из которых расположена с напольной стороны вала, другая — позади. На поверхности этой части вала — выходы скальной породы. Высота этой части вала — более 1 м, и ширина — 6–7 м. Ров перед этой частью вала не фиксируется. Вероятно, роль рва здесь могла играть карстовая воронка. Восточная часть вала насыпана искусственно и является продолжением западной. Ее размеры: высота — около 1 м, ширина — 4,1–5 м. Также имеется слабо выраженный ров протяженностью 35–40 м с глубиной 0,25–0,30 м, вал не подходит вплотную к краю мыса, ров незначительно спускается по склону. Вероятно, в древности здесь существовал проход на поселение, что маркирует и современная тропа, идущая на городище.

На окончности мыса фиксируются две карстовые воронки в сочетании с выходами известняка на поверхность. В связи с этим поверхность этой мысовой площадки крайне неровная. Это не позволяет предполагать нахождение каких-либо сооружений. Однако здесь собран довольно значительный для данного памятника подъемный материал (26 фрагментов керамики). Наиболее вероятно, что данная площадка могла использоваться как смотровая, так как русло реки с нее очень хорошо просматривается. Например, вниз по течению в ясную погоду

хорошо виден мыс, на котором расположено городище *Охлебининское II* (расстояние до которого по прямой — 2,3 км).

Эта площадка отделена от основной части городища глубокой ложбиной с перемычкой-проходом. Возможно, ложбина была углублена в древности для усиления оборонительных качеств. Таким образом, оборонительными сооружениями была ограничена ровная площадка размером 18–25 x 50 м. Ранее через нее проходила высоковольтная линия передач, ныне ее демонтировали.

Памятник открыт А. Х. Пшеничнюком в 1963 г. В центре площадки им был забит шурф. Из неглубокого шурфа происходила коллекция керамики из 14 фрагментов с примесью крупного песка, толщиной 6–9 мм. Один из них — обломок венчика с ямочным орнаментом [Пшеничнюк 1963: 29].

В 2011 г. на памятнике одним из авторов была собрана небольшая коллекция керамики. Как упоминалось выше, она происходит с мысовой площадки. В коллекции 26 фрагментов керамики. Большинство (25 фрагментов) имеют в глине примесь крупного речного песка и мелких камешков. Черепки хорошего обжига, имеют очень плотную структуру, из-за этой примеси их поверхность очень шершавая, на ощупь напоминает наждак. Керамика толстостенная (0,5–0,9 см). Все фрагменты, за исключением одного, орнамента не имеют. Один черепок увенчан круглой ямкой, с «жемчужиной» на обороте и с дополнительной крупногребенчатой орнаментацией, что является ранним признаком для кара-абызской керамики эпохи раннего железа (рис. 2, 5). Одна стена без орнамента имела в тесте примесь раковины [Овсянников, Каюмов, Бабин 2015: 100–101].

В 2018 г. на площадке городища для выявления стратиграфической ситуации и культурной идентификации было заложено 2 шурфа (рис. 1).

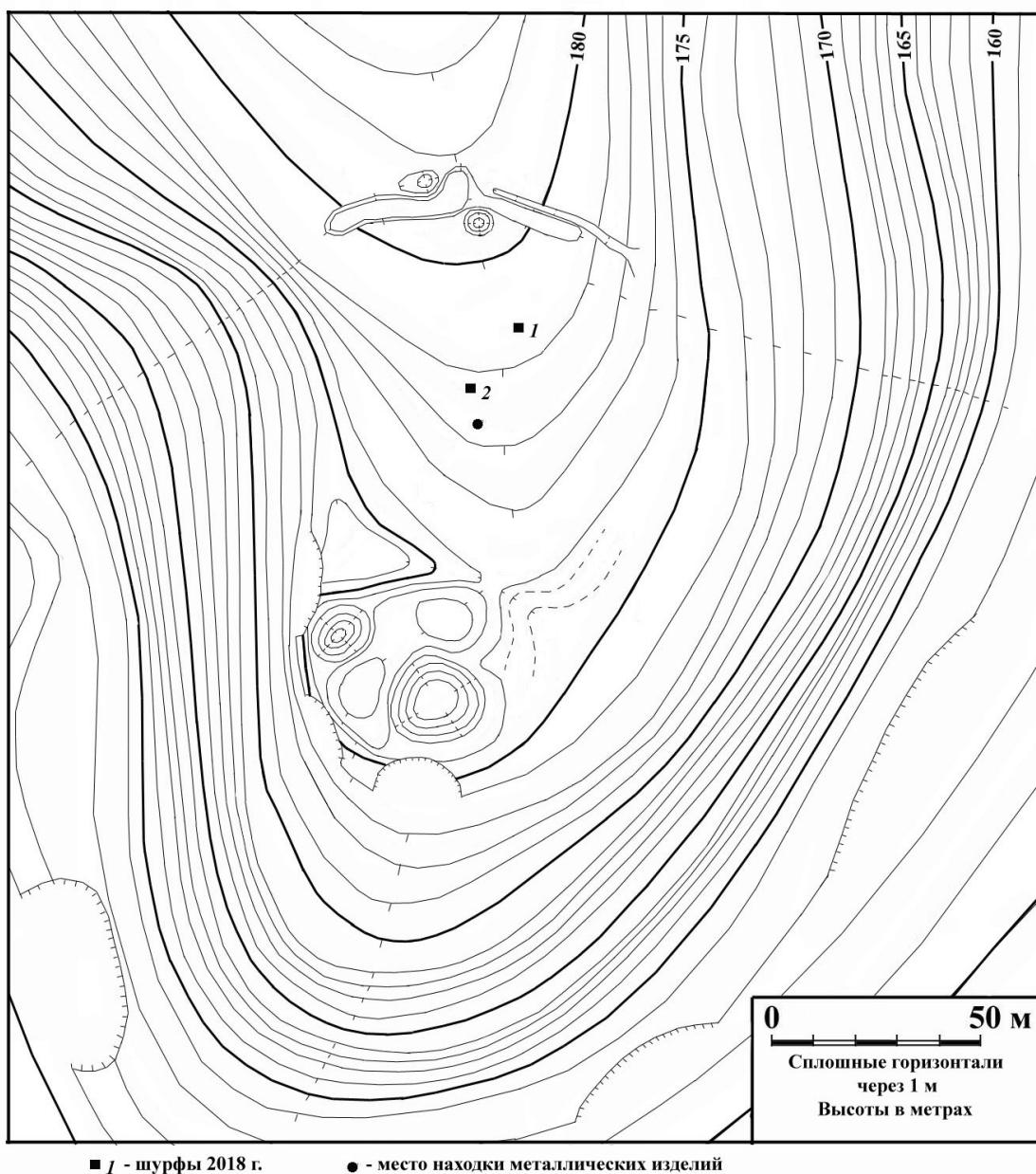

Рис. 1. План Мончазинского городища
 [Fig. 1. Plan of the Monchazinsky settlement]

Шурф № 1

Расположен в 1,43 км к югу-юго-востоку от центра д. Асканыш. Шурф находится на площадке памятника в 30 м к югу от вала и в 310 м к северо-западу от правого берега р. Сим. Размеры шурфа: 1 x 1 м.

Стратиграфия следующая:

- 1) лесная подстилка, маломощная — 2–4 см;
- 2) гумусовый горизонт серого цвета, комковато-мелкозернистой структуры, гу-

сто пронизан корнями растений, образующими в верхней части дернину, маломощный — 20–25 см;

3) материк — светло-коричневый плотный суглинок с вкраплениями известняковой крошки (глубже 30 см).

Глубина шурфа — 40 см.

Археологический материал встречен в слое гумусового горизонта серого цвета. Мощность культурного слоя составляет 20 см. Слой слабо насыщен культурными

остатками, представленными фрагментами керамики чияликской археологической культуры эпохи средневековья.

Еще один шурф заложен в 27 м к юго-западу от шурфа № 1 ближе к южному краю мыса.

Шурф № 2

Расположен в 1,4 км к югу-юго-востоку от центра д. Асканыш, находится на площадке памятника в 57 м к югу от вала и в 280 м к северо-западу от правого берега р. Сим.

Стратиграфия следующая:

- 1) лесная подстилка, маломощная — 2–4 см;
- 2) гумусовый горизонт серого цвета, комковато-мелкозернистой структуры, густо пронизан корнями растений, образующими в верхней части дернину, маломощный — 20–25 см;
- 3) материк — светло-коричневый плотный суглинок с вкраплениями известняковой крошки (глубже 30 см).

Глубина шурфа — 40 см.

Археологический материал встречен в слое гумусового горизонта серого цвета. Мощность культурного слоя составляет 20 см. Слой слабо насыщен культурными остатками, представленными фрагментами керамики чияликской археологической культуры эпохи средневековья.

Как видно из приведенных данных, стратиграфические характеристики шурфов сходны. Под слоем лесной подстилки — гумусированный суглинок с культурными остатками мощностью не более 0,2 м. Материк — плотный суглинок с известняковой крошкой.

Материалы и методы

Всего в обоих шурфах собрано 6 фрагментов керамики. Керамика серого и светло-коричневого цвета, плохо отмучена, ломкая, в тесте примесь раковины и песка. Посуда орнаментирована геометрическими узорами, выполненными мелкой гребенкой (рис. 2, 6–7, 9). При осмотре площадки городища было найдено еще два фрагмента керамики — от неорнаментированных стенок, по фактуре близкой керамике, собранной в шурфах.

Таким образом, полученная за все годы исследований коллекция керамики делится на две культурно-хронологические группы.

К 1-й группе относится керамика с толстыми (0,5–0,9 см) стенками, имеющая в тесте примесь крупного речного песка и мелких камешков. Орнамент в этой группе имеется на одном фрагменте. Это небольшая круглая ямка с «жемчужиной» на обороте, в сочетании с вдавлением штампа из крупной гребенки. Эти признаки относятся к ранней кара-абызской посуде, периода IV–III вв. до н. э.

Вторая группа керамики — тонкостенная с примесью раковины, орнаментированная мелкозубчатым штампом, близка к посуде чияликской культуры эпохи средневековья.

Кроме керамики, в ходе осмотра площадки городища найдено несколько металлических предметов.

Наконечник стрелы типа «срезень» (рис. 2, 1), черешковый, ромбовидной формы, плоского сечения, с уступчиком при переходе к черешку. Размеры проникателя 11 x 4 x 0,4 см. По классификации А. Ф. Медведева наконечник относится к типу 69 [Медведев 1966: 76–77].

Наконечники подобного типа датируются второй половиной XIII–XIV вв. [Яминов 1995: 12; Руденко 2003: 412, 413, 497, табл. XL, 735, 736]. Широкое использование наконечников группы I тип 1 отмечено Ю. С. Худяковым у киданей, алтайских кочевников и монголов в первой половине II тыс. н. э. [Худяков 1991: 75, 114; Худяков 1997: 65, 109].

Подобные стрелы, плоские и крупные наконечники с широкой лопастью, довольно редко встречаются на территории Предуралья, можно отметить несколько стрел из неопубликованных коллекций Юнусовского селища, *Набережного I* поселения, а также случайные находки у пос. Давлеканово и с. Кляшево [Гарустович 1998: рис. 23, 20; 46, 22; 75, 27; 91, 27, 95, 10; 98, 15; 99, 7], со святилища на г. Уклыкай в Гафурийском районе республики [Гарустович, Овсянников 2012: 179–187] и Брик-Алгинского места нахождения XIV в. [Гарустович, Рязанов, Яминов 2005].

Г. Н. Гарустович, считал, что распространение стрел этого типа присуще исключительно южным районам степного Урала, автор приводит в качестве подтверждения серию находок близ с. Таймасово (Куюргазинский р-н) [Гарустович 2012: 57].

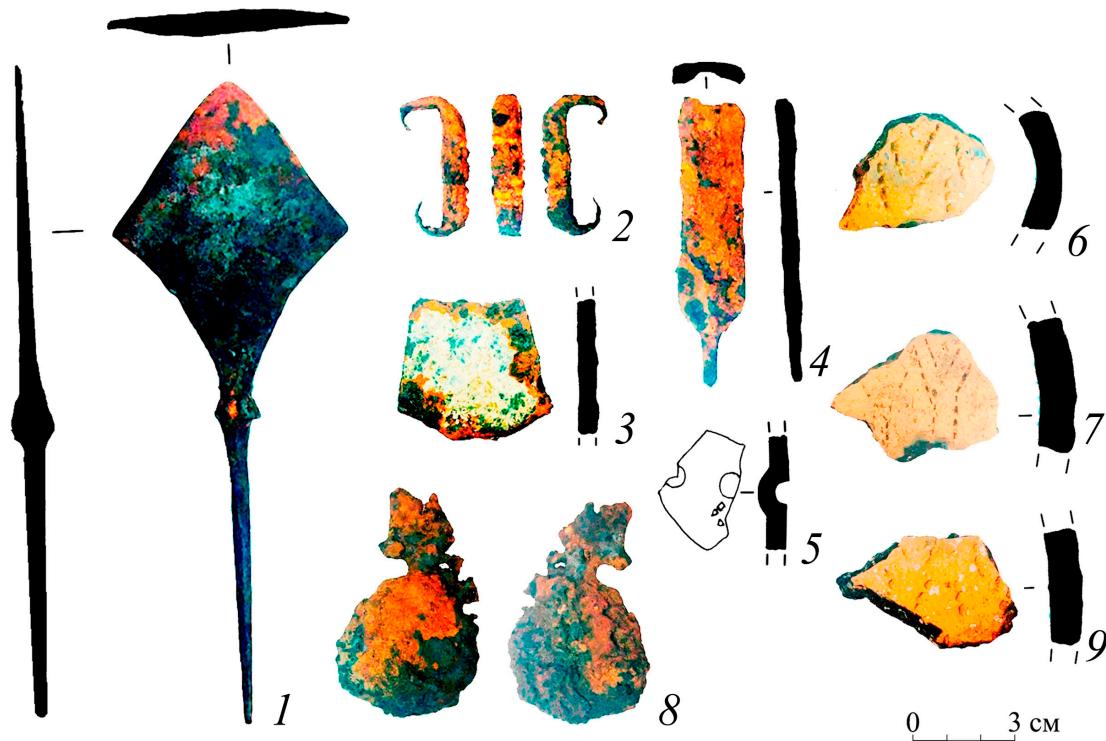

Рис. 2. Мончазинское городище. Археологический материал. 1 — наконечник стрелы; 2 — накладка на ремень; 3 — фрагмент чугунного котла; 4 — долото; 5 — керамика кара-абызской культуры; 6—7, 9 — фрагменты керамики чияликской культуры; 8 — металлический шлак. 1—4, 8 — железо; 5—7, 9 — глина

[Fig. 2. Hillfort of Monchazy. Archaeological materials. 1 — arrowhead; 2 — strap pad; 3 — a fragment of a cast iron boiler; 4 — chisel; 5 — ceramics of the Kara-Abyz culture; 6—7, 9 — fragments of ceramics of the Chiyalik culture; 8 — metal slag. 1—4, 8 — iron; 5—7, 9 — clay]

Фрагмент небольшого металлического долотца, размером 5,2 x 1 x 0,3 см (рис. 2, 4). Ближайшие аналогии происходят также с Брик-Алгинского местонахождения [Акбулатов, Варваровский 1993].

Фрагмент ременной металлической на-кладки, размером 2,3 x 1 x 0,5 см (рис. 2, 2). Лицевая часть изделия овальной формы, украшена горизонтальными полосами, полученными в результате отливки. К сожалению, в материалах Предуралья аналогии данной находке отсутствуют.

Также найден небольшой фрагмент предположительно от чугунного котла и кусочек железного шлака (рис. 2, 3, 4).

Результаты анализа керамического материала и пространственного распространения памятников правобережья р. Белой

В целом можно заключить, что первоначально памятник использовался в эпоху

раннего железа. На Мончазинском городище датирующих предметов этой эпохи не найдено. Поэтому единственным основанием для определения хронологической позиции является керамический материал. В свое время одним из авторов керамика, подобная «мончазинской», была включена в раннекара-абызскую группу посуды, отличительной чертой которой, кроме ранней орнаментации, является толстостенность и примесь крупного песка и дресвы [Овсянников, Каюмов, Бабин 2015: 102–103].

Также было отмечено синхронное существование раннекара-абызской керамики с примесями раковины и органики. При этом было обращено внимание на их территориальное разделение, и была высказана мысль об этнокультурных различиях этого населения.

В настоящее время мы располагаем данными по 19 поселениям и двум могильни-

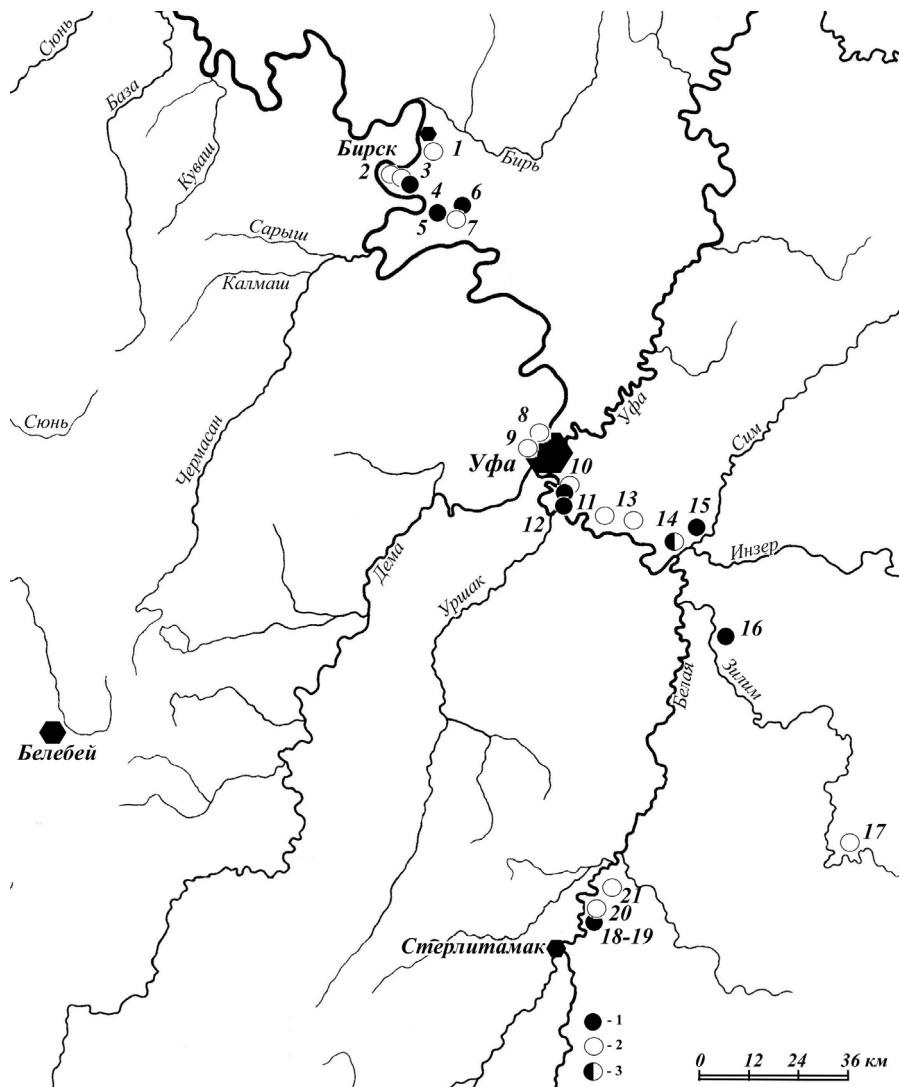

Рис. 3. Ранние памятники кара-абызской культуры. 1 — Бирское городище; 2 — Костаревское городище; 3 — Камышенка-1, городище; 4 — Камышенка-2, городище; 5 — Симкинское селище; 6 — селище Чишма-2; 7 — Биктимировский археологический комплекс; 8 — селище Воронки; 9 — могильник Правая Белая; 10 — селище Акбердино-3; 11 — селище Акбердино-2; 12 — городище Акбердино III; 13 — Шиповский археологический комплекс; 14 — Охлебининский археологический комплекс; 15 — Мончазинское городище; 16 — селище Красный Зилим; 17 — пещера Сизякуй; 18 — Касьяновское городище; 19 — селище Курмантау; 20 — Михайловское городище; 21 — Воскресенское городище.

[Fig. 3. Early archeological monuments of the Kara-Abyz culture. 1 — hillfort of Birs; 2 — hillfort of Kostarevo; 3 — Kamyshenka-1, hillfort; 4 — Kamyshenka-2, hillfort; 5 — settlement of Simkino; 6 — settlement of Chishma-2; 7 — Biktimirovo archaeological complex; 8 — settlement of Voronki; 9 — Pravaya Belya burial ground; 10 — settlement of Akberdino-3; 11 — settlement of Akberdino-2; 12 — hillfort of Akberdino III; 13 — Shipovo archaeological complex; 14 — Okhlebinino archaeological complex; 15 — hillfort of Monchazy; 16 — settlement of Krasny Zilim; 17 — Sizyakuy cave; 18 — Kasyanovskoe hillfort; 19 — settlement of Kurmantau; 20 — Mikhailovskoe hillfort; 21 — Voskresenskoe hillfort].

Условные обозначения: 1 — памятники с керамикой с примесью песка; 2 — памятники с керамикой с примесью раковины; 3 — памятники со смешанной гончарной традицией (песок и раковина).

Legend: 1 — archeological monuments with ceramics containing sand admixtures; 2 — monuments with ceramics containing shell admixtures; 3 — monuments with mixed pottery tradition (sand and shell).

кам, содержащим раннекара-абызскую керамику (рис. 3). Эти памятники вытянуты в меридиональном направлении вдоль правого берега реки Белой и частично расположены на ее правых притоках. На этой территории выделяется несколько ареалов или скоплений памятников. Наиболее южный куст памятников расположен на территории современного Бирского района Башкортостана (рис. 3, 1–7). Географически он занимает правобережье р. Белой от устья реки Бирь до Биктимировского археологического комплекса. В эту группу входит семь памятников: пять городищ и два селища. На трех из них преобладает раннекара-абызская керамика с примесью песка (городище *Камышенка-2*, селища *Симкино-1* и *Чишима-2*). Все памятники отличаются слабым культурным слоем и небольшой площадью, что говорит о непродолжительности их существования.

На остальных памятниках бирской группы при изготовлении керамической посуды в качестве примеси использовалась раковина. В последующие этапы существования кара-абызской культуры в этом районе функционируют два городища: *Камышенка-1* и *Биктимировское*. Они представляют собой крупные поселения со сложной (многорядной) оборонительной системой и мощными культурными отложениями. Все это говорит о долговременности существования этих поселений.

В комплексе с Биктимировским городищем известно также три могильника. Судя по датировке погребений, этот комплекс функционировал на протяжении пяти столетий. Таким образом, складывается следующая картина: на раннем этапе формирования кара-абызской культуры в этом районе проживало население, практикующее разные гончарные традиции. При этом носители разных традиций проживали отдельно. В дальнейшем население, изготавливавшее керамику с примесью песка, покидает данную территорию, которая в свою очередь закрепляется за носителями «ракушечной» традиции.

Далее к югу раннекара-абызские памятники фиксируются лишь на территории современного г. Уфы. Здесь известно селище *Воронки* с мощным культурным слоем, с «ракушечной» традицией изготовления керамики и могильник *Правая Белая*, где встречена аналогичная посуда (рис. 3,

8–9). Последний датируется в пределах V в. до н. э. Керамический материал с примесью крупнозернистого песка в этом кусте памятников отсутствует. Здесь хорошо известны более поздние памятники, содержащие «классическую» кара-абызскую керамику с примесью ракушки (городища *Чертово* и *Уфа IV*). Таким образом, эта территория также оказывается занятой носителями «ракушечной» традиции.

Южнее г. Уфы на территории современного Иглинского района Башкортостана расположен еще один крупный куст памятников кара-абызской культуры (рис. 3, 10–15). Ранние материалы присутствуют здесь на нескольких пунктах: селищах *Акбердино-2* и *Акбердино-3*, городищах *Акбердино III*, *Охлебининском II* и *Мончазинском*, а также на Старшем Шиповском могильнике. Материалы последнего относятся в основном к V в. до н. э. Здесь так же, как и в Бирской группе, встречены памятники с преобладанием той или иной технологической схемы изготовления керамики. «Песочная» традиция характерна для трех памятников Иглинской группы: селища *Акбердино-2*, *Акбердинского III* и *Мончазинского* городищ. Все эти поселения являются небольшими по площади и содержат слабый культурный слой. Оба городища при этом сооружены на высоких точках коренных террас с широким обзором. При этом затраты на возведение фортификаций были минимальны, так как в основе оборонительных сооружений — естественные возвышенности и карстовые явления, характерные для этого района. В целом все эти памятники использовались недолго.

Для двух других археологических объектов характерна керамика с примесью раковины и органики. Это поселение *Акбердино-3* и Старший Шиповский могильник. Первое из них просуществовало недолго, хотя и было довольно крупным по площади, а возле некрополя впоследствии возникло крупное Шиповское городище и обширный могильник, просуществовавший до рубежа III–IV вв. н. э. Основной гончарной традицией этого комплекса памятников было изготовление посуды с примесью раковины в тесте. Особняком здесь находится городище *Охлебининское II* и соответствующий ему могильник. На последнем наиболее ранние погребения относятся к V до н. э., а

поздние — к III в. н. э. На городище исследованы мощные культурные напластования, в которых содержится керамика как с «песочной», так и «ракушечной» гончарными традициями. В публикациях памятника нет сведений о распределении разнотипной керамики по горизонтам. Поэтому сложно сказать, как распределена по слоям посуда с различными технологическими схемами: сосуществовала, либо одна предшествовала другой.

Так или иначе в этом районе наблюдается ситуация схожая с процессами в более северных территориях кара-абызского ареала. Памятники с «запесоченной» керамикой имеют небольшую площадь и слабый культурный слой. Последующий хронологический период представлен долговременными памятниками с «ракушечной» традицией изготовления керамики. В Иглинской группе памятников так же, как и в Бирском кусте кара-абызской культуры, читается «транзитный» характер поселений с керамикой «песочной» гончарной традиции.

Наиболее южная группировка ранних кара-абызских памятников сосредоточена на территории современного Гафурийского района Башкортостана (рис. 3, 18–21). Здесь известно четыре поселения [Юсупов 1959; Пшеничнюк 1983]. Два содержат керамику с преобладанием ракушечной примеси. Это Михайловское и Воскресенское городища. Оба поселения имеют небольшую площадь и слабый культурный слой. По совокупности материала период их функционирования можно датировать в пределах V–IV вв. до н. э.

Два других — Касьяновское городище и селище *Курман-тау* в основном содержат керамику с примесью песка. Оба поселения отличаются мощным и насыщенным находками культурным слоем. Селище *Курман-тау* может быть интерпретировано как металлургический производственный центр. Об этом говорят многочисленные остатки металлургического производства: шлаки, всплески и кусочки цветных и черных металлов, фрагменты литьевых форм, бракованные металлические изделия и их фрагменты. Также сравнительно недавно поблизости от этих памятников был обнаружен синхронный культовый комплекс пока неясного назначения: погребально-поминальный, обрядово-ритуальный или что-то

иное [Воробьева 2019]. В целом памятники можно датировать в пределах V–III вв. до н. э.

Таким образом, в Гафурийской группе наблюдается совершенно иная ситуация. Памятники с «ракушечной» керамической традицией — недолговременны. Тогда как с «песочной» керамической традицией связанны долговременные памятники с различной функциональностью: жилищно-бытовой, производственной и ритуальной. Отлична и дальнейшая их судьба. На основе гафурийской группы формируется убаларский тип памятников в рамках кара-абызской культуры [Савельев 2017]. Для этого типа характерна «запесоченная» керамика. В процессе эволюционного развития убаларская керамика стала более тонкостенной по сравнению с раннекара-абызской, утратила большинство орнаментальных мотивов, и в ее тесте стал использоваться мелкий хорошо просеянный песок.

Следующий этап использования площадки городища относится к эпохе позднего средневековья (вторая половина XIII–XIV вв.). Для носителей чияликской культуры характерно использование укрепленных мысовых площадок более ранних эпох (городища *Кара-Абыз*, *Бажино*, *Уфимское I*, *Уфа II* и др.), о чем нам уже приходилось писать [Гарустович, Овсянников, Русланов 2018: 32–42]. При этом культурный слой слабо насыщен находками, в частности фрагментами керамики. Последнее можно объяснить тем, что в данный период глиняная посуда начинает уходить из обихода полукочевого населения чияликской культуры. Ее место начинает занимать кожаная и деревянная. Одновременно широкое распространение получают чугунные котлы различных размеров.

Как уже отмечалось, вещи и керамика чияликской культуры золотоордынского времени на площадках городищ эпохи железа — это не единичный случай их нахождения в рассматриваемом регионе. Для поиска места находок с Мончазинского городища в системе позднесредневековых древностей Бельско-Симского междуречья постараемся кратко охарактеризовать эти находки, часть из которых была издана.

На данный момент здесь учтено два городища *Шиповское* и *Охлебининское* (Ак-Таш) с находками, датируемыми XII–

XIV вв., также исследованы погребения этого же периода в Шиповском и Охлебинском грунтовых могильниках с языческой и раннемусульманской обрядностью [Овсянников 2004].

Городище *Охлебининское II* (раскопки 1965 г. под руководством А. Х. Пшеничнюка). Памятник расположен на высокой скалистой террасе правого берега р. Белой в устье р. Сим. На площадке городища выявлено 7 погребений, у пяти установлено положение костяка относительно сторон света, все погребенные лежат вытянуто на спине головой на запад, вещевой инвентарь отсутствует. Также изучен вал и ров, выложенный крупными камнями. На восточном склоне вала найден железный наконечник стрелы, на западном — костяной. Установлено, что насыпь вала перекрывала грунтовый могильник железного века. Также на городище была найдена булгарская гончарная керамика.

Подобное устройство вала с перекрытием насыпи слоем камня зафиксировано В. В. Овсянниковым и на Шиповском городище, близ которого также найден чияликский раннемусульманский могильник. В ходе раскопок Шиповского могильника раннего железного века на окраине д. Шипово Иглинского района выделена серия погребений начала II тыс. н. э., все они были исследованы экспедицией под руководством А. Х. Пшеничнюка. В общей сложности в 1965, 1966 и 1978 гг. было вскрыто 12 грунтовых погребений. Преобладающей ориентировкой погребенных был юго-западный сектор (7 случаев), по одному — на запад, восток и северо-запад, в двух могилах умершие покоились головами на запад-юго-запад. У девяти погребенных не выявлено каких-либо вещей. В погребении 5 (раскоп 1966 г.) найдено бронзовое колечко с несомкнутыми концами. В двух погребениях 1 и 4 (раскопки 1978 г.) найдены массивный топор типа секиры, железный нож и пряжка [Гарустович 2005: 37–44; Овсянников 2005: 56–62].

Кроме собственно чияликских погребений, В. А. Ивановым в 1973 г. выявлено 3 грунтовых, совершенных по языческому обряду: у погребенных найдены сабли, стремена, железные удила. Автором раскопок совместно с В. А. Кригером эти погребения отнесены к кыпчакам домонгольско-

го времени (XII – начало XIII вв.) [Иванов 1977: 292–295; Иванов, Кригер 1988: 27–29, 44, табл. 4].

Заключение

Анализ ранних кара-абызских памятников с различными гончарными традициями показывает, что первоначально их носители, продвигаясь с севера на юг вдоль реки Белой, проживали чересполосно, но не смешиваясь. При этом носители «песочной» керамики не оставили поселений с мощным культурным слоем на территории в среднем течении р. Белой между устьями рек Бирь и Сим. Это говорит о том, что данная территория была для них транзитной, что, в частности, показывает материал эпохи раннего железа Мончазинского городища. В ходе миграции из постмаклашевского ареала в Нижнем Прикамье эта группа выдвинулась далеко на юг по долине р. Белой в район современного Гафурийского района Башкортостана, где стала основой для формирования убаларского типа памятников кара-абызской культуры [Юсупов 1959; Пшеничнюк 1983; Савельев 2017].

Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что в домонгольское и собственно золотоордынское время (XII–XIV вв.) территорию протяженностью около 25–30 км, включающую в себя высокую коренную террасу правого берега р. Белой от устья Сима (Мончазинское городище) и до современно села Охлебинино Иглинского района Башкирии, занимала компактная группа чияликского населения, исповедовавшая, судя по погребальному обряду, ислам, но с пережитками языческих канонов, маркируемых присутствием в погребениях единичных бытовых орудий и украшений (нож, топор, бронзовый браслет).

Наличие погребений на площадках городищ, возведение и досыпка валов и укрепление их камнем, говорят об активной хозяйственной деятельности чияликского населения и использовании городищ раннего железного века в качестве укрепленных поселений.

Наличие языческих кыпчакских захоронений, совершенных без использования курганной насыпи, на наш взгляд, могут свидетельствовать о возможной (мирной?) инфильтрации кочевого кыпчакского субстрата в среду чияликских оседлых групп

и, вероятно, о начальном этапе исламизации пришлого кыпчакского компонента под влиянием уже исповедующих нормы ислама чияликцев, что также может объяснить нахождение погребенных не под курганами насыпями, а в границах грунтового некрополя. Если это так, то перед нами кыпчаки-прозелиты, находившиеся на начальном этапе принятия ислама с еще присутствием языческих норм в погребальном обряде.

Кочевнические погребения, изученные на Охлебининском могильнике, — это свидетельство пребывания в лесостепном Предуралье остатков кыпчакского населения, о котором упоминал в своей диссертации А. Ф. Яминов, связывая это с их насильственным переселением при создании монголами улусной системы правления [Яминов 2015].

Источники

Пшеничнюк 1963 — *Пшеничнюк А. Х. Научный отчет об археологических исследованиях в центральных районах Башкирской АССР в 1963 г. // Научный архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2676.*

Литература

- Акбулатов, Варваровский 1993 — *Акбулатов И. М., Варваровский Ю. Е. Брик-Алгинский клад серебряных джучидских монет // Башкирский край. Вып. 3. Уфа: Конкорд-Инвест, 1993. С. 153–170.*
- Воробьева 2019 — *Воробьева С. Л. Металлобработка эпохи раннего железа по материалам исследований металлургического комплекса горы Курмантау в Гафурийском районе Республики Башкортостан / отв. ред. А. А. Малышев // SCYTHIA et SARMATIA. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 341–351.*
- Гарустович 1998 — *Гарустович Г. Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 355 с.*
- Гарустович 2005 — *Гарустович Г. Н. Захоронения эпохи средневековья Шиповского грунтового некрополя (поздний) могильник / отв. ред. Н. А. Мажитов // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 37–44.*
- Гарустович 2012 — *Гарустович Г. Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 222 с.*
- Гарустович, Рязанов, Яминов 2005 — *Гарустович Г. Н., Рязанов С. В., Яминов А. Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в башкирском Приуралье. Уфа: Тай, 2005. 152 с.*

Все это говорит в пользу тесного сосуществования чияликского населения и кыпчаков. Видимо, сложившаяся с эпохи раннего железа связь оседлого и кочевого мира не претерпела, сколь бы то ни было, сильной трансформации в глубинных причинах ее возникновения. Изменились лишь ведущие роли. Носители кара-абызских культурных традиций уступили место чияликской культуре в свою очередь кочевники-сарматы, сменились кыпчаками. Все это объясняется самим пограничным расположением круто-го правого берега Белой, как бы рассекающего миропонимание древнего населения на две половины — кочевую и оседлую, с выступающей в роли своеобразного фронтира цепочкой городищ, нависающих над широкой долиной реки.

Sources

Pshenichnyuk A. Kh. Archaeological Investigations in Central Districts of the Bashkir ASSR: The Year 1963. Scientific report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archive. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. File no. 2676. (In Russ.)

- стович Г. Н., Рязанов С. В., Яминов А. Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в башкирском Приуралье. Уфа: Тай, 2005. 152 с.
- Гарустович, Овсянников 2012 — *Гарустович Г. Н., Овсянников В. В. Средневековое святилище на горе Уклыкая на Южном Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1(35). С. 179–187.*
- Гарустович, Овсянников, Русланов 2018 — *Гарустович Г. Н., Овсянников В. В., Русланов Е. В. Городище Уфа-II в золотоордынский период // Oriental Studies. 2018. Т. 11. № 4. С. 32–42. DOI:10.22162/2619-0990-2018-39-4-32-42.*
- Иванов 1977 — *Иванов В. А. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // Советская археология. 1977. № 1. С. 292–295.*
- Иванов, Кригер 1988 — *Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 96 с.*
- Медведев 1966 — *Медведев А. Ф. Ручное и метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.; Л.: Наука. 1966. 184 с. (САИ; вып. Е1-36.)*
- Овсянников 2004 — *Овсянников В. В. К вопросу*

- о времени создания укреплений Охлебининского и Шиповского городищ (Кара-Абыз или Золотая Орда?) // Древность и средневековые Волго-Камья. Ма-лы третьих Халиковских чтений / отв. ред. А. Г. Ситдиков. Казань; Булгар: Институт истории АН РТ, 2004. С. 147–149.
- Овсянников 2005 — Овсянников В. В. К вопросу о времени создания Охлебининского и Шиповского городищ / отв. ред. Н. А. Мажитов // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 56–62.
- Овсянников, Каюмов, Бабин 2015 — Овсянников В. В., Каюмов И. Х., Бабин И. М. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 85–110.
- Пшеничнюк 1983 — Пшеничнюк А. Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Ред.: А. Х. Пшеничнюк, В. А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983.
- С. 77–103.
- Руденко 2003 — Руденко К. А. Железные на-конечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.: ил.
- Савельев 2017 — Савельев Н. С. О происхождении убаларского типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2017. № 17. С. 18–38.
- Худяков 1991 — Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Худяков 1997 — Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.
- Юсупов 1959 — Юсупов Г. В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / ред.: А. П. Смирнов, Р. Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1959. С. 58–87.
- Яминов 1995 — Яминов А. Ф. Южный Урал в XIII–XIV вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 30 с.

References

- Akbulatov I. M., Varvarovsky Yu. E. Brik-Alga hoard of silver Jochid coins. In: The Bashkir Land. Vol. 3. Ufa: Konkord-Invest, 1993. Pp. 153–170. (In Russ.)
- Garustovich G. N. A Trace of the Great Feud: Exploring a 14th-Century Site near Brik-Alga Village. Ufa: Bashkortostan Academy of Sciences, Gilem, 2012. 222 p. (In Russ.)
- Garustovich G. N. Population of the Volga-Ural Forest-Steppe Zone: Early to Mid-2nd Millennium AD. Cand. Sc. (history) thesis. Ufa, 1998. 355 p. (In Russ.)
- Garustovich G. N. Shipovo underground necropolis (the late one): medieval burials. In: Mazhitov N. A. (ed.) From Ancient to Modern Times: Issues of History and Archaeology. Ufa: Bashkir State University, 2005. Pp. 37–44. (In Russ.)
- Garustovich G. N., Ovsyannikov V. V. Ukluykay mountain medieval sanctuary in South Urals. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2012. No. 1(35). Pp. 179–187. (In Russ.)
- Garustovich G. N., Ovsyannikov V. V., Ruslanov E. V. The ancient settlement of Ufa-II in the Golden Horde period. *Oriental Studies* (Elisita). 2018. Vol. 11. No. 4. Pp. 32–42. (In Russ.) DOI:10.22162/2619-0990-2018-39-4-32-42.
- Garustovich G. N., Ryazanov S. V., Yaminov A. F. Brik-Alga: The 14th-Century Site in Bashkir-In-
- habited Cis-Urals Revisited. Ufa: Tau, 2005. 152 p. (In Russ.)
- Ivanov V. A. The hillfort of Okhlebinino: burials of medieval nomads revisited. *Sovetskaya arkheologiya*. 1977. No. 1. Pp. 292–295. (In Russ.)
- Ivanov V. A., Kriger V. A. Kurgans of the Kypchak Era in the Southern Urals: 12th – 14th Centuries AD. Moscow: Nauka, 1988. 96 p. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Armaments of Central Asian Nomads in the Early and High Middle Ages. Novosibirsk: Nauka, 1991. 190 p. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Armaments of South Siberian and Central Asian Nomads in the High Middle Ages. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (Sib. Branch of RAS), 1997. 160 p. (In Russ.)
- Medvedev A. F. Hand and Throwing Weapons, 8th – 14th Centuries AD: Bow and Arrows, Arbalest. Moscow; Leningrad: Nauka. 1966. 184 p. (In Russ.)
- Ovsyannikov V. V. Okhlebinino and Shipovo hillforts: construction time revisited. In: Mazhitov N. A. (ed.) From Ancient to Modern Times: Issues of History and Archaeology. Ufa: Bashkir State University, 2005. Pp. 56–62. (In Russ.)
- Ovsyannikov V. V. Walls of Okhlebinino and Shipovo hillforts: construction time revisited (Кара-Абыз or Golden Horde?) In: Sitdikov A. G.

- (ed.) Volga-Kama Region in Ancient and Medieval Periods. Kazan, Bolgar: Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2004. Pp. 147–149. (In Russ.)
- Ovsyannikov V. V., Kayumov I. Kh., Babin I. M. New materials from settlements of the Kara-Abyz culture. *The Ufa Archaeological Herald*. 2015. No. 15. Pp. 85–110. (In Russ.)
- Pshenichnyuk A. Kh. New materials from settlements of Gafuriysky District. In: Pshenichnyuk A. Kh., Ivanov V. A. (eds.) Southern Urals: Settlements and Dwellings of Ancient Tribes. Ufa: Bashkortostan Branch of USSR Academy of Sciences, 1983. Pp. 77–103. (In Russ.)
- Rudenko K. A. 8th-18th Century Arrowheads from Volga Bulgaria. Kazan: Zaman, 2003. 512 p. (In Russ.)
- Savelev N. S. A contribution to the origin of Ubalar cultural type in the forest-steppe of Southern Cisurals. *The Ufa Archaeological Herald*. 2017. No. 17. Pp. 18–38. (In Russ.)
- Vorobyova S. L. Early Iron Age metalwork: a case study of the metallurgical complex on Mount Kurmantau, Gafuriysky District of Bashkortostan. In: Malyshev A. A. (ed.) SCYTHIA et SARMATIA. Moscow: MAKS Press, 2019. Pp. 341–351. (In Russ.)
- Yaminov A. F. Southern Urals in the 13th – 14th Centuries. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Izhevsk, 1995. 30 p. (In Russ.)
- Yusupov G. V. Ancient settlements of Gafuriysky District, Bashkir ASSR. In: Smirnov A. P., Kuzeev R. G. (eds.) The Bashkir Archaeological Collection. Ufa: Bashkortostan Branch of USSR Academy of Sciences, 1959. Pp. 58–87. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 2, pp. 314–336, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-314-336

Особенности иконографии в калмыцкой вышивке: традиционные и современные практики

Татьяна Исаевна Шараева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Шараева Т. И., 2021

Аннотация. *Введение.* Калмыки, монголоязычный народ, пришедший в степи Поволжья в XVII в. из Центральной Азии, исповедуют буддизм. Этноспецифические черты буддизма калмыков, сформировавшиеся за время пребывания на территории России, обусловлены различными историческими факторами, в том числе длительной отдаленностью от буддийских центров, ликвидацией буддийских храмов и объединений на протяжении десятилетий в XX в. и официальным восстановлением в конце XX–начале XXI в. Целью работы является выделение и сопоставление традиционных и современных буддийских *танка* как отражающих особенности калмыцкой иконографии, значимых предметов религиозного культа и культурного наследия калмыков. *Результаты.* Выявлено, что вплоть до начала XX в. у калмыков практиковалось изготовление *танка* в различных техниках — живописные, вышитые и аппликативные. С конца XVIII в., в связи с ограничением ввоза культовых предметов из Тибета и Монголии, увеличилось значение мастерских при калмыцких буддийских храмах. Это послужило также развитию школ танкописи и формированию этнического стиля в изображении божеств буддийского пантеона, обусловленного некоторым отхождением от традиционного канона. Старины *танка*, сохраненные в частных коллекциях и музеиных фондах, стали основой для восстановления традиций изобразительного искусства в процессе возрождения буддизма в Калмыкии. Современные практики изготовления изображений божеств связанны с этапами развития буддизма в республике с конца XX в. по настоящее время, мирской формой буддийских практик, женским досугом и этническим предпринимательством. Исследование показало, что современные калмычки-мастерицы руководствуются традиционными правилами изготовления предметов религиозного культа.

Ключевые слова: калмыки, буддизм, божества, иконография, *танка*, вышивка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879

«От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира».

Для цитирования: Шараева Т. И. Особенности иконографии в калмыцкой вышивке: традиционные и современные практики // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 314–336. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-314-336

Iconographic Features of Kalmyk Embroidery: Traditional and Contemporary Practices

Tatyana I. Sharaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Sharaeva T. I., 2021

Abstract. *Introduction.* The Kalmyks are a Mongolic Buddhist people that arrived in the Volga region in the 17th century. The specific ethnic features of Buddhism professed by the Kalmyks took shape over centuries of Russian suzerainty and were determined by various historical factors, including prolonged remoteness from Buddhist centers, the total eradication of Buddhist monasteries and centuries-long ban on spiritual guidance experienced in the 20th century, and the official Buddhist restoration by the early 21st century. *Goals.* The work aims at identifying and comparing traditional and contemporary Buddhist *thangka* patterns as elements to mirror particular features of Kalmyk iconography, as essential objects of religious cult and cultural heritage at large. *Results.* The paper shows that in the pre-20th century period Kalmyks used different techniques for producing *thangkas* — painting, embroidery, and applique ones. In the late 18th century onwards, imports of religious attributes from Tibet and Mongolia were restricted, and the role of art workshops affiliated to local Buddhist temples increased. That resulted in further development of *thangka* painting schools and the shaping of somewhat ethnic style in depicting Buddhist deities characterized by certain differences from canonical images. The old *thangkas* from private and public collections have served a basis for the restoration of ethnic painting traditions integral to Kalmykia's Buddhism proper. The contemporary practices of producing divine images are closely related to stages in the regional development of Buddhism from the late 20th century to the present, lay Buddhist experiences, women's leisure-time activities, and ethnic entrepreneurship. The study concludes contemporary Kalmyk needlewomen are guided by traditional rules of religious craftsmanship.

Keywords: Kalmyks, Buddhism, deities, iconography, *thangka*, embroidery

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name 'From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews' (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Sharaeva T. I. Iconographic Features of Kalmyk Embroidery: Traditional and Contemporary Practices. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14(2): 314–336. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-314-336

Введение

«Единственный народ в Европе, исповедующий буддизм», «европейские буддисты» — так часто характеризуют калмыков,

и, начиная с 90-х гг. XX в., стали позиционировать себя и калмыки. Эти определения служат «визитными карточками» Калмыкии во многих туристических путеводите-

лях, в которых представлена информация о различных достопримечательностях республики, большинство из которых в разной степени отражают приверженность местных жителей буддизму [Туристический путеводитель; Монгуш 2015; Шараева 2017б; и др.].

«Я — калмык, значит я — буддист» — один из аспектов самоопределения и самосознания у калмыков, ставший и одним из этнических маркеров у калмыков с начала 2000-х гг. на волне процессов этнокультурного возрождения у народов на всем постсоветском пространстве.

История распространения буддизма у калмыков тесно связана со всеми историческими событиями в жизни народа. К моменту прихода в XVII в. этнических предков калмыков — ойратов из Центральной Азии в степи Поволжья буддизм как религия уже получил широкое распространение в их среде [Дорджиева 1995; Бакаева 1994].

В 1640 г. на съезде ойратских и монгольских князей и духовенства буддизм был объявлен государственной религией. Принятые положения «Ик Цааджин бичиг» («Великий кодекс законов», известный в литературе как «Степное уложение»), позднее дополненные различными указами калмыцких ханов [Монголо-ойратские законы 1880], послужили основой укрепления позиций буддизма среди калмыков, ставшего идеологической составляющей их государственности [Курапов 2018].

С XVII в. и до начала XX в. сформировались этноспецифические черты буддизма среди калмыков, в которых исследователи выделяют: «определенный консерватизм, сочетавшийся с возникшими в силу ряда причин нововведениями; существование традиций различных школ при господствующем положении Гелугпа; прямые связи с Тибетом в XVII – второй трети XVIII в.; полный контроль со стороны царской администрации в XIX – начале XX в.; деление хурулов на большие и малые, зависимость от формализованной отчетности; ограниченная структура должностной иерархии хурулов; наличие у храмов крепостных — шабинеров; отсутствие института перерождения» [Бакаева 2009: 13–14].

Насыщенный различными историческими событиями XX в. значительно отразился на буддизме в Калмыкии: в конце 1930-х гг.

буддийская церковь была официально ликвидирована (храмы и религиозные объединения закрыты, священнослужители репрессированы либо им пришлось снять сан), а мирская форма буддизма стала латентной, сохранившись в таком виде вплоть до конца XX в.

В развитии буддизма среди калмыков с конца XX в. по настоящее время исследователи выделяют несколько условных этапов: 1988–1992 гг., 1992–1995 гг., 1995–2002 гг., и с 2002 по настоящее время [История буддизма 2011: 69–105].

Разграничение на данные этапы обусловлено теми событиями, которые происходили на небольшом временном отрезке, но по значимости были очередным импульсом в процессах бурного развития «возрожденного» буддизма в Калмыкии.

В 1991 г. в стенах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова впервые экспонировалась *танка*¹ «Зеленая Тара» из фондов Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г. К. Праве. За период нахождения танки на территории Калмыкии ее посетили десятки тысяч местных жителей, для которых в тот период она стала символом начавшихся перемен. По своей значимости и силе воздействия данная выставка в тот период уступала лишь приезду Его Святейшества Далай-ламы XIV, осуществленному впервые в 1991 г., и приезду духовных лидеров буддизма и учителей в республику, ознаменовав начало перемен в религиозной жизни калмыцкого общества. На значение танки «Зеленая Тара» как одного из символов буддизма и культового наследия калмыков указывают также повторные ее экспозиции — кратковременная в 2017 г. и годичная — в 2020 г. [Буддийскую святыню 2019].

Гораздо позднее, в 2014 г., в Элисте была открыта выставка коллекции культовых предметов из фондов Государственной

¹ *Танка* (тиб.) — в тибетской буддийской традиции изображение религиозного характера, имеющее форму свитка и выполненное на ткани, преимущественно минеральными красками на kleевой основе, либо отпечатанное на ткани. *Танка* создаются в соответствии с иконографическими канонами. Среди калмыков получила распространение традиция выполнения *танка* (называемых по-калмыцки *дарцэ*) в технике аппликации, а также в технике вышивки.

классической академии им. Маймонида, большую часть которой составляли древние калмыцкие *танка*. Чтобы познакомиться с наследием предков, приезжали многие калмыки, проживавшие далеко за пределами республики [Эрендженова 2014].

В 2016 г. накануне национального весеннего праздника Цаган Сар в центральном хуруле Республики Калмыкия «Золотая обитель Будды Шакьямуни» была открыта выставка «Старинные танки — наследие наших предков». На ней были представлены 38 танок, которые в течение 10 лет миряне приносили настоятелю храма Анджа-гелюнгу для реставрации и сохранения, осознавая ценность культового предмета и его значимость для калмыцкой культуры в целом [Выставка 2016].

В феврале 2020 г. в главном храме Калмыкии была открыта выставка «15 чудес Будды Шакьямуни», на которой было экспонировано 42 танка с сюжетами о деяниях Будды Шакьямуни, и 15 танка, знакомивших с жизнью и деятельностью великого учителя ламы Цонкапы. Все они были переданы в дар центральному хурулу Калмыкии от администрации Его Святейшества Далай-ламы XIV [Открытие выставки 2020].

В марте 2020 г. в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова открылась также выставка старинных буддийских танка с изображением Пяти Дхяни Будд, хранившихся в начале XX в. в резиденции Богдо-гэгяна в Монголии.

Последовательность и наполняемость выставок танка в республике, а также восприятие их калмыками отражают процессы развития буддизма в Калмыкии в начале XXI в.: первоначально на выставки ходили познакомиться с сохранившимися реликвиями, в последующем — уже изучали различные аспекты канонов и практик, специфику калмыцкого буддизма, сейчас же «эти священные изображения были не просто установлены здесь на стенах, а согласно традиции приглашены для выставки — как живые одухотворенные образы» [Выставка 2016].

Калмыцкие *дарцг*: традиции изготовления

В религиозном искусстве тибетского буддизма термин *танка* ('свиток') обозна-

чает изображение религиозного содержания, выполненное kleевыми красками или отпечатанное на шелке или хлопчатобумажной ткани, предварительно загрунтованной смесью из мела и животного клея, квадратной или прямоугольной формы. Объектами изображения на танка являются Будда Шакьямуни и божества буддийского пантеона, житийные циклы и сюжеты *бардо* [Огнева 1992: 237].

Согласно традиции тибетского буддизма, готовое полотно с изображением божества обрамляли шелковой или парчовой тканью, при этом вверху — для подвешивания, внизу — для утяжеления прикрепляли деревянные штанги в специально изготовленные отверстия в тканевом «паспарту» [Шараева 2017а: 87]. Благодаря этому полотно висело прямо, а при транспортировке его удобно было складывать в форме свитка. Для сохранности изображения божества на лицевой стороне танка крепили легкую ткань в качестве «занавеса». Практика изготовления танка распространилась вместе с буддизмом.

У калмыков культовая атрибутика буддизма была востребована для оформления хурл (хурул — буддийский храм) и алтарной зоны в жилище. Все предметы культа имели определенное место, выполняли ритуальную, смысловую и декоративную функции.

Несмотря на то, что у калмыков изображения божеств имели общее название «бурхан» (калм. *бурхн* ‘божество’), скульптурные изображения божеств, вылитые из бронзы, меди и серебра и изготовленные из глины и дерева, носили название «шутен» (калм. *шүтэн*), а танка — «живописные изображения бурханов на четырехугольных кусках материи» [Житецкий 1893: 44] — «дарцик» (калм. *дарцг*). Среди них были такие, «которые были принесены с собою еще предками астраханских калмыков, приковавших в пределы Волги в XVII веке» [Житецкий 1893: 44].

В XVII — начале XVIII в. предметы религиозного культа большей частью привозились из Тибета и Монголии. Особым почитанием были окружены изображения буддийских божеств, полученные от буддийских иерархов во время паломнических поездок [Шараева 2017а: 86].

В конце XVIII в. в связи с прекращением связей с буддийскими центрами увеличилось значение практики изготовления предметов буддийского культа в мастерских калмыцких храмов.

Изготовлением *танка* занимались зурач ‘художники’ из числа буддийского духовенства. И. А. Житецкий зафиксировал предание, в котором распространение практики изготовления *дарцг* калмыцкими буддийскими священнослужителями связывают с именем Аюки-хана, который, «чувствуя недостаток в эмчи, зурхачи и бакши, отправился в Тибет к Далай-ламе и с разрешения последнего привез в Астраханскую степь трех лиц: бакши Шарып-ламу, эмчи Ахатен (т. е. Санджи Аракба) и зурхачи Арынг-Джалтын. И вот с этого времени и начались в степи зурхачи» [Житецкий 1893: 61].

По сведениям И. А. Житецкого, знаменитые зурхачи Малого Шабинеровского хурула Малодербетовского улуса считали себя последователями Арынг-Джалтына, сохраняющими его практики из поколения в поколение. До 1880-х гг. в этом хуруле жил художник Боро-Манка, у которого учились искусству танкокопии «не только зурхачи из Дербетовских хурулов, но и из Торгутовских» [Житецкий 1893: 61].

По данным А. Д. Руднева, полученным от Бааза Менкеджуева (Бааза-багши), в Малодербетовском улусе был также известен художник Дорця, написавший изображение Тары (Дара-эке), переданное позднее в музей Петербургской академии наук [Руднев 1905: 14].

П. И. Небольсин, побывавший в середине XIX в. в Хошеутовском улусе, также отмечал, что в буддийских храмах улуса «гелюнги занимаются живописью» [Небольсин 1852: 186]. Были свои художники в буддийских храмах у калмыков, проживавших на Дону.

В XIX и начале XX в. искусству танкокопии калмыки обучались, как пишет С. Г. Батырева, в центрах (школах) живописи, среди которых автор называет: «Большой Барунов хурул в Торгоутовском улусе, в Малодербетовском улусе — Дунду хурул и духовная Цаннид — школа (академия) Чёря-хурул, находившаяся на территории современного Целинного района Калмыкии» [Батырева

2005: 85]². Срок обучения в школах иконописи составлял три года, наряду с живописью ученики изучали скульптуру, каллиграфию и основы архитектуры. Заступником калмыцких буддийских священнослужителей-художников считалось божество Манджушри, «покровитель искусств и всех, стремящихся к знанию» [Бодхисаттва Манджушри].

Началу создания *танка* традиционно предшествовал обряд очищения, соблюдения постов и молитв, выбор наставника из числа других буддийских священнослужителей. Место работы, материалы и инструменты должны были быть освящены. Во время работы художник должен был воздерживаться от общения с мирянами, соблюдать посты и работать в уединении.

Основой для написания *танка* у калмыцких художников служили холст и коленкор. Техника подготовки полотна и нанесения рисунка сохраняла его эластичность, необходимую для транспортировки, особенно в условиях кочевого быта: «на проволочную рамку натягивается мокрый холст и рамка укрепляется шнурками в деревянной большого размера. Когда холст высохнет и натягнется, его покрывают смесью мыла со столярным kleem. Просохшую поверхность сглаживают рогом. Контур чернят карандашом, а затем наводят тушью, после чего все планы закрываются краской, которую разводят в раковинах жидким раствором kleя. Смешения разных тонов избегают, предпочтая чистые краски» (цит по: [Батырева 2005: 86]).

² Вызывает вопрос, о каком из торгутских улусов идет речь. Вероятно, речь идет о Большом хуруле Ламринлин Багацохуровского улуса, так как «барун» — одно из подразделений этого улуса. О монастыре Ламринлин известно, что он был в XIX в. разделен на пять хурулов: Большой (Ики) хурул Ламринлин, Большой Манлан хурул, Большой Докшидын-хурул, Малый Данжагин-хурул, Онкоров Малый хурул. В начале XX в. был основан еще один хурул, получивший название «Шебенеров» [Буддийская традиция 2015: 65]. Причем, как отмечали исследователи, в Багацохуровском улусе было всего пять хурулов [Буддийская традиция 2015: 65]. Таким образом, речь идет о Багацохуровском улусе и монастырском центре, который включал все пять хурулов, ранее входивших в основанный еще с прихода калмыков в нижневолжские степи в XVII в. хурул Ламринлин.

Калмыцкие танкодисцы также создавали копии имеющихся изображений божеств, поэтому «восковкой снимают очертания. По ним накалывают трафарет (загоры)» [Руднев 1905: 8, 14].

На получившемся изображении сначала раскрашивали большие плоскости, затем — детали. Повторно выполнив контур, наносили позолоту, выполняя полировку отдельных участков. На готовых *танка* в последнюю очередь рисовали глаза, что соответствовало церемонии «открывания глаз».

Краски для изготовления *танка* использовались минерального и растительного происхождения. Готовые танки были «от $\frac{1}{2}$ аршина³ до сажени⁴ и больше...» [Житецкий 1893: 44].

Во время определенных религиозных служб *танка* выносили за пределы буддийского храма, после троекратного совершения обхода с внешней стороны по кругу в направлении движения солнца и общего поклонения членами прихода их возвращали на место. Если проводились большие молебны, то *танка*, особенно большого размера, подвешивали на специальных столбах на территории хурула до окончания службы.

При создании своих произведений калмыцкие художники пользовались тибетским пособием по иконографии «Тик-зачангрль» или «Тик-зад» [Руднев 1905: 8, 15], а также монгольским «Дегеду амугуланг санвар» [Львовский 1898: 25].

Согласно буддийскому канону каждое божество пантеона изображалось в определенных пропорциях, с набором обязательных признаков: поза, тип телосложения, эманация определенного цвета, атрибут и т. д. Если на *танка* изображалось одно божество, то непременно справа рисовали солнце, слева — луну. Изображали божество, окруженное целым рядом изображений других божеств или символов. Так, например, вокруг центральной фигуры Будды Шакьямуни часто изображали картины из его жизни от рождения до смерти, а изображение божества Амитабха выполнялось в окружении 8 субурганов. На *танка* с большим количеством изображенных божеств главное выделялось на фоне второстепен-

ных персонажей: «в центре представлен в сравнительно большем размере бурхан Майдри, вверху справа — Дарька, слева Чакшиба, с боку справа — Лама, Аюша, Одче-бурхан, слева — Юм, Манза Шири, Абидва; внизу — Далай лама, Зонкуя и Баньчен-Эрдни» [Житецкий 1893: 45].

Сформировавшийся «свой» состав буддийского пантеона божеств и практика отхождения от строгих канонических требований в их изображении, сложившаяся буддийская храмовая и мирская практика, сочетавшая традиции буддизма и культурные особенности калмыков, обусловили формирование этнического варианта искусства буддизма у калмыков. По мнению С. Г. Батыревой, внешними характерными признаками калмыцких *танка* были яркая, нередко контрастная без полутона цветовая гамма, гибкий контурный рисунок и строгая симметричная композиция, потому что за длительный период освоения и накопления профессиональных знаний произошло преломление классического буддийского канона в соответствии с мировоззрением и национальной эстетикой народа, его традициями [Батырева 2005: 117].

И. А. Житецкий считал, что «техника калмыцкой живописи довольно примитивна и характеризуется отсутствием перспективы и мертвенным однообразием всех изображений бурханов; только по цвету лица и аксессуарам рисунков можно отличить изображение одного бурхана от другого: все они (исключение составляют разве изображения злых духов) снабжены одною типичною физиономией: широким, почти круглым лицом, узкими скошенными глазами, коротким носом и несоразмерно длинными ушами» [Житецкий 1893: 64].

Д. В. Иванов, детально исследовавший калмыцкие *танка* в коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, пришел к выводу, что они имеют отклонения в канонах, принятых в буддизме Тибета, Бурятии и Монголии, например, несоответствие цветов изображения как самого божества, так и его атрибутов [Иванов 2008: 51–52].

Исследователь выделяет ряд характерных особенностей калмыцкого стиля написания *танка*. Во-первых, ландшафтный фон изображается украшенным полевыми цветами и кустиками с тремя или четырьмя

³ Аршин — старинная мера длины, равная 71 см.

⁴ Сажень — старинная мера длины, равная 2,13 м.

веточками, со схематичным изображением воды и гор, часто смещенных в самый низ полотна. В цветовом обозначении ландшафта преобладает зеленый цвет, но встречаются изображения «выжженной летней степи». Во-вторых, особенностью, выделяющей божества, изображенных на калмыцких *танка*, являются широкие «приплюснутые» носы и наивные «детские» черты лица. В обрамлении фигуры божества тюльпаны часто бывают нарисованными над цветком лотоса. Как отмечает Д. В. Иванов, «калмыки к началу XX в. сумели создать собственный легко узнаваемый стиль буддийской живописи, отличающийся некоторым „примитивизмом“, но подкупающий искренностью и оригинальностью» [Иванов 2009: 31].

При анализе калмыцких *танка*, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, И. И. Мучаева также обратила внимание на нарушение канона при изображении буддийских божеств и их атрибутов [Мучаева 2003: 33].

Вышивка в изготовления изображений божеств

У калмыков существовала также практика изготовления изображений божеств в технике вышивки. И. А. Житецкий, достаточно подробно исследовавший жизнь калмыцкого духовенства и хурулов, отмечал наличие вышитых шелком, золотыми и серебряными нитями изображений буддийских божеств практически со временем прихода калмыков в степи Северного Прикаспия. Вышитая танка в Большом хуруле Малодербетовского улуса, например, была датирована им примерно 1769 г. По его сведениям, работа по созданию этой вышитой танки выполнялась в течение трех лет [Житецкий 1893: 45].

Изготовление *танка* в технике вышивки у калмыков активно практиковалось, несмотря на трудоемкость и длительность процесса, на что указывают данные И. А. Житецкого о наличии «старых и новых дарзиках» в Большом хуруле Яндыковского улуса и Большом Баруно-Керетовом хуруле Яндыковского улуса, при этом новые были изготовлены в 1870-х гг. [Житецкий 1893: 45].

Вышивка изображений божеств буддийского пантеона производилась под руководством танкокописца буддийского храма. Придерживаясь традиционных правил и ка-

нонов по созданию *танка*, художник наносил контур рисунка на ткань, по которому выполнялась работа мастериц. *Танка* вышивали девочки и молодые девушки, замужние женщины и вдовы. Девочек и девушек для выполнения такой работы привлекали и из числа служанок знатных калмычек, «этот штат девочек в свободное от услуг госпоже время сидит за рукоделием, и их трудом выделяют тесьмы, позументы и прочее» [Житецкий 1892: 74].

Для них и вдов устанавливали специально жилище на территории храма, в которых они проживали до окончания работы по созданию *танка*. Замужние женщины, участвовавшие в процессе вышивки божеств, брали работу на дом. Их искусство в технике гладьевого шитья было настолько целостным и профессиональным, что «не сразу разберешь, что бурхан вышит, а не нарисован блестящими красками, так хорошо подобраны цвета и так тонка работа во всех деталях» [Житецкий 1893: 45]. В большей степени этот эффект достигался за счет применения мастерицами традиционной техники вышивки в полутонах.

Достаточное количество привлеченных мастерниц позволяло создавать вышитые *танка* больших размеров. И. А. Житецкий упоминает в своих работах, в основном, о вышитых изображениях божества Майтреи, которое было особо почитаемо у калмыков, при этом подчеркивая, что «всегда в громадных размерах» [Житецкий 1892: 83].

Вместе с тем до наших дней сохранилась, напомним, уникальная *танка* Зеленой Тары, хранящаяся в настоящее время в фондах Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г. Праве (рис. 1, 2). Калмыки почитали две формы Тары: как воплощение будды дзяния она выступает в виде Зеленой Тары, обладающей телом изумрудно-зеленого цвета, как воплощение будды долгой жизни в виде Белой Тары, обладающей телом цвета белого лотоса. Вместе с тем наибольшей популярностью пользовалась Зеленая Тара, на что указывает большое количество изображений этого божества в различных коллекциях музеиных фондов и в различных домашних алтарях у калмыков.

Сохранившаяся вышитая *танка* Зеленой Тары была частью триптиха, изготовленного для нового буддийского храма в ставке

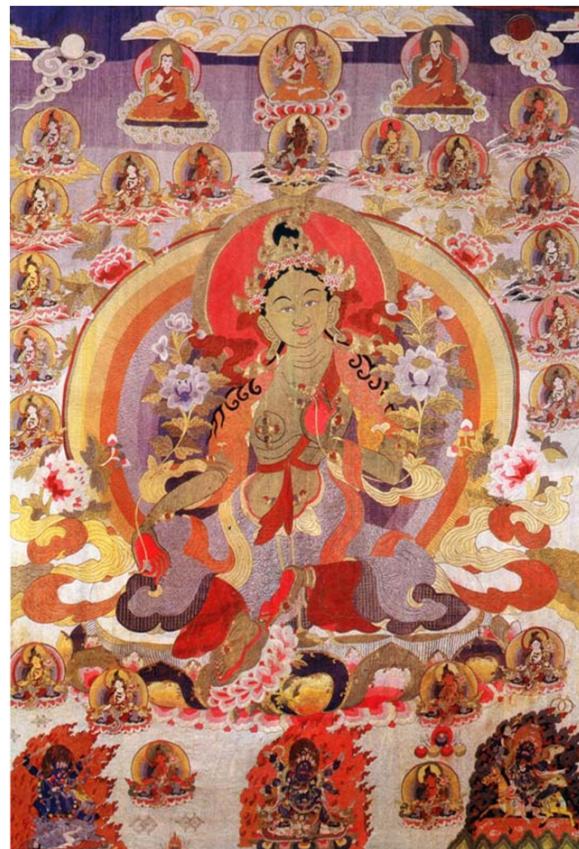

Рис. 1. Зеленая Тара [Зеленая Тара 1992]
[Fig. 1. Green Tara]

Рис. 2. Открытие выставки Зеленой Тары в г. Элисте. 2020 г.

[В Калмыкии открылась 2019]

[Fig. 2. Opening of the Green Tara exhibition. Elista, 2020]

Рис. 3. Будда Шакьямуни. Триптих, центральная часть. 1912–1914 гг. Частная коллекция
 [Fig. 3. Shakyamuni Buddha. Triptych, central part. 1912–1914. Private collection]

Бага-Тугтунского аймака Большедербетовского улуса, построенного честь 300-летия Дома Романовых в течение двух лет. На открытии буддийского храма в 1913 г. новую *танка* размером 2 на 3 метра, вышитую на шелке шерстяными, шелковыми, золотыми и серебряными нитями в технике гладьевого шитья, поместили в алтарной части храма рядом с двумя другими изображениями Зеленой Тары, изготовленными ранее в технике вышивки и аппликации, составив тем самым законченную трехчастную композицию. В буддийской *танка*, вышитой калмыцкими мастерами в начале XX в., облик Зеленой Тары полностью соответствует канонам. Кроме центральной фигуры Тары, на *танка* вышиты фигуры двадцати одной Тары, защитников Учения, а также (в верхней ее части) Будды Шакьямуни с учениками Кхедрубом-ринпоче и Гъялцабом-ринпоче. В нижнем поле *танка* вышиты изображения защитных божеств, традиционных для школы Гелуг, каждое в

окружении языков пламени: Каларупа, танцующий на буйволе; шестирукий Махакала, попирающий ногами белого Ганешу; Окон Тенгри (Лхамо) на муле [Нурова 2007: 156; Зеленая Тара 1992].

У этой *танка* печальная история. После закрытия буддийского храма в 1930-х гг. *танка* Зеленой Тары пропала. В 1946 г. ее случайно увидела на одном из рынков Ставрополя, где ее продавали как гобелен, музейный работник Татьяна Максимовна Минаева. Понимая ценность *танка* и осознавая, какая у нее может быть часть, женщина выменяла ее на две буханки хлеба, что в голодные послевоенные годы было решительным и благородным поступком.

Еще одной реликвией и образцом традиции изготовления *танка* в Калмыкии является сохранившаяся часть триптиха «Будда Шакьямуни» (рис. 3), выполненная в начале XX в. в хуруле станицы Эркетеневской Сальского округа. Рисунок на шелковой ткани, специально привезенной из Тибета

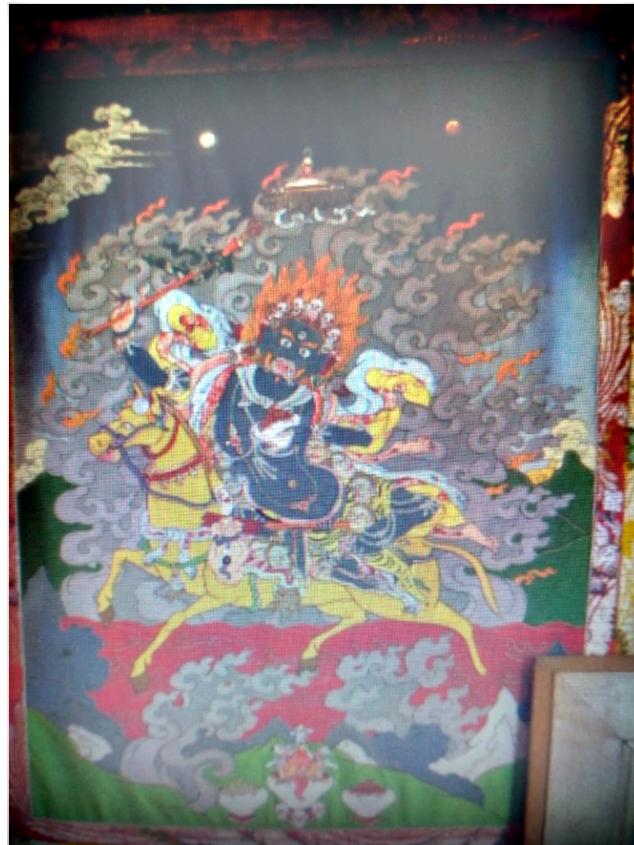

Рис. 4. Панчен Лхамо (калм. *Окон Тенгри*), п. Чилгир, Яшкульский район Республики Калмыкия.
Фото автора. 2017 г.

[Fig. 4. Palden Lhamo (Kalm. *Okon Tengri*). Chilgir village, Yashkulsky District, Republic of Kalmykia.
Photo by author]

для изготовления *танка*, составил *зурач* — художник этого храма Кирип Бадаков. Триптих в технике аппликации *зегт нээмл* (букв. ‘окаймленная клееная работа’) и вышивки был изготовлен в течение двух лет. Вырезанные из шелка и парчи формы и фигуры крепились по краям шнуром, свитым из шелковых нитей, а также золотыми и серебряными позументами, которые мастерицы изготавливали в процессе работы. В изготовлении изображения Будды Шакьямуни сочетались приемы: *хатхэр* ‘шитье нитками’, *кусм* ‘нашивки из позумента’, *чимкэр* ‘нашивки из шелка, парчи (сукна, хлопчатобумажных тканей, войлока и меха)’, *утцн* ‘окаймляющая края полотна обшивка из шнурка’, *зег* ‘наложение по контуру рисунка ниток, шнурка и тесьмы, скрепленных второй ниткой’. Как отмечает С. Г. Батырева, *танка* была лаконичной по композиции, четкой по рисунку и сдержанной в цветовом решении [Батырева 1991: 32].

В 2003 г. в молельный дом в п. Чилгир Яшкульского района была передана в дар *танка* с изображением божества Палден Лхамо (калм. *Окон Тенгри*) (рис. 4.) Д. Кичиковым, уроженцем поселка, проживавшим в США. Эта *танка* хранилась в семье и была выполнена в технике аппликации и вышивке, сходной той, которой был выполнен триптих «Будда Шакьямуни».

Современные буддийские практики и женское рукоделие

По мнению исследователей, «в современном буддизме в Калмыкии выделяются несколько сфер: буддийские храмы, религиозные центры мирян, общины пожилых калмыков, практикующих ритуалы поста, с сохранением наборов молитв и обрядов, бытовавших еще в начале XX в. Кроме того, существует практика так называемых „знающих“, которые воспринимаются наиболее последовательными приверженцами

„чистого“ буддизма в качестве „шаманистов“. Перспективы развития буддизма в Республике Калмыкия ныне связываются с развитием всех уровней его бытования» [История буддизма 2011: 104]. В Калмыкии также принято различать храмовую и мирскую буддийские практики.

Среди современных калмыков распространено мнение, что покровительство буддийских божеств в повседневной жизни можно достичь «принятием [покровительства] божества», изображения которых составляют алтарь, и исполнением соответствующих ритуалов — *бурх ах* (букв. бурхан, божество [КРС 1977: 121]), брать / взять / получать / принимать / доставать, добывать [КРС 1977: 23]), *бурхан залх* (букв. бурхан, божество [КРС 1977: 121] управлять / направлять / заведовать / распоряжаться [КРС 1977: 239]).

Основой такого распространенного мнения послужили, на наш взгляд, усиление позиций буддизма в Калмыкии, развитие домашней формы религиозности и получение более глубоких знаний о буддийской практике мирянами. Если еще в начале 2000-х гг. многие молодые калмыки задавались вопросом о символике и функциях тех или иных божеств, о религиозной атрибутике, старались постичь основы буддизма во время лекций буддийских священнослужителей местных храмов и учителей, приезжавших из буддийских центров Индии, Монголии и Бурятии, то в настоящее время буддизм воспринимается на более глубоком уровне. Этому также послужила разъяснительная работа представителей буддийской церкви, выпуск большого количества буддийской литературы, в том числе сборников молитв на калмыцком языке, разъяснение символики и значения религиозных обрядов и празднеств перед их проведением и т. д.

На этом же представлении базируется повсеместная практика создания личных и семейных алтарей молодыми калмыками. Например, многие калмыки-студенты, обучающиеся за пределами республики, создают в местах проживания алтари с поддержкой родителей и близких, которые участвуют в оформлении: подбирают необходимые предметы религиозного культа, определяют божество-покровителя по году рождения, изображение которого затем освящают для «пробуждения» посредством чтения мо-

литв буддийскими священнослужителями, обучаают совершать подношения на алтаре, в том числе *дэеэж* ‘первниками пищи’, правильно зажигать лампаду в дни поста и праздники, и т. д.

Если молодые люди действуют самостоятельно, то последовательность действий по созданию алтаря и соблюдение буддийских практик просто уточняют у родных, обращаются к буддийским священнослужителям или основываются на своих знаниях, участвуя в молебнах и совершении подношения у алтаря в кругу семьи.

Сходные действия при создании домашнего алтаря совершают и семейные пары молодых калмыков. Изображения божеств, приобретаемые ими для создания алтаря, часто бывают копией в виде фотографий старинных калмыцких *танка*, хранящихся на алтаре родителей. Если обращаются к буддийскому священнослужителю для определения личного божества-покровителя и общего для семьи, то изображения божеств и культовую атрибутику для оформления алтарной зоны приобретают в магазинах, специализирующихся на продаже предметов религиозного культа в Элисте и других городах, или привозят из мест паломничества в Индии, Монголии, Бурятии. Создание семейного алтаря воспринимается семейной парой как один из символов их союза, показатель приверженности буддизму и этнический маркер.

С 2000-х гг. в Республике Калмыкия увеличился туристический поток, часть которого является паломниками. Открытие в 2005 г. одного из крупнейших буддийских храмов в Европе — «Золотой обители Будды Шакьямуни» (‘Бурхн-Багшин Алтн Сүм’) — способствовало утверждению Калмыкии как одного из значимых буддийских центров не только в России, но и за ее пределами. Паломники и туристы, приезжающие в республику, были заинтересованы в приобретении сувенирной продукции местного производства и атрибутов буддийского культа. Надо отметить, что в этот период и сами калмыки нуждались в различных предметах религиозного культа, специальной литературе и сувенирной продукции, которая отражала бы их национальный колорит и религиозные взгляды. Первоначально рынок востребованной продукции был заполнен товарами из Китая и Монго-

лии, символика которых на волне процессов этнокультурного возрождения народов на всем постсоветском пространстве воспринималась как «своя», «родная символика», обусловленная общностью истории и этногенетическими связями в прошлом.

По мере роста проявлений этнической идентичности, накопления знаний о традиционной культуре и практиках буддизма, появления местных ремесленных мастерских и развития этнического предпринимательства «сегодня в Калмыкии появилось большое количество сувениров, которые можно отнести к чисто региональной продукции, произведенной в республике. Желание выразить этнические особенности привело к тому, что производители (иногда они же и продавцы) стали выпускать продукцию с ярко выраженным калмыцким этническим компонентом, востребованную продавцами, следящими за покупательским спросом, и покупателями, желающими приобрести изделия этнических предпринимателей как для повседневного пользования, так и в качестве сувенирной продукции» [Шараева 2017б: 79]. К их числу относятся и предметы буддийского культа, например: украшенные калмыцкой символикой статуэтки Белого старца и божеств буддийского пантеона, украшения и талисманы, металлические и деревянные чаши для подношений и т. д.

Возвращаясь к изображению буддийских божеств, распространенных в Калмыкии, необходимо обозначить две тенденции, сложившиеся в настоящее время.

Во-первых, во многих калмыцких семьях хранятся изображения божеств в виде свитка *танка* или холста с изображениями, оформленного в деревянную раму под стеклом, которые являются семейными реликвиями, бережно хранимыми не одно десятилетие. По желанию другие члены семьи могут заказать копию или подобрать максимально сходное изображение божества, воспринимая исходное божество как семейное. Такое изображение божества впоследствии располагают на домашнем алтаре рядом с изображением божеств, определенных соответственного году рождения каждому члену семьи. Нередко древние изображения божеств, хранимые в калмыцких семьях, воспринимаются общеродовыми: либо потому что когда-то оно находи-

лось в прошлом в стенах родового храма, либо потому, что нынешний ее хранитель является потомком главы рода, перенявшим его функции.

Как известно, антирелигиозная пропаганда конца 1920-х гг. привела к тому, что «к началу 1940-х гг. XX в. калмыцкое духовенство было почти полностью уничтожено, так же как и буддийская церковь в Калмыкии, уничтожена не только идеально и организационно, но нередко и физически» [Басхаев 2007: 16].

На долгие десятилетия, начиная с незаконной депортации в 1943 г. в восточные районы страны и до конца 1980-х гг., калмыки были лишены возможности открыто проявлять свою приверженность буддизму. Вместе с тем, по данным исследователей, буддизм продолжал сохраняться и практиковаться в нескольких формах: «тайной общине» бывших священнослужителей, которые съезжались под видом «гостей» для проведения совместного молебна; общине верующих «мацгта» — те, кто придерживался постов, устраивали 8, 15 и 30 числа каждого лунного месяца общий молебен и недельные каждодневные службы после наступления весеннего праздника Цаган Сар и зимнего праздника Зул, а также в форме домашней религиозности [Бакаев 2009: 15].

Еще в 1930-е гг. во время репрессий и разрушения буддийских храмов многие калмыки тайно забирали домой предметы религиозного культа и скрыто проводили соответствующие обряды и молебны в кругу родных и представителей других родовых групп, являвшихся приходом данного хурула, или закапывали эти предметы. В конце 1990-х гг., основываясь на рассказах представителей старшего поколения, некоторые калмыки стали извлекать из земли в местах нахождения в прошлом калмыцких храмов культовую атрибутику, в том числе изображения божеств, бережно упакованных и закрытых для сохранения и избегания осквернения.

Если религиозные предметы культа в период репрессий в 1930-е гг. оставались в семье, то во время депортации калмыцкого народа в декабре 1943 г., отправляясь в ссылку, когда люди брали с собой самое ценное, многие везли с собой предметы религиозного культа (четки, статуэтки божеств, танки, жертвенные чаши и т. д.).

Существует немало устных историй, в которых рассказывается, что под одеждой на теле людей, умерших во время следования к месту поселения, находились *танка* — так они пытались сохранить святыни; в местах временного поселения в период ссылки, даже отправляясь на рабочие места, многие носили с собой предметы религиозного культа, опасаясь обысков в местах проживания; глубокой ночью зажигали привезенные с собой лампады для прочтения хотя бы одной молитвы перед лицом божества и т. д.

Несмотря на то, что большое количество предметов буддийского культа было изъято у калмыков и безвозвратно утеряно, многие калмыки все же сумели сохранить семейные реликвии и привезти их обратно в Калмыкию.

О значении буддизма как религии в жизни калмыков и непрерывности традиции можно судить не только по сохраненным древним изображениям божеств, но и по бережно хранимым на домашних алтарях древним тибетским и ойратским рукописям и ксилографиям, являющимся памятниками буддийской литературы и неотъемлемой частью духовной культуры калмыков. Выявленный в калмыцких семьях Д. Н. Музраевой в 2000-х гг. репертуар буддийских письменных памятников, имевших хождение среди калмыцких буддийских священнослужителей и верующих мирян в XIX–XX вв., также указывает на «значимость буддийской составляющей в системе и среде современной калмыцкой культуры» [Музраева 2012: 8]. Такие реликвии буддийского культа передаются у калмыков по наследству с учетом старшинства по мужской линии (от отца — старшему сыну).

Во-вторых, по мере накопления знаний о калмыцкой форме буддизма калмыки-миряне вместо востребованной в первое время любой продукции с буддийской тематикой и символикой, привозимой больше всего из Китая и Монголии, стали отдавать предпочтение тем атрибутам и изображениям божеств, которые, по мнению самих же калмыков, имеют сходные специфические черты с калмыцкой формой буддизма XIX – начала XX в. Например, отличительными чертами изображений «калмыцких» божеств, по мнению современных калмыков, являются: отсутствие пышного и яркого

оформления пространства вокруг божеств, лаконичность красок и отсутствие полутона, разграничение фона с выделением преимущественно голубым или синим цветом неба, зеленым — жизненного пространства, небольшое количество растительности, где преобладают полуоткрытые тюльпаны различного окраса или цветы, похожие на них, обязательное обозначение луны и солнца, к которым направлены вытянутые края слоисто-кучевых облаков, схожесть лица божеств с антропологическим типом калмыков, характерным для представителей центральноазиатского типа монголоидной расы (выделяют форму лица, носа, глаз, ушей: плоское лицо, высокое переносце и приплюснутый нос с широкими ноздрями, узкие глаза, большие и вытянутые уши). По мнению калмыков-мирян, изображения божеств буддийского пантеона, несмотря на выполнение по определенным традиционным канонам, все же отражают национальную специфику региона, в котором распространен буддизм.

Одной из сфер жизни современного калмыцкого общества, в которой остро обсуждаются вопросы о калмыцкой специфике в изображении божеств буддийского пантеона, является женское рукоделие. За последнее десятилетие вышивка изображений божеств как вид рукоделия стала актуальной в контексте развития буддизма, мирской формы буддийских практик, женского досуга, этнического предпринимательства.

В начале 2000-х гг. наборы для вышивания крестиком с изображением буддийских божеств, произведенные в Китае и Монголии, начали завозить одновременно с предметами религиозного культа и сувенирной продукцией. Они были хорошего качества: с достаточным количеством нитей, иглой, канвой и схемой, но с подробными инструкциями на китайском языке. Количество их всегда было ограниченным, стоили очень дорого. Возможность изготовить изображение божества самостоятельно в условиях дефицита атрибутов буддийского культа, схожесть внешнего вида готового изделия с *танка* в действующих буддийских храмах Калмыкии, последующее размещение оформленной вышивки изображения буддийского божества в алтарной части дома — одни из основных причин появления такой формы рукоделия. Подобной вы-

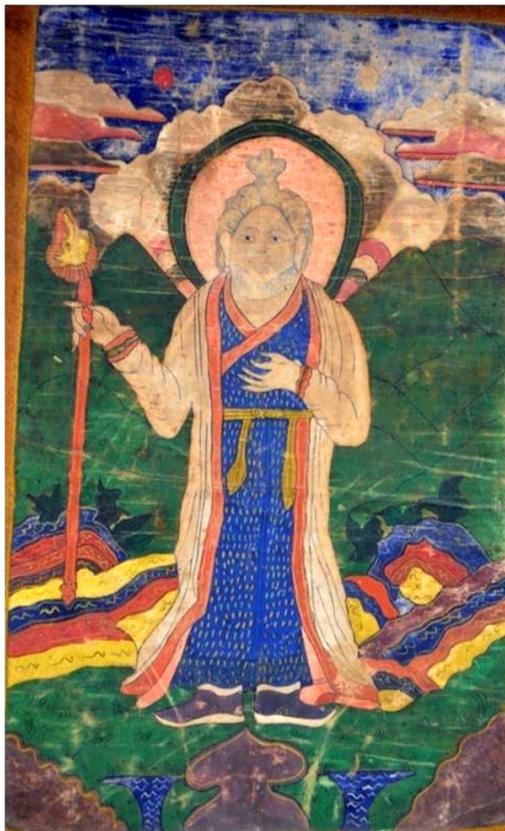

Рис. 5. Белый старец. 1801–1925 гг. Музей традиционной калмыцкой культуры им. Зая-пандиты КалмНЦ РАН [Цаган Аав 1801–1925]

[Fig. 5. White Old Man. 1801–1925. Zaya Pandita Museum of Kalmyk Traditional Culture, Kalmyk Scientific Center of the RAS]

шивкой в тот период занимались женщины, чье взросление и молодость прошли в период распространения советской идеологии, и с нюансами религиозных канонов они не были знакомы, поэтому только по завершении работы и оформлении вышивки в виде свитка *танка* они отправлялись с подношениями в буддийских храм для ее освящения. Информацию о том, что изображение божества будет «живым» только после чтения специальной молитвы буддийским священнослужителем, мастерицы получали от представителей старшего поколения калмыков.

Следующий этап развития данного вида рукоделия связан с очередным этапом развития буддизма в республике и углублением знаний об основах буддизма калмыками, с активным строительством культовых объектов. В этот же период стало распростра-

Рис. 6. Белый Старец. Новочеркасский музей истории донского казачества [Белый старец 2020]

[Fig. 6. White Old Man. Novocherkassk Museum of Don Cossack History]

няться мнение, что особого расположения божества можно добиться, если самостоятельно изготовить его изображение и совершить им подношение храму. Поэтому свои вышитые работы мастерицы не только оставляли для домашнего алтаря, но и стали передавать в буддийские храмы. Но, по объяснениям буддийских священнослужителей, данным мастерицам, изображение божества, приносимого в дар храму, не могло быть установлено на алтаре или использоваться во время служб, так как выполнено без соблюдения постов и без ритуалов последовательного процесса «пробуждения» божеств при создании, а также в готовом изделии прослеживались некоторые нарушения канона изображения божеств. Выход был найден следующим образом: вышитые *танка* после совершенных неоднократных молитв и ритуалов над ними закладывали

Рис. 7. Будда Шакьямуни. Производитель — «Русская сказка».

Частичная зашивка, ткань — атлас

[Fig. 7. Shakyamuni Buddha. Manufactured by Russkaya Skazka]

при строительстве ступы с мотивацией совершения подношения. Данная практика сохраняется в настоящее время, чему немало способствует активное строительство буддийских ступ в республике, число которых уже достигло 40 [История буддизма 2011: 95].

На встречах с Его Святейшеством Далай-ламой XIV в г. Риге калмыцкие мастерицы преподносили ему свои работы в качестве подношения. Эта практика стала распространяться и в Калмыкии. Так, во время посещения республики досточтимому Арджа Лобсан Туптен Ринпоче калмыцкие мастерицы преподнесли подношения в виде вышитых изображений божеств буддийского пантеона, выполненных в разных техниках.

Широкое распространение данный вид рукоделия у калмыцких мастерниц все же получил в последнее десятилетие. Разнообразились техники и материалы. Наряду с изготовлением вышитых изображений бо-

жеств буддийского пантеона для домашнего алтаря их стали изготавливать для продаж туристам и паломникам, желающим привезти домой *танка* из Калмыкии как отражающую региональную специфику буддизма в России — спрос породил предложение. Но необходимо отметить одну особенность — с продажи каждой *танка* мастерицы обязательно выделяют некоторую сумму в качестве подношения в буддийский храм.

Многие магазины, специализирующиеся на товарах для рукоделия, например «Мастерица», «Лу», «МеСаде», «Мария», «Радуга», стали расширять ассортимент завозимых товаров. В продаже появились наборы для вышивки крестом и бисером в технике частичной и полной зашивки на напечатанной и чистой основе, а также в гладьевой технике. Основными поставщиками такого рода товаров, наряду с такими полюбившимися китайскими фирмами, как, например, «NKF» и «JOY SUNDAY», с соотношением «цена — качество», стали фир-

Рис. 8. Будда Шакьямуни. Производитель — «Русская сказка». Частичная зашивка, ткань — габардин. Магазин «Радуга» в г. Элисте. Фото автора, 2020 г.

[Fig. 8. Shakyamuni Buddha. Manufactured by Russkaya Skazka. Partial embroidery kit, fabric — gabardine. Raduga retail store, Elista. Photo by author. 2020]

мы и интернет-магазины: «Русская сказка» (г. Псков), «Художественные мастерские» (г. Ставрополь), «Могулан» (г. Улан-Удэ), «Страна рукоделия» (г. Харьков) и др.

На первоначальном этапе фирмы-поставщики предлагали тот товар, который был в наличии, сейчас изменили и расширили ассортимент товаров, ориентируясь на запрос покупателей. Так, владельцы местных товаров для рукоделия закупали в основном изображения Будды Шакьямуни, Авалакитешвары, Зеленой и Белой Тар, Майтреи. В настоящее время в составе заказов указаны изображения более 15 божеств буддийского пантеона. Необходимо отметить особенность: по изображениям двух божеств — Цзонкапы и Белого Старца — наборов или основ для вышивки не производят. Вместе с тем, учитывая постоянный спрос мастериц, владелица магазина «Радуга» М. В. Букаева разра-

Рис. 9. Зеленая Тара. Производитель — «Русская сказка». Частичная зашивка, ткань — габардин. Магазин «Радуга» в г. Элисте. Фото автора, 2020 г.

[Fig. 9. Green Tara. Manufactured by Russkaya Skazka. Partial embroidery kit, fabric — gabardine. Raduga retail store, Elista. Photo by author. 2020]

ботала в 2020 г. различные варианты схем буддийских божеств для вышивания бисером, выпускаемых под торговой маркой с одноименным названием. Схемы, определяемые мастерицами как «калмыцкие», то есть имеющие наибольшее сходство со старинными калмыцкими танками, пользуются наибольшим спросом. Например, вместо изображения Белого Старца в виде отшельника, сидящего у грота под персиковым деревом в окружении брачных пар оленей и журавлей, предпочтение отдается изображению стоящего Белого Старца с седыми волосами в белом халате, в правой руке держащего посох с навершием в виде головы дракона, в левой — четки, пейзажным фоном которого служит пространство с цветовым разграничением небесного и земного пространств (рис. 5, 6).

Производители схем в технике вышивки бисером используют атлас, габардин

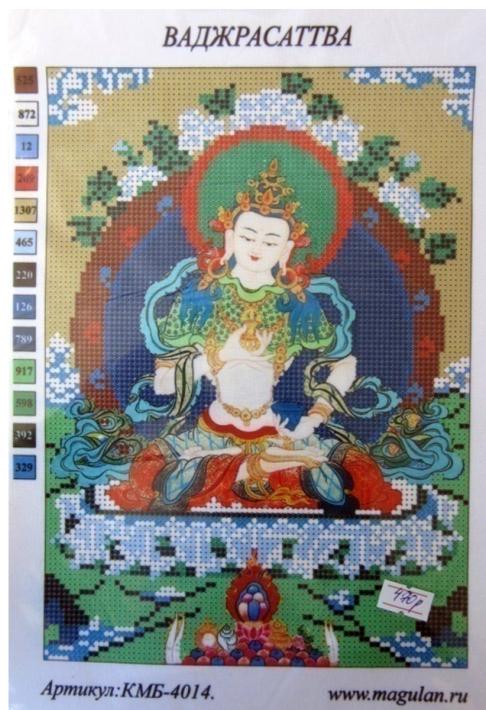

Рис. 10. Ваджрасаттва. Магазин «МеоСаДе» в г. Элисте. Полная зашивка, габардин. Фото автора, г. Элиста. 2019 г.

[Fig. 10. Vajrasattva. Full embroidery kit, gabardine. MeSaDe retail store, Elista. Photo by author. 2019]

Рис. 11. Храм «Золотая обитель Будды Шакьямуни» (Бурхн-Багшин Алтн Сюме). Частичная зашивка, ткань — габардин

[Fig. 11. Golden Abode of Shakyamuni Buddha. Partial embroidery kit, fabric — gabardine]

Рис. 12. Портрет Далай-ламы XIV. Основа для частичной вышивки, холст

[Fig. 12. Portrait of the 14th Dalai Lama. Partial embroidery kit, canvas]

и холст в качестве основы. На схемах для частичной вышивки буддийские божества изображаются в соответствии с традиционными буддийскими *танка* путем оттиска рисунка на ткань (рис. 7).

Заинтересованность изготовления таких вышивок мастерицами основывается на сохранившихся образцах танка XIX в., которые встречаются в домах и храмах у калмыков. По данным исследователей, они имеют следующие композиционные схемы: с патронирующим образом над центральным персонажем и с четырьмя спутниками по углам; с ярусным расположением вокруг главного персонажа; пирамидальная композиция с главным персонажем в центре [Батырева 2005: 104], но лаконизм части изображаемых божеств, по мнению мастериц, в большей степени соответствует хранимым на семейных алтарях у калмыков (рис. 8, 9).

Со существование различных изображений божеств буддийского пантеона у калмыков, по нашему мнению, является наследием танкописи XIX и начала XX в., когда на основе общепринятых канонов калмыцкие иконописцы вырабатывали свою этноспецифическую линию.

В отличие от частичной полная зашивка основы бисером усложняет выделение элементов изображения божества и не позволяет учесть все нюансы рисунка, тем не менее, на такие основы также существует спрос у мастериц, что определяется небольшой стоимостью и наличием напечатанного изображения самого буддийского божества (рис. 10).

Одним из новшеств, введенных недавно, стало распространение основ для вышивки бисером с частичной зашивкой с изображением буддийского храма «Золотой обители Будды Шакьямуни» (Бурхн-Багшин Алтн Сюме) (рис. 11) и Его Святейшества Далай-ламы XIV (рис. 12). Если вышивка храма является для мастериц обычно чисто коммерческим проектом, то портрет Далай-ламы XIV изготавливается для украшения семейного алтаря, жилища, подарка близким. Исследователи отмечали выделение в конце XIX – начале XX в. линии развития живописи буддийских иконописцев — портретные изображения лам «как варианное воплощение канона» [Батырева 2005: 88], поэтому новшество в какой-то мере является продолжением традиции.

Работ по изготовлению изображений буддийских божеств в технике гладьевого шитья и аппликации — все еще небольшое количество, они не столь популярны среди мастерниц. Наборы для вышивания в технике гладьевого шитья изображений божеств буддийского пантеона все еще изготавливают только производители в Китае, но у калмыцких мастерниц спрос на них значительно снизился. Желающие изготовить *танка* в этой технике предпочитают копировать изображение «калмыцкого» божества на тканевую основу, самостоятельно подбирать цвет и определять количество нитей.

Традиционная техника аппликации *зегт нээмл* изготовления калмыцких *танка* сложна в исполнении, техника изготовления плетеных шнурков и тесьмы, изготавливавшихся мастерницами во время работы, не реконструирована. Но попытки реконструкции *танка* в такой технике была предпринята. Например, педагог-технолог и мастер-прикладник из п. Цаган-Аман Юстинского района Республики Калмыкия Н. Леджанова выполнила копию старинной *танка* с изображением основателя школы Гелуг Цзонкапы в этой технике. Совместно с заинтересовавшимися этой техникой мастерницами она пытается теперь возродить старинную калмыцкую технику изготовления *танка*.

Вышитые для продажи и в качестве подарка работы мастерницы оформляют в местных багетных мастерских, специальных буддийских ритуалов не проводят — считается, что такую *танка* должен «оживить» тот, в чьем доме она будет находиться. Такие *танка* приобретаются и как сувениры, поэтому возможно, что они могут использоваться туристами в доме просто как красивый атрибут в интерьере жилища.

Совершенно другой подход применяется мастерницами, если вышитую *танка* планируют разместить на алтаре дома или у близких. Сначала по дате и часу рождения человека определяют божество-покровителя, затем в магазинах для рукоделия подбирают набор или основу для вышивки, сопоставляя калмыцкий вариант наименования буддийского божества с общепринятыми, потому что «буддийские божества получили „калмыцкие“ имена, адаптированные мирянами, и свое цветовое обозначение» [Шараева 2017: 192–193]. Так, Зеленая

Тара именуется *Нохан Дэрк* (зеленый цвет), Авалокитешвара — *Арьябала* (светло-желтый), Майтрея — *Мээдр* (бирюзовый, сине-зеленый), Акшобхья — *Чакча* (синий), Амитаба — *Аюка*, *Авьдэв* (красный), Ваджрасаттва — *Дорж Сенбе* (синий) и т. д. Цветовое обозначение божества важно при выборе хадака-подношения, который располагают («надевают») на готовой *танка*. Во многих магазинах, торгующих материалами для творчества, сейчас можно увидеть на прилавках листы, где напечатаны наименования божеств согласно общей буддийской традиции и калмыцкому эквиваленту. Продавцы всегда могут дать дополнительно подробные пояснения о каждом персонаже буддийского пантеона, их классификации и функциях, описать присущий им набор обязательных признаков в силу заинтересованности мастерниц получить как можно больше сведений обо всем этом перед началом работы. Кроме того, стоит отметить, что современные мастерницы пытаются все же самостоятельно или при посещении буддийского храма усвоить такую информацию.

Выработался определенный набор правил, которым следуют современные мастерицы во время своей работы:

- 1) перед началом работы необходимо посетить буддийский храм (*хурл*) и принять участие в молебне;
- 2) начинают вышивку на растущей луне;
- 3) подходящий день начала вышивки подбирается по лунному календарю (если нет возможности приступить к работе сразу, то достаточно сделать пару стежков, главное — «начать»);
- 4) место для выполнения работы всегда должно быть чистым;
- 5) перед началом работы обязательно тщательно моют руки и полоскают рот;
- 6) выполняя вышивку, нежелательно отвлекаться на разговоры;
- 7) необходимо периодически произносить мантру божества, изображение которого выполняется; после завершения работы — посвящать заслуги прочитанных мантр благо всех живых существ;
- 8) за день до начала и до окончания работы желательно придерживаться растиительно-молочной пищи, воздержаться от посещения увеселительных мероприятий,

мест большого скопления людей и воздержаться близости;

9) на обратной стороне работы нить узлом не закрепляют: считается, что обратная сторона «обращена к богу»;

10) по окончании работы принять участие в молебне и освятить ее у буддийского священнослужителя для «оживления» божества.

В основах для вышивки бисером лики божеств и некоторые части тела нанесены путем оттиска изображения. Это коррелирует с представлением, что лики божеств вышивать нежелательно. В наборах и основах в технике вышивки крестом и гладью мастерицы придерживаются иных правил: вышивку и оформление глаз божества оставляют на завершающий этап работы. Согласно сложившемуся правилу, необходимо с работой принять участие в молитве, санкционирующей это действие, затем выполнить работу и снова посетить молебен для проведения ритуала «открывания глаз». Готовые работы оформляют в виде свитка или под стекло в рамку.

Результаты и вывод

В процессе своего развития буддизм в Калмыкии сформировал свои этноспецифические черты, которые нашли отражение в повседневных и храмовых практиках, предметах религиозного культа, духовной и обрядовой сферах. Особую нишу в культовой сфере калмыков занимают *танка* с изображением буддийских божеств, выполненных в разных техниках. Все буддийские божества у калмыков имеют калмыцкие названия, существуют устойчивые представления о соответствующем им цвете. Отличительными чертами изображений божеств у калмыков являются: отсутствие пышного и яркого оформления пространства вокруг божества, лаконичность красок и отсутствие полутона, разграничение фона с выделением преимущественно голубым или синим цветом неба, зеленым — жизненного пространства, небольшое количество растительности, где преобладают полураскрытие тюльпаны различного окраса или цветы похожие на них, обязательное обозначение луны и солнца, к которым направлены вытянутые края слоисто-кучевых облаков, сходство черт лица божеств с антропологическим типом калмыков, характерным

для представителей центральноазиатского типа монголоидной расы (выделяют плоское лицо, высокое переносце и приплюснутый нос с широкими ноздрями, узкие глаза, большие и вытянутые уши).

Распространяющаяся среди калмычек-мирян практика изготовления вышитых изображений божеств буддийского пантеона отражает двойственность процесса: с одной стороны, изготовление *танка* в вышивке как образцов культового декоративно-прикладного искусства калмыков не противоречит традиции, с другой стороны — является и попыткой реконструкции изготовления *танка* посредством приемов вышивки с использованием различных материалов, и новым видом женского рукоделия. В традиционных практиках *танка* изготавливали в двух техниках — аппликативной и глади. В первой — по краям лоскута шелковых тканей использовался прием наложения шнура для выделения контура, во второй — выделение контуров происходило за счет самой вышиваемой глади. В современных вышивках буддийских божеств сочетаются различные виды и техники — вышивка крестом, бисером, гладью, аппликация; частичная и полная вышивка; вышивка на напечатанной и чистой основе. Современные калмычки-мастерицы предпочтитаю в технике вышивки создавать копии старинных калмыцких *танка* или выбирают из широкого ассортимента различных производителей наборы и основы для вышивки, в которых, по их мнению, изображение божеств имеет сходные черты с антропологическим типом калмыков, или в целом сходство с изображением на старинных калмыцких *танка*. Кроме того, при выполнении работ мастерицы придерживаются определенных правил, например, принятие обетов на период работы, обязательное чтение молитв, согласование начала работы по лунному календарю, вышивка глаз божества на завершающем этапе, предваряющем чтение специальной молитвы для «открывания глаз», совершение подношений в храме по окончании работ и участие в молебне по «оживлению» изготовленного божества. Все это в совокупности указывает, что, несмотря на изменение техник и материалов, в вышивке буддийских божеств калмычками-мастерицами сохраняются традиционные практики.

Литература

- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории // Буддизм в России. 2009. № 42. С. 9–17.
- Басхаев 2007 — *Басхаев А. Н.* Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 240 с.
- Батырева 1991 — *Батырева С. Г.* Старокалмыцкое искусство: Альбом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с., 102 илл.
- Батырева 2005 — *Батырева С. Г.* Старокалмыцкое искусство XVII – начало XX вв. М.: Наука, 2005. 155 с.
- Белый старец 2020 — Калмыцкая икона Белого старца [электронный ресурс] // Из фондов Новочеркасского музея донского казачества. Соцсеть «В контакте». Моя Калмыкия. 14 июня 2020 г. URL: https://vk.com/wall-185326518_8614 (дата обращения: 10.12.2020).
- Бодхисаттва Манджуши — Бодхисаттва Манджуши [электронный ресурс] // Абхидхарма Чой. URL: <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Manjushri.htm> (дата обращения: 19.12.2020).
- Буддийскую святыню 2019 — Буддийскую святыню «Зеленую Тару» привезли в столицу Калмыкии из Ставрополя [электронный ресурс] // ТАСС. 05.10.2019. <https://tass.ru/obschestvo/6967330> (дата обращения: 15.12.2020).
- В Калмыкии открылась 2019 — В Калмыкии открылась выставка «Зеленая Тара» (Фоторепортаж) [электронный ресурс] // РИА «Калмыкия». Новости. 08.10.2019 // <https://riakalm.ru/index.php/news/news/20438-monakhi-tsentralnogo-khurula-osvyatili-tanku-zelenaya-tara> (дата обращения: 19.12.2020).
- Выставка 2016 — Выставка «Старинные танки — наследие наших предков» [электронный ресурс] // Инф. портал «В Калмыкии». 29.02.2016. URL: <https://vkalmkii.com/vystavka-starinnyye-tanki-nasledie-nashikh-predkov> (дата обращения: 20.12.2020).
- Дорджеева 1995 — *Дорджеева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 128 с.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 87 с.
- Житецкий 1892 — *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки (наблюдения и заметки): в двух очерках // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1892. С. 1–V, 1–214.
- Зеленая Тара 1992 — Зеленая Тара / вст. статья И. Г. Ковалева, Т. Ц.-У. Бембеевой. Элиста: Калм. гос. картин. галерея, 1992. 32 ил.
- Иванов 2009 — *Иванов Д. В.* Калмыцкие буддийские предметы в коллекциях Музея археологии и этнографии РАН (Кунсткамера) // Буддизм в России. 2009. № 4. С. 28–32.
- Иванов 2008 — *Иванов Д. В.* Калмыцкие иконы в коллекциях МАЭ (Кунсткамера) РАН: характерные особенности иконографии и монтировки // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточных исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2008. Вып.5. С. 51–52.
- История буддизма 2011 — История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: Мин-во образования, культуры и науки Республики Калмыкия, 2011. 392 с.: ил
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 764 с.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Изд. Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с.
- Львовский 1898 — *Львовский Н.* Калмыки Большецербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы. 2-е изд. Ставрополь: Типо-лит. Т. М. Тимофеева, 1898. 173 с.
- Монголо-ойратские законы 1880 — Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / калм. текст с рус. пер. и прим. К. Ф. Голстунского. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1880. 16, 143, [1] с.
- Монгуш 2015 — *Монгуш Е. Д.* Буддийские храмы как объекты религиозного туризма в России // Новые исследования Тувы. 2015. № 3. С. 101–110.
- Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 224 с.
- Мучаева 2003 — *Мучаева И. И.* Памятники буддийского культа в Калмыкии: проблемы

- сохранения и использования // Вестник Калмыцкого республиканского краеведческого музея им. Н. Н. Пальмова. Элиста, 2003. Вып. 1. С. 31–38.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.
- Нурова 2007 — *Нурова Г. В.* Образ женского божества в буддизме Махаяны // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2007. Т. 2. № 2 (15). С. 155–160.
- Огнева 1992 — *Огнева Е. Д.* Танка // Буддизм: словарь. М.: Республика, 1992. С. 236–237.
- Открытие выставки 2020 — Открытие выставки «15 чудес Будды Шакьямуни» [электронный ресурс] // Центральный хурул РК «Золотая обитель Будды Шакьямуни». Новости. 25.02.2020. URL: <http://www.khurul.ru/2020/02/25/otkrytie-vystavki-15-chudes-buddy-shakyamuni/> (дата обращения: 15.12.2020).
- Руднев 1905 — *Руднев А. Д.* Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачнов Урги, Забайкалья и Астраханской губернии // Сборник МАЭ. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. Вып. 5. 16 с.
- Туристический путеводитель — Туристический путеводитель по городу Элисте [электронный ресурс] // Персональный сайт о путеви- шествиях и поездках по миру. URL: http://www.capone-online.ru/volga_guide_elista.html (дата обращения: 19.12.2020).
- Цаган Аав 1801–1925 — Цаган Аав, Белый старец [электронный ресурс] // Собрание Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-Пандиты КалмНЦ (КИГИ) РАН. Инв. № И-45.
- Шараева 2017а — *Шараева Т. И.* Образы божеств в декоративно-прикладном искусстве калмыков: Зеленая Тара // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3 (31). С. 84–92. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-84-92
- Шараева 2017б — *Шараева Т. И.* Сувенирная продукция и развитие туризма (на примере этнического предпринимательства мастеров народных ремесел Калмыкии) // Монголоведение. 2017. № 11. С. 70–80. DOI: DOI: 10.22162/2500-1523-2017-11-70-80
- Шараева 2017в — *Шараева Т. И.* Этнические маркеры калмыков: исследование и материали. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 288 с.
- Эрендженова 2014 — Эрендженова В. О калмыцких реликвиях и общественном фонде «Наследие» // Элистинская панорама. 20.10.2014 [электронный ресурс] // <http://buddhist.ru/buddhist-news/site/6533-o-kalmyckih-relikviiyah-i-obshe> (дата обращения: 17.12.2020).

References

- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Historical and Ethnographic Essays. Elista: Kalmyk Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: key historical stages. *Buddhism of Russia*. 2009. No. 42. Pp. 9–17. (In Russ.)
- Baskhaev A. N. Buddhist Church of Kalmykia: 1900–1943. Elista: Dzhangar, 2007. 240 p. (In Russ.)
- Batyreva S. G. Old Kalmyk Arts. Album. Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. 127 p. (In Russ.)
- Batyreva S. G. Old Kalmyk Arts: 17th – Early 20th Centuries. Kalmyk Humanities Research Institute (RAS). Moscow: Nauka, 2005. 155 p. (In Russ.)
- Bodhisattva Manjushri. On: Abhidharma Chos. Available at: <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Manjushri.htm> (accessed: December 19, 2020). (In Russ.)
- Buddhist Statue of Green Tara Delivered to Kalmykia's Capital from Stavropol. On: Russian News Agency (TASS; website). Posted on October 5, 2019. <https://tass.ru/> obschestvo/6967330 (accessed: December 15, 2020). (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. Buddhism and Christianity in Kalmykia: Analysis of Russian Imperial Religious Policies, Mid-17th – Early 20th Centuries. Elista: Dzhangar, 1995. 128 p. (In Russ.)
- Erendzhenova V. About Kalmyk relics and Nasledie non-governmental foundation. On: Elistinskaya Panorama newspaper website. Posted on October 20, 2014. Available at: <http://buddhist.ru/buddhist-news/site/6533-o-kalmyckih-relikviiyah-i-obshe> (accessed: December 17, 2020). (In Russ.)
- Exhibition 'Old Thangkas — Heritage of Our Ancestors'. On: V Kalmykii online news outlet. Posted on February 29, 2016. Available at: <https://vkalmykii.com/vystavka-starinnye-tanki-nasledie-nashikh-predkov> (accessed: December 20, 2020). (In Russ.)
- Exhibition of Green Tara Opened in Kalmykia (photographic report). On: Kalmykia Republican News Agency. Newsfeed. Posted on October 8, 2019. Available at: <https://riakalm.com/>

- ru/index.php/news/news/20438-monakhi-tsentrальногокхурулосвятитанкузеленаятара (accessed: December 19, 2020). (In Russ.)
- Green Tara. I. Kovalev, T. Bembeeva (foreword). Elista: Kalmyk State Picture Gallery, 1992. 32 p. (In Russ.)
- Ivanov D. V. Kalmyk Buddhist attributes stored at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera). *Buddhism of Russia*. 2009. No. 4. Pp. 28–32. (In Russ.)
- Ivanov D. V. Kalmyk thangkas stored at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera): iconographic and structural features. In: The Kuehner Collection. Materials of East Asian and Southeastern Studies. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2008. Vol. 5. Pp. 51–52. (In Russ.)
- Kurapov A. A. Russian Government and Buddhist Church in Southern Russia: Evolutionary Stages of Sociopolitical Interaction, 17th – Early 20th Centuries. Astrakhan: R. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)
- Lvovsky N. Kalmyks of Bolshederbetovsky District (Stavropol Governorate) and Kalmyk Buddhist Temples. 2nd ed. Stavropol: T. Timofeev, 1898. 173 p. (In Russ.)
- Mongush E. D. Buddhist temples as a religious tourism objects in Russia. *The New Research of Tuva*. 2015. No. 3. Pp. 101–110. (In Russ.)
- Muchaeva I. I. Buddhist monuments in Kalmykia: problems of preservation and use. *Vestnik Kalmytskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya im. N. N. Pal'mova*. 2003. No. 1. Pp. 31–38. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 764 p. (In Kalm. and Russ.)
- Muzraeva D. N. Tibetan- and Oirat-Language Buddhist Written Sources in Kalmykia's Collections. Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khosheutovsky District: Sketches of Everyday Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nurova G. V. Images of female deities in Mahayana Buddhism. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovanii aridnykh territorii*. 2007. Vol. 2. No. 2 (15). Pp. 155–160. (In Russ.)
- Ochirova N. G. (ed.) History of Buddhism in the USSR and Russian Federation: 1985–1999. Elista: Ministry of Education, Culture and Science of Kalmykia, 2011. 392 p. (In Russ.)
- Ogneva E. D. Thangka. In: A Dictionary Buddhism. Moscow: Respublika, 1992. Pp. 236–237. (In Russ.)
- Oirat-Mongolian Laws of 1640, Supplemented with Edicts of Galdan Hong Tayiji, Compiled for the Volga Kalmyks during the Reign of Khan Donduk-Dashi. K. Golstunsky (Kalm. text, transl., etc.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 16, 143 p. (In Kalm. and Russ.)
- Opening of Exhibition 'Fifteen Miracles of Shakyamuni Buddha'. On: Central Buddhist Temple (Khurul) 'Golden Abode of Shakyamuni Buddha' (website). Newsfeed. Posted on February 25, 2020. Available at: <http://www.khurul.ru/2020/02/25/otkrytie-vystavki-15-chudes-buddy-shakyamuni/> (accessed: December 15, 2020). (In Russ.)
- Rudnev A. D. Contemporary thangka painters of Urga, Transbaikalia, and Astrakhan Governorate: notes on Buddhist iconographic techniques. *Sbornik MAE*. 1905. Vol. 5. 16 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Ethnic Markers of the Kalmyks: Study and Materials. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. 288 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Images of deities in decorative and applied arts of the Kalmyks: Green Tara. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies–Elista)*. 2017. No. 3 (31). Pp. 84–92. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-84-92
- Sharaeva T. I. Souvenir products and tourism development (evidence from ethnic entrepreneurial activities of Kalmykia's folk craftsmen). *Mongolian Studies*. 2017. No. 11. Pp. 70–80. (In Russ.) DOI: DOI 10.22162/2500-1523-2017-11-70-80
- Thangka of the White Old Man (stored at Don Cossack Museum of Novocherkassk). On: VK social networking service. Moya Kalmykiya (group). Posted on June 14, 2020. Available at: https://vk.com/wall-185326518_8614 (accessed: December 10, 2020). (In Russ.)
- Tourist Guidebook to Elista. On: Personal Travel Accounts Online. Available at: http://www.capone-online.ru/volga_guide_elista.html (accessed: December 19, 2020). (In Russ.)
- Tsagan Aav, the White Old Man. On: Zaya Pandita Museum of Kalmyk Traditional Culture (website), Kalmyk Scientific Center (RAS). Inv. no. И-45. Available at: <http://biliq.ru/museum/exh/2576> (accessed: December 18, 2020). (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks (observations and notes): two essays. In: Collected Works by Members of Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Lands. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. Pp. 1–V, 1–214. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. Ethnographic Observations of 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 87 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 337–346, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 39+394.3
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-337-346

«Are you Koreans?» — «No, we are Kalmyks!»: развитие танцев «K-pop cover dance» среди молодежи Калмыкии

Алтана Марковна Лиджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Лиджиева А. М., 2021

Аннотация. Введение. В статье рассматривается танцевальное направление *K-pop cover dance* как одна из форм глобализации. Сегодня *K-pop*, вылившийся в молодежную субкультуру, охватил значительное количество школьников и подростков. В настоящее время принадлежность к субкультуре *K-pop* и ее танцевальные практики становятся неотъемлемой частью создания новой глобальной идентичности молодежи. Автор ставит целью рассмотреть богатство компонентов *K-pop* через танцевальную культуру, особенно популярную среди подростков школьного возраста. Основным материалом для анализа послужили полевые материалы автора. Методы. Исследование проводилось структурно-функциональным методом, методом включенного наблюдения, а также — интервью (нarrативное, полуструктурированное) с респондентами. Результаты и выводы. Автор пришел к выводу о том, что у калмыцких фанатов *K-pop* формируются биэтническая идентичность, при которой сочетание признаков как своей, так и иноэтнической культуры проявлено в равной степени. Вместе с этим танцы *K-pop cover dance* — это наиболее доступный способ проведения досуга, развития фантазии в молодежной культуре.

Ключевые слова: Южная Корея, поп-культура, танцы, *K-pop cover dance*, глобализация, Халлю, корейская волна, *K-pop*

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Лиджиева А. М. «Are you Koreans?» — «No, we are Kalmyks!»: развитие танцев «K-pop cover dance» среди молодежи Калмыкии // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 337–346. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-337-346

‘Are You Koreans?’ — ‘No, We Are Kalmyks!’: The Development of K-Pop Cover Dance among Kalmykia’s Youth Revisited

Altana M. Lidzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Lidzhieva A. M., 2021

Abstract. *Introduction.* The article deals with the *k-pop cover dance* direction as one of the movements globalizing the youth environment. Nowadays, the K-pop youth subculture has reached a significant number of teenage schoolchildren with its popularity. Currently, belonging to the K-pop subculture and its dance practices are becoming integral to creating new global identities for young people. *Goals.* The study aims to examine the richness of K-pop components through dance culture, especially popular among school-age teenagers. *Materials.* The work primarily analyzes the author’s field materials with the aid of the structural/functional method, that of included observation, as well as interviews (narrative, semi-structured) with respondents. *Results and Conclusions.* The paper concludes that Kalmyk K-pop fans form a bi-ethnic identity in which a combination of features of both — their own and other ethnic cultures — is equally manifested. At the same time, K-pop cover dance proves the most accessible way to get socialized and develop imagination (i.e., a leisure-time activity) in present-day youth culture.

Keywords: Hallyu, Korean Wave, K-Pop, pop culture, Korean dance, Republic of Korea

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Lidzhieva A. M. ‘Are You Koreans?’ — ‘No, We Are Kalmyks!’: The Development of K-Pop Cover Dance among Kalmykia’s Youth Revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 337–346. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-337-346

Введение

Модный тренд *Korean Wave* («Корейская волна», или Халлю) представляет собой новое культурное явление глобального характера, захватившее молодежь во многих странах Азии и Европы. По определению южно-корейских исследователей Чанг и Парк, к понятию «корейская волна» относятся корейская музыка, драма, кино и даже мода и кухня, которые стали популярными в мире с конца 1990-х гг. [Chang, Park 2012: 90–91].

При этом первоначально главная цель феномена «Корейской волны» заключалась в том, чтобы позиционировать и популяризировать Южную Корею в мире как современную страну, в которой гармонично

уживаются традиции традиционной классической корейской культуры и современные технологии. Традиционная корейская культура, в свою очередь, ассоциируется в мире с известным видом боевого искусства *тхэквондо*, с традициями корейской традиционной медицины, в которой широко применялись целебные свойства корня женьшеня, который корейцы стали культивировать еще в X–XIV вв., искусством корейского народного танца в масках (*тхальчхум*) и т. д. [Пименов 2007: 326–327].

Однако у основателей крупнейших развлекательных компаний в Южной Корее было свое «собственное» видение, которое, как критически замечают корейские исследователи, привели к проблемам, кото-

рые Кwon и Chai называют «стереотипными историями»¹ и «однообразным содержанием» [Kwon, Chai 2005: 7–8].

Исследователи утверждают, что «музыка K-pop», как и сама «Корейская волна», считается хорошо просчитанным коммерческим продуктом массового потребления, хорошо спродюсированным крупнейшими сеульскими лейблами и компаниями индустрии развлечений, таких как S. M. Entertainment и др.

В результате распространение стереотипной, рыночно ориентированной современной южнокорейской культуры приобрело экономический характер, превращая «Корейскую волну» в инструмент стандартизации имиджа и принесения прибыли [Kwon, Chai 2005: 9–10].

Вскоре, в начале 2000-х гг., культурное явление *K-pop* проникло из Южной Кореи в Китай и страны Юго-Восточной Азии, затем, в 2003–2005-м, в Японию, а с 2005 г. «Корейская волна» докатилась до Ближнего Востока, Восточной Европы, Латинской Америки и Африки.

Двигателем «Корейской волны» во время экономического кризиса 1990-х гг. были сериалы, в 2000-х гг. *K-pop* как музыкальный жанр стал играть главную роль в развитии этого тренда; к 2010-м гг. относят третью волну, которая связана с общим увлечением в мире корейской культурой [Степанова, Панченко 2019].

При этом главной причиной популярности корейской поп-культуры выступает всемирная сеть Интернет. На площадках социальных сетей и YouTube пользователи могут легко делиться своими комментариями и лайками в виртуальном пространстве. Как отмечает А. Некула, это делает Интернет главным «инструментом» для охвата потенциальных иностранных потребителей [Necula 2016: 298–299], с недавних пор к которым относятся и жители регионов России.

По словам В. С. Степановой и О. Л. Панченко, «россияне начали проявлять интерес примерно в то же время, что и другие страны, но так как в нашу страну данное явление пришло все-таки с опозданием, то только в 2012 г. Корея обратила на себя вни-

¹ Перевод с английского языка выборочных цитат и названий осуществлен автором статьи. Ответственность за неточности и возможные ошибки в переводе лежит на авторе статьи.

мание россиян после выхода нашумевшего хита «Gangnam Style»² певца PSY <...> следующим всплеском интереса российской молодежи к корейской поп-культуре был отмечен после выступления на Универсиаде 2013 г. в Казани популярной корейской группы EXO»³ [Степанова, Панченко 2019: 64–65].

По мере своего развития музыкальный жанр *K-pop* трансформировался в особую субкультуру со своей модой, фильмами, танцами и сленгом. Рост популярности «Корейской волны» в России привлек внимание отечественных социологов и культурологов. Авторы [Ланьков 2006; Иванова 2012; Жданова, Шрейбер 2014; Гармаханов 2015; Степанова, Панченко 2019; и др.] анализируют основные этапы в развитии «Корейской волны», в то время как исследований, посвященных распространению *K-pop* в молодежной среде и превращению ее в молодежную субкультуру, пока недостаточно. В связи с этим настоящая работа имеет целью частично восполнить имеющийся пробел в исследовательском поле и проанализировать особенности распространения *K-pop* в молодежной среде на примере молодежи Калмыкии.

Сегодня в Республике Калмыкия молодежная субкультура *K-pop* охватила значительное количество школьников-подростков. В настоящее время принадлежность к субкультуре *K-pop* и ее танцевальные практики становятся неотъемлемой частью создания новой глобальной идентичности молодежи. Сюжеты личных историй респондентов, как мне представляется, отражают способы видения мира, присущие подросткам и присутствующие в сознании и поведении молодежи. В отдельных полуструктурированных интервью каждому участнику было предложено свободно рас-

² Песня южнокорейского исполнителя Пак Чжэ Сана, выступающего под псевдонимом PSY. Опубликованный 15 июля 2012 г., сингл «Gangnam Style» возглавил южнокорейский хит-парад Gaon, а 24 ноября 2012 г. видеоклип стал самым просматриваемым на «YouTube» и удерживал этот статус в течение 5 лет до июля 2017 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9bZkp7q19f0> (дата обращения: 27.06.2020).

³ Южнокорейский бойзбенд (2011), лейбл S. M. Entertainment.

сказать о своем увлечении хореографией танцев *K-pop*. При этом в названии статьи я пользовалась термином, предложенным В. С. Степановой и О. Л. Панченко, при анализе основных направлений развития корейской поп-культуры в России. Однако в дальнейшем повествовании я использовала термин *к-поперы*⁴, который часто упоминают сами респонденты, то есть я исхожу из терминов, принятых в танцевальном *K-pop*-сообществе. Вследствие пандемии Covid-19 полевое исследование было проведено в г. Элисте вместо трех запланированных ранее исследовательских площадок в Черноземельском, Приютненском и Сарпинском районах на территории Калмыкии.

Основным материалом для статьи послужили интервью с учениками танцевальной академии современной хореографии «Эволюция»⁵, проведенные в период с июня 2020 по март 2021 г. Участники танцевальной студии согласились принять участие в индивидуальных (нarrативное, полуструктурное) и небольших интервью со мной. Участниками исследования стали молодые девушки и юноши в возрасте от 16 до 18 лет. В основном это молодые люди, чье увлечение корейской поп-культурой началось примерно с 10-летнего возраста.

В следующих разделах статьи информанты идентифицируются по номеру (ПМА: номер). В конце статьи указываются данные по их полу и возрасту. Стоит отметить, что субкультура *K-pop* включает в себя разнообразные направления и формы, помимо основного музыкального *K-pop*-жанра. Необходимо уточнить, что я преднамеренно ограничила область нашего внимания и не стала акцентировать внимание на корейских песнях, анализе телесериалов, косметического направления *K-beauty*, комиксов манхва⁶ и др., обратив основное внимание только на танцевальные практики *K-pop cover dance*.

⁴ Эндоэтноним, принятый в конкретном танцевальном *K-pop*-сообществе.

⁵ Академия современной хореографии «Эволюция». URL: https://vk.com/evolution_lab (дата обращения: 29.06.2020).

⁶ Японский и корейский термин, обозначающий корейские комиксы. Сфера употребления данного термина распространяется за пределы Южной Кореи для обозначения именно корейских комиксов, а также и мультфильмов.

***K-pop cover dance* как единица танца**

Под термином *K-pop cover dance* мы подразумеваем полное копирование и воспроизведение танцевальных движений современной хореографии под корейскую музыку. Современная хореография под корейскую музыку *K-pop cover dance* представлены в трех танцевальных школах и студии в столице Калмыкии — г. Элисте. Среди них: Академия современных танцевальных искусств «Djomba»⁷, танцевальная студия CH⁸ и Академия современной хореографии «Эволюция». Различные танцевальные площадки, студии и школы действуют как частные коммерческие инициативы, используя популярность танцевальных *K-pop*-направлений среди школьников. Набор в группы проводится по выбору того или иного стиля или популярности того или иного хореографа в среде *к-поперов*.

Основной причиной, подтолкнувшей к занятию танцами, по словам респондентов, стал просмотр видеоролика в средних классах школы: «...я просто увидела клип „Fantastic Baby“ (группа Big Bang⁹), мне так понравилось. Это было так необычно! Я думала, как вообще возможно: и танцевать, и петь, и быть красивыми одновременно? Но поняла, что такое возможно, и это очень понравилось» [ПМА: 1].

Как видно из эпизода интервью, интерес к корейским танцам стал активным, другими словами, «заработал» через целостный чувственный образ. Молодое поколение отличают черты восприятия премиального, находящегося в топе, в числе лучшего и популярного. В этом смысле визуальный образ, сценическая постановка вместе с ритмичной песней и танцем как факт вызвал у них любопытство и потребность к увеличению информации: «С этого все завертелось, закружились. Я начала слушать, смотреть на переменах, каждую свободную минуту. „А, давай посмотрим, какие новые фотографии у него вышли!“».

⁷ Академия современных танцевальных искусств «Djomba». URL: https://vk.com/djomba_academy (дата обращения: 27.06.2020).

⁸ Танцевальная студия CH. URL: <https://vk.com/chdancestudio> (дата обращения: 29.06.2020).

⁹ Южнокорейская группа, состоящая из пяти участников: G-Dragon, Т.О.Р, Тхэяна, Тэсона и Сынри.

Еще тогда на тапики¹⁰ скачивали все это» [ПМА: 3].

Несколько других респондентов отмечали видео-ролики известных корейских групп, таких как «Ateez» (корейский музыкальный бойз-бенд)¹¹, «BTS»¹², «Monsta X»¹³, «StrayKids»¹⁴ и др. Респондент вспоминает: «...Мне показала одноклассница клип. На то время, если не ошибаюсь, это были „Shinee“¹⁵, песня „Ring Ding Dong“, одна из любимых песен, правда, сейчас мало кто знает, и мне грустно от этого» [ПМА: 3].

По мере увлечения *K-pop* молодые люди все больше погружались в мир субкультуры, смотрели видеоклипы, слушали песни и копировали современную хореографию корейских артистов. Танцевальные практики у молодого поколения приобрели форму хайпа¹⁶. Молодые парни и девушки организованно собирались и танцевали: «...Мы были друзьями, если знаете, на здании Белого дома мы всегда собирались там <...> И мы начали на этих зеркалах учить танцы, раскладывать музыку и что-то копировать» [ПМА: 4].

Впоследствии ребятам пришла идея создания танцевального коллектива. Как видим, развитие танцев *k-pop cover dance* было инициировано «изнутри», т. е. с подачи самих подростков. При этом идея получила одобрение взрослых, на основании положительной стороны влияния субкультуры и того, что *k-pop* в представлениях взрослых

¹⁰ Кнопочный мобильный телефон. Назван по аналогии с военно-полевыми аппаратами, такими как ТА-57, ТА-88.

¹¹ Корейский музыкальный бойз-бенд, созданный в 2018 г. компанией KQ Entertainment.

¹² Южнокорейский бойз-бэнд, созданный в 2013 г. лейблом Big Hit Entertainment.

¹³ Южнокорейский бойз-бэнд, организованный в 2015 г. лейблом Starship Entertainment через реалити-шоу на выживание «no.mercy».

¹⁴ Южнокорейский бойз-бэнд, объединенный в 2017 г. компанией JYP Entertainment через одноименное реалити-шоу.

¹⁵ Южнокорейский бойз-бэнд, основанный в 2008 г. лейблом S. M. Entertainment.

¹⁶ «Хайп» (hype) с английского «шумиха», «обман», «надувательство», «беззастенчивая реклама». Аналогично звучащий глагол можно перевести как «крикливо расхваливать» или «облапошивать».

не ассоциируется с чем-то подпольным или запретным.

Сегодня основатель академии «Эволю» вспоминает: «... На тот момент вот именно *к-поперы*, ну я их так называю, те, кто занимается, увлекается хореографией *k-pop* были ярко выраженными представителями хоть какой-то танцевальной современной культуры». Впоследствии на этой основе был создан коммерческий проект: «Пришли ребята и предложили создать группу, большую команду. <...> По прошествии какого-то времени мне пришла идея открыть школу, заниматься современной хореографией» [ПМА: 5].

Как видим, формирование танцевального направления *k-pop cover dance* в среде *к-поперов* носило двусторонний характер. С одной стороны, желание *к-поперов*. С другой — поддержка взрослых и очевидный спрос на занятия танцевальной хореографией на рынке развлечений. Взаимовыгодные отношения между участниками проекта привели к популярности танцевальной студии в столице республики — г. Элисте.

«Тусовка» и локусы

В молодежной культуре «тусовка» как место встречи всегда имеет символическое значение. В настоящее время принадлежность к группе или сообществу определяется и маркируется *к-поперами* через пространственный код.

Рассмотрим четыре отдельных локуса и место встречи, где главным образом происходят «тусовки» и взаимная коммуникация танцоров *k-pop* из Калмыкии. Так, большую часть своего времени танцоры *k-pop* проводят в зале для репетиций Академии современной хореографии «Эволюция». Как правило, это специальное помещение для хореографических занятий. В зале есть напольные покрытия, звуковое оборудование, яркое освещение, поскольку занятия проводятся в вечернее время. Визитной карточкой танцевального зала Академии современной хореографии «Эволюция» являются большие зеркала для занятий танцами. Во время групповых занятий зеркала помогают хореографу корректировать движения танцоров. Этот элемент обстановки зала дает возможность *к-поперам* добиться правильного выполнения танцевальных движений и повсеместно вести live-транс-

ляцию в социальные сети для привлечения новых учеников. Стоит заметить, что при общей численности всех танцевальных команд (22 команды) 11 танцевальных команд занимает направление *k-pop cover dance*: «...Я закончила 9 класс, перехожу в 10-й класс и уже 3-й год занимаюсь *k-pop*. В «Эволюцию» я пришла сначала в летний лагерь, и потом я поняла, что очень сильно хочу ходить на отделение *k-pop*, и с сентября я уже начала ходить регулярно и посещать занятия» [ПМА: 2].

Члены команд делятся по возрасту: от 10 до 12 лет и старше, включая школьников и студентов. В командах между танцорами *k-pop* царит атмосфера взаимной поддержки и дружеских отношений. Хореографический зал становится «клубом по интересам», местом встречи для совместного увлечения и самореализации. У молодых людей сразу находятся общие темы, они могут активно обсуждать новости или следить за новыми «камбеками»¹⁷.

Несмотря на то, что на момент исследования в городском пространстве Элисты не было зафиксировано ни одного кафе, клуба или бара, где собираются *k-поперы*, тем не менее, как показали результаты исследования, сами носители субкультуры создают свое пространство. Таким локусом, имеющим наиболее выраженное символическое значение для участников *k-pop*-сообщества являются вечеринки или *пати* (от англ. party — «вечеринка», «тусовка»). *K-pop-пати* — весьма характерный для молодежной *k-pop*-тусовки тип досуга и времяпровождение после школьных занятий. На *пати* ходят обычно небольшими группами от двух до пяти человек: один-два уже побывавших на вечеринках молодых людей и один-два новичка, чаще девочки. Для *пати* заранее создается наилучший *k-pop*-плей-лист. На вечеринках проводятся тематические конкурсы и игры, где главной темой продолжает оставаться корейская поп-культура.

Еще одним маркированным локусом сбора молодых калмыцких *k-pop*-танцоров являются всероссийские танцевальные фестивали. Как замечают В. С. Степанова, О. Л. Панченко, «во многих городах России на довольно высоком уровне проводятся

K-pop cover dance фестивали. Например, *K-pop Cover Dance Festival* организован при поддержке корейской телевизионной сети МВС. Отбор участников проходит в несколько этапов: онлайн-отбор, выступление в своей стране, выступление победителей предыдущего этапа в Южной Корее. На последнем этапе судьями являются сами звезды корейской сцены» [Степанова, Панченко 2019: 66].

Не остались в стороне и калмыцкие *k-pop-еры*. Участники Академии современной хореографии «Эволюция» принимают участие в масштабных фестивалях *k-pop cover dance* всероссийского уровня, таких как «КДФ», Idol Con (Фестиваль азиатской современной культуры Idol Con 2019), Чемпионат HHI Russia и др.

Для юных танцоров *k-pop* это самое долгожданное и значимое событие. Так, реципиент вспоминает: «...очень много ярких людей! У нас сразу находятся общие темы, особенно если общая группа, которую мы „стеним“ (следим) и знакомимся. У меня есть девочки из Волгограда, в инстаграме отвечают на истории, можем обсудить новые „камбеки“...» [ПМА: 2].

Фестивали привлекательны для поклонников корейской поп-культуры и тем, что на мероприятиях такого уровня можно видеть и общаться «вживую» со звездами танцорами корейской сцены: «...Эти футболки нам дали на HHI¹⁸. Там были судьи из разных стран, и из Кореи тоже приезжал один танцор. Мы такие сначала: «вау, это кореец!» Когда мы подошли сфоткаться, он спросил на английском: „Oh, are you Koreans?“, а мы ответили: „No, we are Kalmyks!“, он улыбнулся, и мы все сфоткались» [ПМА: 6].

Казалось бы, такой короткий эпизод, атмосфера драйва, известный корейский танцор, а сколько полученных эмоций и — главное — хороших воспоминаний, которые останутся на всю жизнь. Весьма примечательно, что судья из Республики Корея спросил танцоров из Калмыкии об их национальной принадлежности. Схожесть антропологического типа (калмыки, как и корейцы, относятся к большой монголоидной расе), типичный для корейцев яркий сценический образ, манера поведения убе-

¹⁷ Возвращение любимого певца с новой песней на сцену (от англ. come back).

¹⁸ Чемпионат HHI Russia.

дили судью из Южной Кореи принять калмыцких *k-pop*-еров «за своих». Подобная презентация свидетельствует о том, что молодое поколение, будучи в субкультуре, идентифицируют себя со своей этнической культурой — «калмыцкой» (это прослежено во фразе «*No, we are Kalmyks!*»), вместе с этим увлечение корейскими танцами позволяет им воспринимать новое. В нашем случае — охватывать еще одну культуру, а именно корейскую, но без ущерба для ценностей своей собственной. На основании этого мы делаем вывод о том, что, находясь в субкультуре *k-pop*, молодое поколение калмыцких фанатов *k-pop*-культуры осознает и принимает свою этническую принадлежность, сочетая при этом признаки иноэтнической культуры.

Стиль, одежда и аксессуары

Мы уже отмечали, что необходимыми составляющими в танцевальной подготовке в стиле *k-pop cover dance* являются хореографическая постановка, аудиовизуальное оборудование и трэки записи танцевальных мелодий в этом стиле. А какое исполнение танца без эстрадного костюма? При выборе эстрадного образа элистические танцоры *k-pop* придерживаются общемировых тенденций современной молодежной моды. Наблюдается определенная степень многообразия выбора стиля одежды, используемого *k-pop*-ерами как символ групповой принадлежности к современной *k-pop*-культуре: «...Обычно, когда выбирают одежду для парней, *Idol*-ов мне всегда нравится, потому что их одевают либо в классику либо у них более современный стиль. А вот когда на девушек одевают слишком яркие наряды — мне это не нравится. Слишком яркие, пестрые, все это бросается в глаза. Остальные нравятся» [ПМА: 2].

Или другой пример: «...Мне нравится „soft“¹⁹, там рубашка заправленная или водолазка, широкие брюки, и все в бежевых тонах» [ПМА: 2].

Сценические образы для выступления участники танцевальной студии придумы-

¹⁹ Soft Girl (Соф Герл, Softgirl) — модный стиль девушек, основанный на намеренно милом, романтичном образе. Мода на «мягких девочек» (нежных девушек) зародилась в Тиктоке и, вероятно, связана с субкультурой e-girl и VSCO-Girl.

вают самостоятельно или вместе с родителями. Однако и здесь наиболее важным условием выбора костюмов остается их удобство и свобода движений. К примеру, для типа танца *Vogue* с его характерной вычурной, манерной походкой лучше подойдут облегающие эластичные лосины, открытые купальники с глубоким вырезом, подчеркивающие сексуальность, и массивные аксессуары (серьги или браслеты), а для *Blackpink* можно надеть базовую однотонную футболку из хлопка и удобные брюки. В обоих случаях танцевальный костюм для выступлений не будет иметь четких гендерных признаков.

Фото 1. Танцоры-*k-pop*-еры на выступлении *K-pop cover challenge* в 2019 г.

Фото с сайта группы «Эволюция» из соцсети «Вконтакте»

[Fig. 1. K-pop dancers at K-POP Cover Challenge held in 2019.

Photo posted on The Evolution VK group]

Как видим, как в мужском так и женском костюме танцоров *k-pop* наблюдается полное отсутствие признаков, указывающих на половую принадлежность их владельца. Данная тенденция связана с признаками полового созревания у юношей и девушек,

при которой гендерная идентичность еще не сформирована или еще не определена. Этот стиль одежды является характерной чертой для такой молодежной культуры, как «унисекс» (*unisex*).

Еще одной особенностью эстрадного образа молодых *k-pop*-еров является прическа. По словам нашего собеседника, именно прическа корейской звезды в видео-ролике привлекла его внимание и стала причиной дальнейшего увлечения корейскими танцами: «...в детстве мне показала *K-pop* одноклассница. Все ходили, показывали. Мне понравился стиль прически!» [ПМА: 7].

Танцоры перекрашивают волосы в ярко-синий, желтый, розовый и другие яркие цвета. Данная деталь внешнего вида имеет символическое и функциональное значение. Как правило, изменяя свою прическу, носители субкультуры *k-pop* хотят привлекать к себе внимание со стороны внешнего мира. Треш-прической и яркой шевелюрой носители субкультуры *k-pop* выражают свое несогласие с навязанными правилами, придуманными взрослыми, транслируя другим участникам *k-pop*-сообщества свою групповую принадлежность.

Включенность родителей

Немаловажную роль в увлечении *k-pop cover dance* для молодежи имеет поддержка семьи. Для того чтобы оценить отношение родителей к увлечению корейскими танцами их детей и проследить степень родительской вовлеченности в процесс увлечения танцами, показательны следующие комментарии из интервью: «...мы начали на этих зеркалах учить танцы, раскладывать музыку и что-то копировать. Моя мама придумывала костюмы, помогала нам!» [ПМА: 3].

Или другой пример: «Я, например, красился (покрасил волосы) в темно-синий. Меня мама покрасила (смеется)» [ПМА: 7].

В следующем примере показана доверительная поддержка семьи к самовыражению девушки: «..Ну, у меня мама дорамы²⁰ смотрит даже больше, чем я. ... А моя сестра, если я покажу ей новую песню, которую мы начинаем учить или помочь мне выбрать партию, которую мне нужно будет танцевать, я ей могу показать, и мы обсуждаем» [ПМА: 2].

²⁰ От англ. drama, общее название для телесериалов, производимых в Восточной Азии.

Как видим, развитие творческого потенциала при помощи современной корейской хореографии, помочь родителей в подготовке к выступлениям и совместные досуговые практики (просмотры корейских дорам и телесериалов) играют немаловажную роль для подростков в их увлечении танцами *k-pop* и способствуют дальнейшей социализации *k-поперов* в социуме.

Заключение

При рассмотрении *K-pop cover dance* выявлено, что танцевальное направление, являясь одной из форм глобализации, к числу которой относится «корейская волна», распространено в современной молодежной среде столицы Калмыкии — г. Элисте. При этом основной причиной популярности корейской поп-культуры выступает всемирная сеть Интернет, что в свою очередь способствует развитию мировой тенденции потребления современной массовой культуры. Включенное наблюдение, а также нарративные и полуструктурированные интервью с участниками исследования позволили дать некоторое представление о молодежной субкультуре *k-pop* и молодежи, увлекающейся корейской хореографией.

Можно выделить два основных взаимосвязанных фактора интереса и увлечения корейскими танцами у калмыцкой молодежи. Первый фактор — групповой. Точнее это процесс коллективного обсуждения в школьной среде тех или иных оригинальных видов развлечений и форм досуга. В основе группового увлечения современной корейской поп-культурой (*k-pop*) лежит коммуникативное общение подростков друг с другом, совместное прослушивание музыкальных треков и просмотр видеороликов. Последнее способствовало появлению субъективного фактора в увлечении корейскими танцами. Чувство удивления и восхищения, испытанное при просмотре видеороликов в сети Интернет, выражалось через эмоциональное состояние, которое в свою очередь, как и коллективная увлеченность других сверстников, сформировали интерес к танцам стиля *k-pop cover dance*. По мере увлечения *k-pop* молодые люди все больше погружались в сферу этой субкультуры, смотрели видеоклипы, слушали песни и копировали современную хореографию корейских артистов. В итоге, одно-

временно и вместе с этим у калмыцких *k-поперов* сформировалась новая идентичность, позволяющая им воспринимать непривычное, охватывать еще одну культуру, а именно корейскую, но без ущерба для ценностей своей собственной.

В статье было показано, что увлечение молодых людей корейскими танцами стало своего рода образом жизни, который помогает им выражать свои эмоции, мысли, ассоциировать себя с современным глобальным миром. При этом *k-поперы*

осознают и принимают собственную этническую культуру — «калмыцкую». На основании этого можно сделать вывод о том, что у калмыцких *k-поперов* преобладание биэтнической идентичности, основывающейся на сочетании признаков как своей, так и иноэтнической культуры, становится возможным в равной степени. По этой же причине танцы *k-pop cover dance* являются для них наиболее доступным способом обеспечения удовольствия, развития фантазии в их среде.

Полевые материалы автора

ПМА 1 — респондент 1 (девушка, 16 лет), записано в г. Элисте, 28.06.2020.
 ПМА 2 — респондент 2 (девушка, 21 год), записано в г. Элисте, 28.06.2020.
 ПМА 3 — респондент 3 (девушка, 19 лет), записано в г. Элисте, 28.06.2020.
 ПМА 4 — респондент 4 (парень, 32 года), записано в г. Элисте, 28.06.2020.
 ПМА 5 — респондент 5 (девушка, 15 лет), записано в г. Элисте, 28.06.2020.
 ПМА 6 — респондент 6 (девушка, 16 лет), записано в г. Элисте, 28.06.2020.
 ПМА 7 — респондент 7 (парень, 15 лет), записано в г. Элисте, 28.06.2020.

Author's Field Data

Informant 1: Female adolescent, aged 16. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federa-

tion) on June 28, 2020. (In Russ.)

Informant 2: Young woman, aged 21. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation) on June 28, 2020. (In Russ.)

Informant 3: Young woman, aged 19. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation) on June 28, 2020. (In Russ.)

Informant 4: Young man, aged 32. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation) on June 28, 2020. (In Russ.)

Informant 5: Female adolescent, aged 15. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation) on June 28, 2020. (In Russ.)

Informant 6: Female adolescent, aged 16. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation) on June 28, 2020. (In Russ.)

Informant 7: Male adolescent, aged 15. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation) on June 28, 2020. (In Russ.)

Пименов 2007 — Пименов В. В. Основы этнографии / уч. пособ. М.: МГУ. 2007. 696 с.

Степанова, Панченко 2019 — Степанова В. С., Панченко О. Л. Корейская поп-культура в России: основные направления развития // Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3. № 3 (1). С. 61–69.

Necula 2016 — Alexandra Elissa Necula. The Hallyu Influence. K-POP on Foreign Lands // Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). 2016. Vol. 3, Is. 1. Pp. 295–301. URL: <http://www.onlinejournal.in/IJIRV3I1/055> (дата обращения: 13.07.2020).

Chang, Park 2012 — Chang W. J., Park S. E. Hallyu, the Korean Wave: Cultivating a Global Fandom // 문화예술경영학연구. 2012. Vol. 5. No. 2. Pp. 89–106.

Kwon, Chai 2005 — Kwon H., Chai W. The Diffusion of Korean Wave (Hallyu) as a Cultural Exchange. 2005 Proceeding of the International Conference of Seoul Association for Public Administration (SAPA), 전자저널, 2005. Pp. 1–20.

Гармаханов 2015 — Гармаханов М. Ц. «Корейская волна» в Китае // Вестник бурятского государственного университета. 2015. № 8. С. 123–126.
 Жданова, Шрейбер 2014 — Жданова Л. Г., Шрейбер О. Д. Эмоциональные особенности молодежи, увлекающейся корейской волной // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XLIII междунар. науч.-практ. конф. № 8(43). Новосибирск: СибАК, 2014. С. 94–100.
 Иванова 2012 — Иванова А. Ю. Феномен *K-pop*-волны в России: успех и фанаты [электронный ресурс] // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2012». URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012000849> (дата обращения: 11.07.2020).
 Ланьков 2006 — Ланьков А. Н. Быть корейцем. М.: АСТ, Восток-Запад, 2006. 544 с.

References

- Chang W. J., Park S. E. Hallyu, the Korean Wave: cultivating a global fandom. 문화예술경영학 연구. 2012. Vol. 5. No. 2. Pp. 89–106. (In Eng.)
- Garmakhanov M. Ts. ‘Korean Wave’ in China. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 8. Pp. 123–126. (In Russ.)
- Ivanova A. Yu. The phenomenon of K-pop wave in Russia: success and fans. In: Students Scientific Forum 2012. Online conference proceedings. Available at: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012000849> (accessed: July 11, 2020). (In Russ.)
- Kwon H., Chai W. The diffusion of Korean Wave (Hallyu) as a cultural exchange. In: 2005 Proceeding of the International Conference of Seoul Association for Public Administration (SAPA), 전자저널, 2005. Pp. 1–20. (In Eng.)
- Lankov A. N. To Be a Korean. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 2006. 544 p. (In Russ.)
- Necula A. E. The Hallyu influence. K-POP on foreign lands. *Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR)*. 2016. Vol. 3. Is. 1. Pp. 295–301. Available at: <http://www.online-journal.in/IJIRV3I1/055> (accessed: July 13, 2020). (In Eng.)
- Pimenov V. V. Fundamentals of Ethnology. Moscow: Moscow State University, 2007. 696 p. (In Russ.)
- Stepanova V. S., Panchenko O. L. Korean pop-culture in Russia: main directions of development. *Kazan Bulletin of Young Scientists*. 2019. Vol. 3. No. 3 (1). Pp. 61–69. (In Russ.)
- Zhdanova L. G., Shreyber O. D. Emotional features of young people who are interesting about Korean Wave. In: Personality, Family and Society: Issues of Pedagogy and Psychology. Virtual conference proceedings. Novosibirsk: SibAK, 2014. No. 8(43). Pp. 94–100. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 347–363, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.37
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-347-363

О двух ойратских списках «Наказа Манджуши» из коллекции Н. Д. Кичикова (по материалам Кетченеровского краеведческого музея)

Делиаш Николаевна Музраева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Музраева Д. Н., 2021

Аннотация. *Введение.* Письменное наследие калмыцких буддийских священнослужителей, их ежедневная практика, литургический репертуар продолжает оставаться малоизученной страницей истории буддизма у монгольских народов в XX в. Сохранившиеся образцы сборников, подборок религиозных текстов открывают для исследователей интереснейшую сторону их деятельности, их усилий по сохранению буддийского учения, его популяризации и распространению среди верующих. Целью являются рассмотрение двух ойратских списков сочинения «Наказ Манджуши» из коллекции Н. Д. Кичикова, транслитерация и перевод, проведение сопоставительного анализа, выявление отличий, связанных с работой переписчика, тем самым, введение их в научный оборот. *Материалы.* В статье дается описание двух ойратских рукописей, сброшюрованных в виде блокнота, представленных в разных свертках-подборках буддийских религиозных текстов, хранящихся в Кетченеровском музее. Как известно, основу коллекции составляет личное собрание известного калмыцкого гелонга Намки (Н. Д. Кичикова). *Результаты.* Анализ содержания двух ойратских списков с идентичным названием «Наказ Манджуши» показал, что в целом их содержание совпадает, но в обоих текстах имеются пропуски фрагментов (отдельных слов, одного предложения или нескольких предложений), которые присутствуют в другом. При этом переписчик, опуская фрагменты текста, обращенные к монашеской среде, очевидно, руководствовался тем, что для мирян они будут лишними. Таким образом, сопоставительный анализ двух списков демонстрирует роль переписчика в трансляции буддийского учения.

Ключевые слова: буддизм, «Наказ Манджуши», ойратские рукописи, коллекция Н. Д. Кичикова, Кетченеровский краеведческий музей

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: AAAA-A19-119011490036-1).

Для цитирования: Музраева Д. Н. О двух ойратских списках «Наказа Манджуши» из коллекции Н. Д. Кичикова (по материалам Кетченеровского краеведческого музея) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 347–363. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-347-363

Precepts of the Omniscient [Manjushri]: Two Oirat Manuscript Copies from the Collection of N. D. Kichikov Revisited (A Case Study of Materials from Ketchenery Museum of Local History and Lore)

Delyash N. Muzraeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Muzraeva D. N., 2021

Abstract. *Introduction.* The written heritage of Kalmyk Buddhist priests, their daily practices, liturgical repertoire still remain a poorly studied page in the history of Buddhism among Mongolic peoples in the 20th century. The survived collections, clusters of religious texts prove instrumental in revealing most interesting aspects of their activities, efforts aimed at preservation of Buddhist teachings, their popularization and dissemination among believers. *Goals.* The paper examines two Oirat copies of the *Precepts of the Omniscient [Manjushri]* from N. D. Kichikov's collection, transliterates and translates the original texts, provides a comparative analysis, and notes differences therein that had resulted from the scribe's work, thereby introducing the narratives into scientific circulation. *Materials.* The article describes two Oirat manuscripts bound in the form of a notebook and contained in different bundles/collections of Buddhist religious texts stored at Ketchenery Museum of Local History and Lore. As is known, the collection is largely compiled from texts that belonged to the famous Kalmyk Buddhist monk Namka (N. D. Kichikov). *Results.* The analysis of the two Oirat texts with identical titles — *Precepts of the Omniscient [Manjushri]* — shows that their contents coincide generally but both the texts contain fragmented omissions (separate words, one or several sentences) that are present in the other. At the same time, when omitting fragments of the text addressed to the monastic community, the scribe was obviously guided by that those would be superfluous for the laity. Thus, our comparative analysis of the two manuscript copies demonstrates the sometimes dramatic role of the scribe in transmitting Buddhist teachings.

Keywords: Buddhism, *Precepts of the Omniscient [Manjushri]*, Oirat manuscripts, collection of N. D. Kichikov, Ketchenery Museum of Local History and Lore

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Muzraeva D. N. *Precepts of the Omniscient [Manjushri]: Two Oirat Manuscript Copies from the Collection of N. D. Kichikov Revisited (A Case Study of Materials from Ketchenery Museum of Local History and Lore)*. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 347–363. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-347-363

Введение

Письменное наследие калмыцких буддийских священнослужителей еще не освещено в полной мере и не получило оценки, соответствующей его значимости. Отчасти это вызвано тем, что еще недостаточно памятников введено в научный оборот. Вторая причина — сложности с идентификацией текстов, их атрибуции, а значит и установления принадлежности определенным гелюнгам (священнослужителям) и манджикам (послушникам).

Изучение письменного наследия калмыцких священнослужителей может пролить свет на историю буддизма у калмыков в XX в., способствовать решению ряда важных источниковедческих проблем, среди которых актуальной остается проблема установления круга основополагающих доктринальных текстов, признаваемых важнейшими в традиции Гелук, на которых строилось обучение калмыцких священнослужителей и которые использовались в ежедневной литургической практике (храмовой службе), а также важнейших доктринальных текстов других направлений и школ тибетского буддизма, сохранившихся в коллекциях Калмыкии. В свете обрисованных проблем актуальным остается описание и исследование сохранившихся единичных текстов и коллекций. Они сосредоточены в государственных хранилищах и частных собраниях Республики Калмыкия. В этом плане наибольшее освещение получили коллекция О. М. Дорджеева (Тугмюнд-гавджи) (1887–1980), составляющая основу рукописного собрания Научного архива Калмыцкого научного центра РАН [Музраева 2006; Музраева 2008], письменные источники, поступившие от Э. Б. Убушиева (Агван Табдана) (1905–1981) [Музраева 2018a; Музраева 2018b].

Среди этих рукописей и ксилографов имеются тексты, на которых основывалось преподавание ряда дисциплин в буддийских академиях Цаннид Чеяра. Одним из них является четырехтомное издание медицинского трактата «Чжуд-ши» в переводе на монгольский язык, именуемое «Сущность нектара» (монг. *Rasiyan-u ündüsün*), поступившее в архив института в качестве дара от Намки Долдушевича Кичикова (1901–1986) [Музраева 2018b: 1210–1211].

Материалы

Н. Д. Кичиков хорошо известен в Калмыкии как эмчи (врачеватель, практик тибетской медицины), получивший эту специализацию в конфессиональной школе Цанид-Чеяра [История буддизма 2010: 255]. Им также была собрана и сохранена коллекция буддийских памятников и предметов культа, которая большей частью хранится в Кетченеровском краеведческом музее, описание которой представлено в публикациях автора по итогам экспедиции 2006 г. [Музраева 2009a; Музраева 2009b; Музраева 2009v; Музраева 2012: 73–125].

Коллекция буддийских текстов Намки Кичикова включает не только те тексты, которые были в хождении в монашеской среде, но также и такие образцы, которые бытовали в среде мирян. К этой мысли мы пришли при знакомстве двух текстов — двух списков сочинения на ойратском языке, которые имеют аналогичное название «Наказ (Изречения) Всеведающего (Манджушири)» (*oïrp. Xamüq aldeqčin zaareleq; Xütüqtü Mañjuśirin zaareliy*), вынесенное на титульный лист, служащий одновременно обложкой: обе рукописи оформлены аналогично в виде блокнота со сброшюрованными, прошитыми листами; колофоны отсутствуют [Ойр. I; Ойр. II].

При предварительном ознакомлении с этими двумя текстами можно было отметить их практически одинаковое оформление (кодикологические характеристики двух рукописей) и титулатуру, что не вызывало сомнения, что рукописи составлены одной рукой, одним переписчиком, возможно, в одно и то же время. При последующем, более детальном, сравнительном анализе нами были выявлены отличия, которые касались содержания текстов, особенностей графического оформления (начертания графем), отображения галиков (особых знаков для передачи звуков другого языка), орографии, пунктуационных знаков и проч. Данные образцы текстов проливают свет на деятельность калмыцких гелюнгов по изготовлению религиозных книг современного образца, содержание которых отражало буддийский текст.

Транслитерация текстов

№ л/л	Ойр. I	№ л/л	Ойр. II
1a, тит. л.=обложка	Xamüq aldeqčin zaareleq:::	1a, тит. л.	Xamüq aldeqčin zaareleq:::
1b, оборот тит. л.=обложки	В правом нижнем углу вклеена бумага с текстом на «тодо бичиг»: ene deqt[er-tü] yamaran č[igi] nomi bičij[i] ... ('в этой книге [можно] записывать любые молитвы (ном)')	1b, оборот тит. л.	—
2a	(1) Xütüqtü Mañjuširin zaareliy [=zarliq] oü taasiyiggin	2a	(1) Xotoqtü Mañajüširin zaaraleq [=zarliq] oü teasing-
	(2) Daare eken alta (altn) sümedü dere-ece bičiq		(2) gin Daare eken alta (=altn) süme-dü dere-ece
	(3) buüba: xān bī [=ba] xaraca xamüq-yer zareleq		(3) bičiq buba: xān {bi} [=ba] xaraaca xamüq-yer zaareleq
	(4) saator [=sayitur] sonosoqtün: šoro xonin jilin obülin		(4) saator [=sayitur] sonosoqtün: šoro xonin jilin obülin
	(5) dundaqdu saara arəbün yorbon küreteledü		(5) dundaadü sara arəbün yorbon küretele-dü dere-
	(6) dere-ece Xomşim bodi sadoyīn zaareleq		(6) ece Xomşim bodi sadoyīn zaraleq buba:
	(7) buüba: mön ene xonin jilin obülin eken		(7) mön ene xonin jilin obülin eken saara
	(8) saara arəbü/on kürtele sayīn tüüna xono moü		(8) arəbü/on kürtele sayīn töna xono moü yoro
	(9) irao irkü bö: yurabü/on jildü γacaar		(9) irkü bö: yurabü/on jildü γacaar xataxü:
2b	(1) xataxü: ebečin taxol yeke bolxü: maldü	2b	(1) öböčin taxol yeke bolxü: maldü şireq irakü
	(2) şireq irakü züd torxa bolxü: xodaal		(2) züd torxa bolxü: xodaal xolaya yekedekü:
	(3) xolaya yekedekü: xobodoq şibodoq bolxü:		(3) xobodoq şibodoq bolxü: ideje uje ülü
	(4) ideje uje ülü xangxü: iden bü		(4) xangxü: iden bü bügüsü ideqçü kümün oge
	(5) bügüsü ideqçü kümün oge bolxü:		(5) bolxü: xobocosü bü ümüsüqçü ezen üge
	(6) xobocüsü bö ümüsüqçü ezen üge bolxü:		(6) bolxü: timin tul tuna daaraxü arya inü
	(7) timin tula tuna daaraxü arya inü xan xaarca		(7) xān xaraaca daya (=vaya) üge bi xamoq-yer nom
	(8) daya (=vaya) üge bi xamoq-yer nom böi (büya ?) üləd: bl[a]m[a]		(8) büya üləd: bl[a]m[a] baqşı-dü ünen-yer
	(9) baqşı-dü ünen-yer šütüje nomdü takil		(9) šütüje. nomdü takil örgü: cayān
3a	(1) örgü: cayān şükürtü biliq varemēd [=baramid] Daare	3a	(1) şükürtü biliq baramēd Daare eke ongşa [=ungşı]:
	(2) eke ongşa [=ungşı]: Xomşim bodi sado-dü zalvera		(2) Xomşim bodi sado-dü zalvara zalvaare:
	(3) zalvare: <...> ¹ ger büre mane [=mani] daaracaq kisike:		(3) zuryan üzegi kecen ongşa (=ungşı): sang ödör

¹ В тексте [Ойр. I] в этом месте пропущен фрагмент, присутствующий в тексте [Ойр. II], который мы выделили курсивом.

	(4) ene metü kecen üledbösü xamoq moü yorogi		(4) <i>büre talvaje ongşa: bcoq (=bacaq) bare. bl[a]m[a] idem-</i>
	(5) daaraxü yorbün jil bolöd inü säyin caq		(5) <i>dü šütün zalvaare: ger büre. mana [=mani] daaraciq</i>
	(6) irakü-dü säd uge bö: ene biçigi dörbüñ		(6) kiske: ene metü kecen üledbüñ
	(7) züqtü tarxa: ese taarxavasü cosün		(7) xamoq moü yorogi daaraxü: yorbün jil bolad
	(8) ebeçin-yer büljeje ükümü: sonosöd		(8) inü sain caq irakü-dü säd uge böü:
	(9) <i>ese abübasü sur / sor ebeçin-yer ükükü:</i>		(9) ene biçigi dörbüñ zoqtü (=züqtü) tarxa:
3b	(1) <i>abubasü</i> ger gerten saakusün bolxü:	3b	(1) ese taarxavaasü cosün (=cösün) oboçin- yer büljeje
	(2) abüqçü kümün inü ameten amen kece: oge		(2) ükümü: sonosöd ese abübasü <...> ¹ ger gertüna
	(3) yoli[n]çigi-dü öglegu öq: beye oge bi		(3) sakoson bolxü: abüqçü kümün inü ameten
	(4) xamoq-yer nom buya (=buyan) ü[yi]lēd: amin nason ür-		(4) amen kece oge yoli[n]çi-dü öglegu öq:
	(5) tü (=urtu) bolxü: amiten ebeçin taxüldü tusä		(5) vaya (=beye) oge bi xamoq-yer nom buya (=buyan) ulēd (=üyilēd):
	(6) bolxü bö:: om ma ni pād me hüm :		(6) amin nason ortü (=urtu) bolxü: ameten öböçin
	(7) čōnjanggiyn gegen-dü dala[n] ² zurya zol (=züil)		(7) taxol-dü tusä bolxü: böü:: om ma
	(8) xamoq ameten asoraxün tüldü aaledü/on		(8) ni pād me hüm : čōnjanggin gegen-dü
	(9) zareliq bolbo:: şoro xonin jildü zöün		
4a	(1) talaki ülüstü züd türx bolxü:	4a	(1) dala <i>blam[a]n</i> zuroyan zoül (=züyil) xamoq amt[e]ni
	(2) tenggere Ereliq xān xoyor zobololdoje		(2) asraxin tuldü aïlden zaaireleq bolbo::
	(3) Zambü tibdü kalab odo/ödö oyiro bolon:		(3) şore xonin jilde zoün talki ulüstü
	(4) ödör sonidü xamoq ameten ³ xara yobodaal		(4) züd turaxa bolxü: tenggere Ereleq xan
	(5) yekedkü: tüger şiltelje abürüqçü tenggere {çü}		(5) xoyor zöbülüldiжи Zamba tibdü kalab odo/ödö oyiro bolon:
	(6) buruu iröl/iröl: yazaar-tü ebesün buyu		(6) ödü öyirü bolon: ödör sönidü xamoq
	(7) orayol üge kümün-dü taxol yamşıq yeked-		(7) amten <i>ene</i> xara yobodol yikedekü: tükür
	(8) kü: maldü şireq bolxü: taka noxo		(8) şiltelji abaraqçi tenggere či böü-
	(9) xoyor jilin xoron-dü xoraxo ebeçin		
	(10) yeke ayol yeke bolxü: bodana üre		
4b	(1) yazaar-tü bü kebütlü kebütlbüñ taaran	4b	(1) rün buyü yiirilin (yoürolin): yazar-tü öbüñ buyu.
	(2) şime boraxü: yazaara zemeše müng üge		(2) uroyol üge: kümün-dü taxl γamşıq yikidkü:
	(3) orayavasü ideqçü kümün üge toona (=töünü) ideqçü		(3) maldü şireq bolxü: taka noxa xoyor jilin
	(4) kümün bi boltoya: om x <i>ulin doqşin</i>		(4) xoron-dü xoraxo ebeçini yiki ayol yiki
	(5) <i>arata talādū buiüje yoboxü zaqm bö</i>		(5) bolxü: budani üre yazartü bö kibitüñ

¹ В данном месте второго текста [Ойр. II] пропущена часть фразы, которая в транслитерации первого текста также выделена курсивом.

² Здесь пропущено слово *blama* (см. второй текст: [Ойр. II: 4a (1)]).

³ Здесь пропущено указ. местоимение *ene* 'эти' (см. второй текст: [Ойр. II: 4a (7)]).

	(6) <i>bügüsü yoboqčü kümün bi boltoya: om x</i>	(6) kibitülbisü tarana şime buüraxü: yazarin zemeše
	(7) <i>ger bü bügüsü süqčü kümün üge soqčü</i>	(7) mong ügi urayabasü ideqčü kumün ügi (uga)
	(8) <i>bi bolxü boltoya: om x čono moyo</i>	(8) toüni ideqči kumün bi (ba) boltoya: om ma ni pad me
	(9) <i>gertü oroxona[.] ülü oroxo boltoya:</i>	
	(10) <i>om x kümün-dü ebečin ülü irkü</i>	
5a	(1) <i>boltoya: om x xamoq ameten-dü mangyašin</i>	5a (1) hum: <...> ¹ činü moya gertü {:} orxa ni üloü
	(2) <i>iro orošin ideje utüje olü xangxana</i>	(2) oraxü boltoya:: om ma ni pad me hum:
	(3) <i>xangxü boltoya: om x iden mal xor</i>	(3) kumün-dü ebečin ülü irka boltoya: om ma ni
	(4) <i>xomsü olü boltoya: om x bl[a]m[a]</i>	(4) pad me hum: xamoq amtin-dü mangyašin iro
	(5) <i>baqšigi kü[n]dele ese kü[n]delbösü şara</i>	(5) orošin ideji uüyü ülü x[a]nxana xanxa
	(6) <i>ebečin-yer üküyü: a na ozegi</i>	(6) boltoya: om ma ni pad me hum: iden mal xor
	(7) <i>taniqčü kümün ese zaaje ögbösü</i>	(7) xomos oloü boltoya: om ma ni pad me hum:
	(8) <i>beye-ece γal yarči o/üküyü: kecejē (=bičiji)</i>	(8) blama baqšigi kündölen ese ku[n] dülebisü şara
	(9) <i>ese sorabüsü sor ebečin-yer üküyü <...>²</i>	
	(10) <i>bičije abübasü sakusün bolxü: om x</i>	
5b	(1) <i>dürbüñ züqtü tarxa öq[:] ese öqbösü</i>	5b (1) öbüčin-yer üküye: a na üzegi taniqčü
	(2) <i>gem inü yeke bö: zöb caqtü bay[a]n kümün</i>	(2) kümün ese zaaje ögbösü veye-ece γal
	(3) <i>bayanda bü nale öq: baraqdaxona otor bö</i>	(3) yarču üküye: kecejē ese sūravasü sor
	(4) <i>üge bü gēd bü γomdo: om x yere bay[a]n</i>	(4) öbüčin-yer üküyü: bičije abübasü sakusün
	(5) <i>kümün bi bayaraxü: om x kecen öqligu</i>	(5) bolxü: om x dorbüñ züqtü tarxā[n] öq:
	(6) <i>varemīd (=baramid) öq: bɔrx[a]n-dü orgü: üge yol[n]ca-</i>	(6) ese öqbösü gem inü yeke böü: zöb
	(7) <i>gi asor[a]n maṇigi büm ungša: kecen</i>	(7) caqtü vay[a]n kümün vayandā böü nale öq:
	(8) <i>daracaq kisike (=keyiske): tikele amiten γa (=γai) zoboo-</i>	(8) varaqdaaxa ötör bö üge bö gēd bü γomdu
	(9) <i>long xaraxü: amin nasün ürtü bolxü:</i>	
	(10) <i>om x zurγ[a]n üzegi kecen xoradon (=xurdun)</i>	
6a	(1) <i>taraxavasü amin nason ürtü bolxu:</i>	6a (1) om x yerü vay[a]n kümün bi vayaraxü:
	(2) <i>engke jirayaxü boltoya: ene metü</i>	(2) om x kecen öqligü varamēd (=baramid) öq: bürx[a]n-dü
	(3) <i>üledbüsi taara temesen γaraxü: γorabon</i>	(3) örgü: üge yolincigi asürü maṇigi büm
	(4) <i>jildü sañ caq bolxü: xoyor jilin</i>	(4) ungša: kecen daracaq kisike (=keyiske): tikele ameten
	(5) <i>xoron-dü de re (=dere) tenggere sakixü bü:: bl[a]m[a]</i>	(5) γa (=γai) zabolong xaraxü: amin nasün ürtü bolxü:
	(6) <i>eredenin bičiq toqusböyü:: e ne (=ene) biči-</i>	(6) om x zurγ[a]n üzegi kecen xoradon (=xurdun)

¹ Здесь пропуск большого фрагмента текста (см. первый текст: [Ойр. I: 4b (4–8)]).

² В этом месте в первом предложении пропущено 1 предложение (см. второй текст: [Ойр. II: 5b (3–4)]).

	(7) gi bl[a]m[a] baqši ber bičilje āb		(7) taaraxavasü amin nason ürtü bolxu: engke
	(8) zury[a]n züül xamoq ametena γa		(8) jirayaxü boltoya: ene metü üledbüsü taarā
	(9) zabolong arelxü boltoya na mongxaq		
	(10) aldaaraxü boltoya: olzo xotoq		
6b	(1) orošixü boltoya: γai zabolong	6b	(1) temesen γaraxü: γorabon jildü saīn caq bolxü:
	(2) arelxü boltoya:: :: ::		(2) xoyor jilin xoron-dü dere tenggere sakixü böü:
	(3) om ma ni pad me hum		(3) bl[a]m[a] eredenin bičiq togüs böü: ene bičigi
			(4) bl[a]m[a] baqši ber bičilje āb zury[a]n zuül
			(5) xamoq ametena γa (=γai) zabolong arelxü boltoya na
			(6) mongxaq aldaaraxü boltoya: olzo xotoq
			(7) orošixü boltoya: γai zabolong arelxü
			(8) boltoya: om ma ni pad me hum:

Перевод¹

[1a] Наказ Всеведающего

Наказ Святого Манджуши. В Утай-шаньский Золотой сюме (храм) Дара эхэ (Тары) с неба² спустилось письмо (записанное послание). Ханы и подвластные, внимательно выслушайте! В год земли – овцы, вплоть до тринаццатого дня среднего зимнего месяца, сверху (с неба) спустился наказ Хоншим Бодисаттвы (Авалокитешвары). Вплоть до десятого дня первого зимнего месяца благоприятный [период]. После этого появится множество неблагоприятных знаков. [На протяжении] трех лет земля будет высыхать.

[2a]

Будет много болезней, детских болезней. Для скота наступят страдания, придет зуд³, крайнее истощение. Приумножится ложь, воровство, будет [процветать] жадность; будут есть, пить, не [в силах] насытиться. Даже если будет еда, не будет людей, которые бы ели [ее]. Будет одежда, но не будет хозяев, которые бы носили [ее]. Поскольку так, способ преодолеть⁴ это: ханы и под-

властные, не различая, хан, подвластный или богач, — все разом (вместе) практикуйте учение и добродетель, искренне почитайте ламу-учителя, совершайте подношения Учению. Начитывайте [молитвы]

[3a]

Белозонтичной (т. е. Ушнишавиджае), Праджняпарамите, Дара эхэ (Таре), произносите молитвы Хоншим Бодисаттве (Авалокитешваре), прилежно произноси шесть букв⁵. Каждый день вознося воскурения, начитывай, придерживайся поста. Произноси молитвы, выказывая почтение ламе-идаму. На каждом доме навешивай мани и флаги-ки-дарцаг. Если будешь стараться подобным образом, это подавит все плохие приметы. Минует три года, и, когда наступит благоприятное время, не будет проволочек. Это письмо распространяни в четырех странах (сторонах) света.

[3b]

Если не будешь распространять, то от болезни желчи, [испытывая] рвоту, умрешь. Если выслушав, не станешь принимать, то [умрешь от болезни сюр (?); если примешь, <...> то в каждом доме появится домашний хранитель-сакюсн. Человек, принявший [учение], стремись [ради] жизни живых существ. Делай подношения нищим просителям милостины. Не только богатством, а и

¹ Перевод выполнен с опорой на второй, более полный, текст [Ойр. II].

² Букв. «сверху».

³ Зуд — бескорница.

⁴ Букв. «подавить».

⁵ Т. е. слоги мантры Авалокитешвары «Ом ма ни падме хум».

всеми [способами] твори учение и добро-
детьль. Срок жизни удлинится, будет поль-
за живым существам [в случае] болезней
[взрослых] и детей. Ом ма ни пад ме хум.
Сиятельному хранителю веры⁶

[4a]

далай-лама во имя заботы обо всех живых
существах шести видов соизволил со знани-
ем произнести слово. В год земли — овцы в
государстве на востоке случится зуд и край-
нее истощение. Тенгрий и Эрлик-хан гово-
рятся, на Замбутибе приблизится калпа, и
днем и ночью участятся эти черные деяния.
В силу этого даже спасительные тенгрии ос-
лабеют.

[4b]

На земле хоть и будет трава, но не будет
расты. Для людей увеличится [число] болез-
ней взрослых и детей, для скота наступят
мучения. Между годом курицы и годом со-
баки усилится большая опасность от болез-
ни «хорха» (сифилис). Не стоит засевать⁷ в
землю семена хлебных зерновых, если засе-
ешь, то питательность урожая уменьшится.
Если станешь выращивать овощи, не ока-
жется людей, которые бы их съедали. Да
пребудут люди, которые могли бы их съе-
дать! Ом ма ни пад ме

[5a]

хум. Волки и змеи будут забираться (за-
ползать) в дома. <...> Пусть они⁸ не станут
забираться в дома! Ом ма ни пад ме хум.
Пусть не коснутся людей болезни! Ом ма
ни пад ме хум. Во всех живых существах все-
сятся знаки мангаса, так что не смогут ни
напиться, ни наесться. Пусть насытятся! Ом
ма ни пад ме хум. Пусть еда, скот и скуд-
ный [скарб] приумножатся! Ом ма ни пад
ме хум. Если не станут почитать ламу-учи-
теля, то умрут

[5b]

от желтухи (гепатита). Если человек,
знающий буквы «а», «на», не станет разъяс-
нять [их], то тело его вспыхнет огнем и [так]
умрет. Если не станут стремиться обучиться,
то умрут от болезни сур (сор), а если смогут
переписать, то станут [божествами]-храни-

⁶ *Oyr. čoūjōng* от *тиб. chos skyong* ‘За-
щитник религии’ (эпитет, даваемый боже-
ствам-хранителям, а также лицам (обычно мо-
нахам-прорицателям), в которых проявляет себя
божество-хранитель) [Перих 1985: 126].

⁷ Здесь букв. «укладывать»

⁸ Здесь сказано: «те, кто могут забраться».

телями. Ом X⁹. Распространите по четырем
сторонам света. Если не распространите, то
вина будет значительной. В благоприятное
время, богатый человек, не полагаясь на
свое богатство — очень быстро исчерпается.
Но не стоит обижаться, что [его] не стало.

[6a]

Ом X¹⁰. К тому же богатому человеку
не пристало бахвалиться. Ом X. Страйся
совершать парамиту даяния¹¹. Делай подно-
шения Будде. Проявляй заботу о неимущих
просителях подаяний. Сто тысяч раз произ-
носи мани. Страйся развешивать флаги
(дарцаг). Если будешь поступать так, то тог-
да уйдут горе и страдания живых существ,
срок жизни удлинится. Ом X. Если постара-
ешься скорейшим образом распространить
шесть букв (слогов), то жизнь и ее срок уд-
линятся. Да пребудешь в счастье! Если бу-
дешь поступать так, взойдут посевы

[6b]

и [созреют] плоды. В течение трех лет будет
благоприятное время. В промежутке между
двумя годами [пребывающий] высоко тен-
грий будет охранять. Письмо-послание дра-
гоценного ламы завершается. Лама-учитель
наказал, чтобы [его послание] переписы-
вали [себе]. Да уйдут все горести и страдания
живых существ шести видов! Пусть устра-
нится¹² глупость. Да пребудет счастье и бла-
годенствие! Пусть уйдут горести и страда-
ния. Ом ма ни пад ме хум.

Выводы

Два списка ойратского сочинения «На-
каз Манджуши» из коллекции Намки Ки-
чикова, описанные выше, представляют
уникальную возможность ознакомиться
с особенностями книжной культуры кал-
мыцких гелюнгов. Анализ содержания двух
списков, имеющих одинаковое название,
оформленных аналогично, показал, что в
каждом из списков имеются пропуски фраг-
ментов, которые присутствуют в другом.
То, что в одном из них [Оир. II: 3a] опуще-
ны фразы, адресованные монашеской среде

⁹ Здесь и далее используется знак в виде
крестика, указывающий на сокращение в этом
месте части фразы (в данном случае манты
Авалокитешвары).

¹⁰ См. прим. 9.

¹¹ Одна из шести парамит (или совершенств)
бодхисаттвы или архата.

¹² Здесь букв. «пусть будет упущена».

и тем мирянам, кто принял обеты и придерживается строгих предписаний, наводит на мысль, что такой пропуск допущен переписчиком не случайно: очевидно, он руководствовался тем, что для простых мирян

Источники

- Оир. I — *Хамүq aldeqčin zaareleq* (‘Наказ Все-ведающего [Манджушири]’). Рукопись на оир. яз. 6 л., сброшюрованы в виде блокнота (записной книжки). Текст полный // Кетчено-неровский краеведческий музей. Коллекция Н. Д. Кичикова. Сверток 12 (8).
- Оир. II — *Хамүq aldeqčin zaareleq* (‘Наказ Все-ведающего [Манджушири]’). Рукопись на оир. яз. 6 л., сброшюрованы в виде блокнота (записной книжки). Текст полный // Кетчено-неровский краеведческий музей. Коллекция Н. Д. Кичикова. Сверток 17 (5).

Литература

- История буддизма 2010 — История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / отв. ред. Н. Г. Очирова. М.: Фонд современной истории, 2010. 392 с.
- Музраева 2006 — *Музраева Д. Н.* О коллекции буддийской литературы гавджи Тогмед-Очира (Тугмюда Гавджи) (1887–1980) // IX Межд. конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых. М.: ООО Тов-во науч. изданий КМК, 2006. С. 293–297.
- Музраева 2008 — *Музраева Д. Н.* О коллекции буддийской литературы О. М. Дорджеева (Тугмюд-гавджи) // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджеева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 26–54.
- Музраева 2009а — *Музраева Д. Н.* «Сутра, име-нуемая „Способная усмирить и подавить землю и воду“» (*Gazar usuni potoyodxon darüülün cidaqci kemekii sudur*) из коллекции Н. Д. Кичикова (1901–1986) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. 2009. С. 87–95.
- Музраева 2009б — *Музраева Д. Н.* О малоизвестной ойратской рукописи, именуемой *Mila burxani zarliq* («Изречения Будды Милы») // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российской государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. II. Элиста, 2009. С. 262–266.
- эти наказы (наставления) будут лишними. Таким образом, сопоставление двух ойратских списков демонстрирует важную роль переписчика в трансляции учения в среду верующих.
- Sources**
- Xamüq aldeqčin zaareleq*: Precepts of the Omniscient [Manjushri]. Oirat manuscript. 6 p. Complete text. At: Ketchenery Museum of Local History and Lore. Collection of N. D. Kichikov. Roll 12 (8). (In Oir.)
- Xamüq aldeqčin zaareleq*: Precepts of the Omniscient [Manjushri]. Oirat manuscript. 6 p. Complete text. At: Ketchenery Museum of Local History and Lore. Collection of N. D. Kichikov. Roll 17 (5). (In Oir.)
- Музраева 2009в — *Музраева Д. Н.* О памятниках буддийской литературы на тибетском и ойратском языках из коллекции Намки Кичикова (1901–1986) (по материалам экспедиции 2006 г.) // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов. Матер-лы Всеросс. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 21–22 сентября 2009 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 234–236.
- Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / отв. ред. Э. П. Бакаева, науч. ред. А. А. Бурыкин. Элиста: ЗАО «НПП „Джангар“», 2012. 224 с.
- Музраева 2018а — *Музраева Д. Н.* Из истории бытования сборника буддийских текстов «Сундуй» у калмыков (на материале коллекции Э. Б. Убушиева, хранящейся в научном архиве КалмНЦ РАН) // Oriental Studies. 2018. № 3 (37). С. 68–94. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-68-94
- Музраева 2018б — *Музраева Д. Н.* Коллекция тибетских и монгольских письменных источников Калмыцкого научного центра РАН, поступившая от Э. Б. Убушиева. Штрихи к портрету фондообразователя по дарственным записям // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1206–1216.
- Перих 1985 — *Перих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. I–XI. Вып. III. 1985. 431 с.

References

- Muzraeva D. N. About O. M. Dordzhiev's (Tugmyud Gavji) collection of Buddhist literature. In: Commemorating O. M. Dordzhiev (Tugmyud Gavji, 1887–1980): Buddhist Tradition in Kalmykia, 20th Century. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2008. Pp. 26–54. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. About the collection of Tibetan and Mongolian written sources donated to the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAN by E. B. Ubushiev: using donation inscriptions to touch up the portrait of donator. *Vestnik arkhivista*. 2018. No. 4. Pp. 1206–1216. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. About Tibetan- and Oirat-language monuments of Buddhist literature from Namka Kichikov's collection (1901–1986): summarizing outcomes of the 2006 expedition. In: Matishov G. G. (ed.) Regions of Southern Russia: Problems and Perspectives of Socioeconomic, Scientific and Technological Development. Conference Proceedings (Rostov-on-Don; September 21–22, 2009). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2009. Pp. 234–236. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. About Ven. dge bshes bka' bcu Togmed-Ochir (Tugmyud Gavji, 1887–1980) and his collection of Buddhist literature. In: The Ninth World Congress of Mongolists (Ulaanbaatar; August 8–12, 2006). Reports of Russian scholars. Moscow: KMK, 2006. Pp. 93–297. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. Mila burxani zarliq ('Precepts of Buddha Mila'): one little-known Oirat manuscript revisited. In: United Kalmykia in United Russia — Through Centuries into the Future (Elista; September 13–18, 2009). Vol. II. Elista, 2009. Pp. 262–266. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. Sutra Titled 'The One Capable of Pacifying and Subduing Earth and Water' (Газар usuni nomoyodxon darüülün cidaqci kemekü sudur) from N. D. Kichikov's (1901–1986) collection. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies–Elista)*. 2009. No. 2. Pp. 87–95. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. The gZungs 'dus Buddhist texts collection: excerpts from the history of its existence among the Kalmyks (a case study of E. B. Ubushiev's collection from the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). *Oriental Studies–Elista*. 2018. No. 3 (37). Pp. 68–94. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-68-94
- Muzraeva D. N. Tibetan- and Oirat-Language Buddhist Written Sources in Kalmykia's Collections. E. Bakaeva, A. Burykin (eds.). Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Ochirova N. G. (ed.) History of Buddhism in the USSR and Russian Federation: 1985–1999. Moscow: Fond Sovremennoy Istorii, 2010. 392 p. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Vols. I–XI. Vol. III. 1985. 431 p. (In Tib., Russ., Eng. and Sanskr.)

Приложение

Ойратская рукопись (Ойр. II)
Хамүүq aldeqčin zaareleq ('Наказ Всеведающего [Манджушри]')

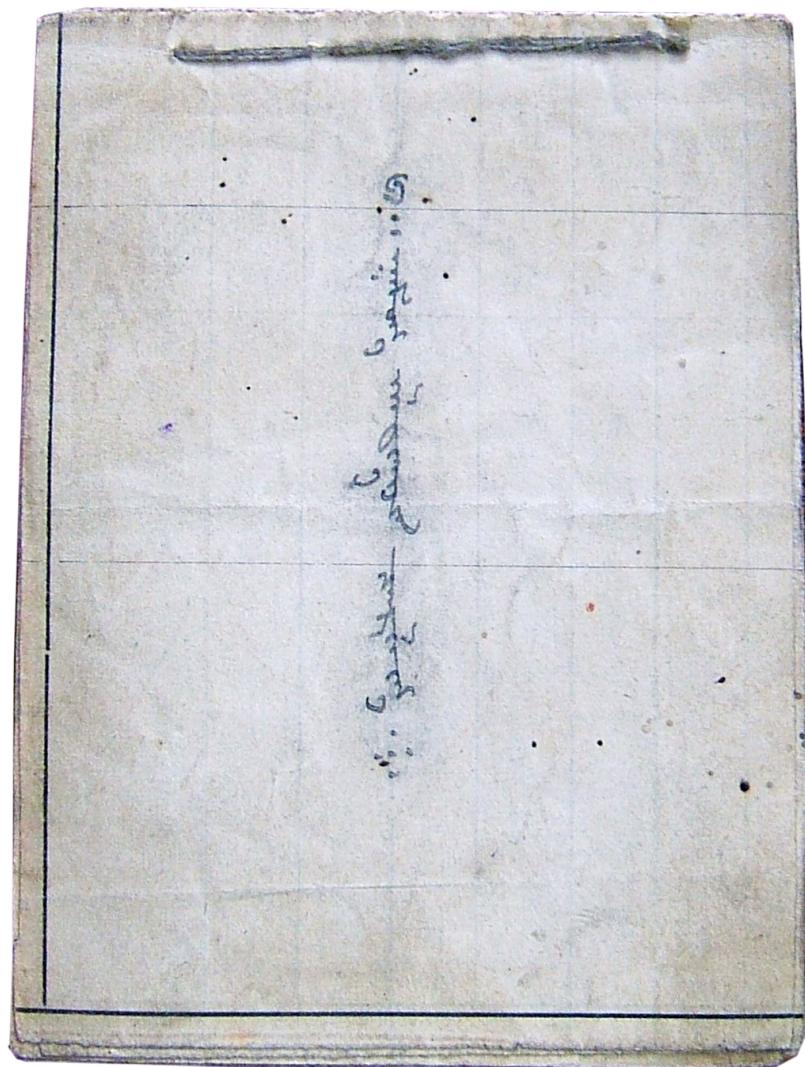

Рис. 1. Фото титульного листа
[Fig. 1. Photo of the front page]

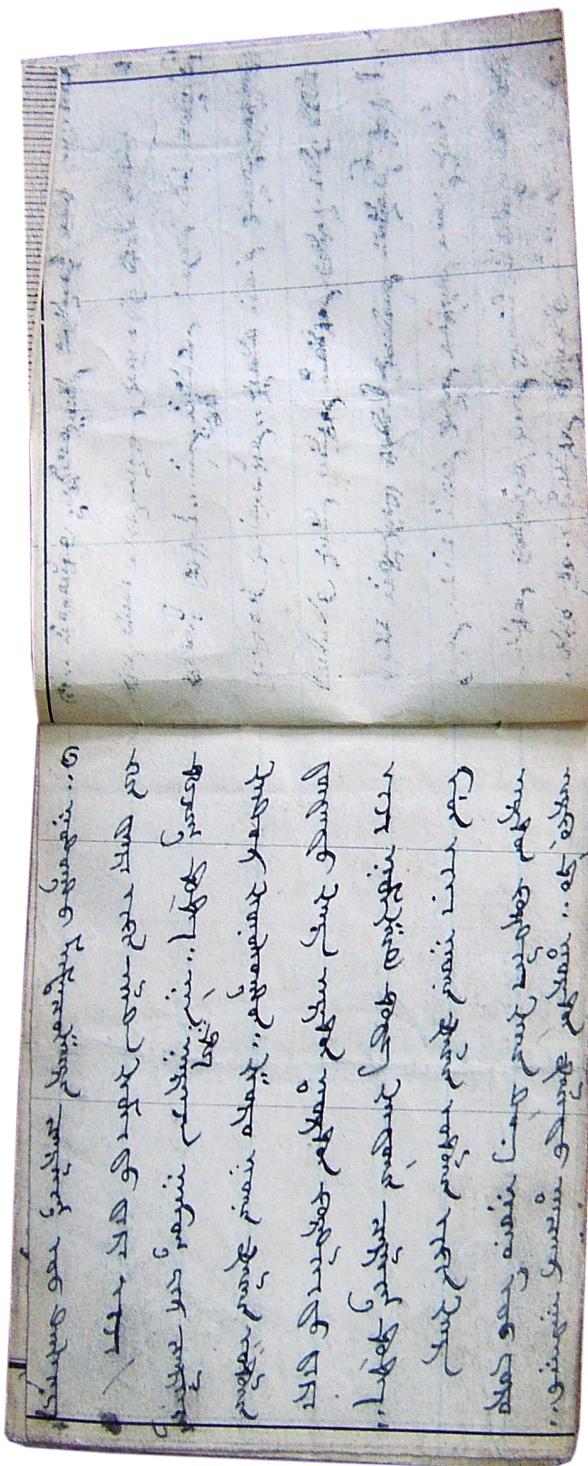

Рис. 2. л. 2а

[Fig. 2. P. 2a]

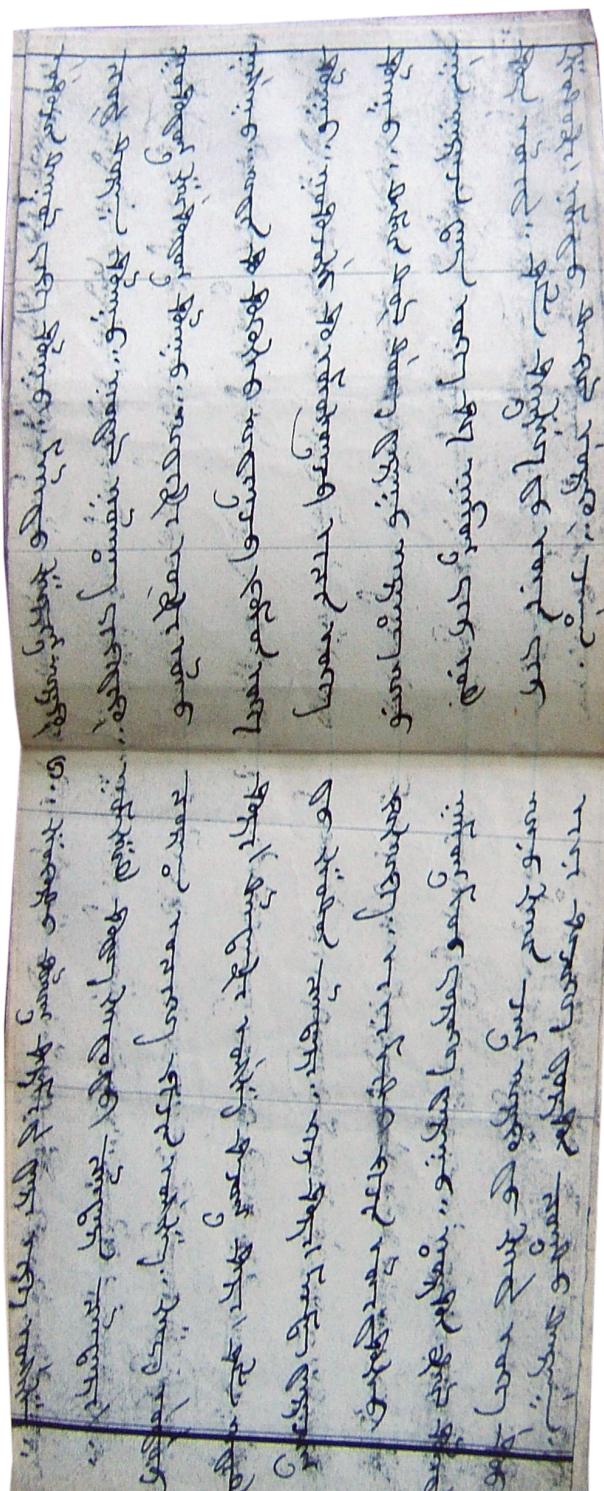

Рис. 3. Лл. 2б-3а

[Fig. 3. Pp. 2b-3a]

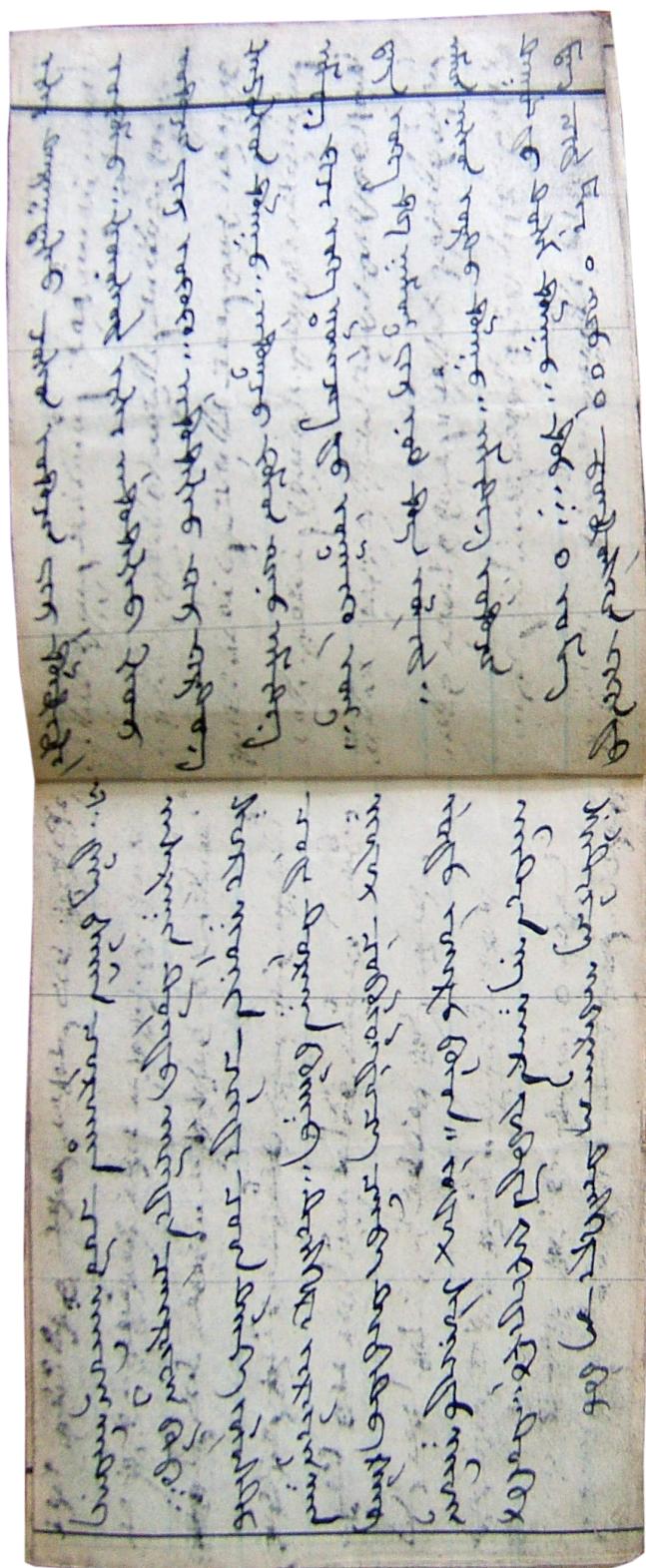

Рис. 4. Лл. 3б–4а
[Fig. 4. Pp. 3b–4a]

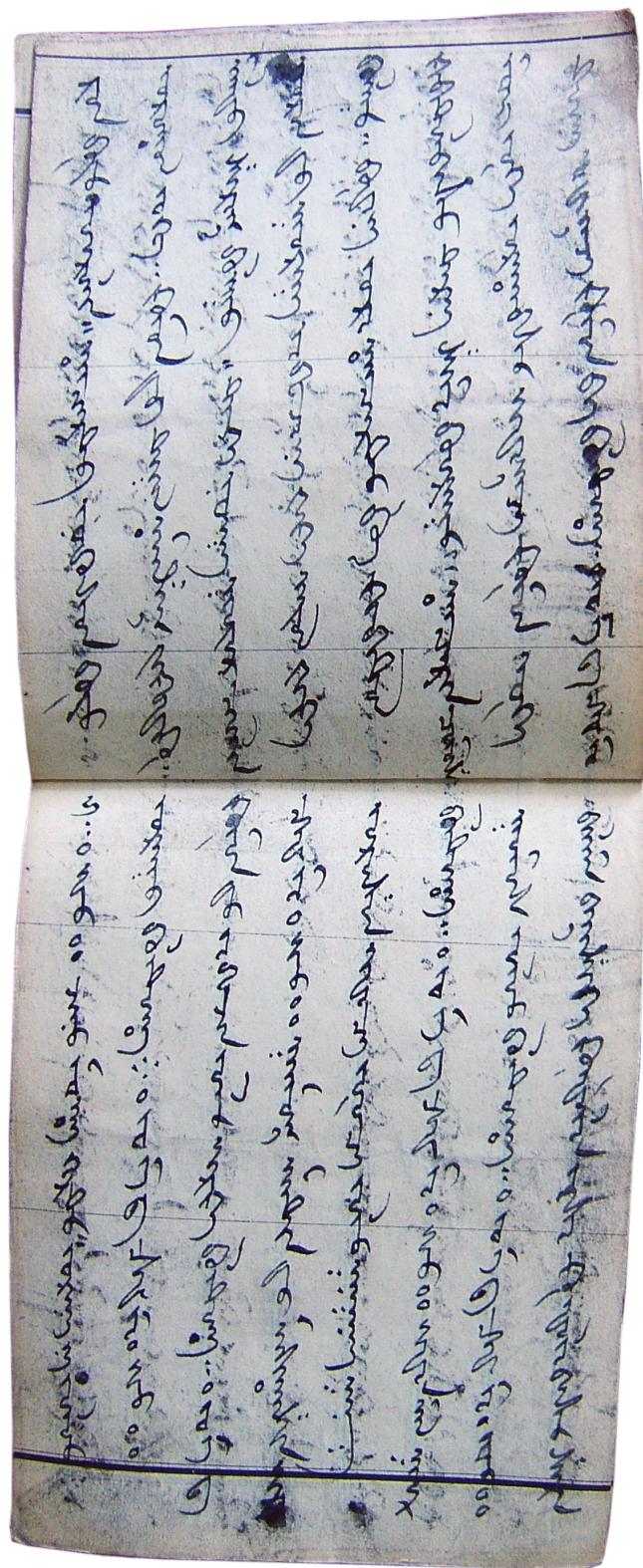

Рис. 5. Лл. 4б–5а
[Fig.5. Pp. 4b–5a]

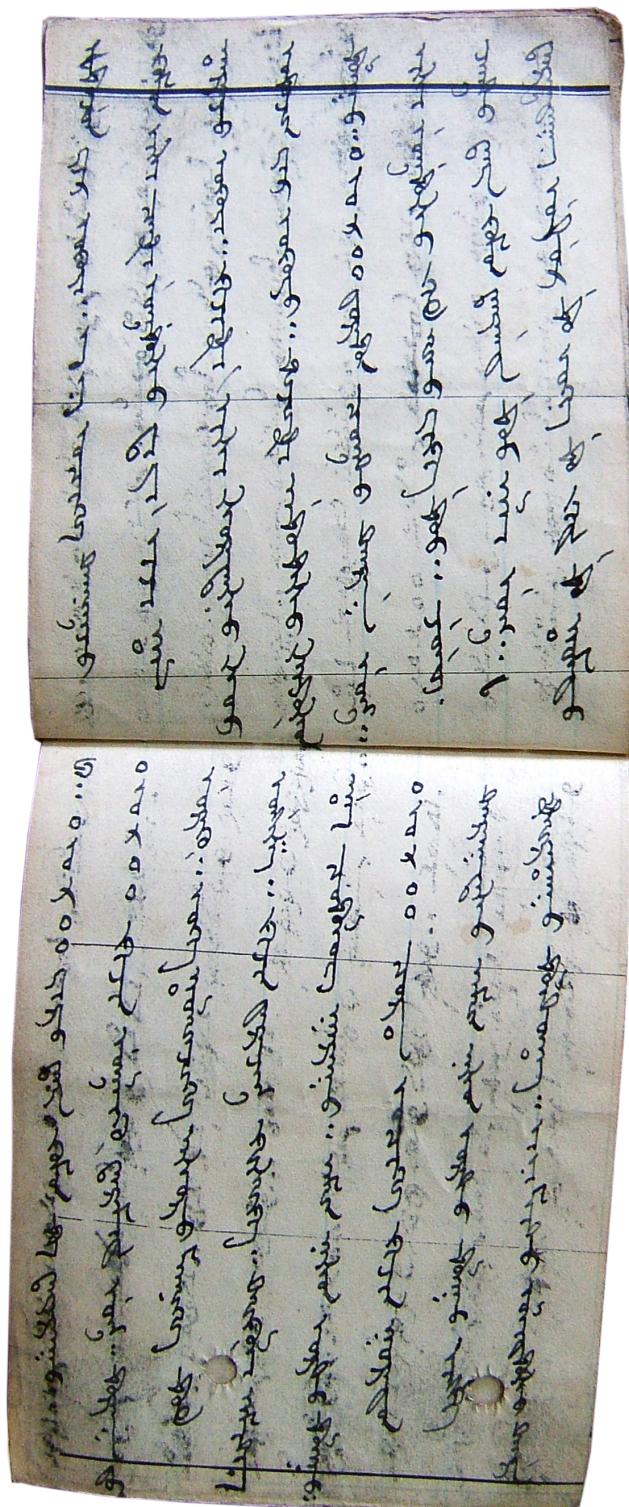

Рис. 6. Лл. 5б–6а
[Fig. 6. Pp. 5b–6a]

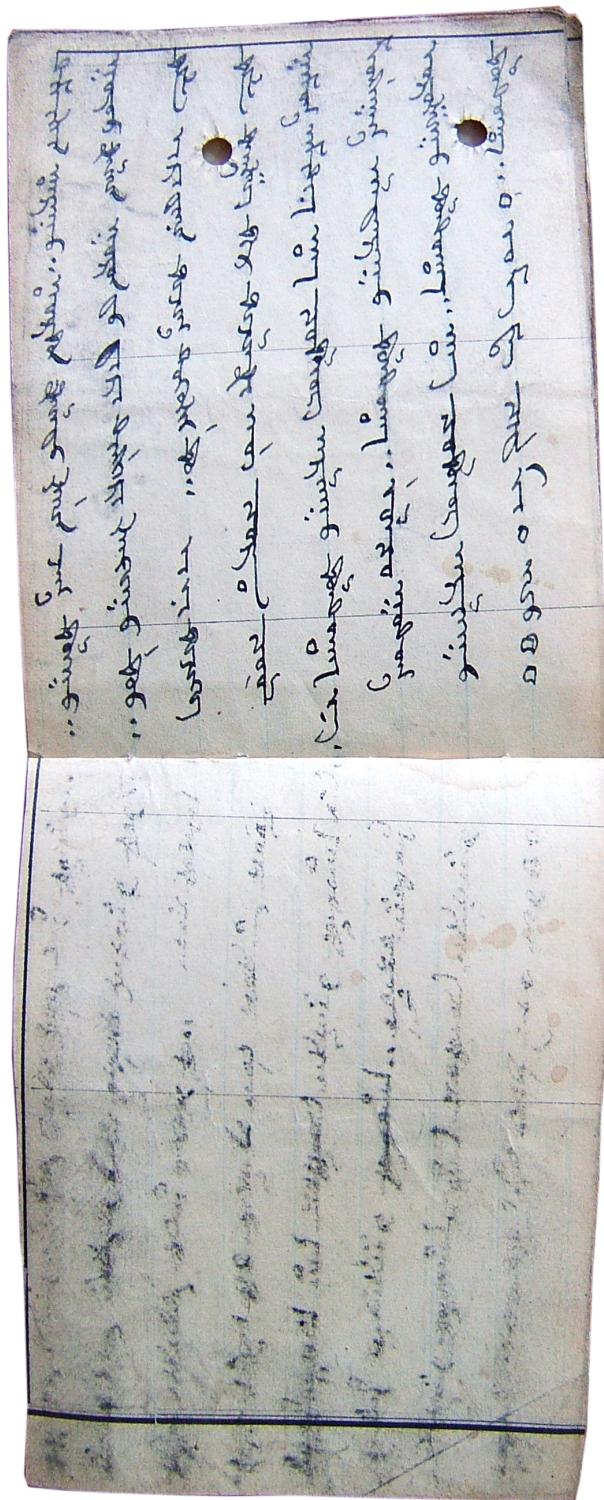

Рис. 7. Л. 6б
[Fig. 7. P. 6b]

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 2, pp. 364–374, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-114.2
DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-364-374

Способы репрезентации семантики запрета в тувинском языке

Байлак Чаш-ооловна Ооржак¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-8373-9107. E-mail: oorschak.baylak@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ооржак Б. Ч., 2021

Аннотация. Целью статьи является описание грамматических и лексических средств выражения семантики запрета в современном тувинском языке, анализ их значений, pragматических и стилистических функций. *Материалы и методы.* В исследовании используются описательный метод и функционально-семантический и коммуникативно-прагматический подходы. *Материалом* для исследования послужили примеры из Электронного корпуса текстов тувинского языка. *Результаты.* Определены семантические различия показателей запрета и их функционально-стилистические особенности. Выделены типы запрета (прохигитива), получившие грамматическое и лексическое выражение в тувинском языке, — регулятив, превентив, констатив, корректив. Семантически сравнительно более широким спектром значений запрета обладает аналитическая форма *Tv-n болбас* — специальный грамматический показатель запрета, выражющий регулятив, превентив, констатив. *Выводы.* Проведенное исследование на материале тувинского языка подтверждает данные типологически разных языков о том, что стилистически универсальной передачей значения запрета являются показатели отрицательного императива. Другие же средства выражения запрета, кроме отрицательной формы будущего времени *-бас*, являются стилистически маркированными. При выражении запрета важное место занимает интонация, которая взаимодействует с собственно формальными его показателями, контекстом и коммуникативной ситуацией. Для других грамматических средств в этой системе показателей индикатива передача значения запрета является не основной их функцией. Это касается отрицательной формы будущего времени на *-бас* (регулятив, превентив) и формы прошедшего времени на *-ды*. Последняя передает значение адмонитива. В системе лексико-грамматических средств выражения запрета выделяются лексемы *хоржсок* (превентив), *болзун*, *адыр* (корректив), которые не имеют с современным языке определенного частеречного статуса. Лексема запрета *болзун* представляет собой грамматикализацию глагола *бол-* в значении «кончать» в форме 3-го лица императива. Обнаруживаются два глагола *бол-* и

сокса-, имплицитно выражающие запрет-корректив. Рассмотренные лексико-грамматические и лексические средства запрета относятся к разговорному стилю. В официально-деловом стиле употребляется ряд специальных лексем со значением регулятива, образованный от основы *хору-*. В это словообразовательное гнездо входят глаголы, прилагательные, наречия. Результаты исследования функционально-семантического поля запрета в тувинском языке будут востребованы в дальнейших исследованиях по модальности в тюркских и других языках.

Ключевые слова: тувинский язык, семантика запрета, прохихитив, отрицательный императив, регулятив, превентив, констатив, корректив

Для цитирования: Ооржак Б. Ч. Способы репрезентации семантики запрета в тувинском языке // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 364–374. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-364-374

Semantics of Prohibition in the Tuvan Language: Representation Means Revisited

Baylak Ch. Oorzhak¹

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0001-8373-9107. E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Oorzhak B. Ch., 2021

Abstract. *Introduction.* The article discusses the linguistic manifestation of prohibition semantics in Tuvan, analyzes the grammatical and lexical means of its expression, determines the semantic differences of the prohibition indicators and their functional/stylistic features. *Goals.* The paper aims to describe the grammatical and lexical means of expressing the semantics of prohibition in modern Tuvan, to analyze their meanings, pragmatic and stylistic functions. *Materials and Methods.* The study employs the descriptive method, functional/semantic and communicative/pragmatic approaches. The research material was provided by examples from digital sources of Tuvan-language texts available at: <http://www.tuvancorpus.ru/>. *Results.* The research of Tuvan language materials confirms the data from typologically different languages that indicators of the negative imperative are stylistically universal transmitters of the prohibitive meaning. Other means of expressing prohibition — besides the negative form of the future tense *—бас* — are stylistically marked. When it comes to express a prohibition, intonation holds an important place since it interacts with the former's formal indicators proper, context and communicative situation. The paper identifies several types of prohibition (the prohibitive) that have received grammatical and lexical expressions in the Tuvan language — the regulative, preventive, constative, and corrective. Semantically, a comparatively wider range of prohibition values is possessed by the analytical form *Tv-n болбас* — a special grammatical indicator of prohibition expressing the regulative, preventive, and constative. For other grammatical means within this system of indicative indicators, transfer of prohibition values is not a key function of theirs. This is the case of the future negative *—бас* (regulative, preventive) and the past *—ды*. The latter conveys a value of the admonitive. The system of lexical and grammatical means of expressing prohibition is distinguished by the lexemes *хоржок* (preventive), *болзун*, *адыр* (corrective) that have no certain part of speech status within the modern language. The prohibition lexeme *болзун* is a grammaticalization of the verb *бол-* in the meaning 'to finish' for the third imperative. There are two verbs *бол-* and *сокса-* that implicitly express prohibition/correction. The considered lexicogrammatical and lexical means of prohibition belong to the colloquial style. The formal style employs a number of special lexemes with the meaning of the regulative formed from the stem *хору-*. This word-formation nest includes verbs, adjectives, adverbs. The results of the study in the functional/semantic field of prohibition in the Tuvan language shall be demanded in further research on modality in the Turkic and other languages.

Keywords: Tuvan, prohibition semantics, prohibitive, negative imperative, regulative, preventive, constative, corrective

For citation: Oorzhak B. Ch. Semantics of Prohibition in the Tuvan Language: Representation Means Revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 364–374. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-364-374

Введение

В развитии общества запреты находили отражение в тех или иных социальных нормах поведения и являлись коммуникативным средством контроля поведения членов коллектива. Знание индивидом этих запретов и умение действовать в рамках этих ограничений, адекватно реагировать на них в определенных ситуациях — залог успешного коммуникативного взаимодействия в обществе.

Семантика запрета (прохигитива) является одной из языковых универсалий, которая обнаруживается практически во всех известных языках. Исследование прохигитива тесно связано с анализом императива и изучением отрицания.

Запрет рассматривается как особый тип побуждения, который обладает собственными семантическими, функциональными, прагматическими свойствами и набором языковых средств выражения [Храковский, Володин 1986; Сарайкина 2007].

Типовым значением запрета является побуждение адресата к неосуществлению, прекращению совершающегося им действия. «...использование императива в отрицательных предложениях не подразумевает простое отрицание побуждения; здесь возникают особые значения, а именно требование прекратить осуществляющееся в момент речи действие, а также не совершать определенных действий в будущем» [Молчанова 1976: 17]. Коммуникативная ситуация запрещения характеризуется как асимметрична, при которой намерения говорящего и действия адресата(ов) не совпадают.

Семантика запрета и средств ее представления в языках мира рассматривались во многих работах [Беляева 1992; Шмелева 1990; Шатуновский 2000; Иосифова 2010; Фатеме 2011; и др.]. Специальному исследованию семантики запрета и средств ее представления в русском языке посвящено

исследование О. В. Сарайкиной. Автор описывает свойства многообразных языковых средств с семантикой запрета, функционирующих на разных уровнях языковой системы, с точки зрения функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов [Сарайкина 2007].

Выделению формальных типов прохигитива, их описанию посвящены работы [Храковский, Володин 1986; Бирюлин, Храковский 1992; Киблик 2001; van der Auwera, Lejeune, Goussev 2005]. На материале различных европейских языков современные исследователи выводят различные типы запрета (прохигитива): запрет-регулятив, запрет-превентив, запрет-констатив и запрет-корректив, при этом под «запрещение определяется как речевое действие, направленное на побуждение адресата к неосуществлению, прекращению или видоизменению действия, названного говорящим [Сарайкина 2007: 8].

Регулятив направлен на регулирование и координирование неречевого поведения субъекта в условиях конвенционального общения. Превентивы направлены на предотвращение еще не совершившегося речевого или неречевого действия адресата в межличностном и групповом общении. Констативы употребляются в функции, направленной на информирование адресата о неизвестном ему запрещенном факте или на констатацию определенного запрещенного факта. Коррективы направлены на изменение совершающегося в момент речи речевого или неречевого действия адресата в условиях межличностного и группового общения [Сарайкина 2007: 9].

К прохигитиву семантически близко стоят адмонитивы, передающие опасения говорящего, предупреждения о возможном наступлении неблагоприятной, опасной ситуации или о нежелательном стечении обстоятельств, действий. В лингвистике имеет-

ся мнение, что адмонитив является особым типом прохихитива [Плунгян 2011: 439].

Определению национальной специфики концепта *запрет* и особенностям его репрезентации в тувинских героических сказаниях посвящена статья Л. К. Хертек [Хертек 2020]. Автор исследует смысловой потенциал концепта *запрет* в эпическом дискурсе с привлечением этнографического и культурологического материала; определяет роль концепта *запрет* в эпическом миромоделировании.

С точки зрения языковой репрезентации запрета данное функционально-семантическое поле на материале тувинского языка еще не было объектом специального изучения. Целью данной статьи является анализ функционально-семантического поля запрета и средств ее выражения в тувинском языке.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили примеры из электронных источников текстов на тувинском языке [ЭКТЯ]¹. В исследовании используются описательный метод и функционально-семантический и коммуникативно-прагматический подходы.

Языковая репрезентация семантики запрета в тувинском языке

Функционально-семантическое поле запрета в тувинском языке представлено четко ограниченным количеством языковых средств разного уровня. На уровне грамматики семантика запрета выражается отрицательными формами императива и настоящего / будущего времени, а также специальными аналитическими показателями, в структуру которых входят предикаты со значением запрета. На уровне лексики исследуемое значение передается специальными лексемами, выражающими данную категорию. На наш взгляд, центром функционально-семантического поля запрета является форма отрицательного императива. Ближе к центру функционально-семантического поля запрета расположены: специальная аналитическая форма *Tv-n болбас*² и отрицательная форма будущего

¹ Примеры без указания на источник принадлежат автору.

² Аналитическая форма, состоящая из формы деепричастия на *-n* (*Tv-n*) и вспомогательного глагола *бол-* ‘быть’ в форме отрицания на *-бас*.

времени (*-бас*). Здесь заканчивается собственно грамматическое выражение значения запрета. Кроме того, в это поле входят и лексические средства выражения категории запрета: лексемы *хоржок* ‘нельзя’ и *болзун* ‘хватит’, *адыр* ‘погоди’, глаголы *бол-* ‘быть’ и *сокса-* ‘прекращать’, а также целое словообразовательное гнездо с семантикой запрета, восходящее к основе *хору-*. К этой основе восходит и лексема *хоржок* ‘нельзя’. Рассмотрим каждое из языковых средств и семантические типы запрета, выражающиеся ими.

1. Отрицательный императив как основное средство выражения семантики запрета и центр функционально-семантического поля запрета

Формы 2 и 3-го лица отрицательного императива являются, скорее всего, центром функционально-семантического поля запрета. Если формы императива положительной полярности выражают различные значения побуждения к совершению действия (приказ, просьба, призыв, совет и т. д.), то отрицательный императив передает побуждение к его не-совершению — запрет, причем отрицательный императив может выражать как превентив, так и корректив:

- (1) Чугаала! ‘Говори!’ — Чугаалава! ‘Не говори!’, ‘Замолчи!';
- (2) Чугаалаңар! ‘Говорите!’ — Чугаалаңар! ‘Не говорите!’, ‘Замолчите!';
- (3) Чугаалазын! ‘Пусть говорит!’ — Чугаалазын! ‘Пусть не говорит!’, ‘Пусть замолчит!';
- (4) Чугаалазыннар! ‘Пусть говорят!’ — Чугаалазыннар! ‘Пусть не говорят!’, ‘Пусть замолчат!’.

Особой функцией отрицательной формы императива 3-го лица является то, что он регулярно может передавать значение адмонитива:

- (5) Көрдүңчөр бе? Бо ыяш кырыңаржес барып ушпазын! ‘Видели? (Смотрите) как бы это дерево на вас не упало!’ [ЭКТЯ. Э. Донгак. Сынычады. 1986];

- (6) Дугар дыңнап каатпазын! ‘(Смотри), как бы Дугар не услышал!’ [ЭКТЯ. М. Эргеп. Танды-Ууланың кижилери. 1991].

³ Здесь и далее перевод примеров выполнен автором.

Выражение запрета отрицательными формами императива в тувинском языке присуще неофициальной речи, в том числе разговорной. В употреблении 2-го лица отрицательного императива статус участников речевой ситуации характеризуется как неравный: говорящий обладает правом запрещать в силу своего возраста или социального статуса. Употребление 3-го лица отрицательного императива в значении предупреждения характерно для ситуаций, когда говорящий обладает «ситуативным правом» запрещать в силу обладания им большей информацией о возможном неблагоприятном результате для адресата.

Значение опасения и предупреждения регулярно передается также формой прошедшего времени на *-ды* / *-ди* / *-ду* / *-дү*; *-ты* / *-ти* / *-ту* / *-тү* во 2 и 1-м лице:

(7) *Оваарымчалыг болунар, кээп дүштүүр!*
‘Будьте осторожны, смотрите не упадите!’;

(8) *Салып үндүрдүм-(не)!* ‘Запускаю (петарды, будьте осторожны)!’.

Семантическое соотношение отрицательного императива и формы прошедшего времени со значением адмонитива следующее:

– формой на *-ды* говорящим выражается предупреждение адресату-субъекту, способному контролировать и регулировать свои действия во избежание опасного или неблагоприятного исхода своих же действий;

– при форме на *-базын(нар)* выражается предупреждение адресату-агенсу о возможном неблагоприятном воздействии на него со стороны эффектора.

Эффектор не является «разумным существом и, следовательно, не может контролировать ситуацию, но может рассматриваться как активный источник энергии, вызывающий изменения» [Плунгян 2011: 162]. Эффектором может быть, например, природная стихия или природный объект, животное, а также человек (см. пример 6), который не может ситуативно контролировать действие, названное глаголом.

2. Аналитическая форма *Tv-n болбас* как специальное средство выражения запрета

Запрет выражается в оппозиции с разрешением отрицательной аналитической

формой *Tv-n болбас*, которая передает «значения запрета или предупреждения о невозможности совершить действие» [Ондар 1996: 127]. Аналитическая форма *Tv-n болбас* в 3-м лице выражает:

1) значение запрета-регулятива для обобщенного лица как ограничения потенциальных возможностей разворачивания действий и событий, обусловленного официально принятыми нормами:

- (9) *Кирип болбас!* ‘Не заходить!’;
(10) *Таакпылап болбас!* ‘Не курить!’;

2) значение запрета-превентива, основанного на личных знаниях и жизненном опыте, соотнесенного с реальным положением дел в конкретной ситуации, как принятое субъектом сознательное ограничение возможностей совершения действий в целях предотвращения нежелательного воздействия со стороны внешних сил:

(11) *Шимээргөн болбас.* (Хаяларга бичии-ле дааш чангылангаш, кайы оранчокка дыңналы бээр) *Блаңгыя дүнэ удуу болбас...* ‘Нельзя шуметь. (Даже маленький шум в скалах слышится эхом) Особенно нельзя спать ночью...’ [ЭКТЯ. И. Бадра. Арзылан Күдерек. 1996];

(12) ...*орукче унер, бо кара эзимден чоннуң чоон оруунче солоп унер, чугле харык-шинекти чидирин болбас* ‘... (нужно) выходить на дорогу, из этого дремучего леса выходить ползком на большую дорогу, только нельзя терять силы’ [ЭКТЯ. А. Даржай. Чурттаарын күзезинэ. 1984];

3) значение информативного запрета-констатива как категорической рекомендации либо предупреждения и наказа не совершать то или иное действие, продиктованное знаниями фактов и жизненным опытом говорящего:

(13) *Эрги алдар-бие чурттап болбас, ол, хеп ышкаши, элеп каар чоор* ‘Нельзя жить былой славой: она, как одежда, обветшает’ [ЭКТЯ. А. Даржай. Чурттаарын күзезинэ. 1984];

(14) *Амыдырал чеже-даа бергедеп келзе, коргун-сүртпен, девидеп болбас, уруум* ‘Если даже жизнь станет сложной, нельзя бояться, мечтаться в волнении, дочка’ [ЭКТЯ. Э. Донгак. Кежик кыс. 2010].

Аналитическая форма *Tv-n болбас* употребляется в разговорной речи в наставлениях, назиданиях, поучениях. Кроме того, она широко употребляется в официаль-

но-деловой речи (в предписаниях и правилах, обращенных к обобщенному лицу), а также когда адресат высказывания выявляется из контекста.

3. Отрицательная форма будущего времени на *-бас* в функции репрезентанта превентивного запрета

Одной из функций отрицательной формы будущего времени на *-бас* является выражение превентивного запрета прямому адресату во 2-м лице (примеры 15, 16) и регулятивного запрета обобщенному субъекту в 3-м лице (примеры 17, 18):

(15) *Мени сураглавас сипер. Мени кээн чоран деп, кымга-даа ыттавас сен* ‘Обо мне не расспрашивайте. О том, что я приходил, никому не говори’ [ЭКТЯ. Ш. Суван Хемчик нояны. 2009];

(16) *Бо холуңу моон уштуп, шимчепес сен* ‘Не вытаскивай эту руку отсюда, не шевели ею’ [ЭКТЯ. В. Көк-оол. Шиилер. 1976];

(17) *Чурум үрөвсө!* ‘Не нарушать дисциплину!';

(18) *Мегелевес!* ‘Нельзя врать!’.‘

Запрет-регулятив в 3-м лице употребляется при обобщенном субъекте для передачи общих правил запрета согласно тем или иным принятым нормам общества, морали, этических принципов, обладает высокой степенью категоричности и — часто — эмоциональности.

4. Лексемы *хоржок*, *болзун*, *адыр* как специальные лексико-грамматические средства выражения прохитива

Особым лексико-грамматическим выражителем семантики запрета служит лексема *хоржок* ‘нельзя’, выражающая запрещение, недозволение, отсутствие разрешения на намерение или вопрос говорящего. Рассмотрим примеры:

(19) *Балды-бile одура шаалтар, честей — Хоржок!* ‘Отрубить (корни дерева) топором, дядя — Нельзя!’ [ЭКТЯ. М. Кенин-Лопсан. Чүгүрүк Сарала. 1965];

(20) *Мен база чонар мен бе, ачай? — Хоржок, оглум. Коорге ындыг. Чудук чонары берге — Я тоже буду тесать, отец? — Нельзя, сынок. Когда смотришь, кажется простым делом. Тесать бревно трудно* [ЭКТЯ. Э. Донгак. Эрги хонаштар. 1983].

К лексическим средствам выражения запрета действия относятся также сло-

ва *болзун* ‘хватит, довольно, достаточно, полно’ (пример 21) и *адыр* ‘погоди’ (пример 22), используемые в диалогах и служащие запретом-коррективом, прерывающим действие, которое может иметь с точки зрения говорящего нежелательные последствия для участников речевой ситуации. Например, междометие:

(21) *Че, ам болзун, Найдан. Эмин эрте бээривиске кайын боор* ‘Ладно, сейчас хватит, Найдан. Слишком переходить границы не надо’ [ЭКТЯ. М. Дуюнгар. Хөлөгелер. 1996];

(22) *Адыр, айтыг кижи чоктап ор, кым боор, көрөм* ‘Погоди, едет всадник, кто же это может быть, посмотри’ [ЭКТЯ. К. Черлиг-оол. Аялга. 1990].

Форма *болзун* восходит к форме повелительного наклонения от глагольной основы *бол-* ‘быть’ в одном из своих значений, а именно в значении ‘кончать, заканчивать, доходить до предела’ [ЭСТЯ 1978: 187].

Что касается лексемы *хоржок*, то она, видимо, образована от основы *хора-* ‘вред’ (см. в [ЭСТЯ 2000: 72]) и лексемы *чок* ‘нет’. Последняя участвует как словообразовательный формант в ряде лексем со значением отсутствия (см. об этом, например, в [Дамбаа 2005: 15]). И если лексемой *хоржок* выражают недопущение того или иного действия в силу принятых в том или ином обществе норм, то последние *болзун*, *адыр* передают прерывание процесса и запрет (неразрешение) на продолжение осуществления действия.

Частеречный статус слов *болзун* и *хоржок* не определен. Лексема *адыр* некоторыми исследователями относится к междометиям [Сат, Салзынмаа 1980: 241].

По своей семантике все три рассматриваемые лексемы, по-нашему мнению, могут быть отнесены либо к категории состояния либо к модальным частицам. Данный вопрос пока остается открытым и требует дальнейшего решения.

5. Лексемы с семантикой запрета, восходящие к основе *хору-*

Наряду с этим функционирует словообразовательное гнездо с семантикой запрета, восходящее к основе *хору-*: глаголы *хоруур* ‘запрещать’, *хоругдаар* ‘заключать под стражу’; существительные *хоруг* ‘запрет, запрещение’, *хоругдал* ‘1. Запрет, запреще-

ние; 2. Заключение под стражу'; наречие *хоруглуг* 'запрещено, воспрещено' (см. также в [ТРС 1968: 485].

Данный ряд лексем, определяемый как репрезентанты запрета-регулятива, употребляются в книжном стиле и официально-деловом дискурсе. Употребление их в разговорном дискурсе предполагает различные обсуждения в бытовом общении, например, о том или ином запрете, исходящем от органов власти, официальных или других авторитетных лиц.

В Этимологическом словаре тюркских языков указывается, что основа *қо:ра-* / *кору-* / *коры-* / *хору-* выражает в тюркских языках значения: 1. огораживать, обносить загородкой / забором; 2. запрещать, налагать запрет; хранить, охранять; сохранять; беречь, оберегать, стеречь, защищать, обронять; 3. покровительствовать, поддерживать; 4. задержать, удержать; 5. покрывать расходы [ЭСТЯ 2000: 75].

В тувинском языке в основе *хору-* реализуется из указанных второе значение «запрещать». Глагол *хоруур* 'запретить, запрещать' передает значение «не позволить кому-либо, делать что-либо, какое-либо действие», управляет дательным и винительным падежами.

(23) *Оолдар ылым-чылым олурганнар, чүгэ дээргэ Саадак динчирээшик ин үезинде алгырарын болгаш маңнажырын ишүңгүү *хоруп* каан* 'Мальчишки очень тихо сидели, потому что Саадак строго запретил во время грома кричать и бегать' [ЭКТЯ. М. Кенин-Лопсан. Чүгүрүк Сала. 1965];

(24) *Адыг өлүрерин *хораан* турда-ла, ий-и-чаңыс төтчеглекчилер тайбың чораан амыттаниржес мези арны бээр чүве-дир ийин* 'Несмотря на то, что запрещено убивать медведя, редкие браконьеры покушаются на мирно живущих зверей' [ЭКТЯ. Э. Донгак. Чолдак аңчынын чугаалары. 1982];

(25) *Ынчангаши маңаа чөпшээрэл чок аңнарын *хоруп* каан* 'Поэтому здесь запретили охотиться без разрешения' [ЭКТЯ. Э. Донгак. Чолдак аңчынын чугаалары. 1982].

Основа *хору-* в тувинском языке дала развитию целого ряда других лексем. Рассмотрим словообразовательное гнездо, образованное на базе исходной основы *хору-*. Глагол *хоругдаар* 'заключать под стражу' образован в результате присоединения к глагольной основе *хору-* словообразовательного форманта *-г* (*хору-г* 'запрет, запрещение') и продуктивного словообразова-

тельного аффикса *-ла-/да-/та*. Далее от нее образуется основы понудительного залога *хоругдат-* 'дать заключить под стражу', *хоругдаттыр* 'заставить заключить под стражу', которые в свою очередь послужили основой для образования причастия *хоругдаттырган* 'заключенный под стражу':

(26) *Колхозтуң хоралакчыларын шөлүүрун шөлүп, тудуп хоругдаарын хоругдаан* 'Из колхозных вредителей тех, кого нужно сослать, — сослали, кого нужно заключить под стражу — заключили под стражу' [ЭКТЯ. Э. Донгак. Эрги хонаштар. 1983].

К производной глагольной основе *хоругда-* восходит и существительное *хоругдал* '1. Запрет, запрещение; 2. Заключение под стражу', образованное при помощи аффикса *-л*.

(27) *Даргавыс медеге аյттар оъткаарын чөпшээрэвэс кижи болгай, айттарымны эки төткуул алзын дээш, ол *хоругдалды* үрепкеним ол* 'Наш председатель не разрешает пасти лошадей на клевере, (но) чтобы мои лошади досытта напаслись, я нарушил этот запрет' [ЭКТЯ. С. Сарыг-оол. Хүннүн ыраажылары. 1977].

Реализация второго значения лексемы *хоругдал* видна в следующих примерах:

(28) *Та *хоругдалдан* дескен дургүн чuve, та орус хааның каржы шииткелинден дезин келчик бе, Хемчик ондарларының аразынга Мыкыллай дөп аттыг орус кижи чурттай берген* 'Неизвестно, беглец ли он из тюрьмы или, может быть, сбежал от жестокого суда русского царя, среди рода ондар, проживавших в долине реки Хемчик, поселился русский человек по имени Николай' [ЭКТЯ. Е. Танова. Ширбиилиң холдан салба. 1993];

(29) *Олар-бile демиселим мээн бодумну *хоругдал* адаанчe кириштерин ынчан кайын каразыыр ийик мен* 'Как я мог тогда подумать, что борьба с ними приведет меня к заключению под стражу'. Последний пример демонстрирует устойчивое сочетание *хоругдал адаанчe кир-* 'попадать под заключение под стражу' [ЭКТЯ. М. Дуюнгар Бөрү дүнү. 1991].

Значение лексемы *хоругдал* «заключение под стражу» дало развитие понятию *хоругдал бажыңы* 'тюрьма; помещение, в котором содержатся заключенные' (букв. дом заключения):

(30) *Дужувуста чунар-бажыңчe шагдаалар хөй-ле кижини киир суруп турлар. Оларны *хоругдал бажыңының* улуузу дээр чораан* 'В баню на-

против нас милиционеры заводят многочисленных людей. Говорят, это люди из тюрьмы' [ЭКТЯ. Е. Танова. Ширбиилиң холдан салба. 1993].

От существительного *хоруг* 'запрет, запрещение' образовано наречие *хоруглуг* 'запрещено, воспрещено':

(31) *Кайы-хамаан чок куда-хувуй кылры, эң ылаңгыя сиғен-тараа уезинде хоруглуг чүве болгай* 'Устраивать беспорядочно свадьбы, особенно во время покоса, запрещено' [ЭКТЯ. М. Кенин-Лопсан. Чүгүрүк Сарала. 1965];

(32) *Шак ол күстен бээр Пөштүг-Эзим иштин аңнаары хоруглуг* 'Начиная с той осени в местечке Пощтүг-Эзим охота запрещена' [ЭКТЯ. Э. Донгак. Чолдак аңчынын чугаалары. 1982].

6. Глаголы *бол-* и *сокса-*, имплицитно выраждающие корректив

Два глагола *бол-* и *сокса-*, инклюзивно выраждающие семантику «прекращать», функционируют в тувинском языке как речевые маркеры. В императиве 2-го лица они оба передают приказ о прекращении совершения того или иного действия. Рассмотрим примеры:

(33) — *Болуңар, шагдаалар кел чыдыр!* 'Прекращайте, милиционеры идут!' [ЭКТЯ. В. Хомушку. Мончарлыг кижи. 1986];

(34) — *Сокса, Марта, сокса!* Чүү болган чүвэл? 'Прекрати, Марта, прекрати! А что вообще случилось?' [ЭКТЯ. С. Сюрюн-оол. Ак-Төш. 1984].

В 3-м лице глагол *сокса-* (*соксазын*) выражает опосредованный приказ, тогда как форма 3-го лица глагола *бол-* (*болзун*) находится, видимо, на стадии грамматикализации и ее перехода в разряд модальных частиц (см. выше пример 4):

(35) *Сокса! Болзун! Шалырава, шагым чиве!* 'Прекращай! Хватит! Не болтай, не трать мое время!' [ЭКТЯ. С. Сарыг-оол. Хүннүң ыра-ажылары. 1977];

(36) — *Че, ам болзун, оолдар. Четкини че-жисп, балыктарны салыптыңар* 'Ладно, достаточно, парни. Развяжите сеть, отпустите рыб' [ЭКТЯ. Е. Танова. Ширбиилиң холдан салба. 1993].

Глагол *бол-* является одним из основных тюркских полисемантических глаголов. Одним из его значений выступает семантика «заканчивать, прекращать», которая не была учтена при составлении тувинских языковых словарей. В этом значении он часто функционирует в разговорной речи.

Выходы

Проанализированные грамматические и лексические средства выражения семантики запрета в современном тувинском языке различаются по своим значениям и pragmaticеским, стилистическим функциям. Отрицательный императив является типичным и универсальным репрезентантом значения запрета и в тувинском языке, как и в других языках. Другие средства выражения запрета, кроме отрицательной формы будущего времени *-бас*, являются стилистически маркированными (см. таблицу 1).

При выражении запрета важное место занимает интонация, которая взаимодействует с собственно формальными его показателями, контекстом и коммуникативной ситуацией. Реализация функциональных типов запрета грамматическими и лексическими средствами выражения функционально-семантическом поле представлена в таблице 1.

Таблица 1. Семантика и стилистическая дифференциация средств выражения семантики запрета

[Table 1. Semantics and stylistic differentiation of means employed to express the semantics of prohibition]

Средства выражения семантики запрета	Функциональные типы запрета				Стилистическая принадлежность	
	регулятив	превентив	констатив	корректив		
Отрицательный императив	2-е лицо	—	+	—	+	—
	3-е лицо	—	+	—	+	адмонитив

Форма прошедшего времени на <i>-ды</i>	2-е лицо	—	—	—	—	адмонитив	Р
	1-е лицо	—	—	—	—		
Отрицательная форма будущего времени <i>-бас</i>	2-е лицо	—	+	—	—	—	Ø
	3-е лицо	+	—	—	—		
Аналитическая форма <i>Tv-n болбас</i>	3-е лицо	+	+	+	—	—	К
Частица <i>хоржсок</i>		—	+	—	—	—	Р
Частица <i>адыр</i>		—	—	—	+	—	Р
Частица <i>болзун</i>		—	—	—	+	—	Р
Лексемы, восходящие к основе <i>хору-</i>		+	—	—	—	—	К
Глагол <i>сокса-</i>	2-е лицо	—	—	—	+	—	Р
	3-е лицо	—	—	—	+	—	Р
Глагол <i>бол-</i>	2-е лицо	—	—	—	+	—	Р

Принятые обозначения: “+” — наличие признака; “—” — отсутствие признака; “Ø” — стилевая немаркированность признака; “Р” — принадлежность разговорному стилю; “К” — принадлежность книжному стилю.

Устанавливается, что функциональные типы запрета, выделенные для других языков, в тувинском языке проявляются следующим образом: значение запрета-превентива получает большую маркированность как грамматически, так и лексически; примечательно, что регулятив выражается посредством отрицательной формы будущего времени на *-бас*, она также входит с структурой аналитической формы с тем же значением; значение корректива передается отрицательным императивом и лексическими средствами; значительно реже представлено значение констатива — как одно из значений аналитической формы *Tv-n болбас*. Последняя обладает сравнительно более широким значением, так как может передавать три значения: регулятив, превентив, констатив.

Отрицательный императив 3-го лица может передавать и адмонитивное значение. Адмонитив в тувинском языке может также передаваться формой прошедшего времени на *-ды*. Проанализированный материал показал, что более грамматикализованным в тувинском языке является значение превентива, менее всего — констатива.

На уровне лексики семантика запрета-регулятива содержится в целом ряде лексем, восходящих к древней основе *хору-*. Приводятся также два глагола, инклузивно содержащие сему запрета-регулятива (*сокса-* и *бол-*), которая особенно четко проявляется в императиве. Последний из них представляет собой один из основных тюркских полисемантических «бытийных» глаголов, одним из значений которого выступает семантика «прекращать». Отмечается функционирование специальных прохабитивных показателей — лексем *хоржсок*, *болзун* и *адыр*, частеречный статус которых еще не определен.

Дальнейшее развитие в исследовании данной темы представляется в определении семантического сочетания определенных лексико-семантических групп глаголов с лексико-грамматическими показателями прохабитива в тувинском языке. Отдельным вопросом рассмотрения будет семантическое соотношение положительных и отрицательных форм соответствующих форм в глагольной парадигме.

Источники

ЭКТТЯ — Электронный корпус текстов тувинского языка [электронный ресурс] // URL: <http://www.tuvancorpus.ru/> (дата обращения: 10.12.2020).

Sources

Online Tuvan Text Corpus. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/> (accessed: December 10, 2020). (In Tuv.)

Литература

- Беляева 1992 — *Беляева Е. И.* Грамматика и pragmatika побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.
- Бирюлин, Храковский 1992 — *Бирюлин Л. А., Храковский В. С.* Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций. М.: Наука, 1992. С. 5–50.
- Дамбаа 2005 — *Дамбаа О. В.* Лексические средства отрицания в тувинском языке в сопоставлении с южносибирскими тюркскими, монгольским и древнетюркским языками: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
- Иосифова 2010 — *Иосифова В. Е.* Побудительные высказывания, выражающие запрещение // Преподаватель. XXI век. 2010. № 3. С. 278–283.
- Кибrik 2001 — *Кибrik A. E.* (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М.: Наследие, 2001. 930 с.
- Молчанова 1976 — *Молчанова Г. П.* Императивные предложения и их лексико-грамматическая характеристика в современном английском языке // Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-та иностранных языков. Вып. 105. Минск: Изд-во МГПИИЯ, 1976. С. 29–50.
- Ондар 1996 — *Ондар Ч. С.* Семантика аналитических конструкций с вспомогательными глаголами *бол-*, *шида-*, *чада-* в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. С. 120–129.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 669 с.
- Сарайкина 2007 — *Сарайкина О. В.* Репертуар языковых средств выражения семантики запрета: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 21 с.
- Сат, Салзынмаа 1980 — *Сат Ш. Ч., Салзынмаа Е. Б.* Амги тыва литературлуг дыл (= Современный тувинский язык). Фоне-
- тика, морфология. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1980. 257 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
- Фатеме 2011 — *Фатеме Назари.* Способы выражения запрета в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6(2). С. 684–686.
- Хертек 2020 — *Хертек Л. К.* Лингвокультурный концепт ЗАПРЕТ в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 170–174.
- Храковский, Володин 1986 — *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.
- Шатуновский 2000 — *Шатуновский И. Б.* Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 319–325.
- Шмелева 1990 — *Шмелева Е. А.* Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Функционально-типологические аспекты анализа императива: в 2 ч. Ч. 2. Семантика и pragmatika повелительных предложений. М.: Институт языкоznания АН СССР, 1990. С. 66–71.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'Б'. М.: Наука, 1978. 348 с.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'К' / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Наука, 2000. 261 с.
- van der Auwera, Lejeune, Goussov 2005 — *van der Auwera J., Lejeune L., Goussov V.* The Prohibitive // Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds.). The World Atlas of Language Structures. New York: Oxford University Press, 2005. P. 290–293.

References

- Belyaeva E. I. English Language: Grammar and Pragmatics of the Hortative. Voronezh: Voronezh State University, 1992. 168 p. (In Russ.)
- Biryulin L. A., Khrakovskiy B. S. Imperative sentences: problems of theory. In: Typology of Imperative Constructs. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 5–50. (In Russ.)
- Dambaa O. V. Tuvan Lexical Negation Means: A Comparative Perspective from Southern Sibe-
- rian Turkic, Mongolian, and Old Turkic Languages. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Novosibirsk, 2005. 20 p. (In Russ.)
- Iosifova V. E. Hortative sentences of prohibition. *Prepodavatel. XXI vek.* 2010. No. 3. Pp. 278–283. (In Russ.)
- Khertek L. K. Linguocultural concept PROHIBITION in the Tuvan heroic tales. *Philology. Theory & Practice.* 2020. Vol. 13. No. 7. Pp. 170–174. (In Russ.)

- Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. Semantics and Typology of the Imperative: Russian Imperative. Leningrad: Nauka, 1986. 272 p. (In Russ.)
- Kibrik A. E. (ed.) Bagvalal Language: Grammar, Texts, Dictionaries. Moscow: Nasledie, 2001. 930 p. (In Bag. and Russ.)
- Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with the Letter 'K'. Moscow: Nauka, 2000. 261 p. (In Russ. and Turk.)
- Molchanova G. P. Imperative sentences and their lexicogrammatical characteristics in modern English. In: Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Collected Papers. Vol. 105. Minsk: Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 1976. Pp. 29–50. (In Russ.)
- Nazari F. Linguistic means of expressing prohibition in the Russian language. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011. No. 6 (2). Pp. 684–686. (In Russ.)
- Ondar Ch. S. Semantics of Tuvan analytical constructs with the auxiliary verbs *бол-*, *шыда-*, *чада-*. In: Languages of Indigenous Siberian Peoples. Vol. 3. Novosibirsk: Institute of Philology (Sib. Branch of RAS), 1996. Pp. 120–129. (In Russ.)
- Plungyan V. A. Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of Languages. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011. 669 p. (In Russ.)
- Saraykina O. V. Semantics of Prohibition: The Scope of Language Means Revisited. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2007. 21 p. (In Russ.)
- Sat Sh. Ch., Salzynmaa E. B. Modern Tuvan: Phonetics, Morphology. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1980. 257 p. (In Tuv. and Russ.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with the Letter 'Б'. Moscow: Nauka, 1978. 348 p. (In Russ. and Turk.)
- Shatunovsky I. B. Speech acts of permission and prohibition in Russian. In: Logical Analysis of Language. Languages of Ethics. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 2000. Pp. 319–325. (In Russ.)
- Shmeleva E. A. Permission and prohibition as hortative speech acts. In: The Imperative. Functional and Typological Aspects of Analysis. In 2 vols. Vol. 2: Semantics and Pragmatics of Imperative Sentences. Moscow: Institute of Linguistics (USSR Academy of Sciences), 1990. Pp. 66–71. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Language. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 648 p. (In Tuv. and Russ.)
- van der Auwera J., Lejeune L., Goussov V. The Prohibitive. In: Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds.). The World Atlas of Language Structures. New York: Oxford University Press, 2005. Pp. 290–293. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 375–383, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.141: 81'373.21
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-375-383

Башкирские фамильные антропонимы от названий социальных титулов, званий и чинов: историко-этимологический анализ

Резида Ахметьяновна Сулейманова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, Уфа 450054, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2714-5950. E-mail: suleimanova-r@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Сулейманова Р. А., 2021

Аннотация. Введение. Изучение фамильных антропонимов, связанных с названиями социальных титулов, чинов и званий, на основе фактического материала имеет весьма актуальное значение. Актуальность исследования обуславливается тем, что изучение фамильных онимов, связанных с названиями социальных титулов, званий и чинов, осуществляется в нескольких аспектах. Цели и задачи. Рассмотрение фамильных антропонимов, связанных с названиями социальных титулов, чинов и званий, в историко-этимологическом и лексико-семантическом аспектах является главной целью исследования. Восстановление некоторых древних имен, полностью выпавших из современной антропонимической системы, возможно на основе анализа фамилий, зарегистрированных в исторических документах. Основными задачами исследования являются определение способов происхождения фамилий, связанных с названиями социальных титулов, званий и чинов, на основе фактического материала, а также установление соответствий между историческими фактами и преобразованием на некоторых этапах жизнедеятельности общества понятий, некогда употреблявшихся в качестве названий титулов, званий и чинов, в антропонимы. Материалы и методы. Фамилии, восходящие к названиям титулов, званий и чинов, зарегистрированных в научном двухтомном издании «Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842). Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы», были использованы в качестве материала исследования. В работе были использованы следующие лингвистические методы: описательный, этимологический, сопоставительный, статистический. Результаты. Историко-этимологический анализ фамилий на основе онимов хан ~ кан ‘хан ~ кан’, бәк~бик ‘бек ~ бик’, бей ‘бий’, батыр ‘батыр’, алт, алып ‘алп’, шакман ‘шакман’ позволил сделать выводы о значимой роли названий титулов, чинов и званий в формировании башкирской антропонимики. Рассмотрение онима хан ~кан как антропонимической основы, к примеру,

позволило выявить, что институт ханства существовал в жизни башкир издревле, еще задолго до золотоордынского ханства, поэтому фамильные онимы на основе лексемы *кан* (хан) имели широкое распространение. Было также выявлено, что в сравнении с фамильными онимами на основе названия титула *бек*, фамилии, образованные присоединением антрополексемы *бик*, встречаются гораздо чаще. В ходе исследования также было обнаружено, что названия чинов *батыр*, *алт*, *шакман*, *алдар*, присваиваемые когда-то доблестным батырам за их отважность и мужество, также нашли отражение в башкирских фамилиях.

Ключевые слова: башкирская ономастика, социальный титул, звание, чин, антропонимика, фамильные онимы, этимология

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: AAAA-A17-117040350082-3).

Для цитирования: Сулейманова Р. А. Башкирские фамильные антропонимы от названий социальных титулов, званий и чинов: историко-этимологический анализ // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 375–383. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-375-383

Bashkir Family Names Derived from Social Titles and Ranks: Historical and Etymological Analysis

Rezida A. Suleimanova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-2714-5950. E-mail: suleimanova-r@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Suleimanova R. A., 2021

Abstract. *Introduction.* Exploration of family anthroponyms associated with names of social titles and ranks on the basis of factual materials is of special significance, especially when it comes to examine the former in several essential perspectives. *Goals.* The study primarily aims at considering family names derived from social titles and ranks in historical /etymological and lexical/semantic perspectives. Restoration of some ancient names that have got completely excluded from the historical anthroponymic system is possible through analysis of surnames recorded in historical documents. The article seeks to determine the actual methods of deriving surnames from social titles and ranks, as well as to establish correspondences between historical facts and transformed (at certain stages of social life) concepts that had been once used to denote such titles and ranks further manifested in anthroponyms. *Materials and Methods.* The work analyzes surnames derived from titles and ranks registered in the scientific two-volume edition ‘*Documents and Materials on Bashkir History, 1836–1842: Formulary Lists of Civil Servants Attached to the Bashkir-Mishar Tatar Host, 1836–1842*’ . The study employs a number of linguistic methods, such as the descriptive, etymological, comparative, and statistical ones. *Results.* Thus, the historical and etymological analysis of surnames derived from the onyms *хан* ~ *кан* ‘khan ~ qan’, *бәк* ~ *бик* ‘beg ~ b(e)ik’, *бәй* ‘bey’, *батыр* ‘ba(gha)tur’, *алт*, *алын* ‘alp’, *шакман* ‘shaqman’ makes it possible conclude as to the significance of titles and ranks in the formation of Bashkir anthroponymy. For example, the insight into the onym *хан* ~ *кан* serving an anthroponymic basis reveals that the institution of *khanate* had existed in Bashkir society since ancient times, long before the Golden Horde, which resulted in that *кан* (хан) — stemmed family onyms (as well as related phonetic versions of the lexeme) were widespread enough. The paper also shows that surnames containing the title lexeme *бик* were much more common than those derived from the form *бек*. Another finding is that quite a share of discovered Bashkir surnames were derived from ranks bestowed to war heroes (*батыр*, *алт*, *шакман*, *алдар*).

Keywords: Bashkir onomastics, social title, rank, anthroponymy, family onyms, etymology

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Suleimanova R. A. Bashkir Family Names Derived from Social Titles and Ranks: Historical and Etymological Analysis. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 375–383. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-375-383

Введение

Некоторую часть исторического башкирского антронимикона составляют имена, связанные с названиями социальных титулов и званий, чинов. В настоящее время большинство личных имен данной разновидности используются крайне редко. Некоторые из них вообще полностью выпали из антронимикона. Восстановление их возможно лишь в результате изучения фамилий.

В башкирской антронимической науке имена данной группы в некоторой степени исследованы. К примеру, башкирский антронимист Т. Х. Кусимова рассматривает имена, связанные с названиями социальных титулов и званий, чинов, как отдельную группу. Как отмечает ученый, «у древних тюркских народов широко использовались названия чинов, титулов, слова со значением храбрости, уважения, но до появления официальных понятий в качестве наименований чинов и титулов употреблялись термины родства и почтительного отношения» [Кусимова 1975: 29].

Рассматриваемые нами имена, наряду со многими антронимами тюркского происхождения, приводятся и исследуются в семантическом плане в словаре «Башкирские имена тюркского происхождения» Ф. Г. Хисамитдиновой и С. Х. Тупеева [Хисамитдинова, Тупеев 2006]. Упоминается данная группа и в работе З. М. Раимгужиной [Раимгужина 2006].

Следует отметить, что в плане исследования имен, связанных с названиями некоторых титулов, взгляды ученых неоднозначны, на чем мы остановимся подробнее ниже. Анализ состояния изучения вопросов, связанных с особенностями фамильных онимов, рассматриваемой нами группы, показал, что проблема эта практически не решена и требует дальнейшего подробного

рассмотрения. В данной статье фамильные антронимы, связанные с названиями титулов, чинов и званий, впервые подвергаются историко-этимологическому анализу. Основным **источником** исследования послужили «Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мешерякского войска за 1836–1842 годы», вышедшие в двух книгах (2012, 2014 гг.), в которых опубликованы документы второй четверти XIX в., в первую очередь, формулярные списки чиновников Башкирско-мешерякского войска. Формулярные (послужные) списки — это форма систематического и регулярного учета российского военного и гражданского чиновничества, существовавшая с середины XVII в. до 1917 г. [ДМИБН 2012, 1; ДМИБН 2014, 2].

Фамильные антронимы связанные с названиями социальных титулов званий и чинов

В источнике исследования, выступившего материалом, зафиксировано немалое количество фамилий, образованных с помощью присоединения тем или иным основам слов тюркского происхождения: *хан* ‘хан’, *бай* ‘бай’, *бей* ‘бий’, *бәк* ‘бек’, *түрә* ‘туря’, *тархан* ‘тархан’, *хаким* ‘хаким’, *батыр* ‘батыр’, *каган* ‘каган’, *кол* ‘кул’, *сурә* ‘сурә’, *алп* ‘алп’, *сокман* ‘сукман’), арабского происхождения (сөлтән ‘султан’, әмир ‘амир’, *шәйех* ‘шайх’, *мулла* ‘мулла’), персидского происхождения (*шах* ‘шах’, *кужә* ‘кужа’, *мирза* ‘мирза’).

Несмотря на сложность определения того, в какие исторические периоды и для обозначения какого звания употреблялись рассмотренные нами названия титулов, званий и чинов, об их происхождении и начале их использования можно судить на основе исторических источников и древних записей.

Возможно, что лексемы, ранее обозначавшие храбрость, силу и отважность и

функционировавшие в качестве прозвища в отношении смелых, доблестных мужчин, позже, на некотором этапе жизнедеятельности общества, приобрели статус титулов. Например, слово *батыр* первоначально означало ‘храбрый муж, герой, вызывающий перед битвой или сражением силачей противника’. В золотоордынский период лексема *батыр* использовалась не только для обозначения представителя военно-кочевой знати, но и как почетный титул, который получали ханы за личную храбрость и умелое руководство военными действиями [ИБН 2012: 254]. В дальнейшем же названия этих титулов, званий и чинов нашли отражение в антропонимической системе в качестве личных имен или имяобразующих компонентов.

1. Фамильные онимы, образованные от лексемы *хан ~ кан ‘хан ~ кан’*

Титул хана нашел отражение в антропонимической системе всех тюркских народов. Как известно, этот титул использовали с VI в. со временем Великого тюркского каганата.

Высшую ступень в иерархической структуре родоплеменной знати занимали ханы. Они возглавляли представляющие собой военно-политические объединения нескольких крупных племен. Институт ханства был присущ башкирскому обществу задолго до монгольских походов. Уже до наступления монголов во главе с Чингис-ханом Южный Урал считался Союзом семи башкирских племен, известным доселе как ‘*ете ырыу*’. Общеизвестным доныне остается и Масим-хан, под властью которого было объединено 12 башкирских племен. «В ста-рину жил хан по имени Мясем. <...> у него двенадцать биев под рукой...», — говорится в эпосе «Кусяк-бий» [БНТ 1987: 464–491], в котором отражены события IX–XII вв. из жизни башкир горно-лесной части Южного Урала. Не только историкам, но и немалой части башкирской интеллигенции знакомо имя Ураз-хана, возглавлявшего союз башкир племен Юрматы, Кыпсак и других, населявших территорию близ бассейна реки Белая [ИБН 2012: 249].

Информацию о существовании института ханства в башкирском обществе, в частности сведения о ханах того или иного башкирского племени, можно обнаружить

и в труде видного этнографа Р. Г. Кузеева «Башкирские шежере» [БШ 1960: 104, 117]. Например, в шежере племени Кыпсак говорится: «Нух, его сын Яфес, его сын Илхэ, его сын Мэглюм, его сын Карай хан, Карай хана называют Огуз ханом. Огуз хан, предоставив Кычак-хану многочисленные войска, отправил его ханом по долинам рек Кик, Итиль и Яик. От времен Огуз-хана до времен Чингиз-хана, четыре тысячи лет ханствовал на этих землях Кычак-хан. Все кипчакские роды состоят из потомков Кычак-хана. Поэтому долины этих великих рек называются кипчакскими землями» [БШ 1960: 104].

В этом же источнике были зафиксированы имена *Канбулат*, *Кансура*, *Канчияр*, что еще раз свидетельствует о том, что антропонимы, восходящие к названию рассматриваемого социального титула, являются очень древними. Как известно, лексема *хан* в башкирской антропонимике чаще используется в форме *кан ‘хан’* [EDAL 2003: 797].

В «Древнетюркском словаре» это слово под вторым значением дается в форме *qan* и трактуется как ‘хан, правитель; предводитель’. В третьем значении выделяется имяобразующая функция [ДТС 1969: 417].

Восстановление полного перечня личных имен с компонентом *кан ‘хан’* возможно лишь в результате изучения фамилий, поскольку имена с компонентом *кан ‘хан’* в настоящее время не используются. В материалах исследования встречаются следующие фамильные онимы: *Канаев*, *Канбаров*, *Канбулатов*, *Кангильдин*, *Кангулов*, *Канзахаров* / *Канзефаров*, *Канзикеев*, *Канмуллин*, *Кансуяров*, *Канчурин*, *Кантуганов*, *Каныбеков*, *Каныкаев* и др.

В настоящее время среди башкир отдается предпочтение таким именам, которые образованы именно от лексемы *хан*: *Батырхан*, *Ирхан*, *Илхан*, *Хантимер*, *Ханбулат* [Сулейманова 2013: 115].

2. Слова *бәк ~ бик ‘бек ~ бик’; бей ‘бий’* в составе башкирских фамильных антропонимов

2.1. *бәк ~ бик ‘бек ~ бик’*

В «Древнетюркском словаре» первое значение слова *бек* дается как ‘правитель, вождь, князь’. Во втором значении это слово определяется как собственное имя [ДТС 1969: 91], что также свидетельствует о древ-

ности антронимов, образованных от данной лексемы.

В исследуемом нами источнике фамильных онимов, образованных от названия титула *бек*, наблюдается мало: *Бектимиров*, *Бекчурин*. Однако, в отличие от него, намного больше зафиксировано фамилий, образованных на основе антроплексемы *бик*: *Бикбаев* / *Бикбаов*, *Бикбалтин*, *Бикбердин*, *Бикбов*, *Бикбулатов*, *Бикжанов* / *Бикзянов*, *Биккинин*, *Биккужин* / *Биккузин*, *Биккулов*, *Биккусюков*, *Биккучкаров*, *Биккушев*, *Бикметов*, *Бикмухаметов*, *Бикташев*, *Биктимиров* / *Биктимиров*, *Бикчурин*, *Бикъарсланов* и др. По мнению некоторых ученых, этот имяобразующий компонент восходит к лексеме, обозначающей титул *бек* [Хисамитдинова, Тупеев 2006: 21]. Ф. Г. Хисамитдинова и С. Х. Тупеев при семантическом анализе личных имен с компонентом *бик* отождествляют эти две лексемы (*бик* и *бек*): *Бикйэн* — *бæk + йэн*, *бæk булыр йэн* ‘Бикъян’ — *бек + ян*, душа как у бека’, *Биктабир* *бæk + табир* (*нæсел*), *бækтэр нæселенэн* (‘Биктабир’ *бек + табир* (род, племя), из рода, племени беков’) и др. В данном словаре зафиксировано свыше трех десятков личных имен с компонентом *бик* (*бек*) [Хисамитдинова, Тупеев 2006: 21–23].

Иначе подходят к данному вопросу Т. Х. Кусимова и С. А. Биккулова, анализируя эти антронимические онимы: они считают, что *бик* имеет значение ‘очень; крепко’, ‘крепкий, твердый’. Например, *Бикбирди* (*бик* ‘крепкий’ + *бирди* ‘дал’), *Биктабир* (*бик* ‘крепкий’ + *табир* ‘происхождение’), *Биктагир* (*бик* ‘очень’ + *тагир* ‘чистый, честный’) и т. д. [Кусимова, Биккулова 2000: 26–27].

Более правильным, на наш взгляд, является первая точка зрения, поскольку личные имена с компонентом *бик* часто встречаются и в башкирских шежере, представляющих собой историческую летопись древних башкир. По нашим предположениям, лексема *бик*, утратив свое первоначальное значение *бæk* ‘бек’, со временем начала употребляться в значениях ‘очень’ или ‘крепкий’ [EDAL 2003: 1083].

2.2. *бей* ‘бий’

В материале исследования были обнаружены фамильные онимы, образованные от названия титула *бай*, например: *Бишиев*

/ *Биешев*, *Байгильдин*, *Бигишиев*, *Биимбетов*, *Баймухаметов* и т. д. Определение точного времени использования данной лексемы как названия титула и имяобразующего компонента представляется невозможным. По сведениям из шежере рода Карагай-Кыпсак, известно истории имя *Кусякбий*: «Сын Бабсака *Кусякбий*, взяв трех аксакалов своей страны, то есть трех князей, Бикбау и Мишавле Каракужака и Шагали Шакмана, вместе с этими спутниками пошли и поклонились Белому царю и получили грамоты ...» [Шагманов 2007: 37].

В башкирских шежере лексема *бай* зафиксирована и как название титула, и как имяобразующий компонент (Бииш, Бигул) [БШ 1960: 287]. По историческим данным относительно башкирских родов и племен, все родоплеменные вожди вплоть до конца XVI в. назывались биями [ИБН 2012: 251].

Этимологические исследования в отношении лексемы *бай* характеризуются противоречивыми взглядами. Например, В. В. Бартольд определяет ее как видоизмененную форму слова *бек*. Свою точку зрения он доказывает фактом отсутствия данного слова в письменных памятниках, датируемых периодом до XV в. [Бартольд 2002: 94].

По мнению исследователей башкирской антронимической системы башкирского языка Т. Х. Кусимовой, С. А. Биккуловой, «самый распространенный титул в составе башкирских имен — это слово *бай*, в башкирских шежере оно употреблялось в форме *бей*» [Кусимова, Биккулова 2000: 168].

С данной точкой зрения в какой-то мере невозможно не согласиться, поскольку имеется много фамилий *Башиев*, *Байгильдин*, *Баимбетов*, *Баймухаметов*, которые, возможно, и являются фонетическими вариантами вышеназванных фамилий *Бишиев*, *Байгильдин*, *Бигишиев*, *Биимбетов*, *Баймухаметов*. Мы поддерживаем эту гипотезу, поскольку, на наш взгляд, восхождение лексемы *бай* к древнетюркскому слову *baj* ‘богатый’ более реалистично. На то, что антроплексема *бай* существовала издревле, указывает и то, что в «Древнетюркском словаре» она рассматривается как собственное имя (*baj aра baj buya baj temür*) [ДТС 1969: 79].

По мнению Ф. Г. Хисамитдиновой, С. Х. Тупеева, «слово *бай* выражает значе-

ния ‘богатый, хозяин, господин, высокопоставленный человек, добрый’» [Хисамитдинова, Тупеев 2006: 4].

В словообразовательной системе многих тюркских языков лексема *бай* является активной производящей основой для образования сложных личных имен, преимущественно мужских. Это особенно характерно для кыпчакских языков, а также узбекского, уйгурского, гагаузского языковых сообществ.

3. Лексемы *батыр* ‘батыр’, *алп*, *алып* ‘алп’, *шакман* ‘шакман’, *алдар* ‘алдар’ в составе башкирских фамилий

3.1. *батыр* ‘батыр’

В числе древних считаются также и следующие фамилии, обнаруженные в материале исследования: *Батырбаев*, *Батыров*, *Батыргужин* ~ *Батыргузин*, *Батыршин*. Наиболее распространенной из данного перечня является фамилия *Батыршин*, в источнике зафиксировано до пяти десятков ее носителей. Данный фамильный оним представлен в двух вариантах: *Батыршин* ~ *Батыршиын* (первый вариант соответствует орфографическим нормам). В башкирских шежере же зафиксированы имена *Батырша*, *Батыршах* [БШ 1960: 69, 167]. Первичный корень фамильных онимов, образованных путем присоединения к ним лексемы *батыр*, восходит к прозвищу «добрый батыр», которое давалось отважным мужчинам.

Уходящему в глубь веков институту батыров, глубокопочитаемых лиц у башкир, придавалось особое значение. Само слово *батыр* ‘храбрый, богатырь’ имеет древнетюркское происхождение, восходит к слову *batur* ‘герой’, ‘богатырь’ [ДТС 1969: 89]. Батыры, будучи сильными, отважными и авторитетными в кругу соплеменников, стояли во главе ополчений в ходе военных конфликтов с соседями либо актов *карымты* (кровная месть) и *барымты* (захват скота).

В период царствования Золотой Орды понятие *батыр*, кроме обозначения представителей военно-кочевого дворянства, приобрело статус и почетного титула, которым наделяли лицо за его особое мужество и умелое управление военными действиями [ИБН 2012: 254].

Немало батыров известно из истории башкирского народа. Особенной вехой в судьбе башкир можно назвать XVII–XVIII вв., когда батыры, не щадя ни души своей, ни тела, боролись за права и свободу своего народа, ради светлого будущего последующих поколений.

Глубокое почитание батыров получило яркое отражение в башкирском устном народном творчестве. Образ батыра, заслуживающий всенародного восхваления, восхищения и поклонения, широко представлен в эпическом наследии башкирского народа (эпических сказаниях, кубаирах, сказках), воспевается он и во многих исторических песнях.

В настоящее время в имянаречении башкирских детей широко используется имя *Батырхан*.

3.2. *алп*, *алып* ‘алп’

В материале исследования была обнаружена фамилия *Алтаев*. Ее основа восходит к древнетюркскому слову *alp*, используемому в трех значениях: 1) ‘меткий стрелок’; 2) ‘герой, богатырь, витязь’; 3) ‘отважный, храбрый’ [ДТС 1969: 36].

В «Диване лугат-ит тюрк» М. Кашгари дается указание на использование данного слова в качестве антропонима: «*Alp er Er toqa* — имя легендарного правителя Турана, к которому возводится генеалогия тюркских Карабанидов» [ДТС 1969: 36].

В башкирском языке слово *алп* использовалось в качестве эпитета для обозначения батыра с могучим ростом, силой и отвагой [ИБН 2012: 254]. Именно в этом аспекте широко изображены алпы и в башкирском народном творчестве.

Этнически своеобразные легенды башкирского народа о происхождении гор от великанов-алпов и о рождении самих алпов из гор близки по своей типологии к легендам-сказаниям, сложившимся в эпоху первобытно-общинного строя в фольклоре о нартах, в фольклоре финно-угорских народов о камнях-скалах и героических исполнах [БНТ 1987: 483].

Например, башкирская легенда «Двугорье Алпа-кум», записанная в Илишевском районе Республики Башкортостан, также свидетельствует о существовании алпов. Согласно данной легенде, человек из рода алпов в поисках своих соплеменников при-

был в эти края (то есть на территорию нынешнего Илишевского района) и после долгого пути решил присесть для отдыха. Сняв сапоги, высыпав из них песок, продолжил он свой путь, а из оставленного им песка выросли две горы [Надрина 2011: 171].

По поводу легенд о происхождении гор от алпов можно привести еще один мифологический сюжет из башкирского эпоса «Алп-батыр» [Хисамитдина 2010: 25]. Герой данного эпического памятника после жесткого сражения присел отдохнуть на один камень, да так и застыл навечно. Таким образом образовалась скала близ горы Ирандык, говорится в эпосе, которую начали называть «Алып батыр қаяны» («Скала Алып-батыра»). Все это, конечно, можно считать народной этимологией.

Помимо вышесказанного, известно и о наличии топонимических названий на территории Башкортостана, образованных на основе лексемы *алп*. Например, в Шаранском районе известно наличие топонима Алпай, основой которого, возможно, является антропоним. В Илишевском районе же есть *Алпылар զыяраты* ‘кладбище Алыпов’. Согласно легендам, происхождение этого топонима связано с великанами-алпами, жившими когда-то на территории Башкортостана [Хисамитдина 1994: 32].

Представляет также научный интерес факт присутствия в демском говоре башкирского языка слова *алпаниса*, в переводе на русский язык значащего «большой человек» [ДСБЯ 2002: 21].

Не вызывает сомнения то, что данная лексема на некотором этапе развития башкирского народа могла стать прозвищем или даже званием, присуждаемым батырам. Впоследствии же данный титул начал использоваться в качестве личного имени.

3.3. *шакман* ‘шакман’

В исследуемом нами источнике была выявлена фамилия Шагманов со своим фонетическим вариантом *Шагманев*. Основа данного фамильного онима использовалась в древнетюркском языке в виде *söktañ* в значении ‘прозвище, даваемое богатырям и героям’ [ДТС 1969: 510]. Возвращаясь к лексеме *шакман*, можно смело утверждать о бытовании ее некогда в форме прозвища на примере исторически значимой личности башкирского народа — предводителя

рода Тамьян Шагали Шакмана, в имени которого слово *шакман* присутствовало не с рождения, а было присвоено ему народом в знак уважения и авторитета [Шагманов 2007: 41].

Эта же лексема, по нашим соображениям, является основой антропонима *Шакмай бей*, упоминающегося в шежере рода кары-кыпсак племени Кыпсак. Данное имя, как мы считаем, не Шакмай, а Шакман, ошибка же в написании которого могла быть допущена в восстановлении самой родословной. Возможно, фрагмент текста был утерян: «Шежере написано гусиным пером, черными чернилами. Чернила, приготовленные, вероятно, из коры какого-либо дерева или корней трав, от времени сильно обесцветились. Бумага, на которой шежере написано, сильно разрушена. Поэтому текст шежере трудно поддается чтению» [БШ 1960: 205].

3.4. *алдар*

В материале исследования встречается фамилия *Алдаров*. При произношении либо прочтении данного фамильного онима невольно всплывает в памяти имя легендарной исторической личности башкирского народа Алдара Исекеева, участника Крымского и II Азовского походов, за взятие Азова лично награжденного из рук самого Петра I ярлык-грамотой и саблей с золотыми ножнами, а также предводителя башкирских восстаний 1704–1711 и 1735–1740 гг. Как видим, имя *Алдар* существовало в именнике башкир издавна. Следует отметить, что имя не связано со словом *алдар* в значении ‘обманщик, обманщица; лжец’. Как отмечает Т. Х. Кусимова, имя *Алдар* пришло из монгольского языка и означает ‘знаменитый, прославленный’ [Кусимова 1975: 31].

Попытка углубления в этимологию данного слова позволяет провести некоторую параллель с понятием *алдар*, употреблявшимся в средневековой Осетии по отношению к аристократам. В данном плане рассматриваемая нами лексема использовалась уже в период военной иерархии для обозначения военных предводителей. Средневековый титул *алдар*, занимавший промежуточное положение между элитой военной аристократии, называемой «багатарами», и «узденями» (представителями высшего сословия, наделяемыми за службу поместьями

и крестьянами), присуждался владетельным князьям. На алдаров возлагались военная и таможенная функции [ИБН 2012: 254].

В настоящее время онимы, образованные при помощи лексемы *алдар*, сохранены лишь в фамилиях и топонимических наименованиях. К примеру, известно о существовании деревень под названием Алдар в Бураевском, Абзелиловском, Альшеевском, Караидельском районах Башкортостана. Помимо этого, в Абзелиловском районе есть речка Алдар. Все обозначенные топонимы восходят к антропониму Алдар.

Выводы

В статье был проведен историко-этимологический анализ фамилий на основе онимов *хан* ~ *кан* ‘хан ~ кан’, *бэк* ~ *бик* ‘бек ~ бик’, *бей* ‘бий’, *батыр* ‘батыр’, *алп*, *алып* ‘алп’, *шакман* ‘шакман’, который показал важную роль названий титулов, чинов и званий в формировании башкирских

антропонимов. Данные онимы вначале использовались для обозначения титулов и чинов, а в дальнейшем, широко применялись в качестве имяобразующего компонента. К примеру, исследование онима *хан* ~ *кан* как антропонимической основы выявило, что институт ханства существовал в жизни башкир с исторических времен, еще задолго до золотоордынского ханства. В связи с этим, фамильные онимы на основе лексемы *кан* (*хан*) имели широкое распространение. Кроме того, установлено, что в сравнении с фамильными онимами на основе названия титула *бек*, фамилии, образованные присоединением антропонимов *бик*, встречались гораздо чаще. Также было выявлено, что названия чинов *батыр*, *алп*, *шакман*, *алдар*, присваиваемые когда-то доблестным батырам за их отвагу и мужество, нашли отражение и в башкирских фамилиях.

Литература

- Бартольд 2002 — Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 754 с.
- БШ 1960 — Башкирские шежере / сост., перевод, введение и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1960. 304 с.
- БНТ 1987 — Башкирское народное творчество. Т. II. Предания и легенды. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1987. 576 с.
- ДСБЯ 2002 — Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
- ДМИБН 2012, 1 — Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842): Формулярные списки о службе чиновников Башкиро-мещерякского войска за 1836–1842 годы: в 2 кн. / сост.: А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. Кн. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 924 с.
- ДМИБН 2014, 2 — Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842): Формулярные списки о службе чиновников Башкиро-мещерякского войска за 1836–1842 годы: в 2 кн. / сост.: А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 1070 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 38 + 676 с.
- ИБН 2012 — История башкирского народа. В семи томах. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. 414 с.
- Кусимова, Биккулова 2000 — Кусимова Т. Х., Биккулова С. А. Башкирские имена. Уфа: Китап, 2000. 176 с.
- Кусимова 1975 — Древнебашкирские антропонимы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975. 56 с.
- Надришина 2011 — Надришина Ф. А. В преданиях и легендах башкир — история народа. Уфа: Китап, 2011. 360 с.
- Раемгужина 2006 — Раемгужина З. М. Формирование антропонимической системы башкирского языка. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2006. 287 с.
- Социально-экономические 1986 — Социально-экономические отношения и социо-нормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. Под общ. ред. Ю. В. Бромлея (Москва), Г. Штробаха (Берлин) и др. М.: Наука, 1986. 237 с.
- Сулейманова 2013 — Сулейманова Р. А. Русско-башкирский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 364 с.
- Хисамитдинова, Тупеев 2006 — Хисамитдинова Ф. Г., Тупеев С. Х. Башкирские имена тюркского происхождения. Уфа: Китап, 2006. 120 с.
- Хисамитдинова 1994 — Хисамитдинова Ф. Г. Географические названия Башкортостана. Уфа: Китап, 1994. 132 с.
- Хисамитдинова 2010 — Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.

Шагманов 2007 — Шагманов Т. Г. Потомки Шагали Шакмана. Кумертау: Городская типография, 2007. 264 с.

EDAL 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.

References

- Bartold V. V. Works on the History and Philology of Turko-Mongols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 754 p. (In Russ.)
- Bashkir Dialect Dictionary. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash. and Russ.)
- Bashkir Folklore. Vol. II: Stories and Legends. Ufa: Bashkir Book Publ., 1987. 576 p. (In Russ.)
- Bromley Yu. V., Strobach G. (eds.) Socioeconomic Relations and Socio-Normative Culture. Moscow: Nauka, 1986. 237 p. (In Russ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. (In Turk. and Eng.)
- History of the Bashkir People. In 7 vols. Vol. II. Ufa: Gilem, 2012. 414 p. (In Russ.)
- Ilyasova A. Ya., Gatiyatullin Z. G. (comps.) Documents and Materials on Bashkir History, 1836–1842: Formulary Lists of Civil Servants Attached to the Bashkir-Mishar Tatar Host, 1836–1842. In 2 vols. Vol. 1. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ural Branch of RAS), 2012. 924 p. (In Russ.)
- Ilyasova A. Ya., Gatiyatullin Z. G. (comps.) Documents and Materials on Bashkir History, 1836–1842: Formulary Lists of Civil Servants Attached to the Bashkir-Mishar Tatar Host, 1836–1842. In 2 vols. Vol. 2. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ural Branch of RAS), 2014. 1070 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. Geographic Names of Bashkortostan. Ufa: Kitap, 1994. 132 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. Mythological Dictionary of the Bashkir Language. Moscow: Nauka, 2010. 452 p. (In Bash. and Russ.)
- Khisamitdinova F. G., Tupeev S. Kh. Bashkir Names of Turkic Origin. Ufa: Kitap, 2006. 120 p. (In Russ.)
- Kusimova T. Kh. Old Bashkir Anthroponyms. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 1975. 56 p. (In Russ.)
- Kusimova T. Kh., Bikkulova S. A. Bashkir Names. Ufa: Kitap, 2000. 176 p. (In Russ.)
- Kuzeev R. G. (comp.) The Bashkir Shezhere Genealogies. R. Kuzeev (transl., foreword, etc.). Ufa: Bashkir Book Publ., 1960. 304 p. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 38 + 676 p. (In Russ.)
- Nadrshina F. A. Bashkir Stories and Legends as a Manifested History of the Ethnos. Ufa: Kitap, 2011. 360 p. (In Russ.)
- Raemguzhina Z. M. The Shaping of Bashkir Anthroponymic Systems. Ufa: Aerokosmos i Noosfera, 2006. 287 p. (In Russ.)
- Shagmanov T. G. Descendants of Shagali Shakman. Kumertau: Gorodskaya Tipografiya, 2007. 264 p. (In Russ.)
- Suleymanova R. A. Russian-Bashkir Reference Dictionary of Personal and Family Names. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ural Branch of RAS), 2013. 364 p. (In Russ. and Bash.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 2, pp. 384–392, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 82-31

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-384-392

Персонажная система и мотивная структура повести Г. Башкуева «Убить время»

Ольга Владимировна Хандарова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российской Федерации)

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник

 0000-0001-5573-1888. E-mail: olga.khandarova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Хандарова О. В., 2021

Аннотация. Введение. В творчестве Геннадия Тарасовича Башкуева происходит осмысление позднесоветской и постсоветской эпох, одним из значимых прозаических произведений писателя является повесть «Убить время». Цель исследования — выявление и анализ связи между системой персонажей повести и ее мотивной структурой, что помогает прояснить замысел эклектичного по структуре произведения, близкого по форме к циклу рассказов. Материалы и методы. Материалом исследования послужила повесть Г. Т. Башкуева «Убить время». При анализе произведения автор данной статьи опирается на положения о связи семантики мотива и персонажа, о предикативности мотива, а также на концепции мотивных комплексов и лейтмотивного построения повествования. Результаты. Главный персонаж повести — рассказчик, содержание повести делится на воспоминания о детстве и воспоминания о недавнем прошлом. Персонажей детства можно поделить на три группы: семья, друзья, взрослые — с ними связаны мотивы счастья, праздника, романтической мечты и мотив утраты. Персонажи взрослой жизни — друзья детства и женщины, с которыми связываются мотивы маргинального быта, измены, вины, предательства и мотив романтики. Мотивы «детской» и «взрослой» частей воспоминаний переплетаются, именно мотивная структура обеспечивает цельность произведения. Ключевую роль в повести играет сдвоенный образ — продавщицы Инги и городской сумасшедшей, объединяющий две основные темы рефлексии рассказчика: детство и женщины. Сюжетная структура повести отчасти укладывается в универсальную мифологическую схему: череда испытаний — зарисовок-событий из жизни автобиографического рассказчика — выстраивается в своеобразное «мифологическое путешествие» и заканчивается обретением «эликсира» — катарсиса и духовного освобождения. Выводы. Образ главного героя, рассказчика, эксплицирован в тексте и раскрывается в системе мотивов, связанных с персонажами его воспоминаний. Анализ системы персонажей позволяет выявить ключевые идеи повести, а также произвести трактовку ее заглавия. Фокусом авторской точки зрения, объединяющим, на первый взгляд, разрозненные истории, становится рефлексия по поводу времени.

Ключевые слова: литература Бурятии, Г. Т. Башкуев, система персонажей, мотивная структура, мотивный комплекс, литературный характер, образ рассказчика

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.192.1.4. «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика». Номер госрегистрации: AAAA-A17-117021310268-2).

Для цитирования: Хандарова О. В. Персонажная система и мотивная структура повести Г. Башкуева «Убить время» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 384–392. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-384-392

***To Kill Time* by G. Bashkuev: Character System and Motif Structure of the Novel Revisited**

Olga V. Khandarova¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Junior Research Associate

 0000-0001-5573-1888. E-mail: olga.khandarova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khandarova O. V., 2021

Abstract. *Introduction.* Gennady Bashkuev's works attempt to comprehend the late Soviet and post-Soviet eras, and *To Kill Time* proves a most significant prose work of the writer. *Goals.* The article seeks to identify and analyze the relationship between the system of characters in the novel and its motif structure, which helps clarify the underlying idea of the work, eclectic in structure and close in form to a short story cycle. *Methods.* The study rests on the theses about a relationship between semantics of motif and character, predicativity of motif, and on the concept of motif complexes and leitmotif construction of the narrative. *Results.* The main character of the novel is the narrator, the narrative proper divided into childhood memories and those of recent past. The characters of childhood can be clustered into three groups: family, friends, adults — motifs of happiness, celebration, romantic dreams and that of loss are associated with them. The characters of adulthood are women and childhood friends who are associated with motifs of marginal life, betrayal, guilt, and that of romance. The motifs of 'childhood' and 'adulthood' memories are intertwined, and it is the motif structure that ensures the integrity of the narrative. The key role in the novel is played by the binary image — the saleswoman Inga and the city madwoman — that combines two main themes for the narrator's self-reflection: childhood and women. The plot structure partly fits into the universal mythological scheme: a series of trials — sketches-events from the life of the autobiographical narrator — is built into somewhat a 'mythological journey' to finally end with the acquisition of 'elixir' — catharsis and spiritual liberation. *Conclusions.* The image of the protagonist, the narrator, is explicated in the text and is revealed in the system of motifs associated with characters of his memories. Analysis of the character system proves instrumental in revealing key ideas of the novel and interpreting its title: those are reflections about time that become a focus of the author's viewpoint uniting the seemingly disparate stories.

Keywords: literature of Buryatia, G. T. Bashkuev, character system, motif structure, motif complex, literary character, storyteller's image

Acknowledgements. The article was funded by government assignment — project XII.192.1.4. 'Myth and History in Folklore and Literature of the Buryats and Ethnic Russian Residents of Siberia: Common and Specific Features' (state reg. no. AAAA-A17-117021310268-2).

For citation: Khandarova O. V. *To Kill Time* by G. Bashkuev: Character System and Motif Structure of the Novel Revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 384–392. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-384-392

Введение

Геннадий Тарасович Башкуев (г. р. 1954) — русскоязычный бурятский прозаик, драматург, публицист. Г. Т. Башкуев — автор произведений, в которых происходит осмысление «позднесоветского экзистенциального коллапса» [Саблин, Болячевец, Будацыренова 2017: 96]. Создатель литературного характера «пожилой мальчик», аккумулирующего в себе «новое социальное явление» конца XX в. [Башкеева 2018б], — вспомним, что, по замечанию Л. В. Чернец, «...введение в литературу нового самобытного героя (или антигероя) времени, — важнейший критерий оценки творчества писателя» [Чернец 2016а: 83].

Повесть «Убить время» опубликована в 2016 г. в журнале «Байкал», она входит в состав книги прозы писателя, вышедшей в 2019 г. [Башкуев 2019].

«Убить время» — произведение, которому сам автор, по-видимому, отводит достаточно важное место в своем творчестве. Об этом может свидетельствовать возвращение писателя к материалу и его переработка: существует первый вариант произведения, представляющий собой цикл новелл под общим названием «Записки пожилого мальчика» (о разнице в структуре двух вариантов см.: [Башкеева 2018б: 62–63]).

Эклектичность повести, составленной из самостоятельных новелл, на первый взгляд объединенных лишь образом рассказчика и некоторыми второстепенными персонажами, подталкивает к мысли обратиться к анализу персонажной системы с позиции выявления ключевых фигур и связанных с ними комплексов мотивов.

Материалы и методы

Идея эксплицированности структуры мотивов повести в системе ее персонажей базируется на концепции О. М. Фрейденберг о тождественности в структуре произведения совокупности героев («персонажа») и совокупности мотивов («сюжета») [Фрейденберг 1988: 225].

Мотивный комплекс, формируемый вокруг характера «пожилой мальчик», рассматривается как «феномен, характеризу-

ющий целостность произведения» [Близняк 2011: 3]. Характер взаимодействия ключевых мотивов повести и композиции произведения анализируется с опорой на положения о предикативной (сюжетогенной) природе мотива [Силантьев 2004: 79]. Кроме того, наблюдаемые мотивные связи в структуре повести позволяют говорить о принципе лейтмотивного построения повествования [Гаспаров 1994: 30].

При рассмотрении взаимосвязи между персонажной системой и мотивной структурой в повести использован системный подход.

Отражение структуры повести в системе персонажей

Повесть состоит из пятнадцати глав-воспоминаний и сквозной новеллы, в которой повествование разворачивается в настоящем времени: рассказчик находится в заключении, где и создает свои заметки-воспоминания.

Описываемые им события относятся к двум периодам: это время детства, отрочества, пришедшееся на 1960-е гг. и жизнь сорокалетнего мужчины в эпоху 1990-х гг. Каждая новелла либо полностью посвящена эпизоду из детства или из взрослой жизни, либо совмещает в себе воспоминания, относящиеся к обоим периодам, объединенные общим мотивом (мотивами).

Персонажная система повести довольно обширна: более ста персонажей. В рамках каждой отдельной новеллы есть свои главные герои, в сумме таких около тридцати. Есть персонажи, которые объединяют несколько новелл: в одной-двух они являются главными героями, в других — эпизодическими или внесценическими. Однако в контексте всей истории повести главные персонажи новелл становятся второстепенными, и единственным главным героем выступает сам рассказчик. При рассмотрении всех героев в совокупности просматривается возможность группирования персонажей по их связаннысти с мотивами повести. Условно можно выделить три группы персонажей в воспоминаниях детства и две группы в описании взрослой жизни рассказчика.

Персонажи детства

Эпиграф заключает в себе идею возвращения в детство: «Я ребенком из отчего дома ушел, Воротился уже стариком... Милой родины говор звучит, как тогда, У меня ж на висках седина. И соседские детиглядят на меня... Хэ Чжи-чжан. Династия Тан. VII в. н. э.» [Башкуев 2019: 207]. Концепты детства, дома, семьи являются «связующими нитями» всего цикла [Грязнова 2012: 101].

Первая группа персонажей — семья рассказчика: мать, отец, дедушка, с ними связаны наиболее светлые страницы повести. В новеллах «Вещь», «Роман с чемоданом» возникает образ счастливой семьи: «Отец шел по правую руку и нес чемодан, мама, смеясь, по левую, и, когда попадалась ледовая дорожка, мы втроем дружно разбегались, и я, держась за руки взрослых и крича от счастья, катился по льду» (курсив наш. — О. Х.) [Башкуев 2019: 256].

В новелле «Вверх по Миссисипи» — идиллическая картина деревенского лета, проведенного у дедушки, с собакой, речкой и лошадью. Однако счастье кратковременно и непрочно, оно не выдерживает испытания временем и столкновения с жестоким внешним миром. Окончательно разрушились отношения родителей, и ушел отец: щедрый и яркий человек, словно не признающий аскетизма серой и бедной советской реальности, всегда умевший восхитить сына, удивить жену, побежден буднями и алкоголизмом. Утрата отца — это главная боль рассказчика, не просто расставание с родным человеком, а словно прощание с самим счастьем. Образ отца в повести наполнен любовью: даже подкладка отцовского реглана «не выносимо пахнет ушедшим без возврата» [Башкуев 2019: 218], с его фигурой связываются мотивы романтики, праздника. В деревенском раю тоже все закончилось трагически: дедушка слег и умер, и несбыточными оказались его совместные с внуком планы. Мечта о Миссисипи лопается как пузырь от встречи с реальностью.

Образ матери в повести — это вечная хлопотунья, в фартуке поверх платья, всегда занятая бытом, стиркой, гладкой, готовкой. Новая по отношению к предыдущему варианту глава «Селедка под шубой» подсвечивает тему вины, долга перед

матерью, вскользь задетую в предыдущих главах. Значимость этой темы в творчестве подтверждается словами самого писателя: «Про греховное и светлое начала в человеке — это ко мне. Я старик, и чего мне теперь стыдиться? Пора каяться. И в первую очередь — перед мамой. Я принес маме немало горя, да и другим людям» [Батудаева 2019].

Все три образа (мать, отец, дедушка) в повести создают антиномию между наличием тепла и любви в детстве и полным их отсутствием в собственной взрослой семье. Воспоминания о своей семье рассказчик словно намеренно вытесняет на периферию сознания. О сыне упоминается, жену рассказчик обманывает с другими женщинами, испытывает к ней чувство отчуждения и одновременно жалости: «Она сильно уставала, жить с непутевым мужем, знаете ли...» [Башкуев 2019: 282]. Неприкрыто враждебны отношения героя с тещей. На протяжении всей жизни мечта о счастливой семье и счастливых родителях для рассказчика остается единственным спасательным кругом: «по правое весло сидит во всем чистом отец, по левое — мама в новых платье и капроновых чулках, они молча улыбаются мне, седому мальчику, сидящему у руля» [Башкуев 2019: 257]. Вторая группа персонажей детства — это друзья мальчика по двору своего рода «товарищи по несчастью», с которыми рассказчик проходит школу жизни. Детство их наполнено подвигами и предательствами, настоящей и фальшивой дружбой, сильными любовными переживаниями и расставаниями. Самые серьезные по накалу страсти, наиболее эмоциональные драмы в повести — детские. Но жизнь беспощадна, и первые сильные и чистые страсти обязательно происходят в самых некрасивых декорациях и непременно заканчиваются огромным разочарованием, к чему постепенно и привыкают все эти дети. Ежегодное утопление дядей Володей щенков дворовой собаки Райны в грязном ведре — словно жуткий символ разрушения детских мечтаний и представлений о жизни, таких же невинных и таких же беспомощных.

Столкновение с реальностью не закаляет и не готовит к настоящей суровой мужской жизни, оно деструктивно и приводит человека к апатии: «Для его художественных произведений более важной темой является

ся позднесоветский экзистенциальный коллапс, резкий контраст между провозглашенными идеалами советской системы и каждодневным опытом алкоголизма, воровства и лжи, переживаемым его героями» [Саблин, Болячевец, Будацыренова 2017: 96]. Дети в прозе Башкуева — это пока еще живые, настоящие люди, которым недолго осталось быть такими, максимум до наступления подросткового возраста, когда они столкнутся с притягивающим и одновременно отвращающим взрослением. А когда проходит и этот период, то жить становится просто скучно, и в зрелом возрасте остается только «убивать время» и печально умирать.

Третья группа персонажей детства — это взрослые, оказавшие сильное влияние на формирование личности рассказчика и замыкающие на себе ключевые мотивы повести.

Продавщица Инга — первая красавица двора, воплощение манящей женской красоты, создаваемой нехитрыми средствами. Ингина история словно задает модель женской судьбы в повести: неудачный роман с ничтожным экспедитором Владиком, его нахальные измены, Ингини скандалы, драки, дрязги, окончательный уход Владика, Ингино унижение в попытках вернуть его. По-видимому, именно из очарования Ингой и жалости к ней растет отношение повзрослевшего рассказчика к женщине: с одной стороны, соблазн женской красотой, с другой стороны, комплекс мужской вины перед женщиной.

Дядя Коля — инвалид войны, чистильщик обуви, рассказчика с ним связывает настоящая дружба. Безногая фигура веселого оптимиста внушиает мальчику восхищение, и в его представлениях он кто-то не меньше, чем летчик или капитан дальнего плавания. Как настоящий романтический герой, дядя Коля заслуживает любви совершенно нездешней неземной женщины, экзотической птицы. Однако история заканчивается трагически: реальность такова, что инвалид прекрасно осознает невозможность своего счастья, и, несмотря на любовь девушки с глазами серны и ее уговоры ехать с ней домой, в родной город, он резко рвет с ней, а затем постепенно спивается и умирает. Судьба дяди Коли, рассказанная в одной из начальных новелл, объединяет в себе мотив романтики и несбыточной мечты и мотив некрасивого, маргинального быта.

Кочегар дядя Володя, в сущности, инфернальный персонаж: обладатель грязных кирзовых сапожищ, которые оставляли на половицах барака «следы пришельца иных миров», «чумазой, мятой, обросшей будто угольным шлаком физиономии» и прищуренного красного глаза [Башкуев 2019: 263]. Он каждый год шантажирует население двора, собирая по рублю, чтобы не топить щенков, и все равно топит их тайком; он же становится виновником проваленной миссии друзей по нападению на капиталистическую Америку. Детали его образа возникают в ключевой момент повести — в драке на вокзале. Рассказчик, впервые увидев своего двухметрового соперника, машинально отмечает, что тот чем-то неуловимым напоминает ему кочегара дядю, а удар арматуриной, начавший драку, опаляет спину, как «огнем из кочегарки».

Оглядываясь на детские годы, герой словно ищет в них опоры для себя в настоящем. Читателю хорошо видно, что сам рассказчик воспринимает свои воспоминания о детстве как счастливые, однако столь же хорошо считаются и другие эмоции: многие эпизоды прокручиваются с мучительным чувством — с болью, сожалением, горечью: каждая новелла — это грустный рассказ о разрушении или утрате чего-то светлого — невинности, чистоты, восторженности, романтичности, мечты. Рассказчик дорожит детскими воспоминаниями, но история детства — это история о потере. И как герой Хэ Чжи-чжана возвращается в «отчий дом», «милую родину» неизвестным, так и во взрослом рассказчике почти невозможно узнать мальчика, героя его собственных воспоминаний.

Персонажи взрослой жизни

В воспоминаниях о более близком к настоящему времени часто фигурируют все те же друзья детства, выросшие «товарищи по несчастью». В этой части воспоминаний получает развитие мотив маргинального быта, связанный с образом дяди Коли. Истории всех выросших друзей и самого рассказчика наглядно и словно нарочито демонстрируют: причины и мотивы всех поступков кроются в детстве. Одновременно с этим создается ощущение, что у героев Башкуева будто нет сил прожить дольше среднего возраста, словно запас их жизненной энер-

гии получает брешь в детстве, а затем постепенно выхолащивается и растрачивается попусту: «По сути жизнь сорокалетнего мужчины со всех сторон окружена смертями, причем всегда они преждевременны. Никто не доживает до старости» [Башкеева 2018а: 37–38].

Однажды встретив старого друга, рассказчик удивляется: «Ренат, в отличие от меня, помнил мельчайшие подробности нашего сопливого дворового бытия <...> Ренат застыл, что муха в янтаре, в том далеком времени, и, как знать, возможно, эта память не давала ему превратиться в законченного бандита» [Башкуев 2019: 294].

Такая цепкость памяти обнаруживает механизм, сходный с комическим романтизмом другого товарища детства — Толика: лишь определенный инфантилизм позволяет «пожилым мальчикам» своего поколения сохранять жизнелюбие и витальные силы.

Наблюдение о спасительном воздействии памяти о детстве относительно Рената справедливо и для самого рассказчика. Оказавшись в СИЗО, тот не предпринимает никаких обычных в его положении, разумных, практических шагов для того, чтобы опровергнуть обвинения, а вместо этого соглашается на первого попавшегося адвоката и взамен выстраивания линии защиты предается воспоминаниям о детстве, провозглашая их «шпаргалкой для оправдательной речи» [Башкуев 2019: 276]. Надо заметить, что и причиной ареста становится неожиданный для самого героя благородный поступок: ожившие детские воспоминания заставляют его попытаться встать «на защиту чести и достоинства» нищей сумасшедшей на вокзальной площади. Дурочка — главный свидетель на присяжном заседании, которое вершится в душе рассказчика по поводу прожитой им жизни: «Я сказал, что требую очной ставки со своим детством» [Башкуев 2019: 286].

В другом произведении Г. Башкуева «Чемодан из Хайлара» (2018) мы видим очень похожих героев: во многом совпадающий рассказчик и окружающие его люди, которые, не научившись жить, много и беспомощно пьют, и действие перемещается все по тем же знакомым локациям: из домов в гаражи, в квартиры товарищей, случайных подруг, в бараки первых встречных,

которые всегда согласны разделить бутылку, в наркологическую больницу, наконец, в воспоминания детства.

Наконец, весьма важная группа персонажей повести — женские образы: женщина в цветастом платье, старая девочка Надя, Оля-Пятница, Аленка, подруга Рената Алла, подруга Толика Света-Стелла, проститутка «сестрица Аленушка», городская сумасшедшая и самый безликий женский персонаж — жена. Как было сказано выше, история каждой из них — это словно разложенная на несколько вариаций одна и та же маленькая трагедия продавщицы Инги.

Семья героя — заложники его неразрешенной внутренней драмы, от поведения жены ничего не зависит, потому что герой от нее ничего не ждет. Все ссоры и раздоры — лишь следствие борьбы героя со своими обидами и страхами. В повести нет попыток конструктивного диалога, конфликты в семье не разрешаются, а обрываются: случается стычка, и рассказчик уходит, словно дождавшись подходящего момента, чтобы хлопнуть дверью. Причины такого поведения кроются все в той же инфантильности: «Если Геннадий повздорил с женой, то сразу — щетка, бритва и — вон из дома. Если что не так, то сразу кулачное разбиравтельство...» [Башкеева 2018а: 38–39].

Череда случайных встреч и измен завершается обретением кратковременного счастья на протяжении нескольких летних недель на старой даче приятеля с возникшей ниоткуда (вернее, по ошибке жены!) девочкой из снов — Аленкой. Но и оно быстро заканчивается, и именно на вокзале, в момент проводов уезжающей навсегда Аленки, происходит встреча с городской сумасшедшей: рассказчик узнает в ней Ингу, в частности повторившую судьбу дурочки, с которой она когда-то так жестоко обошлась. Два женских образа детства соединяются в один, и под влиянием внезапного рыцарского порыва герой вступается за сумасшедшую Ингу, расплачиваясь за это арестом и заключением.

Проживая свою жизнь, словно плывя по течению (метафора реки возникает в первой же новелле), не удивляясь ни странным просьбам, ни случайным встречам, рассказчик в любой ситуации сохраняет отрешенно-ироничное отношение к происходящему. Однако после кратковременных

каникул с Аленкой и последовавшей утраты герой словно просыпается и действительно начинает «играть в нападении», как он это декларирует в своих записках и перед следователем. В этом сюжетном повороте видится символическое разрешение комплекса вины рассказчика перед женщиной: герой, как ни парадоксально, словно оживает и просыпается, именно в заключении.

В этом смысле сюжетная структура повести отчасти укладывается в универсальную мифологическую схему: череда зарисовок-событий из жизни рассказчика, выстроенных в своеобразное «мифологическое путешествие» [Воглер 2015], заканчивается обретением «эликсира» — катарсиса. Однако благополучной развязки не случается: суд не оправдывает героя, рассказчик остается в заключении на пять с половиной лет, отбывает большую часть срока, а незадолго до условно-досрочного освобождения не выдерживает и совершает неудачную попытку побега, тем самым продлив срок заключения.

Башкуюевский пожилой и злой мальчик, остро рефлексирующий на тему детства и взросления, знаменует собой очень важную и актуальную тему инфантильного героя в бурятской литературе. Очень близки пожилому мальчику лирические герои поэтов Булата Аюшеева (г. р. 1963) и Аркадия Перенова (г. р. 1961) за одним важным исключением: для их героев с юношеским взглядом на мир в их несостоявшемся взрослении не существует конфликта. С героями прозаиков Болота Ширибазарова (г. р. 1977) и Булата Молонова (г. р. 1977) его сближает явная автобиографичность, нежное обращение к детству, однако это писатели младшего поколения, поэтому для их героев не столь актуальна травма взросления в позднесоветский период. Для башкуюевского мальчика детство неразрывно связано с городом, дворовой романтикой, и в этом он сходится с лирической героиней поэтессы Елены Жамбаловой (г. р. 1986) — и расходится с героями Ширибазарова и Молонова, с их деревенским детством. В целом можно утверждать, что современная бурятская литература еще и не создала взрослых героев, тогда как инфантильных героев достаточно много, и это, безусловно, является отдельной интересной темой для исследования.

Заключение

Система персонажей повести «Убить время» — результат авторской стратегии по созданию контекста, формирующего литературный характер. «Схема-предвосхищение» [Чернец 2016б: 10], к которой предварительно можно отнести рассказчика при первом знакомстве, — это герой-маргинал. Однако с каждой последующей новеллой, с каждым очередным воспоминанием героя реализуется «механизм постепенного наращивания» [Гинзбург 1979: 89] проявлений рассказчика в произведении. Мотивные комплексы, связанные с отдельными персонажами или группами персонажей, постепенно формируют образ главного героя — «пожилого мальчика».

«Фокусом авторской точки зрения» [Гинзбург 1979: 90], объединяющим, на первый взгляд, разрозненные истории, становится рефлексия по поводу времени. Драмы героев повести происходят на фоне социальной трагедии страны, «экзистенциального коллапса», однако действие повести сосредоточено на бытовом течении жизни, и это намеренно подчеркивается отрешенностью в фиксации событий настоящего времени. Как было справедливо отмечено: «Писатель как бы изгоняет из повести социальные контексты, идеологическую рефлексию, выдвигает на первый план историю человека вообще» [Башкеева 2018а: 37].

Истоки экзистенциального кризиса, охватившего поколение позднесоветской эпохи, автор в конечном счете возводит к тому, что по какой-то причине родители разучились жить и любить и не научили этому своих детей. Воспоминания «пожилого мальчика» содержат горькую обиду своего поколения, и за внешне отстраненным, ироничным образом рассказчика кроется «личное авторское чувство сожаления от того, что частная жизнь отдельного человека оказывается под давлением всего социального, огосударствленного, в окружении мира неуютного, неудобного для нормального человеческого существования» [Имихелова 2018: 6].

Название повести отсылает к сюжетным поворотам — герой убивает время в СИЗО, а до этого ему «нужно было убить время» после ссоры с женой. Легко обнаруживаются и другие значения: с одной стороны, своим поведением, образом жиз-

ни герой убивает «время своей жизни», с другой стороны, совершив благородный поступок, защищая сумасшедшую, он убивает в себе страх, «убивает во времени, как прошедшем, так и текущем, присущие этому времени слабости и недостатки, горечь и зло» [Башкеева 2018а: 39]. Добавим, что

формат записок, рефлексия героя и педантичный самоанализ позволяют расширить последнюю трактовку заглавия: «убить время» — значит убить в себе следы конкретной (советской) эпохи, избавиться от страхов и комплексов, стать свободным человеком.

Литература

- Батудаева 2019 — *Батудаева Д.* Книга-покаяние «самого талантливого автора по прозе и драматургии» вышла в Бурятии // Номер один. 2019. 12 октября. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/79304/> (дата обращения: 10.03.2020).
- Башкеева 2018а — *Башкеева В. В.* Между социализмом и капитализмом: драма героя в повести Г. Башкуева «Записки пожилого мальчика» // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2–3. С. 35–40.
- Башкеева 2018б — *Башкеева В. В.* Драма брошенности в повести Г. Башкуева «Записки пожилого мальчика» («Убить время») // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2–4. С. 62–67.
- Башкуев 2019 — *Башкуев Г. Т.* Убить время: повести разных лет. Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2019. 520 с.
- Близняк 2011 — *Близняк О. М.* Мотивные комплексы как системная характеристика современной русской литературы: на материале творчества А. Барковой, О. Фокиной, Н. Ключаревой: дисс. ... канд. филол. наук. Армавир, 2011. 159 с.
- Воглер 2015 — *Воглер К.* Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 476 с.
- Гаспаров 1994 — *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, Вост. лит., 1994. 304 с.
- Гинзбург 1979 — *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. М.: Советский писатель, 1979. 223 с.
- Грязнова 2012 — *Грязнова О. Б.* Реализация концепта ‘Дом/Родина’ в прозе Г. Башкуева // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: мат-лы I междунар. науч. конф. (г. Барнаул, 5–7 октября 2011 г.). Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2012. С. 100–102.
- Имихелова 2018 — *Имихелова С. С.* О роли дебюта в творческой судьбе писателя (из опыта создания литературных биографий бурятских писателей) // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2–1. С. 3–11.
- Саблин, Болячевец, Будацыренова 2017 — *Саблин И. В., Болячевец Л. С., Будацыренова С. Б.* Бурят-Монголия онлайн и офлайн: современная литература и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 2 (112). С. 83–97.
- Силантьев 2004 — *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
- Фрейденберг 1988 — *Фрейденберг О. М.* Система литературного сюжета // Монтаж. (литература, искусство, театр, кино). Сб. Сост. М. Б. Ямпольский. М.: Наука, 1988. С 216–236.
- Чернец 2016а — *Чернец Л. В.* О типологическом изучении литературных персонажей // Stephanos. 2016. № 1 (15). С. 80–90.
- Чернец 2016б — *Чернец Л. В.* Тип персонажа и его эволюция // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4 (24). С. 8–16.

References

- Bashkeeva V. V. Between socialism and capitalism: hero's drama in 'Notes of Elderly Boy' novel by G. Bashkuev. *BSU Bulletin. Philosophy.* 2018. No. 2–3. Pp. 35–40. (In Russ.)
- Bashkeeva V. V. Drama of forsakenness of the hero in story of G. Bashkuev «The Notes of Young Old Man» («To Kill the Time»). *BSU Bulletin. Philosophy.* 2018. No. 2–4. Pp. 62–67. (In Russ.)
- Bashkuev G. T. *To Kill Time: Novels of Various Years.* Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Batudaeva D. A repentance book by ‘the most talented prose and drama author’ published in Buryatia. On: Nomer Odin (online media outlet and newspaper). 2019, October 12. Available at: <https://gazeta-n1.ru/news/society/79304/> (accessed: March 10, 2020). (In Russ.)

- Bliznyak O. M. Complexes of Motifs as a System Characteristic for Modern Russian Literature: A Case Study of Works by A. Barkova, O. Fokina, N. Klyuchareva. Cand. Sc. (philology) thesis. Armavir, 2011. 159 p. (In Russ.)
- Chernets L. V. The personage type and its evolution. *Moscow City University Vestnik. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2016. No. 4 (24). Pp. 8–16. (In Russ.)
- Chernets L. V. Typological research of literary characters revisited. *Stephanos*. 2016. No. 1 (15). Pp. 80–90. (In Russ.)
- Freydenberg O. M. Literary plot system. In: Yampolsky M. B. (comp.) *The Montage (Literature, Arts, Theatre, Cinema). Collected Papers*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 216–236. (In Russ.)
- Gasparov B. M. Literary Leitmotifs: Essays on 20th-Century Russian Literature. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1994. 304 p. (In Russ.)
- Ginzburg L. Ya. About a Key Literary Character. Moscow: Sovetskiy Pisatel', 1979. 223 p. (In Russ.)
- Gryaznova O. B. Implementation of the concept ‘home/Motherland’ in G. Bashkuev’s prose. In: Functional and Cognitive Analysis of Language Units and Its Applicative Potential. Conference Proceedings (Barnaul; October 5–7, 2011). Barnaul: Altay State Pedagogical Academy, 2012. Pp. 100–102. (In Russ.)
- Imikhelova S. S. On role of debut in writer’s creative destiny (from the experience of creating the first literary biographies of Buryat writers). *BSU Bulletin. Philosophy*. 2018. No. 2–1. Pp. 3–11. (In Russ.)
- Sablin I. V., Bolyachevets L. S., Budatsyrenova S. B. Buryat-Mongolia online and offline: contemporary literature and historical memory. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2017. No. 2 (112). Pp. 83–97. (In Russ.)
- Silantyev I. V. Poetics of Motif. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2004. 296 p. (In Russ.)
- Vogler C. The Writer’s Journey: Mythic Structure for Writers. Moscow: Alpina Non-Fikshn, 2017. 476 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 393–408, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 82-191

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-393-408

Зоопоэтика текста в калмыцкой басне XX в.

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ханинова Р. М., 2021

Аннотация. Введение. В жанровой системе калмыцкой поэзии литературная басня появилась в 1930-е гг. Калмыцкие поэты, осваивая этот жанр, в основном ориентировались на традиции русской басни XIX–XX вв., прежде всего на творчество И. А. Крылова, осуществляя и переведы его произведений. Менее всего калмыцкие авторы опирались на традиции восточной литературы — индийской, тибетской, монголо-ойратской, поскольку эти источники, написанные на тибетском, монгольском языках и *тодо бичиг*, были для них малодоступны, а не все поэты владели этим письмом. Национальный фольклор, в том числе мифы, сказки о животных, бытовые сказки, афористическая поэзия (пословицы, поговорки, загадки), в определенной степени способствовал созданию сюжетов и мотивов, галерее образов — людей и животного мира — в калмыцкой литературной басне. Обращение к басне определялось задачами культурного строительства в Калмыкии, сатирическими возможностями жанра, призванного бичевать социальные пороки и людские недостатки, способствовать исправлению нравов, содействовать воспитанию человека нового общества. Внимание к басне в калмыцкой поэзии XX в. не было всеобщим и постоянным, к концу столетия она уже не была востребована, а в следующем столетии не возродилась. Калмыцкая литературная басня мало изучена до сих пор, за исключением нескольких недавних статей Р. М. Ханиновой, что и определяет актуальность данного исследования. Целью статьи является изучение зоопоэтики текста анималистической басни в калмыцкой поэзии прошлого века на примерах избранных произведений Хасыра Сян-Белгина, Муутла Эрдниева, Гари Шалбурова, Басанга Дорджиева, Тимофея Бембеева, Михаила Хонинова. Методы: историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и описательный. Результаты. Анималистическая басня не является ведущей в общей жанровой системе калмыцкой поэзии прошлого столетия, в том числе среди басен с участием персонажей-людей. Она обычно включает персонажей степной фауны, образные характеристики которых мифифицированы в калмыцком фольклоре. Социальная сатира и политическая направленность басен актуализирована современной действительностью, международной обстановкой. Вы-

явлена взаимосвязь анималистической басни с калмыцким фольклором и русской басеной традицией. Большинство басен до сих пор не переведено на русский язык. *Выводы.* Изучение анималистической басни калмыцких поэтов определили такие ее синтетические формы, как басня-сказка, басня-пословица, басня-сновидение, в аспекте национального стихосложения. Жанровая дефиниция не всегда указывается авторами, мораль обычно заключает произведение, структурированное четверостишиями. Жанровая сценка, монолог, диалог способствуют углубленному прочтению контекста, символики образов и семантического кода.

Ключевые слова: литературная басня, калмыцкая поэзия, XX век, зоопоэтика, диалог культуры, русский перевод

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Зоопоэтика текста в калмыцкой басне XX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 393–408. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-393-408

Kalmyk Literary Fable, 20th Century: Zoopoetics of Text

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

©KalmSC RAS, 2021

© Khaninova R. M., 2021

Abstract. *Introduction.* In the genre system of Kalmyk poetry, the literary fable appeared in the 1930s. When it came to master the genre, Kalmyk poets mainly focused on the traditions of Russian fable of the 19th–20th centuries, primarily on I. A. Krylov's works which they eagerly translated. The Kalmyk authors were the least likely to rely on traditions of Eastern literature — whether Indian, Tibetan, or Oirat Mongolian — since those sources written in Tibetan, Classical Mongolian and Clear Script (Kalm. *todo bichiq*) were virtually unavailable to them, and not all poets had knowledge of the scripts. National folklore, including myths, animal tales, household tales, aphoristic poetry (proverbs, sayings, riddles), to a certain extent contributed to the creation of plots and motifs, a gallery of images — people and the animal world — in the Kalmyk literary fable. The appeal to the fable was determined by the tasks of cultural construction in Kalmykia, the satirical possibilities of the genre designed to scourge social vices and human shortcomings, contribute to the correction of morals, facilitate education of a person in the new society. Attention to the fable in 20th-century Kalmyk poetry was not that universal and constant, by the end of the century it was no longer in demand and never revived further. The Kalmyk literary fable has been little studied so far, with the exception of several recent articles by R. M. Khaninova, which determines the relevance of this study. *Goals.* The article aims to study zoopoetics of text of the animalistic fable in Kalmyk poetry of the past century through examples of selected works by Khasyr Syan-Belgin, Muutl Erdniev, Garya Shalburov, Basang Dordzhiev, Timofey Bembeev, and Mikhail Khoninov. *Methods.* The work employs a number of research methods, such as the historical literary, comparative, and descriptive ones. *Results.* The animalistic fable is not the leading one in the general genre system of Kalmyk poetry of the past century, including among fables with human characters. It usually includes characters of the steppe fauna whose figurative characteristics are manifested in Kalmyk folklore. The social satire and political orientation of the fables are actualized by modern reality, actual international situation and events. The paper reveals a relationship between the animal fable and — Kalmyk folklore and

the Russian fable tradition. Most of the fables have not yet been translated into Russian. *Conclusions.* In terms of national versification patterns, the study of the Kalmyk poetic animal fable has identified such synthetic forms as fable-fairy tale, fable-proverb, and fable-dream. The genre definition is not always specified by the authors, a moral usually concludes each quatrain-structured narrative. Genre scenes, monologues, and dialogues contribute to an in-depth reading of the context, symbolism of images, and semantic code.

Keywords: literary fable, Kalmyk poetry, twentieth century, zoopoetics, dialogue of cultures, Russian translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name 'From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews' (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Khaninova R. M. Kalmyk Literary Fable, 20th Century: Zoopoetics of Text. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 393–408. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-393-408

Введение

В смеховой культуре фольклора монгольских народов, в поэтических его формах присутствуют различные типы смеха — «веселый смех, жесткая сатира, ядовитая насмешка, кривая ухмылка, игривая шутка. <...> все произведения, имеющие смеховой элемент, можно разделить на юмористические и сатирические. Четкой грани между этими двумя типами нет. Большое количество произведений имеют одновременно оба элемента», — указывает современный исследователь [Кульганек 2010: 164].

Народная смеховая культура нашла отражение и в калмыцкой литературе 1920–1930-х гг., отмеченной, по мнению Б. А. Бичеева, двумя тенденциями развития: первая тенденция характеризовалась четкой ориентацией на фольклор и опыт русской литературы, идеологически обосновывавшей социалистический реализм; вторая тенденция, менее политизированная, была нацелена продолжить специфическое развитие национальной литературы, развивая существовавшие письменные традиции, используя фольклорные источники и ориентируясь на творческие достижения русской и других литератур [Бичеев 1992: 39].

«Внутренние закономерности развития национальной литературы оказывали свое влияние и на творчество писателей „пролетарского“ направления в литературе», в том числе и на Харти Канукова, автора первых «пролетарских» песен-стихотворений и антирелигиозных «Проделок духовенства»

(«Шажна ховргин йовдл», 1930) [Кануков 1962], написанных в традиции классического жанра сургаала (поучения) и оцененных позднее как яркий памфлет, беспощадная сатира, направленная против религии и служителей культа. Новаторство Х. Канукова не только в форме, но и в содержании: фольклорный «магтал» («восхваление») перерастает в «восхваление» неприглядных сторон деятельности духовенства [Бичеев 1992: 63].

Произведение опирается на известную «Усладу слуха» («Чикнэ хужр», 1916) философа-священнослужителя Боован Бадмы [Боован Б. 1991], определяемую по-разному — поэма, сургаал, песня [Бичеев 1992: 61–63], в которой есть и сатирические элементы в адрес гелюнгов-священнослужителей.

Санджи Каляев (1905–1985) в период культштурма, по словам И. М. Мацакова, также «выступил против воинствующих поборников старозаветного, освященного церковью уклада жизни с разящей стихотворной шарадой-сатирой „Теежг үгмүд“ („Иносказание“) и со стихотворением „Бөөргэ Жоха гелн“». В первом из них он бичует верховного представителя ламаизма Хамбо, беззастенчиво обиравшего народ. Во втором — ламаистского монаха, богача и распутника» [Мацаков 1987: 77]. Эти тексты вошли в книгу поэта «Стихэн социализмин дэлдлхнд» («Стихи созиданию социализма», 1932) [Калян С. 1932].

Как считает И. М. Мацаков, в поэтическом арсенале Хасыра Сян-Белгина (1909–

1980) йорелы-пародии, наряду с проклятиями-харалами, оказываются важным средством сатирического разоблачения тех или иных явлений общественной жизни, и поэт, владевший старокалмыцкой письменностью, «хорошо усвоил прием сатирического осмысления йорела и использовал его, главным образом, в антирелигиозных целях. <...> Поэтому-то среди творений Сян-Белгина на рубеже 20–30-х годов можно встретить несколько неожиданные вещи. Например, „Йорэл харалин дамбрлт“, т. е. „Сатира на благопожелания и проклятия“. Каждая строфа стихотворения начинается пожеланием благополучия, покоя и мира нойонам, зайнсангам и духовенству. <...> Неожиданно в текст йорела вторгаются у поэта такие выражения, которые превращают в прямую противоположность весь смысл „добрых“ пожеланий. <...> Концовка стихотворения знаменуется полным преображением йорела: теперь это — откровенное испепеляющее обличение — харал» [Мацаков 1987: 96–98].

Стихотворение, состоящее из трех частей, завершается отдельной конечной строфой с рамкой (Харан-Худг, 1929 ж.): «Йөрэлтн, харал болв. / Йоралтн тонһаж цөмрв. / Йоситн тавлж буурв, / Йор урдасн ирв. / Заңһ дерэстн цокв, / „Зайани“ хүвэстн ханцав» [Сян-Белгин 1959: 12].

Это своего рода метатекст, в котором автор констатирует, обращаясь к своим «героям», что йорял-благопожелание стало для них харалом-проклятием, что йорял, «перевернувшись», разрушился. Власть [прежняя] ослабела, плохая примета сбылась. Колодезный журавль ударил сверху: предопределенная судьбой доля воплотилась. Заметим, в название произведения автором включен литературный термин *дамбрлт* — ‘сатира’ [КРС 1977: 181].

В качестве традиции, когда йорял-благопожелание переходит в харал-проклятие, исследователь сослался на эпизод с юным пленником из памятника калмыцко-оиратской литературы XVI в. «Историческая песнь о поражении халхасского Шолой-Убуши-хун-тайджи в 1587 году», с этим текстом был знаком Х. Сян-Белгин.

Для монгольского фольклора характерен был жанр *үг* ‘слово’. «По содержанию *үг’и* — размышления людей, животных и даже неодушевленных предметов. По жан-

ру — короткие стихи, но встречаются и прозаические *үг’и*, — подчеркивает Л. К. Герасимович. — Они могут выражать жалобу, сожаление, насмешку, шутку, аллегорию. В любом случае они критикуют несправедливость, зло, несчастье. Действующее лицо *үг’а* очеловечивается, именно его словами выражена идея автора. Основной признак *үг’ов* — критика в форме иносказания, благодаря яркости и меткости которого легко запоминается» [Герасимович 2006: 214].

Д. Ендон считал *үг’и* новым явлением в монгольской литературе XIX в., которые «не только дали жизнь новым формам, но и принесли с собой совершенно новое содержание и реалистический сюжет» (цит. по: [Герасимович 2006: 214]).

Попытку реконструкции старых форм жанра «үг» Б. А. Бичеев увидел в творчестве калмыцкого писателя Адольфа Бадмаева, в его рассказе «Чон» («Волк», 1925) [Бичеев 1992: 101], в котором волчья жалоба на свою тяжкую долю отождествляется с тяжелой долей бедняков; само произведение было воспринято тогдашней литературной критикой как ложь и клевета представителя идеологии отживающего класса [Бичеев 1992: 75].

Эти примеры синтеза жанров йоряла-благопожелания и харала-проклятия в таких сатирических произведениях калмыцких поэтов 1920–1930-х гг., как шарада-сатира и *үг’и*, свидетельствуют, с одной стороны, о жанровых исканиях в калмыцкой поэзии тех лет, с другой — о роли фольклора в этом направлении.

Анималистическая басня в калмыцкой поэзии 1930–1940-х гг.

Среди стихотворных жанров иносказательной типологии выделяют басню как лиро-эпический жанр иносказательного поучения. «К профильным жанровым признакам Б. относится повествовательный и/или диалогический сюжет как иносказательное доказательство сентенции (*logos*), или „морали“, которая имеет гномический характер и которая либо начинает произведение (греч. *профимий*), либо его заканчивает (греч. *эпифимий*), либо имплицируется подтекстом. Структурная связь между сюжетом и гномой, из которой возможно и произошла Б., напоминает фацетию, аллегорический (однозначный и конвенцио-

нальный) характер между ними — эмблему, типичный смысл „морали“ сближает ее с пословицей, вымыщенная фабула (первоначально — в значении „басня“) роднит Б. со сказкой и отличает от жизнеподобной были, иносказательность сюжета обуславливает устойчивое типологическое сходство Б. с притчей и параболой» [Иванюк 2018: 20].

Как уже отмечалось, «собственно термин „басня“ в теории калмыцкой литературы представлен понятиями, обозначающими иносказание, аллегорию („тежг“, „йогт“). Сами авторы маркировали свои произведения по-разному („тежг“, „шүвтрүг“ — острое слово, „басня“ (рус.) или вообще без уточнений)» [Ханинова 2018б: 58].

Основная часть басен с персонажами-людьми у калмыцких поэтов связана с социальной сатирой на бюрократизм, казнокрадство, мздоимство, карьеризм, не-профессионализм и т. п. Небольшая часть басен адресована взаимоотношениям между писателями и критиками, литературной полемике. Определенное место занимает анималистическая басня с персонажами из мира животных, птиц и насекомых.

По определению И. Сида, «...зоопоэтика, то есть совокупность выразительных средств, связанных с образами животных, и исследовательская дисциплина, занимающаяся этими образами. Зоософия имеет функцию в каком-то смысле противоправленную зоопоэтике: не передача определенных смыслов через животные образы, но наоборот, осмысление животных образов, поиск и анализ заложенных в них смыслов» [Сид 2013: 59]. Зоопоэтику текстов рассмотрим на репрезентативных примерах басен избранных калмыцких поэтов, созданных в прошлом веке.

Образцами первых анималистических басен в калмыцкой поэзии 1930-х гг. стали произведения Хасыра Сян-Белгина «Темэн Яман хойр» («Верблюд и Козел», 1934), «Зан Чон хойр» («Слон и Волк», 1937). В двух из них в названии указаны главные персонажи: домашние животные — верблюд и козел, дикие — слон и волк. В первой басне сатирические типы глупого начальника (Верблюд) и подхалима-секретаря (Козел) показывают конфликтные взаимоотношения в мире животных. Опубликованная в детской газете «Ленинэ ачнр» («Вну-

чата Ленина») в 1936 г. «Темэн Яман хойр» («Верблюд и Козел») имела подзаголовок «Бичкдүйт нерэдж бичсн тууль» («Сказка, написанная для детей») [Сян-Белгин 1936: 4], автор позиционировал ее как сказку. Она состоит из двух частей в числовом обозначении с разной строфой. Мораль выделена отдельным четверостишием и отделена от основного текста. В поздних книжных переизданиях нет подзаголовка с указанием жанра сказки, автор ориентируется уже на жанр басни, рамка произведения с одинаковым местом (Элиста), но с разными годами, в книге 1935 г., в газете 1936 г. В сказке степные животные выбрали себе начальником верблюда: «Теегин олн малмудт / Темэхэр ахлач кенэ» [Сян-Белгин 1936: 4], в басне подчеркивается его величина — высотой до неба: «Тенгрт күрм өндр / Темэхэр ахлач кенэ» [Сян-Белгин 1982: 32]. Козел с торчащими рогами вызвался быть секретарем: «Сертхр өвртэ яман / Сеглэрнъ болнав гинэ» [Сян-Белгин 1936: 4; Сян-Белгин 1982: 32]. В сказке самомнение двугорбого верблюда растет, а от глупости «скисают» мозги: «Эргү темэнэ тоолвр / Экн дотрьн иснэ» [Сян-Белгин 1936: 4], этой метафорой автор подчеркнул характеристику персонажа.

В басне под влиянием полученной власти Верблюд еще больше глупеет. Этим пользуется Козел, который говорит Верблюду, что Лошадь называет своего начальника глупцом, возмущает спокойствие других животных, скандалит с козлом. Лошадь никого не слушает, ни с кем не хочет общаться, не желает считаться ни с начальником, ни с секретарем. По словам Козла, Лошадь говорит всем, что она труженица, а на самом деле хочет сместить Верблюда с ханского престола, прибрать его казну. О беспечности верблюда знает даже глупая свинья, поэтому Козел предупреждает своего великого начальника, что положит конец лошадиному бесстыдству. Подтверждая верноподданность, козел кланяется в ноги верблюду. Начальник же в ответ только смеется, ругая лошадь.

Во второй части пройдоха-козел навещает лошадь в хотоне-селении, где скот жует жвачку, а караульные собаки лают. Захватив с собой овес для лошади, трусливый Козел хотел вначале убежать, но потом вернулся с целью подхалимства. Лошадь с иронией

спрашивает, куда тот направляется темной ночью, заявляет, что такой секретарь никого не обманет, вместе с начальником пора гнать их, глупого верблюда и хитрого козла, теперь человек станет хозяином скота. А Козел говорит, что начальник называет лошадь глупой, хочет забодать ее быком, побить верблюдом, ищет для ее убийства злого жеребца. Во время их разговора в степи завыл волк, залаяли в ответ собаки, чабан выстрелил несколько раз из ружья. Испугавшийся Козел кланяется в ноги Лошади, просит спасти его. Лошадь за бороду притаскивает Козла к Верблюду. Хитрый подхалим Козел оказался меж двух огней: «Ховч, зуу Ямаг / Хойр налд дагжна» [Сян-Белгин 1982: 37], использован фразеологизм «хойр налын хорнд бээх» («очутиться между двух огней») [КРС 1977: 154].

Мораль в конце басни полна сарказма: «Тенг тиим малмуд / Теегт угал биз» [Сян-Белгин 1982: 37], т. е. таких глупых животных, вероятно, в степи нет. Автор призывает: «Анди, зуу эмтд, / Адусн дөнтэг үз!» [Сян-Белгин 1982: 37]. Иначе говоря: «Скандалистам и подхалимам показаны в помощь таких животных!».

В сказке Х. Сян-Белгина окончание отличается тем, что лошадь прогнала козла. Спустя некоторое время верблюд с козлом отправились на важную выставку. Их посадили в переднем ряду, сделали снимок. В газете рассказали и о лошади, корове, овце и свинье. Заканчивая сказку, поэт показал счастливую развязку: «Теегтэн малмуд тархлав. / Тедниг малчир толхалв. / Темэн хэрхлдэн уурв. / Яман ховлдган хайв» [Сян-Белгин 1936: 4]. В смысловом переводе: «В степи скот тучнеет. Им руководят скотоводы. Верблюд перестал глупить. Козел бросил хитрить». Мораль сказки прямолинейна: «Тенд тиим малмуд / Теегт угань үнн. / Үүргээ, зуу эмтс / Назр deer олн» [Сян-Белгин 1936: 4].

Автор заявляет: «Таких животных в степи нет — это правда. Глупцов, подхалимов на свете много». Такое различие морали в двух текстах актуализирует басенний потенциал: на примерах животных показаны отрицательные типы людей.

Стилистика басни и сказки также демонстрирует жанровые особенности. В басне поэт использует иронию, сарказм, сатиру, в сказке характеристики персонажей-живот-

ных и их поступки однозначны, есть счастливый финал: лишившись власти, верблюд и козел исправились. В басне предательство и подхалимство льстивого козла показаны резче, подтверждены реакцией возмущенной лошади, притаившей козла на суд к начальству, усилены фразеологизмом (оказаться меж двух огней), разоблачающим поведение карьериста. Диалоги в двух текстах разоблачают поведение персонажей, эмоционально подкреплены вопросительными и восклицательными интонациями. Если верблюд глуп настолько, что не разбирается в лести и хитрости козла, то лошадь не заблуждается ни в отношении начальника, ни в отношении его секретаря.

В калмыцком устном народном творчестве верблюд иногда не блещет умом, козла не всегда спасает его хитрость, лошадь сметлива. Х. Сян-Белгин в этом плане не отходит от фольклорной традиции. Так мышь обманула верблюда, который не попал из-за нее в калмыцкий годовой календарь («Жилин нернд орсн = Попавшая в название года», «Хулхн болн темэн = Мышь и верблюд»), верблюд бывает обидчивым и мстительным («Темэн көвүн хойр = Верблюд и мальчик») [Мифы, легенды ... 2017: 60–63, 92–93]. Верблюд из сказки «Барс, чон, арат, темэн дөрвн» («Барс, волк, лиса и верблюд»), когда зимой стало плохо с пропитанием и лиса предложила кого-нибудь из них съесть, жертвует собой ради голодных друзей [Калмыцкие сказки 2009: 400–401]. В сказке и басне калмыцкого поэта верблюд глуп, доверчив, обидчив, но не мстителен.

В басне Х. Сян-Белгина «Зан Чон хойр» («Слон и Волк»), основанной на сюжете (почему в степи больше не водятся слоны) калмыцких этимологических мифа и сказки, разоблачаются трусливость и глупость Слона, жадность и глупость хищного Волка. При этом автор к известному сюжету присоединяет мотив смерти Слона от полевой мыши, известный по монгольской сказке «Слон и мышь» [Монгольские сказки 1962: 9].

Этот текст калмыцкого поэта является синтез сказки и басни, это басня-сказка. В 1937 г. Х. Сян-Белгин был незаконно репрессирован, творческий процесс был прерван.

Слоновья тема в новом ракурсе раскрывается в басне Гари Шалбурова (1912–1942) под названием «Өтнэ зуудн болн занин инэдн» («Сон червя и слоновий смех», 1939). Орический элемент, представленный сновидением червя, моделирует сюжет о том, как самодовольному червю захотелось присоединить богатую слоновью страну к своему маленькому владению. Он прополз к слону и заносчиво заявил ему, что жизнь без угнетения, страданий — вздор. Без правителя слону грозит смерть. Поэтому червь жалеет слона, считая, что другого защитника, кроме червя, слон себе не найдет: «Хээмн зан минь, / Хармч чи нанд! / Хэлэнд бээхинь, нань / Харслт уга чамд!» [Шалвра Г. 1939: 2].

Слон, выслушав слова заносчивого червя, хлопнув себя по ляжке, вдруг весело захохотал. От мощного слоновьего смеха затряслась степь. У хвастливого червя перехватило дыхание, он лопнул. Мораль в конце басни имеет не только обобщенный характер, касающийся вывода о том, что, когда не рассчитаешь своей силы, итог бахвальства таков. Басня обращена к современности, к предвоенной обстановке в мире, имеет оборонный аспект: «Кемр манур дэврснэ, / Күцлн мел тиим» [Шалвра Г. 1939: 2]. В смысловом переводе: «Если нападут на нас, конец для напавших будет таким же».

Конкретное описание червя в басне отсутствует: нет пояснения, какой именно червь, большой или маленький, гладкий или волосатый, какого цвета. Это собирательный образ ползающего насекомого. «Червь/черви» в калмыцком языке передается словом и бионимом: «өтн», «өтн-хорх» [КРС 1977: 427; Манджикова 2007: 66]. Нет в басне ни конкретного описания слона, ни среды обитания, ни его величины. Это тоже обобщенный образ большого животного. Сюжет басни проецирует с помощью сновидения в ироническом ракурсе калмыцкую поговорку: «занын сүл болхар, ботхна толна бол», т. е. «чем все время быть последним, лучше один раз быть первым» (букв. чем быть хвостом слона, лучше быть головой верблюжонка)» [КРС 1977: 240]. Червь, как и в мировой культуре, ассоциируется со смертью в калмыцкой пословице: «Олн зөөсэн чамд өгэд, / Ова ясан хорхад идүлх. Все добытое отдать тебе, / А свои кости — на съедение червям» [Пословицы, поговорки... 2007: 612].

Басня состоит из 14 четверостиший. Вначале в 4-х четверостишиях дана преамбула. Наползавшись за целый день, червь заснул в отбросах. И приснился ему прекрасный сон. Ничего не скажешь, сон, как настоящий рай. «Энүнэ нөөринь бугин / Утхн ямаран болхв? / Өтнэ келнэс орчулад, / Эмтнд медулхлэ яндв? // Зөв гиж бээхлэтн / Зүүдинь би цээлнсв. / Хайгин эзнэ санаг / Хальмг келнд буулнсв» [Шалвра Г. 1939: 2]. «В чем смысл этого сновидения? — задается вопросом автор. — Как перевести с языка червя, чтобы донести до людей. Если позвольте, поясню смысл сновидения. Мысли хозяина мусора переведу на калмыцкий язык». Это своего рода метатекст, поэт поясняет, как прием иносказания — язык насекомого — расшифрован с помощью сновидения и передан, как в басне: типы животного мира проецируются в мир людей. При этом воспроизведена монологическая речь червя, слоновий же хохот стал ответом на заявление хвастуна. Смеховой компонент заявлен в произведении непосредственно. Антиподы-персонажи в басне становятся символами ничтожности и могущества, слабости и силы, бахвальства и уверенности.

Среди произведений Муутла Эрдниева (1914–1942) есть две басни: «Ус үзлго — хос тээлдго» («Не видя воды — не снимают сапоги», 1938) [Эрднин М. 1938: 4], «„Керсү“ меклэ» («„Проницательная“ лягушка», 1940). Первая из них была переведена Г. Михайловичем под названием «Пока не увидал реки, не торопись снять сапоги» [Эрдниев 1942: 13–1].

Несмотря на то, что эти стихи в жанровом отношении автором не обозначены, данные тексты, основанные на известных фольклорных сюжетах в мировой литературе, апеллируют также к калмыцким пословицам: в первой басне — в заглавии, которое в контексте означает: «Не зная броду, не суйся в воду (букв. пока воды не увидишь, сапоги не снимай)» [КРС 1977: 538], во второй басне — в конце: «Му күн меднэ, / Медсндэн күрч чадхш» [Эрднин М. 1940: 4], т. е. «Человек, зная о плохом, не пользуется этим знанием, чтобы избежать беды».

Первая история иллюстрирует популярную пословицу, вторая показывает, как возникают пословицы. Современники, пишет Б. Дякиева, вспоминали о поэте, как о широко образованном человеке, в библиотеке ко-

торого была русская и зарубежная классика, он хорошо знал калмыцкое устное народное творчество [Дякиева 2020: 4].

В сюжете калмыцкой сказки «Как произошла пословица „Не увидев воды, не снимают сапог“» есть объяснение народному афоризму. Увидев, как из дома выбежала окровавленная кошка, мать ребенка подумала, что та убила ее сына, поймала и зарубила ее. Оказалось же, что кошка убила змею, которая могла ужалить малыша [Мифы, легенды ... 2017: 140–141].

Модификацию этого сюжета предложил М. Эрдниев в первой басне: предостережение ласточки не пить воду (на самом деле змеиный яд) не был понят человеком, который в ярости убил мешавшую ему напиться птицу, а потом только понял, что ласточка спасла ему жизнь. В первой басне действуют три персонажа: молодой пастух, змея и ласточка. Во второй басне калмыцкий поэт использовал известный фольклорный сюжет «Черепаха и гуси», в монгольском фольклоре вместо черепахи фигурирует лягушка [Ендон 1989: 51]. Во время полета на прутике лягушку погубило хвастовство, когда она разжала губы. Если в первой басне ласточка не владела человеческой речью, чтобы предупредить об опасности, то во второй басне гуси и лягушка общаются между собой. Обе басни заключает мораль, сформулированная калмыцкими пословицами [Ханинова 2018б]. Эти произведения можно отнести к басням-пословицам.

Анималистическая басня в калмыцкой поэзии второй половины XX в.

Отношение калмыков к верблюду в жизни и фольклоре почтительно и уважительно, как и к козлу или козе. «Козы использовались для облегчения выпаса многочисленных овец в степи — считалось, что козы ведут отару овец в нужном направлении. По этой причине козел относился к посвящаемым животным — сетр мал. Калмыки называли на рога козы красную ленточку» [Борджанова 2019: 70].

В басне «Козел и Пес» Михаила Хонинова (1919–1981) Козел оспаривал авторитет Пса тем, что сам он ведет целый день отару, а Пес лежит под возом с утра до вечера. Мораль басни: «Козел забыл, и, вероятно, неспроста, / Все то, что должен был / он помнить неизменно: / Когда под вечер /

наступала темнота, / Козел терялся, / как иголка в стоге сена...» (пер. Б. Юдина) [Хонинов 1979: 26].

Коз в хозяйстве держали мало, основными четырьмя видами скота у калмыков были лошади, коровы, верблюды, овцы. Образ козы/козла в калмыцком фольклоре двойственный. В сюжете о том, как появились животные на земле, говорится о том, как Будда создал четыре вида скота, а шулмус (черт) — козу, но не смог вдохнуть в нее жизнь. Это сделал Будда, пожелав козе бегать по горам, мучить хозяина [Манджиева 2012: 79].

После возвращения калмыков на родину появились басни Х. Сян-Белгина, созданные в конце 1950-х гг.: «Ямрхг Серк» («Кичливы Козел», 1957), «Керә наха хойр» («Ворона и свинья», 1959) [Сян-Белгин 1961; Сян-Белгин 1982]. Главными персонажами в двух баснях стали животные и птица. Авторскую жанровую дефиницию — *төжсг* (басня) — имеет «Ямрхг Серк» («Кичливы Козел») Х. Сян-Белгина. Рамка текста обозначена: «Элст, 1957 ж.» (Элиста, 1957 г.). В названии указан пол животного: *серк* — кастрированный козел [КРС 1977: 451]. К этому персонажу можно отнести калмыцкую поговорку: «серкин зац салькн тал = у козла-кастрата ноги делать все наперекор (букв. идти против ветра)» [КРС 1977: 451]. Он во многом напоминает козла из басни поэта «Темэн Яман хойр» («Верблюд и Козел»).

Текст состоит из 4 частей, в первых трех частях — по два четверостишия, в четвертой части — три четверостишия. В первой части дана характеристика самовлюбленного Козла. Он лижет пот у верблюда, умудряется находить пропитание, отбирает пищу у лошади, жириеет. Во второй части толстый черный Козел бодается, критикуя верблюда: «Темэнтэн тэнг адусн, / Теегтэн кимдрдв дуусн» [Сян-Белгин 1961: 125], т. е. «Верблюд — глупое животное, не ценится уже в степи». Достается от него и корове: «Мөөрдг эрдмтэ үкртн ода / Мөрглдхэс ондан олз уга!» [Сян-Белгин 1961: 125]. В смысловом переводе: «От мычащей коровы пользы нет, кроме бодания». Даже трудолюбие лошади не находит у Козла одобрения. В третьей части Козел чванится, превознося себя: «Нертэ баатр темдгтэв, / Нег өврэн гелэв. Тер ачим медхишт, / Тигэд намаг магтишиш...» [Сян-Белгин 1961: 125]. Смыслом

вой перевод: «Я известен, как богатырь, потерял один рог. Не знаете о моих заслугах, поэтому меня не восхваляете».

В четвертой части Козел заявляет, поскольку животные его обидели, не хотят признавать его заслуг, тогда они ему не нужны, он насовсем их покинет: «Алдр нама өөлүләд, / Ачим медшго болхла — / Тадн нанд кергот, / Тастан танас оольнав!..» [Сян-Белгин 1961: 126].

Мораль в конце басни автор выразил риторическими фигурами: «Өрэсн өвртэ Серк / Өлкәдәд, авглад бәэдмб? / Өмнэсни түүг мөргх / Өвртэ хамгин яһсмб?» [Сян-Белгин 1961: 126]. В смысловом переводе: «Как однорогий Козел своим высокомерием всех околдовал? Куда делись у других животных рога, способные заботить его?».

Те же персонажи социальной сатиры — председатель колхоза Верблюд и агроном Козел, назначенный начальником на эту должность, — в басне Тимофея Бембеева (1930–2003) «Агроном Серк» («Агроном Козел»). Верблюд проявляет беспечность, а Козел ворует колхозную капусту. Мораль басни также завершается риторической фразой: «„Малан чонар хәрүлһдгиг“ / Манаахс яахар бәэнэт?» [Бембин Т. 1960: 36], т. е. «Если за скотом будет присматривать волк, то чего вы тогда хотите?». «Баснописец здесь прибегнул к калмыцкой поговорке: „чонар хө хәрүлх“ (‘поручить овцу волку’), что соответствует русской поговорке и фразеологизму „пустить козла в огород“, то есть позволить кому-то действовать там, где тот может быть особенно вреден, использовать выгоду в личных целях» [Ханинова 2018а: 108].

Если в названии первой басни Х. Сян-Белгина дана характеристика персонажа («Кичливый Козел»), то во второй басне противопоставлены ворона и свинья. В отличие от других своих басенных произведений, здесь автор сразу ссылается на отечественную традицию: «Орс алдр тежгч — / Олмна келтэ Крыловас / Экн ишлвр сурж, / Эн тежгэн бичсө», т. е. «Написал эту басню, спросив позволения у великого русского баснописца, острого слова Крылова». Несмотря на то, что в подзаголовке нет обозначения басни, таким введением в текст калмыцкий поэт указывает и на жанр, и на русскую басенную традицию, и на сюжет, близкий крыловской басне «Кукушка и

петух», когда птицы взаимно хвалят друг друга за прекрасное якобы пение. Авторская интенция усиlena эпиграфом, близким русской поговорке о том, что на безрыбье и рак рыба: «Ноха угад / Һаха хуцна. Хальмг үлгүр» («Когда нет собаки, и свинья лает. Калмыцкая пословица») [Сян-Белгин 1982: 100].

Ворона и свинья симпатизируют друг другу. Описание свиньи рисует ее непривлекательный облик: она жирна, некрасива, время от времени бахвалится тем, что от животного родится только животное. Свинья невежественна, жадна до еды, норовит, опережая соловья, предаваться пению. Эти характеристики соответствуют народным сравнениям: һахала әдл һәргтэ — круглый дурак, идиот; һахала әдл ховдг — очень жадный, жадный как свинья [КРС 1977: 161].

Ворона не отстает от свиньи в своем прокорме, в степи поедая отбросы. Своевольно похрюкивая-напевая, свинья ищет себе певца-приятеля. Серая ворона, заскражетав, стала воспевать свинью: восхищается ее прекрасным носом, у свиньи не отвислые уши, а торчащие рога. Она поет свинье заздравную песню, называя ее великой старшей сестрой, а та не отвечает вороне взаимным восхвалением. По мнению автора, свинья и ворона стоят друг друга, а свинья есть свинья по своей природе. В конце басни дана мораль: «Тежг тээлвр хәэхлә, / Тегш шинжәр хәләтн. / Бийим өөхәр бәэхлә, / Бийэн бас кирцтн» [Сян-Белгин 1982: 101]. Смысловой перевод: «Если поискать смысл басни, взгляните на нее по-новому. Если себя недооцениваете, то подходите к этому взвешенно». В басне «Керә һаха хойр» Х. Сян-Белгин использовал звукоподражания персонажей — хрюканье и карканье: «„Хор-хор“ һаха, / „Кар-кар“ керә», показал особенности походки свиньи: «таатр-таатр ишкнә» [Сян-Белгин 1982: 100, 101], ср. «таатр-туутр гиһәд йовх — ходить медленно (вразвалку)» [КРС 1977: 644]. Образ свиньи в басне актуализирует калмыцкую пословицу, ставшей эпиграфом к произведению.

В калмыцком фольклоре образ ворона/ вороньи встречается часто. Ворон — тотемический первопредок одного из монгольских родов (кереиты). Поэтому, с одной стороны, ворон — мудрый советчик, волшебный помощник, например, в калмыцкой сказке

«Керэ сэн нээжтэ Керэдэ өвгн» («Старик Керядя и его хороший друг ворон») [Калмыцкие сказки 2009: 426–427], с другой — в общих представлениях народа отношение к вороне предосудительное, применялась предохранительная магия, считалось, что вороний крик — предвестник беды.

В калмыцких сказках «Злая ворона» и «Веселый воробей» ворона показана злой и недоброжелательной [Калмыцкие народные сказки 1997: 276–279, 268–269], а в сказке «Керэ болн цаяха» («Ворона и рак») — глупой, податливой на лесть, из-за чего потерявшей свою добычу [Калмыцкие сказки 2009: 406]. Ср. в сатирической миниатюре Михаила Хонинова (1919–1981): «Керэ нахаг / бузр гиһэд / кеер, тенгрт / му келнэ./ Бийиннъ хоншар / малын хорхсн / будата йовсан / эс үзнэ» [Хоньна М. 1977: 71], т. е. «Ворона, считая свинью грязной, везде плохо говорит о ней. Сама же не замечает свой клюв, испачканный в навозе». В басне М. Хонинова «Тер, татвр уга үрн...» («Тот, неряшливый человек...») свинья, приподнявшись из грязи, дает характеристику неряшливому человеку, забывшему, откуда он родом, не признающему свою родню: «Үрн мини! / Һар, көлнъ цаһан болжн, / Бээсн бээдл, ухр ухань / Болмар, намаһан дурала» [Хоньна М. 1967: 102]. В смысловом переводе: «Это мой сын. Хотя руки, ноги белые, похож на меня и поведением, и малым умом». Мораль басни краткая: «Күн нахала мархсн уга, / Келвр уга, цаадкнь медгдв» [Хоньна М. 1967: 102], т. е. «Прохожий не стал спорить со свиньей. Разговора нет, все остальное понятно». См. подробнее о баснях М. Хонинова [Ханинова 2018в]. А в басне Т. Бембеева «Амулнгта бальчг» («Блаженная грязь», 1968) овца, вдруг увидев купающуюся в грязи свинью, упала от страха, а потом убежала с криком, что это черт: «Генткн хөн үзчкэд, / Гедргэн тусмар чочна. / — Шулм! Шулм! — гичкэд / Шулунтар адһад зулна» [Бембин Т. 1970: 101]. А свинья назвала овцу глупой, пренебрегающей такой возможностью — повалиться в грязи.

Аист — редкий персонаж в калмыцком фольклоре, в том числе и в баснях калмыцких поэтов. В басне Басанга Дорджиева (1918–1969) «Өти өрвтс хойр» («Червяк и аист») также противопоставлены два главных персонажа. Действие происходит на

высоком дереве, где сидит аист. Вдруг он видит перед собой ползущего на ветке червяка. У поэта есть некоторое уточнение в отношении вида насекомого — земляного червя: «Шаврт бээрлдг өтнд / Шовун алц болна» [Доржин Б. 1988: 65], т. е. «Птица дивится червяку, живущему в земле». Аист торопливо спрашивает, желая понять, в чем смысл такого поведения червяка. «Чи нааран давшхд / Чидл альдас авсмчи? / Чидж өөдэн девшхд / Чадлиг кенэс дассмчи?» [Доржин Б. 1988: 65]. Смысловой перевод: «Откуда ты взял силы, чтобы подняться сюда? У кого научился лазить наверх?». Приподнявшись, червяк ответил, что аист до сих пор ничего не знает об умении, поэтому пояснил: «Эвинь сээнэр хээхлэ, / Эврэн энтн илднэ. / Эргүлэд тоолад бээхлэ, / Эсвнь бас олдна» [Доржин Б. 1988: 65]. В смысловом переводе: «Если хорошо поискать способ, то он сам по себе выявится. Если все просчитать, то решение найдется». Он в подробностях передал этапы своего продвижения: «Һульдрад, дошад, дэвж, / Һарад нааран ирүв, / Мөлкэ-мөлкэ йовж, / Минь үүнд күрүв» [Доржин Б. 1988: 65], т. е. «Соскальзываая, скользя, продвигаясь, поднялся сюда. Ползком-ползком добрался до этого места». Глаголы и глагольные формы, передающие долгий путь червяка от земли к вершине дерева, показывают его огромные усилия и терпение в достижении цели. Поучения червяка не лишены самомнения, учитывая адресата: «Чиктэ болхла, соңстн. / Чидл болхла, дуратн. / Кергтэ болхла, дастн. / Килмжим бичэ үрэтн...» [Доржин Б. 1988: 65]. «Если у вас есть уши, слушайте. Если есть силы, подражайте. Если нужно, учитесь. Не теряйте усердия...». Характерно, что аист обращается к червяку на «ты» (калм. чи), а тот к аисту — на «вы» (калм. та), такое использование разных местоимений в обращении друг к другу показывает их иерархию, отношения между ними: снисходительное у аиста и уважительное у червяка. Мораль в конце басни передана риторической фигурой: «Өсвкн салькнд үлэгдж, / Өсрх хоорндан баҳтсн / Өтнэ сурһмжд авлгдж, / Орад тус бээхий?» [Доржин Б. 1988: 66]. Автор вопрошает: «Стоит ли принимать во внимание учебу у червяка, которому сдуло беспокойным ветром, но который успел порадоваться перед тем, как упасть?». Поэт исполнен сарказма: кто кого учит и за-

чем? Ему не жаль червяка, пусть глупого и самонадеянного, не странствующего по земле и вглубь, а пытавшегося подняться наверх, стать выше своего предназначения. Старания червяка напрасны (ветер сдул его с дерева), цель бесполезна (тот же аист мог его склевать). В басне Б. Дорджиева антитеза «летать — ползать» дополнена антитезой «ползать — падать», несмотря на афоризм басни Д. И. Хвостова «Орлица и черепаха» (1802): «Ползя / Упасть нельзя», в которой «две семантические составляющие: „медленно“ и „низко“», исключающие «всякие неприятные неожиданности, вроде падения» [Довгий 2018: 195], тогда как, по Г. Р. Державину, «ползя, можно и скользить, и падать. <...> Важно направление движения: ползти вверх или ползти по горизонтали» [Довгий 2018: 196].

Эта басня Б. Дорджиева вызывает ассоциацию с басней И. А. Крылова «Сокол и Червяк», где на вершине дерева качался Червяк, уцепившись за ветку, а Сокол носился над ним, шутя и издеваясь: «Каких ты, бедненький, трудов не перенес! / Что ж прибыли, что ты высоко так заполз? / Какая у тебя и воля, и свобода? / И с веткой гнешься ты, куда велит погода» [Крылов 1946: 181–182]. Червяк ответил шутнику, что судьба дала ему достоинства иные: «Я здесь на высоте / Тем только и держусь, что я, по счастью, цепок» [Крылов 1946: 182]. В русской басне нет уточнения видовой принадлежности червяка (гусеница и т. п.). В двух этих баснях есть оппозиции: «летать — ползать», «ползать — падать», «быстро — медленно», «свобода — зависимость», «верх — низ», «земля — небо».

Категорический императив прошлой эпохи — «Рожденный ползать летать не может» — противопоставил Ужа и Сокола. Эта формула, как указывает современный исследователь, отсылает к басне И. И. Хемницера «Мужик и корова» (1799) [Довгий 2018: 200]. Есть вариант ее концовки: «Корова наконец под седоком свалилась. / Не мудрено: скакать корова не училась. / А потому и должно знать: / Кто ползать родился, тому уж не летать» [Хемницер 1963: 304].

Среди персонажей другой басни Б. Дорджиева «Эргу иньгэс зээл...» («Сторонись глупого друга...»), жанр которой также автором не обозначен, помимо представителей животного мира: змея (мoha),

медведь (аю), муха (бахтн), есть человек. У него роль пассивная (спал), потом, сонный, стал нечаянной жертвой того, что называют «медвежьей услугой». Басня, структурированная восемью четверостишиями, также не датирована. Начало ее строится по сказочному принципу: «Кезэнэ, нег цагт, гинэ, / Күүнд өшрсн мoha бээж» [Доржин Б. 1988: 66], т. е. «Давным-давно, однажды, говорят, жила змея, ненавидящая человека». Когда человек спал дома, змея заползла ему за пазуху. Решив ужалить его, впрыснув сильный яд, она подумала: «Энүг би зуунад орксв... / Эн серчкэд, намаг алх. / Эмэрн шордн, тегэд үүнэс / Өшэ авад — олзнь юмби?» [Доржин Б. 1988: 66]. Смысловый перевод: «Я его укушу... Он, проснувшись, убьет меня. Лишившись жизни, приму от него месть. В чем польза?». Тем временем влетела муха, сев на лицо хозяина, за ней стал гоняться друг человека — караульщик медведь. Муха кружилась. Гоняясь за ней, медведь притомился, решил отступить — просто ударить камнем, чтобы ее убить. Ударив вроде бы по мухе, он раздробил хозяйственную голову, а муха вылетела наружу. Удалилась и удовлетворенная змея. Только возле хозяйствского тела остался, страдая, медведь. Заботясь о своем друге, он довел его до смерти. Мораль басни такова: «Түүнэс авн иш бэрлдүлж, / Түншүр ухат үлгүрлж келж: / Эргү хэргтэ иньгэс / Ухата өштэн deerж» [Доржин Б. 1988: 67]. В смысловом переводе: «С тех пор суть произошедшего мудрые люди выразили пословицей: лучше глупого друга умный враг». Ср. калмыцкая пословица гласит: «Тенг нөкдэс / Цеэн дээсн deer. Чем глупый друг, / Лучше умный враг» [Пословицы, поговорки... 2007: 466]. Это произведение поэта можно отнести к басне-пословице.

Медведь — редкий персонаж в калмыцких сказках о животных. Его глупость стала причиной смерти человека в басне калмыцкого поэта. С образом змеи в калмыцком фольклоре связаны понятия мудрости, знания языка животных, предсказания, лечения, в то же время опасности, коварства, смерти. Некоторые ее качества показаны в анализируемой басне. Муха отсутствует в калмыцких сказках о животных; есть она в калмыцкой сказке «Далн хойр худл» («Семьдесят две небылицы»), где в двух эпизодах показаны две тысячи мух на оставленной во

льду голове рассказчика и муха как подарок рассказчику, которую он съел [[Семьдесят две небылицы 1990: 53, 59–61](#)]. С мухой ассоциируются гниль, болезни, смерть, что нашло отражение в калмыцких пословицах: «Батхн үмкэд хурна, / Чөткүр харңнуд хурна. Мухи собираются, где гниль, / А черти собираются, где темь»; «Батхн бээсн һазрт ётн хорха олн гидг. Где мухи водятся, там личинок-червяков множество» [[Пословицы, поговорки... 2007: 610–611](#)]. Из-за мухи умирает человек в басне калмыцкого автора, в которой внутренняя речь змеи полна сомнений, а появление мухи и неудачная погоня медведя за нею развивают сюжет и приводят к печальной развязке.

Выводы

Басня в калмыцкой поэзии, созданная в 1930-е гг., получила развитие в конце 1950-х гг. – 1970-е гг. С периодом перестройки, с середины 1980-х гг., ее иносказание, аллегория, сентенция, дидактизм не были востребованы современным обществом, когда уже можно было о многом говорить открыто и прямо, не используя эзопов язык, в эпоху гласности и демократизации. Избранные басни Х. Сян-Белгина, М. Эрдниева, Б. Дорджиева, Т. Бембеева, М. Хонинова, рассмотренные в аспекте зоопоэтики, во-первых, явили взаимосвязь с калмыцким фольклором — мифами, сказками о животных, пословицами и поговорками, во-вторых, ориентировались на традицию классической басни в русской поэзии, прежде всего, И. А. Крылова. В басне «Зан Чон хойр» («Слон и Волк») Х. Сян-Белгин на основе этиологических мифа и сказки синтезирует жанр сказки и басни. «Темэн Яман хойр» («Верблюд и Козел») имеет два варианта: сказка для детей и басня. Жанровая дефиниция басни указана автором только в одном произведении «Ямрхг Серк» («Кичликий Козел»). Характеристики животных (диких и домашних) даны поэтом на основе народных представлений с опорой на фольклор. Рамка произведения обычно включает место и дату создания. В названиях отражены персонажи-антиподы или характеристика заглавного героя. Басню «Һаха керэ хойр» («Свинья и ворона») предваряет красноречивый эпиграф из калмыцкой пословицы. Жанровые сценки сопровождают диалог животных, мораль формулируется в конце

басни, иногда в виде риторических фигур. Действие происходит в степи. Басни структурированы обычно четверостишиями с использованием национального стихосложения (анафора, аллитерация). Басенные произведения Х. Сян-Белгина 1930-х, 1950-х гг. переиздавал в некоторых своих книгах, в том или ином составе, в той или иной последовательности, они не были переведены на русский язык и в целом не были объектом и предметом исследования в трудах калмыковедов, в частности в очерке творчества поэта, в сборниках статей [[Глинин 1972](#); [Глинин 1987](#)].

Две басни М. Эрдниева без указания жанра отсылают к известным сказочным сюжетам, басням и калмыцким пословицам, автор, трансформируя их, создает свои вариации. В названии одной его басни («Ус үзлго — хос тээлдго» = «Не видя воды — не снимают сапоги», 1938) транслируется пословица, в другой — ироническая характеристика героини («„Керсү“ меклэ» = „Проницательная“ лягушка», 1940). В первой басне подзаголовок поясняет происхождение пословицы ссылкой на рассказ старика. Тексты различны по структуре: первый отличается от второго тем, что не разделен на четверостишия, не имеет диалогической речи, передает жанровую сценку действием основных персонажей. Мораль также завершает басни.

Сновидческий элемент в басне Г. Шалбурова «Өтнэ зуудн болн занин инэдн» («Сон червя и слоновий смех») формирует сюжет произведения, мораль которого имеет не только дидактический, но и политический аспект, поскольку определяется предвоенной ситуацией конца 1930-х гг. Поэтому эту басню можно определить и как политическую. Отличает это произведение и метатекст, поясняющий, как автором транслируется сновидение червяка с расшифровкой языка и смысла.

В басне Т. Бембеева «Агроном Серк» («Агроном Козел») — социальная сатира на расхищение колхозной собственности актуализирует фразеологизм, близкий русскому аналогу «пустить козла в огород», а в басне «Амулнгта бальчг» («Блаженная грязь») — юмористическое сравнение грязной свиньи с чертом.

Сатирическая миниатюра о вороне и свинье, басни о человеке и свинье, козле и

псе у М. Хонинова развивают мотив самохарактеристики персонажей — животных и птиц, частый прием баснописцев. Две басни Б. Дорджиева «Өтн өрвтс хойр» («Червяк и аист») и «Эргү иньгэс зээл...» («Сторонись глупого друга...») различны тем, что в первой из них поэт иронизирует над червяком, поучающем аиста, а также солидаризируется с горьковским афоризмом о судьбе тех, кто рожден ползать или летать, а во второй басне транслирует калмыцкую пословицу о глупом друге и умном враге. Эти произведения не датированы автором, относятся к 1960-м гг.

В рассмотренных баснях избранных калмыцких поэтов главными персонажами являются представители мира животных, птиц и насекомых: слон, волк, медведь, змея, аист, ворона, гуси, лягушка, червяк, муха, козел, верблюд, лошадь, овцы, свинья, лишь в нескольких баснях среди них присутствует человек, обычно в пассивной роли. В названиях басен определены главные герои-антитиподы либо дана характеристика заглавного персонажа, приведена

пословица либо сентенция. Образы диких и домашних обитателей степной фауны проецируют их взаимоотношения, характеризуют путем иносказания типы людей, их пороки и недостатки, актуализируют социальную и политическую сатиру. Композиция басен определяет местоположение морали в конце произведения. Для структуры басен характерно строфическое деление на четверостишия, иногда использование подзаголовка или эпиграфа. Авторское датирование произведений не всегда присутствует. Стиль басен демонстрирует разговорную речь персонажей, эмоционально выраженную риторическими фигурами, сравнениями, междометиями, звукоподражаниями. Выделяются басня-сказка, басня-пословица, басня-сновидение. Дидактический ракурс басни с образами животного мира в калмыцкой поэзии прошлого века, с одной стороны, отвечал традициям фольклора, национальной литературы — *үг'ов*, сургалов (поучений, наставлений) [Бадмаев 1984], с другой — русской басенной традиции [Ханинова 2018г].

Литература

- Бадмаев 1984 — Бадмаев А. В. Калмыцкая доколхолицкая литература / 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 168 с.
- Бембин Т. 1960 — Бембин Т. Зөөр: шүлгүд болн поэмс (= Сокровище: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дэгтр гарнач, 1960. 57 х.
- Бембин Т. 1970 — Бембин Т. Аршан болн хорн: шүлгүд (= Мед и яд: стихи). Элст: Хальмг дэгтр гарнач, 1970. 110 х.
- Бичеев 1992 — Бичеев Б. А. Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (1920–30-е гг.): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. 164 с.
- Бообан Б. 1991 — Бообан Б. Услада слуха // Лунный свет: Памятники калмыцкой литературы XIII – начала XX века / сост., перевод, предисл. и словарь А. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. С. 214–221.
- Борджанова 2019 — Борджанова (Басангова) Т. Г. Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Герасимович 2006 — Герасимович Л. К. Монгольская литература XIII – начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 362 с.
- Глинин 1972 — Глинин Г. Г. «Поэта настояще прозренье». Очерк творчества Х. Б. Сян-Бегина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 103 с.
- Глинин 1987 — Глинин Г. Г. Путь исканий: современная литература Калмыкии: Проблемы и характеристики. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 96 с.
- Довгий 2018 — Довгий Л. «Ползя упасть нельзя» // Бестиарий движений: сб. статей / сост. Ольга Довгий, Алиса Львова. Тула: Аквариус, 2018. С. 188–200.
- Доржин Б. 1988 — Доржин Б. Уяңай айс: шүлгүд болн поэмс (= Заветная лира: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дэгтр гарнач, 1988. 143 х.
- Дякиева 2020 — Дякиева Б. Поэт, журналист, фронтовик Мутул Эрдниев // Хальмг үнн. 2020. Июнин 10. Х. 10.
- Ендон 1989 — Ендон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 183 с.
- Иванюк 2018 — Иванюк Б. П. Стихотворные жанры иносказательной типологии: аполог, басня, загадка (словарный формат) // Филологос. 2018. № 37 (2). С. 19–25.
- Калмыцкие народные сказки 1997 — Калмыцкие народные сказки / пер. с калм.; сост. В. Арбакова. Переиздание. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 445 с.
- Калмыцкие сказки 2009 — Калмыцкие сказки: сборник / на калм. яз.; сост. В. Д. Бадмаева. Элиста: ИД «Герел», 2009. 440 с.

- Калян С. 1932 — *Калян С. Стихэн социализмин дэлдлхнд* (= Стихи созиданию социализма). Шарту: Н. В. Крайин издательств, 1932. 32 х.
- Кануков 1962 — *Кануков Х. Б. Шажна ховргин ювдл* (= Проделки духовенства) // Хальмг поэзин антолог (= Антология калмыцкой поэзии) / сост. С. К. Каляев, И. М. Мацаков, Л. С. Сангаев. Элст: Хальмг госиздат, 1962. Х. 144–147.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Крылов 1946 — *Крылов И. А. Сокол и Червяк* // Крылов И. А. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 143–144.
- Кульганек 2010 — *Кульганек И. В. Монгольский поэтический фольклор. Проблемы изучения, коллекции, поэтика*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 240 с.
- Манджиева 2012 — *Манджиева Г. М. Устное народное творчество калмыков в настоящее время* // Научное наследие проф. А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры (Кичиковские чтения): мат-лы регионал. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А. Ш. Кичикова (г. Элиста, 21 декабря 2011 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2012. С. 76–80.
- Манджикова 2007 — *Манджикова Б. Б. Хальмг-орс терминологическ толь (урьлмудын болн мал-адусна нерэдлн)*. Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2007. 98 с.
- Мацаков 1987 — *Мацаков И. М. Писатель и время*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 160 с.
- Мифы, легенды ... 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., comment., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куанова, Г. Ц. Пюрбееев. Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Монгольские сказки 1962 — Монгольские сказки / пер. с монг.; сост. и послесловие Г. Михайлова. М.: ГИХЛ, 1962. 237 с.
- Пословицы, поговорки... 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Составление, перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Семьдесят две небылицы 1990 — Семьдесят две небылицы. Сказка. На калмыцком и русском языках / пер.: С. Липкин. Переиздание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 95 с.
- Сид 2013 — *Сид И. Тотем в современной русской литературе. Зоопоэтика текстов, зоософия сообществ (постановка проблемы)* // *Бестиарий и стихии: сб. статей*. М.: Intrada, 2013. С. 55–67.
- Сян-Белгин 1936 — *Сян-Белгин Х. Темэн яман хойр* (= Верблюд и козел) // Ленинэ ачир. 1936. Февралин 13. Х. 4.
- Сян-Белгин 1959 — *Сян-Белгин Х. Б. Шүлгүд болн поэмс* (= Стихи и поэмы). Элст: Хальмг дэгтр гарнч, 1959. 134 х.
- Сян-Белгин 1961 — *Сян-Белгин Х. Б. Цагин айс: шүлгүд болн поэмс* (= Мелодия времени: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дэгтр гарнч, 1961. 132 х.
- Сян-Белгин 1982 — *Сян-Белгин Х. Б. Нарн, менд!*: шүлгүд (= Здравствуй, солнце: стихи). Элст: Хальмг дэгтр гарнч, 1982. 126 х.
- Ханинова 2018а — *Ханинова Р. М. Басня в первой книге Тимофея Бембеева «Зөөр» («Сокровище»)* // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. V. 2018. С. 105–117.
- Ханинова 2018б — *Ханинова Р. М. Жанр басни в калмыцкой поэзии ХХ в.* // Новый филологический вестник. 2018. № 4. С. 58–68.
- Ханинова 2018в — *Ханинова Р. М. Жанр басни в поэзии Михаила Ханинова* // Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Дмитриева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. С. 111–117.
- Ханинова 2018г — *Ханинова Р. М. Перевод в диалоге культур: крыловская традиция в калмыцкой басне* // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Библиотека — перекресток национальных литератур» (г. Элиста, 16–18 октября 2018 г.) / Нац. б-ка им. А. М. Амур-Санана. Элиста: Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана, 2018. С. 25–31.
- Хемницер 1963 — *Хемницер И. И. Басни. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 381 с.*
- Хонинов 1979 — *Хонинов М. В. Как я был кокнокрадом: стихи, рассказ*. М.: Правда, 1977. 46 с.
- Хоньна М. 1967 — *Хоньна М. Шүлгүд болн поэмс* (= Стихотворения и поэмы). Элст: Хальмг дэгтр гарнч, 1967. 110 х.

- Хоньна М. 1977 — Хоньна М. Тэегин шовун — тохрун: шүлгүд болн поэмс (= Журавль — птица степная: стихи и поэмы). Элст: Халь-мг дэгтрархнаа, 1977. 73 х.
- Шалвра И. 1939 — Шалвра И. Өтнэ зуудн болн занин инэдн (= Сон червя и слоновий смех) // Улан хальмг. 1939. Апрелин 14. Х. 2.
- Эрдниев 1942 — Эрдниев М. Пока не увидал

- реки, не торопись снять сапоги // Улан Туг. 1942. № 4. Х. 13–14.
- Эрднин М. 1938 — Эрднин М. «Ус үзлго — хос тээлдго» (= «Не видя воды, не снимают сапоги») // Ленинэ ачнр. 1938. Ноябрин 21. Х. 4.
- Эрднин М. 1940 — Эрднин М. «Керсү» меклэ (= «Прозорливая» лягушка) // Улан банчуд. 1940. Декабрин 22. Х. 4.

References

- Arbakova V. (comp.) Kalmyk Folktales. Reprint. Elista: Dzhangar, 1997. 445 p. (In Russ.)
- Badmaev A. V. Kalmyk Pre-Revolutionary Literature. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Book Publ., 1984. 168 p. (In Russ.)
- Badmaeva V. D. (comp.) Kalmyk Folktales. Elista: Gerel, 2009. 440 p. (In Kalm.)
- Bembin T. The Honey and the Poison: Verses. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 110 p. (In Kalm.)
- Bembin T. The Treasure: Verses and Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1960. 57 p. (In Kalm.)
- Bicheev B. A. Impacts of Written Monuments and Folklore on the Development of Kalmyk Literature: 1920s – 1930s. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 1991. 164 p. (In Russ.)
- Boovan B. A Treat for the Ears. In: Badmaev A. V. (comp.) The Moonlight: Monuments of Kalmyk Literature, 13th – Early 20th Centuries. A. Badmaev (transl., foreword, etc.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. Pp. 214–221. (In Russ.)
- Bordzhanova (Basangova) T. G. Animals in Kalmyk Folklore. Elista: Kalmyk State University, 2019. 192 p. (In Russ.)
- Burykin A. A., Kuzmina E. N., Kukanova V. V., Pyurbeev G. Ts. (eds.) Kalmyk Myths, Legends and Folktales. T. Basangova, T. Mikhaleva (prep., foreword, etc.). Kalmyk Scientific Center (RAS). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Russ. and Kalm.)
- Dorjin B. The Precious Lyre: Verses and Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1988. 143 p. (In Kalm.)
- Dovgiy L. ‘He Who Crawls Never Falls’. In: Dovgiy O., Lvova A. (comps.) The Bestiary of Movement. Collected articles. Tula: Akvarius, 2018. Pp. 188–200. (In Russ.)
- Dyakieva B. Mutul Erdniev — poet, journalist, war veteran. *Khal'mg iinn*. 2020, June 10. P. 10. (In Kalm.)
- Endon D. Folktale Plots in Tibetan and Mongolian Literary Monuments. Moscow: Nauka — GRVL, 1989. 183 p. (In Russ.)
- Erdniev M. Do not Put off the Shoes until You See a River. *Ulan Tug*. 1942. No. 4. Pp. 13–14. (In Russ.)
- Erdnin M. Do not Put off the Shoes until You See a River. *Leninä achnr*. 1938, November 21. P. 4. (In Kalm.)
- Erdnin M. The Perspicacious Frog. *Ulan baychud*. 1940, December 22. P. 4. (In Kalm.)
- Gerasimovich L. K. Mongolian Literature: 13th – Early 20th Centuries. Lecture materials. Elista: Dzhangar, 2006. 362 p. (In Russ.)
- Glinin G. G. The Pathway of Search: Contemporary Literature of Kalmykia. Problems and Characteristics. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 96 p. (In Russ.)
- Glinin G. G. The True Poetic Enlightenment: An Essay on Kh. B. Syan-Belgin’s Works. Elista: Kalmyk Book Publ., 1972. 103 p. (In Russ.)
- Ivanyuk B. P. Verse genres of allegorical typology: the analogue, the fable, the riddle (a dictionary format). *Filologos*. 2018. No. 37 (2). Pp. 19–25. (In Russ.)
- Kalyan S. Verses Aimed to Facilitate the Shaping of Socialism. Saratov: Lower Volga Krai Publ., 1932. 32 p. (In Kalm.)
- Kanukov Kh. B. Underhand practices of the clergy. In: Kalyaev S. K., Matsakov I. M., Sangaev L. S. (comps.) Anthology of Kalmyk Poetry. Elista: Kalmyk Book Publ., 1962. Pp. 144–147. (In Kalm.)
- Khaninova R. M. The genre of fable in Mikhail Khoninov’s poetry. In: Mikheeva S. L., Dimitrieva O. A. (eds.) Interethnic Contacts in Multicultural Educational Space: Issues of Language Interaction and Cross-Cultural Communication. Conference proceedings. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University, 2018. Pp. 111–117. (In Russ.)
- Khaninova R. M. The genre of fable in the 20th century Kalmyk literature. *New Philological Bulletin*. 2018. No. 4. Pp. 58–68. (In Russ.)
- Khaninova R. M. The Treasure by T. Bembeev: one fable included in Book One revisited. In: Turko-Mongols. Issues of Ethnic History and Culture. Elista, 2018. Vol. V. Pp. 105–117. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Translation in a dialogue of cultures: Krylov’s tradition in Kalmyk fables. In:

- Library — The Crossroads of National Cultures. Conference proceedings (Elista; October 16–18, 2018). Elista: Amur-Sanan National Library of Kalmykia, 2018. Pp. 25–31. (In Russ.)
- Khemnitser I. I. Fables. Moscow; Leningrad: Sovetskiy Pisatel, 1963. 381 p. (In Russ.)
- Khonina M. Crane — The Bird of Steppes: Verses and Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1977. 73 p. (In Kalm.)
- Khonina M. Verses and Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1967. 110 p. (In Kalm.)
- Khoninov M. V. How I Was a Horse-Stealer: Verses, Short Story. Moscow: Pravda, 1977. 46 p. (In Russ.)
- Krylov I. A. The Falcon and the Worm. In: Krylov I. A. Complete Works. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1946. Pp. 143–144. (In Russ.)
- Kulganek I. V. Mongolian Poetic Folklore: Issues of Exploring and Collecting, Poetics. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2010. 240 p. (In Russ.)
- Mandzhieva G. M. Contemporary Kalmyk folklore. In: Professor A. Sh. Kichikov's Heritage and Topical Issues of Modern Kalmyk Philology and Culture (The Kichikov Readings). Conference Proceedings (Elista; December 21, 2011). Elista: Kalmyk State University, 2012. Pp. 76–80. (In Russ.)
- Mandzhikova B. B. Kalmyk-Russian Terminological Dictionary: Flora and Fauna. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. 98 p. (In Kalm. and Russ.)
- Matsakov I. M. The Writer and Time. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 160 p. (In Russ.)
- Mikhaylov G. (comp.) Mongolian Folktales. G. Mikhaylov (transl., afterword). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1962. 237 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Shalvra V. The Worm's Dream and the Elephant's Laughter. *Ulan khal'mg*. 1939, April 14. P. 2. (In Kalm.)
- Sid I. Totem in contemporary Russian literature: zoopoetics of texts, zoosophy of communities (statement of a problem). In: The Bestiary and Natural Forces. Collected articles. Moscow: Intrada, 2013. Pp. 55–67. (In Russ.)
- Syan-Belgin Kh. B. Good Morning, Sun: Verses. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 126 p. (In Kalm.)
- Syan-Belgin Kh. B. The Melody of Time: Verses and Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1961. 132 p. (In Kalm.)
- Syan-Belgin Kh. B. Verses and Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1959. 134 p. (In Kalm.)
- Syan-Belgin Kh. The Camel and the Goat. *Leninä achnr*. 1936, February 13. P. 4. (In Kalm.)
- The Seventy Two Lies. Folktale. Reprint. S. Lipkin (transl.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 95 p. (In Kalm. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. (comp.) Kalmyks of Russia and Oirats of China: Sayings, Proverbs and Riddles. B. Todaeva (transl.). Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Kalm. and Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 409–419, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-409-419

Современное состояние песенного фольклора башкир (по экспедиционным материалам XXI в.)

Айгуль Мужасировна Хакимьянова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2786-3477. E-mail: aihakim@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Хакимьянова А. М., 2021

Аннотация. *Введение.* Анализ современного состояния фольклора — одна из актуальных проблем фольклористики. Фольклорные материалы, наряду с данными археологии, антропологии, этнографии и лингвистики, служили и служат цennыми источниками исследований по этногенезу, истории и культуре народов. Продолжающиеся полевые исследования позволяют рассматривать современное состояние традиционных жанров народного творчества, в том числе песенного фольклора. Целью данной работы является рассмотрение сохранившихся на сегодня жанров традиционного музыкального фольклора башкир, дать их краткую характеристику, а также проанализировать их с точки зрения оценки современного духовного состояния этноса. *Материалы и методы.* За основу исследования взяты экспедиционные материалы автора, собранные в XXI в. в разных районах Республики Башкортостан и за ее пределами, где компактно проживают башкиры. *Результаты.* Обзор фольклорных материалов, собранных нами за последние десятилетия, показывает, что музыкальные жанры башкирского фольклора продолжают свое бытование, они пользуются большим спросом у населения и поэтому количественно преобладают в экспедиционных записях. Лучшей степенью сохранности отличаются короткие четырехстрочные песни без названия, застольные песни и такмаки. В условиях быстрой утраты традиционной культуры и естественного ухода из жизни мастеров-исполнителей музыкальных жанров необходимо как можно скорее и полнее зафиксировать и изучить то, что еще сохранилось и дошло до наших дней.

Ключевые слова: фольклор, народное творчество, башкиры, музыкальная фольклористика, жанр, экспедиция, репертуар, песня, слово, современность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Хакимьянова А. М. Современное состояние песенного фольклора башкир (по экспедиционным материалам XXI в.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 409–419. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-409-419

The Current State of Bashkir Song Folklore: A Case Study of 21st-Century Expeditional Materials

Aigul M. Khakimyanova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-2786-3477. E-mail: aihakim@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khakimyanova A. M., 2021

Abstract. *Introduction.* At present, people's interest in the historical and ethnocultural heritage has increased, and the desire to preserve traditional values for future generations has grown stronger. Song recordings made in the 19th – 20th centuries are evidence of the developed musical and song tradition of the Bashkir people. Due to the collecting efforts of M. A. Burangulov, A. N. Kireev, S. A. Galin, N. D. Shunkarov and others, a whole layer of folk songs has been preserved. During expeditions that have been intensified since the beginning of the 21st century by the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, folklorists are working hard to multifacetedly cataloguize folk knowledge, on the basis of which one can judge the state of traditional modern folklore of the Bashkirs. In our understanding, 'modern folklore' is folklore that has existed since the middle of the 20th century to the present, regardless of the environment of existence. *Goals.* This work aims to consider the genres of traditional musical folklore of the Bashkirs that have survived today, to give a brief description of them, and also to analyze them from the viewpoint of assessing the modern spiritual state of the ethnos. Unlike other genres, musical genres are well preserved in the memory of the population. It is the song and *takmaks* that are the main genres of modern Bashkir oral and poetic creativity, which makes it possible to reveal the dynamics of the development of folklore. *Materials and Methods.* The research is based on the author's expedition materials collected in the 21st century in different regions of the Republic of Bashkortostan and beyond, where the Bashkirs live compactly. They retain collective axiological attitudes and serve as a way of expressing shared emotions. These genres have a high level of demand among the population and therefore quantitatively prevail in expedition records. Folk songs are kept in the memory of people — bearers of folk musical culture, and are not recorded by them in writing. The transmission of musical and folklore works occurs orally. This means that any folk song is perceived and absorbed by each new generation by ear directly at the moment of sounding. Occasionally, songs can be recorded along with their stories and legends. The availability of songwriting histories is a characteristic feature of Bashkir folk songs. Many songs lose their names over time, but they do not completely disappear from the memory of the people, as evidenced by the comments of informants characterizing these works in expressions, such as 'my mother's song', 'this song was performed by my father', etc. This phenomenon reflects the strong cultural connection between generations, when performers with special trepidation cherish the memory of their relatives and can reproduce the tune once performed by their father or mother. Along with drawing songs, short four-line songs without a title, drinking songs and *takmaks* are also common. *Takmaks*, in turn, are distributed not only orally but also in writing. Modern *takmaks* are distinguished by great mobility and efficiency, they instantly respond to urgent problems. In the light of recent events, *takmaks* have appeared on the topic of a pandemic, self-isolation, and online training. *Results.* A review of folklore materials collected in recent decades shows that the musical genres of Bashkir folklore continue to exist, which means that it is necessary to study not only the current state of the Bashkir song heritage but also its evolution.

The folk song, folk singing traditions must be passed on to the younger generation, and only then the folk culture will develop and be preserved for future generations.

Keywords: folklore, folk art, Bashkirs, musical folklore, genre, expedition, repertoire, song, word, modernity

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Khakimyanova A. M. The Current State of Bashkir Song Folklore: A Case Study of 21st-Century Expeditional Materials. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 409–419. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-409-419

Вводная часть

Все более возрастающий интерес к историческому и этнокультурному наследию башкир в XXI в. отражает потребность общества в национальной идентичности, восстановлении исторической памяти и сохранении традиционных ценностей для будущих поколений. Ныне перед фольклористами открываются новые горизонты исследовательских возможностей, требующих разносторонний уровень изучения архаичного и современного народного творчества, где уже стираются грани фольклорного и самодеятельного, устного и устно-письменного, сельского и городского. При этом наука, требующая углубленного и многостороннего изучения народных знаний, ставит перед ними сложные как исследовательские, так и сибирательские задачи.

Собранный за последние годы материал позволяет судить о состоянии традиционного фольклора в современных условиях. Применяемый фольклористами комплексный метод сибиризации народных знаний предполагает не только сбор образцов устно-поэтического творчества народа, но также актуализирует фиксацию особенностей быта, уклада жизни, культуры речи и т. д. Результатом экспедиционных исследований, проводимых фольклористами Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИИЯЛ УФИЦ РАН) за 2003–2019 гг., явились 14 опубликованных по материалам экспедиций сборников, часть материалов введена в научный оборот при написании исследований, некоторые образцы включены в тома академического свода «Башкорт халык ижады» («Башкирское народное

творчество»). Цель статьи проанализировать современное состояние музыкального фольклора башкир, показать степень его сохранности, процессы трансформаций и бытования башкирской песенной традиции. В качестве *материала исследования* использованы экспедиционные записи автора, для изучения которых в статье применялись аналитический, текстологический, сравнительно-сопоставительный *методы исследования*.

Материалы фольклорных экспедиций XXI в. показывают постепенное исчезновение из памяти населения эпических произведений, медленное угасание традиции устного бытования народной сказки. Однако музыкальный фольклор и сегодня довольно устойчиво сохраняется в памяти многих информантов. Именно песня и такмаки являются основными жанрами современного башкирского устно-поэтического творчества, позволяющими наблюдать динамику развития фольклора. Сохраняя коллективные ценностные установки, они служат способом выражения общих эмоций народа. Эти жанры обладают высоким уровнем востребованности у населения и поэтому количественно преобладают в экспедиционных записях.

Протяжные песни

Нас, фольклористов, прежде всего интересуют носители и исполнители классических *оzon көй* (протяжная песня), которые занимают особое место в системе жанров песенного творчества башкир. Помимо термина *оzon көй*, существуют и другие народные обозначения: *боронгөй йыр* (старинная песня), *боронгөй көй* (старинная мелодия), а

также в настоящее время не встречающиеся — *оzon-өзөк йырзар* (долгие-прерывистые песни), *эрәт йырзары* (рядовые песни). Не исключено, что названия *эрәт йырзары* и *оzon-өзөк йырзар* по своему происхождению являются локальными терминами, связанными с различными исполнительскими традициями [БНПП 2007: 5–6].

Для напевов башкирских протяжных песен характерны широкий диапазон, сложный мелодический рисунок, который требует от исполнителя певческого дыхания и умения искусно исполнять богатейшие узоры. Как правило, они исполняются мастерами-певцами, получившими признание народа. Среди исполнителей, с которыми приходилось работать во время экспедиций, можно выделить Адельбаева Яхью Усмановича (1937 г. р., Оренбургская область), Галиаскарову Гульсиру Рашитовну (1953 г. р., Стерлибашевский район Республики Башкортостан), Набиуллину Райлю Абдулловну (1948 г. р., Ишимбайский район Республики Башкортостан), Вахитову Натижу Рафиковну (1939 г. р., Хайбуллинский район Республики Башкортостан), Амирханову Марьям Тимергалиевну (1942 г. р., Ишимбайский район Республики Башкортостан), Махмутову Флюру Мансуровну (1943 г. р., Кармаскалинский район Республики Башкортостан), которые

*Кояш қына сығып, ай, эйләнеп,
Бейек-бейек тауга бәйләнеп.
Бер қайтманаң, дүстар, бер қайтырбыз
Тыуып-үсқән илә әйләнеп* [ПМА 2014: 1].

Долго их искали, но безрезультатно. Не суждено было братьям возвратиться на ро-

*Бейек кенә бейек, ай, тау башы
Кат-кат икән уның таштары.
Эй, Ишмырза ла бит Ишибирзенәң
Кайтмаң ергә китте бит баистары*
[ПМА 2014: 1]

Эта песня известна также под названием «Уткәүел» («Переход») и впервые была записана в 1946 г. в дер. Карайган Ишибайского района РБ от А. Ш. Кутушева (1900 г. р.) [БНПП 2007: 258].

В 2009 г. в дер. Атик Бурзянского района от К. М. Алгазиной (1935 г. р.) также нами

с малых лет впитали любовь к народной музыке, народным песням. Классические народные песни «Һандуғас» («Соловей»), «Зөләйха» («Зулейха»), «Ашқазар» («Ашкадар»), «Сибай», «Шахта» и т. д. составляют основу их репертуара.

Как известно, большинство башкирских народных песен живут вместе со своими преданиями, благодаря которым песня (или инструментальный наигрыш) воспринимается слушателями гораздо более глубоко и ярко [Хакимьянова 2019: 21].

В современности редко можно услышать песню в совокупности всех трех компонентов: мелодии, текста и истори-и-предания. В 2014 г. в дер. Макарово Ишимбайского района от К. А. Сабитовой (1936 г. р.) нам удалось зафиксировать вариант песни «Ишмырза-карак» («Ишмырза-карак», *карак* — досл. ‘вор, разбойник’) вместе с историей ее возникновения. По легенде, Ишмырза родился в дер. Исекеево. «Их было два брата: Ишмырза и Ишберды. По рассказам моего отца, братья, видя произвол богачей и мучения народа, в отместку опустошали амбары бояр, угоняли лошадей и раздавали бедным. Сами прятались в лесу. Долгие поиски братьев не дали результатов. Каждый день Ишмырза и Ишберды, стоя на скале возле своей деревни, пели:

‘Настанет утро, солнышко взойдет,
В зенит оно с высоких гор восходит.
Не раз вернемся мы, друзья, сюда —
На родину, где выросли, обратно’¹.

дину. Тогда односельчане сложили продолжение их песни:

‘Высоки, да высоки горные вершины,
Уступы гор круты и каменисты.
Эй, в те края, откуда нет возврата,
Ушли головушки Ишмырзы и Ишберды’.

была записана история песни «Зейка» [Экспедиционные материалы 2011: 177–178], в 2014 г. в дер. Кинзикеево Ишимбайского района от Р. Я. Ягудиной (1957 г. р.) записаны истории песен «Зэки йыры» («Песня Заки»), «Көнъылыу йыры» («Песня Кунсылу»), по легенде которой красавицу Кунсылу, разлучив с ее любимым, силой выда-

¹ Здесь и далее — перевод автора.

ют замуж. Не смирившись с горькой участью, Кунсылу предпочитает смерть и бросается в воду:

Ялпак таузың баштарында
Күксәй атым тырма тырмалай
Беребез — һыуза, беребез — ерзә,
Айырзылар яңғыз торналай

[ПМА 2014: 3].

Обзор экспедиционных материалов показывает, что протяжные песни знают и поют те информанты, у которых в семье кто-то раньше исполнял их, и с детства у них заложена любовь к народным песням. В 2016 г. от исполнительницы народных песен Г. З. Янтуриной (1926 г. р.) из дер. Арлар Ишимбайского района мы зафиксировали песни «Буранбай», «Таштуғай» и большое

Мин әйтмәйем уны ла йыр әйтә,
Уратып-уратып килтереп уны ла көй әйтә

[ПМА 2016: 1]

Эти так называемые *өстәлмә* (приложение, дополнение) можно услышать очень редко. Как правило, они исполняются в конце, завершают пение и, на наш взгляд, яв-

Ал кәрәкмәй бәзәг лә гөл булгас,
Ят кәрәкмәй бәзәг, hez булгас [ПМА 2010: 1].
Ашығызыга бәрәкәт, үзегезәг хәрәкәт.
Кыуаныстар килнен күп йылға [ПМА 2016: 2].

Наряду с протяжными распространены песни, обозначаемые в народе как *атайым / әсәйем йыры* (песня отца / матери), *олатайым / өләсәйем йыры* (көйө) (песня (напев) дедушки / бабушки). Это те песни, которые, передаваясь из поколения в поколение, со временем утратили свои названия, но из репертуара народа полностью не выпали. Информанты воссоздают песни и напевы, когда-то исполняемые их родителями, что отображает процесс преемственности поколений. Так, в 2014 г. в дер. Карайган Ишимбайского района Ф. Н. Сафаргулова встретила нас словами: «Вот услышала, что пришли записывать старинные песни и вышла на улицу. Не дает мне покоя одна песня моего отца. Нигде ее сейчас не слышно, боюсь потерянется эта красивая песня». И она исполнила песню «Дүнәнем» (досл. пер. ‘жеребец по четвертому году’), услышанную когда-то от своего отца [ПМА 2014: 5].

‘На вершине горы Ялпак
Сивый конь мой с бороной.
Один из нас в воде, другой — на земле,
Разлучили, как одиноких журавлей’.

количество коротких песен без названия. Наше внимание привлекло то, что перед исполнением песни Гульямал апай спросила: «Туганым, йырың өстәлмешен дә йырлап ишеттерәйемме?» («Доченька, песню пропеть вместе с приложением?») На наш утвердительный ответ после исполнения песни «Таштуғай» она пропела:

‘Про это не я, а песня говорит,
Намеками нам мелодия доносит’.

ляются своего рода внесюжетным финалом, философским обобщением. Так, например, нами записаны следующие примеры финалов застольных песен:

‘Роз не надо, когда есть цветы,
Не нужны чужие, когда рядом вы’.

‘Пище — изобилия, вам — движения,
Пусть радость придет на года’.

Позже среди архивных материалов 1968 г. мы обнаружили запись этой песни, осуществленную Н. Шункаровым от Аминева Ниязгула в дер. Карайган. Сравнение этих двух песен (разница в записях — 46 лет) показывает, что запись 2014 г. состоит из трех строф и третья строфа по содержанию отличается от ранней записи: видимо, со временем эта строфа была включена в нее из другой песни. Как пишет Н. Шункаров, Ниязгул агай, кроме мастерского исполнения протяжных песен, хорошо владел курам. В его репертуаре насчитывалось 113 курайных наигрышей.

Четырехстрочные песни

Одновременно с песнями, имеющими свои названия и свою мелодию, широко распространены *дүртюллы йырзар* ‘четырехстрочные песни’, исполняемые под любой понравившийся мотив, из-за чего

их также называют *төрлө үйрээр* ‘разные песни’. В свою очередь они делятся на четырехстрочные протяжные и короткие песни. Композиционное строение стиха четырехстрочных протяжных песен основано на 10–9-сложном, а коротких — на 8–7-сложном размере стиха.

По своей природе четырехстрочные песни в основном лирического характера. Они не только описывают то или иное событие, но и раскрывают личные переживания, эмоции, внутреннее состояние певца. К четырехстрочным песням примыкают

Ак жарсыга менән құқ жарсыға
Эй, үзінем, дүстарым (да),
Берен-берене қыуып талсыға.
Ашап-әсекү менән дандар сықмай,
Эй, үзінем, дүстарым (да)
Татыу үйшәү менән дан сыға [ПМА 2016: 2].

Эти припевы-обращения зачастую восхваляют друзей или хозяев дома.

Колыбельные песни

Изредка можно услышать колыбельные песни, которые относятся к древнейшим жанрам фольклора. Чрезмерная занятость

Әллеу-бәллеу вак бәпәй,
Әллеу-бәллеу ак бәпәй.
Йокла, балам, йом күзен,
Кисен йокок қалдырғаң,
Илан утер көндөзөң.
[Фольклор 2013: 133]

Поэтической основой этих песен является не слово, а звук, для них характерен зачин: *әлли-бәлли, бәү, бәү, аллаңыу, аллаңыу, йом-йом күзен* и т. д. Напевы колыбельных

Аллаңыу, Аллаңыу,
Кәзәләрзе тауга қыу.
Тау үләнен ашаңын
Минең балам йокланын [ПМА 2010: 2].

В одних случаях колыбельные звучат как благопожелание — *төләк* (*Үсер ул, үсер ул, Айга менеп китер ул* ‘Вот вырастет мой ребенок, Полетит он на Луну’; *Хәзәр генә бәпес ул, Үсқәс батыр ир була* ‘Сейчас он маленький ребенок, Вырастет станет храбрым мужчиной’ и т. д.), в других — как магическое

распространенные повсеместно *мәжлес үйрээр* ‘гостевые или застольные песни’, жанрово-функциональное название которых исходит из их бытовой приуроченности. Исполняются они зачастую в праздничные дни по различному поводу: свадьба, рождение ребенка, приезд друзей или родственников и т. д. Композиция поэтических текстов застольных песен отличается наличием припевов и различных форм рефренов, которые подхватываются всеми присутствующими [Хакимьянова 2014: 125]:

‘Белый ястреб с сизым кречетом,
Эй, душа моя, друзья (да),
Друг-друга догоняя, устают.
В пиру-застолье не найдете славы,
Эй, душа моя, друзья (да,)
Коль друг к другу вы не будете добры’.

женщин в профессиональной и общественной жизни потихоньку вытесняют их из практического применения. Однако в фольклорной памяти женщин более старшего поколения они сохраняют устойчивую позицию. Основная их функция направлена на успокоение, убаюкивание ребенка.

‘Алли-балли, маленький,
Алли-балли, беленький.
Спи, мой малыш, закрой глазки,
Если не будешь спать ты ночью,
Будешь плакать целый день’.

песен подразделяются на речитативно-песенный (*халмак көй*) и собственно речитативный (*намак көй*) типы.

‘Аллаху, Аллаху!
Отгони коз на гору.
Горной травкой (пусть) лакомятся,
Дитя спокойно (пусть) спит’.

средство, оберегающее ребенка от сглаза.

Большинство информантов говорят: *Кайза ул вакытта үйрлау. Үзүши, нүгүштән һүңгү осорза бөлгөнлөк, астык...* ‘Раньше, доченька, некогда было нам петь. Война, в послевоенные годы — разруха, голод’ [ПМА 2014: 2; ПМА 2016: 1].

Однако некоторые с радостью вспоминают, как они после работы собирались в поле на молодежные вечеринки: «В молодости мы собирались на *Милли уйын*¹. Иногда были гармонисты, иногда и нет. В деревне была только одна тальянка. Если есть гармонист, он играет на ней, остальные, взявшись за руки, образовав круг, танцуют. Все танцуют, ну а кто стесняется, стоит поодаль, щелкает семечки. Знающие такмаки стоят по кругу, один остается внутри круга. Оставшиеся в круге испол-

няют такмаки, а тот, кто внутри, приглашает кого-нибудь из круга, и кружатся они в середине под такмак. Потом оставляет приглашенного внутри круга, а сам примыкает к остальным. Так, сменяя друг друга, пляшут. В основном исполняли такмаки „Наза“, „Косилка-молотилка“ и т. д. [ПМА 2014: 2].

К большому сожалению, в настоящее время хороводные игры не встречаются. Однако сопровождающие пляску-игру такмаки все еще бытуют:

*Үйнәт-үйнәт гармұныңды
Бейенәндәр егеттәр.
Беззен үлдөң егеттәре
Бар за беркәт кеүектәр.
Күш-та: Их, күңел асабыз,
Нисек шыма бағабыз.
Найрат-найрат гармұныңды
Елкенәндәр йәши қыззар.
Беззен қыззар нурлы йөзлө
Әйтернәң дә йондоzzар* [ПМА 2013: 2].

‘Играй, играй на гармошке,
Пусть танцуют егеты.
Егеты нашей страны,
Как на подбор, беркуты.
Примеч: Эх, веселимся мы,
Как гладко ступаем.
Пусть поет твоя гармошка,
Ободряя наших девок.
Наши девки лучезарны,
Будто в небе звездочки’.

Такмаки

Исследуя современное состояние башкирских такмаков, можно выявить специфику данного жанра как факта фольклорной динамики: они занимают устойчивую позицию и успешно эволюционируют. «Они функционируют в молодежных играх, являются неотъемлемым элементом свадебного обряда,

появляются новые виды, предназначенные для исполнения со сцены. Их отличает необыкновенная широта тематики, непосредственная ориентация на реальную жизненную ситуацию» [Хакимьянова 2019а: 499].

В свете последних событий появились такмаки на тему пандемии, Covid-19, самоизоляции, обучения детей online и т. д.:

*Беззен урам уртанаында
Үсеп ултыра кайын.
Үкhen-үкhen ник илайның –
Өзөлдөмө вай-файың?

Ауылда қытайзар йәшиәй,
Иммунитет бар беззә.
Ауырыузаарга бирешмәй
Етәрбез але йөзгә.

Үкый мәктәп дистанцион
Укыузан тороп сittә.
Дәрес нөйләй укытыусы
Тиزلеккез интернетта* [ПМА 2020].

‘Посередине нашей улицы
Стоит-растет березка.
Почему же ты рыдаешь?
Оборвался ли вай-фай?’

В деревне живут китайцы,
Иммунитет есть у нас.
Не поддаваясь болезням,
Проживем мы лет до ста.

Учимся мы дистанционно,
Учеба у нас онлайн.
Уроки дает учитель
В нескоростном интернете’.

В настоящее время носителями жанра являются как молодые, так и люди среднего и пожилого возраста. Такмаки бытуют и распространяются не только устно, но и письменно. Письменный характер распро-

странения и бытования информанты объясняют потерей своей памяти, 54 % респондентов связывают это с какой-либо болезнью, 46 % — с обилием информации [Хакимьянова 2020: 392].

² Национальная игра.

Мунажаты и байты

В связи с легализацией религии в народе получили распространение мунажаты — молитвенное обращение к Всеевышнему в поэтической форме — с самыми сокровенными мыслями, просьбами и пожеланиями. В настоящее время, когда в районах республики строятся мечети и медресе, традиция исполнения мунажатов переживает

возрождение. Этот жанр так же, как и байт, распространяется письменно, и поэтому повсеместно у информантов можно увидеть записные книжки с их текстами.

Мунажат «Гүмер» («Жизнь»), записанный в 2019 г. в дер. Муксин Кармаскалинского района от Г. Х. Мухаметкуловой (1929 г. р.) можно отнести к мунажатам смерти:

...Йән биргән сакта тыныс тороғоз,
Көрьәнгә карап дога қылығыз...
...Шулай икән ул һүлүш китеуе,
Ауыр ҳәл икән йәнәдән китеуе.
Китәмен инде, бәхил бұлығыз,
Кесе йомала дога қылығыз [ПМА 2019].

‘...Стойте спокойно, когда буду отдавать душу богу,
Читайте Коран, произносите молитвы...
...Вот как, оказывается, оставаться бездыханным,
Трудно, оказывается, когда уходит душа.
Я ухожу, все прощайте!
По четвергам молитвы читайте’¹.

Он написан в форме обращения к живым от лица умирающего — такая композиционная форма является одной из основных в мунажатах смерти и байтах-эпитафиях, которым присущи глубокие философские размышления, переживания, печаль, безнадежность. Содержания текстов мунажатов могут быть самые разные: рассуждения о бренности жизни, рассказы о житии пророка, назидание, плач или поминование умерших, рассказы о священном месяце Рамазан, о празднике Маулид и т. д. Мунажаты и байты исполняют преимущественно пожилые женщины.

Большое распространение получили бытовые байты, в которых рассказывается о несчастных случаях, об обстоятельствах смерти того или иного человека. Как правило, и сочинителем, и исполнителем таких байтов является близкий родственник погибшего. Например, от жительницы дер. Ново-Яппарово Давлекановского района М. Я. Гайсиной (1923 г. р.) был записан байт, сочиненный ею по поводу безвременной кончины ее матери [Жемчужины 2008: 233–234]; в дер. Кабакуш Стерлибашевского района Республики Башкортостан Мухаметшина Г. (1955 г. р.) исполнила байт, повествующий о трагической гибели ее сына во время службы в армии,

в горячей точке [Экспедиционные материалы 2018: 272–276].

Традиционны также байты, в которых умерший обращается к своим родным и близким. Например, в 2013 г. в дер. Башкултаево Пермского края от Кузиной Садисы Сайтжановны зафиксировали байт под названием «Утка янган йәш бала бәйете» («Байт сожженного маленького ребенка»), где рассказ идет от лица маленькой девочки, сожженной своей матерью [ПМА 2013: 1].

В таких байтах от имени покойного повествуется о причинах и обстоятельствах трагедии. Байтам свойственен небольшой звуковой объем и повествовательно-речитативный характер исполнения. Некоторые байты имеют собственную мелодию. Таков, например, получивший широкое распространение мифологический байт «Сак-Сок».

Календарно-трудовые и свадебно-обрядовые песни

В современной башкирской музыкальной культуре редко встречаются календарно-трудовые песни. Тем не менее нам удалось записать трудовые песни «Балаң нүгүү» («Валение войлока»), «Каз қанаты» («Гусиное перо»), «Бузә йыры» («Песня бузы») и несколько десятков хамаков (речитативов) вызова дождя, заклинания солнца, заклинания дождя. Песни, приуроченные к календарным обрядам, отражают хозяйственную деятельность человека:

¹ Считается, что по четвергам души умерших ждут чтения молитв родственниками, которые просят Аллаха простить все грехи умершего, совершенные им при жизни, и поместить его душу в рай.

*Тәнгә сихәт, үәнгә рәхәт
Һай, тәмле шифа буза.
Буза эсмәгән кешенең
Гүмере сырхап уза.*

*Үңгән икән һолбоз,
Буза янап қуырбыз.
Күчел асып, үйнап-көлөп
Үтнен үңыш түйбызы [ПМА 2014: 4].*

Что касается свадебно-обрядовых музыкальных жанров, необходимо отметить, что, несмотря на то, что свадебные притчания (*сөңләү*), песнопения «йәр-йәр» («яр-яр») не являются обязательными в современной башкирской свадьбе, они все же сохранились в памяти народа. Обычно они исполняются в развлекательных, игровых целях «ради обычая» [Хакимьянова, Султангареева 2018: 15]. На сегодня самыми жизнеспособными и востребованными жанрами в башкирской свадьбе являются благопожелания, застольные песни и такмаки.

В распространении песенных жанров большую роль играют фольклорные ансамбли и самодеятельные коллективы, которые передают свой опыт подрастающему поколению и благодаря которым можно ознакомиться с певческими традициями народа. Отметим также и роль ежегодно проводимых различных конкурсов вокалистов и исполнителей такмаков («Башкорт йыры» («Башкирская песня»), «Ашказар мондара» («Мелодии Ашкадара»), «Такмак батл» («Батл частушек») и т. д.), в которых, наряду с профессиональными певцами, прини-

‘Здоровья телу, душе — радость.
Хей, вкусная, целебная буза.
У человека, не пьющего бузу,
Жизнь проходит в болезни и хвори.

Удался наш овес!
Будем мы варить бузу.
Песни напевая и веселясь,
Встречаем праздник урожая’.

мают участие и народные исполнители. В последнее время в такие конкурсы активно включаются и дети.

Заключение

Обзор фольклорных материалов, собранных нами за последние годы, показывает, что музыкальный фольклор продолжает свое бытование. Во время фольклорных экспедиций в XXI в. нами зафиксированы песни, такмаки, мунажаты, байты. Некоторые песни записаны вместе с их историями и легендами. Необходимо отметить, что за исключением застольных песен и песен, исполняемых во время посиделок, сохраняется сольная манера их пения. Хотя исполнение таких музыкальных жанров, как *сөңләү* (притчания), песнопения «йәр-йәр» («яр-яр»), встречаются относительно редко, в памяти народа они еще сохраняются, о чем свидетельствуют современные записи. Отрадно, что систематические экспедиции фольклористов обеспечили создание богатого фольклорного фонда, а комплексное изучение и описание фактологического материала является весьма актуальной задачей для современной фольклористики.

Полевой материал автора

ПМА 2010 — Полевые материалы, собранные автором в 2010 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН.

1. Записано в 2010 г. от Ишемгуловой Насихи Галимьяновны (1929 г. р.), жительницы дер. Галиахметово Хайбуллинского района Республики Башкортостан.
2. Записано в 2010 г. от Илимбетовой Заухиямал Маннафовны (1932 г. р.), жительницы с. Акъяр Хайбуллинского района Республики Башкортостан.

ПМА 2013 — Полевые материалы, собранные автором в 2014 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:

1. Записано в 2013 г. от Кузиной Садисы Сайтжановны (1940 г. р.), жительницы дер. Башкултаево Пермского района Пермского края.

2. Записано в 2013 г. от Алапановой Насимы Мусовны (1947 г. р.), жительницы дер. Брюзли Бардымского района Пермского края.

ПМА 2014 — Полевые материалы, собранные автором в 2014 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:

1. Записано в 2014 г. от Сабитовой Кобуры Абделькадировны (1936 г. р.), жительницы дер. Макарово Ишимбайского района Республики Башкортостан.
2. Записано в 2014 г. от Сафаргулова Агзама Ялялетдиновича (1932 г. р.), жителя дер. Ка-

- райганово Ишимбайского района Республики Башкортостан.
3. Записано в 2014 г. от Ягудиной Райханы Явдатовны (1957 г. р.), жительницы дер. Кинзекеево Ишимбайского района Республики Башкортостан.
 4. Записано в 2014 г. от Фасхетдиновой Салихи Хабиулловны (1946 г. р.), жительницы дер. Верхнеарметово Ишимбайского района Республики Башкортостан.
 5. Записано в 2014 г. от Сафаргуловой Фариды Ниязголовны (1936 г. р.), жительницы дер. Карайганово Ишимбайского района Республики Башкортостан.
- ПМА 2016 — Полевые материалы, собранные автором в 2016 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:
1. Записано в 2016 г. от Янтуриной Гульямал Зарифовны (1926 г. р.), жительницы дер.
- Арлар Ишимбайского района Республики Башкортостан.
2. Записано в 2016 г. от Дильмухаметовой Рамзии Музаровны (1956 г. р.), жительницы дер. Кулгана Ишимбайского района Республики Башкортостан.
- ПМА 2019 — Полевые материалы, собранные автором в 2019 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:
- Записано в 2019 г. от Мухаметкуловой Гульнисы Хидиятулловны (1929 г. р.), жительницы дер. Мунсин Кармаскалинского района Республики Башкортостан.
- ПМА 2020 — Полевые материалы, собранные автором в 2020 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:
- Записано в 2020 г. от Мустафина Айдара Мужавировича (1975 г. р.), жителя дер. Азикеево Белорецкого района Республики Башкортостан.

Author's Field Data

Folklore Fond, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS:

Informant: Agzam Y. Safargulov, b. 1932. Rec. in Karayganovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)

Informant: Aidar M. Mustafin, b. 1975. Rec. in Azikeevo (Beloretsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2020. (In Bash.)

Informant: Farida N. Safargulova, b. 1936. Rec. in Karayganovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)

Informant: Gulnisa K. Mukhametkulova, b. 1929. Rec. in Muksin (Karmaskalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2019. (In Bash.)

Informant: Gulyamal Z. Yanturina, b. 1926. Rec. in Arlar (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2016. (In Bash.)

Informant: Kobura A. Sabitova, b. 1936. Rec. in Makarovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)

Informant: Nasikha G. Ishemgulova, b. 1929. Rec. in Galiakhmetovo (Khaibullinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2010. (In Bash.)

Informant: Nasima M. Alapanova, b. 1947. Rec. in Bryuzli (Bardymsky District, Perm Krai, Russia) in 2013. (In Bash.)

Informant: Raikhana Y. Yagudina, b. 1957. Rec. in Kinzekeyevo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)

Informant: Ramziya M. Dilmukhametova, b. 1956. Rec. in Kulgana (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2016. (In Bash.)

Informant: Sadisa S. Kuzina, b. 1940. Rec. in Bashkultaev (Perm District, Perm Krai, Russia) in 2013. (In Bash.)

Informant: Salikha Kh. Fashketdinova, b. 1946. Rec. in Verkhnearmetovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)

Informant: Zauhiyamal M. Ilimbetova, b. 1932. Rec. in Akyar (Khaibullinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2010. (In Bash.)

туальные проблемы филологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2014. С. 123–126.

Хакимьянова 2019а — Хакимьянова А. М. Башкирские народные такмаки // Oriental Studies. 2019. Т. 12. №3 (43). С. 492–501.

Литература

БНПП 2007 — Башкирские народные протяжные песни / сост. Л. Сальманова; отв. ред. Г. Р. Хусаинова. Уфа: Гилем, 2007. 276 с.

Жемчужины 2008 — Жемчужины земли давлекановской / сост. А. М. Хакимьянова, Р. Г. Мухаметгалин. Уфа: Деловая династия, 2008. 328 с. (На баш. яз.)

Хакимьянова 2014 — Хакимьянова А. М. Застольные песни башкир // А. Харисов и ак-

- Хакимьянова 2019б — *Хакимьянова А. М. Лирические песни башкир: Поэтика, Концептосфера*. Уфа: Китап, 2019. 160 с.
- Хакимьянова 2020 — *Хакимьянова А.М. Современное состояние башкирских народных тақмаков (по экспедиционным материалам автора) /«Современная филология: проблемы и перспективы»: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году башкирского языка, 85-летию со дня рождения доктора филол. наук, профессора, академика АН РБ З.Г. Ураксина и 85-летию со дня рождения доктора филол. наук, профессора, академика АН РБ М.В. Зайнуллина*. Уфа: изд-во Samrau, 2020. С. 390-394.
- Хакимьянова, Султангареева 2018 — *Хакимьянова А. М., Султангареева Р. А. Башкирские свадебные песни (текст и практика)*. Уфа: Мир печати, 2018. 176 с., илл.
- Фольклор 2013 — *Фольклор оренбургских башкир (материалы и исследования)*. Уфа: Скиф, 2013. 192 с.
- Экспедиционные материалы 2011 — Экспедиционные материалы — 2009: Бурзянский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова. Уфа: ООО «Деловая династия», 2011. 208 с.
- Экспедиционные материалы 2018 — Экспедиционные материалы — 2017: Стерлибашевский район / сост. Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина, А. М. Хакимьянова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. 352 с.

References

- Folklore of Orenburg Bashkirs: Materials and Research. Ufa: Skif, 2013. 192 p. (In Bash.)
- Khakimyanova A. M. Table songs of the Bashkirs. In: A. Kharisov and Topical Issues of Philology. Conference proceedings. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of RAS), 2014. Pp. 123–126. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M., Sultangareeva R. A. Bashkir Wedding Songs: Text and Practice. Ufa: Mir Pechati, 2018. 176 p. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M. Bashkir folk takmaks. Oriental Studies. 2019a. Vol. 12. No. 3 (43). Pp. 492–501. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3- 492-501
- Khakimyanova A. M. Bashkir Lyrical Songs: Poetics, Conceptual Sphere. Ufa: Kitap, 2019b. 160 p. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M. The contemporary state of Bashkir folk takmaks: summarizing expedition materials. In: Contemporary Philology. Problems and Prospects. Jubilee conference proceedings. Ufa: Samrau, 2020. Pp. 390-394. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M., Mukhametgulin R. G. (comps.) Pearls from the Land of Davlekanovo. Ufa: Delovaya Dinastiya, 2008. 328 p. (In Bash.)
- Khusainova G. R. et al. (comps.) Expedition Materials — 2009: Burzyansky District (Bashkortostan, Russia). Ufa: Delovaya Dinastiya, 2011. 208 p. (In Bash.)
- Salmanova L. K. (comp.) Bashkir Folk Lingering Songs. Ufa: Gilem, 2007. 276 p. (In Bash.)
- Yuldybaeva G.V. et al. (comps.) Expedition materials — 2017: Sterlibashevsky District (Bashkortostan, Russia). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2018. 352 p. (In Bash.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2021. Т. 14. № 2

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 20.07.2021.
Формат бумаги 60x84½. Усл. печ. л. 23,48.
Тираж 100 экз. Заказ 07-21.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Соучредители:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, д. 71)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8